

Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия

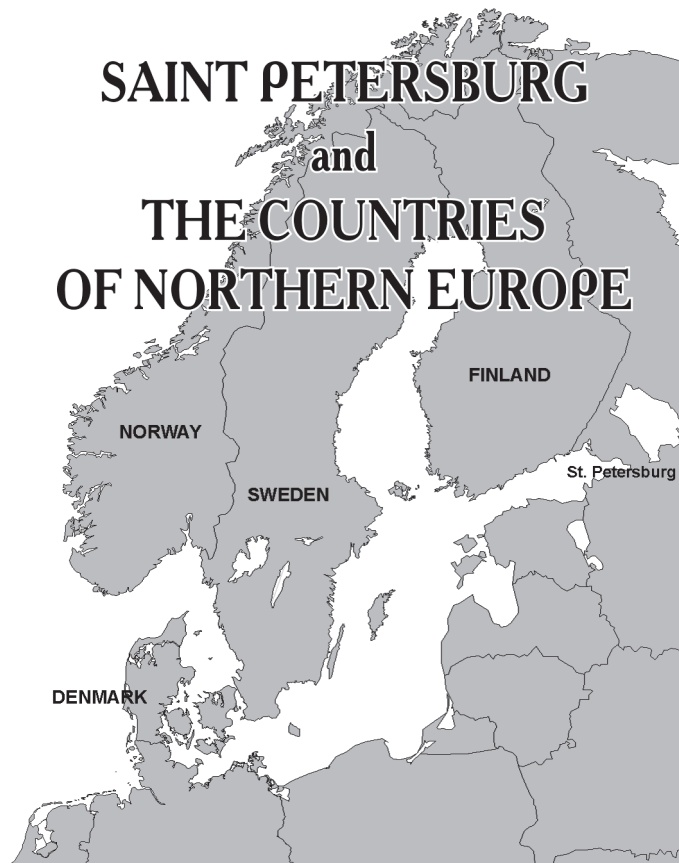
*Материалы Четырнадцатой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2013

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

***Proceedings of the 14th Annual International
Conference***

**Saint-Petersburg
2013**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Барышников*
(ответственный редактор),

д-р ист. наук, профессор *В. Е. Возгрин*,
Т. Н. Гордецкая,

д-р ист. наук, профессор *П. А. Кротов*
(зам. ответственного редактора),

д-р филол. наук, профессор *К. Е. Нетужилов*,
канд. пед. наук, доцент *Н. В. Белкина*,

д-р филос. наук, профессор *Д. В. Шмонин*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов*
(Российская Национальная библиотека);

канд. ист. наук *А. И. Терюков*
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы
Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции
(11–12 апреля 2012 г.) / под ред. *В. Н. Барышникова*, *П. А. Кро-*
това. СПб.: РХГА, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-88812-536-6

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе мате-
риалов докладов Четырнадцатой международной научной конференции
«Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами отноше-
ний Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

ISBN ISBN 978-5-88812-536-6

9 785888 125366 >

© *В. Н. Барышников*, *П. А. Кротов*,
составление, 2013

© Издательство Русской христианской
гуманитарной академии, 2013

The Editorial Board:

PhD in History, professor V. N. Baryshnikov (managing editor),

PhD in History, professor V. E. Vozgrin, T. N. Gordezkaya,

PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),

PhD in Philology, professor K. E. Netuzhilov,

Assistant professor N. V. Belkina,

PhD in Philosophy, professor D. V. Shmonin

Reviewers:

Candidate of Historical science A. V. Likhomanov

(The Russian National library);

Candidate of Historical science A. I. Teryukov

(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the thirteenth annual scientific conference (11–12 of April 2012). Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. SPb. RCHGA, 2013

The collection consists of scientific articles based on the materials of the reports of the fourteenth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”.

The book is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

© V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, edited 2013

© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Четырнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 11–12 апреля 2012 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона *. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые историче-

* См.: Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 199–204; XIII международная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» — http://novist.history.spbu.ru/event_26.html.

ского факультета, факультета международных отношений СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии и Великобритании.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2012 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скандинавскими странами и Финляндией. Также часть выступлений, включенных в сборник, было выполнено в рамках международной научной конференции «Россия и страны Северной Европы в системе международных отношений: через века истории», которая прошла 28–29 июня 2012 г. в Российском центре науки и культуры в Хельсинки* и международной научной конференции «Россия и Финляндия. История взаимоотношений и противостояний: проблемы идентичности в истории», которая прошла 29 сентября 2012 г. в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала»**.

Одновременно особое внимание при составлении материалов сборника было обращено на научные статьи, выполненные на основе докладов, касающиеся раскрытия научно-исследовательского проекта «*Проблемы идентичности в истории стран Европы и Америки в эпоху Нового и Новейшего времени*». Материалы более

* См.: Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 204–210; Международная научная конференция «Россия и страны Северной Европы в системе международных отношений: через века истории» — http://novist.history.spbu.ru/event_46.html; <http://fin.rs.gov.ru/node/2337>.

** См.: Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 214–218; Международная научная конференция «Россия и Финляндия. История взаимоотношений и противостояний: проблемы идентичности в истории» — http://novist.history.spbu.ru/event_47.html; Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 03.10; Михалкова Т. Встреча ученых в Ялкала // Санкт-Петербургский университет. 2012. № 15. С. 19–22.

ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» *. Все материалы конференций размещены на сайте — <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

* Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2012.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the fourteenth annual International conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organized by St.Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St.Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical — ethnographic museum-reserve "Yalkala" took part in organizing the conference too.

The conference was held 11–12 of April 2012. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it *. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Finland and Great Britain.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2012. Some of the reports were also made on the international scientific conference: "Russia and North European countries

* Materials of Modern and Contemporary history department. № 9. SpB., 2012. P. 199–204; The thirteenth international conference Petersburg and North European countries — http://novist.history.spbu.ru/event_26.html.

in system of international intercourse: through centuries of history", that was held on 28–29 of June 2012 in Russian center of science and culture in Helsinki* and international scientific conference "Russian and Finland. History of relations and contradictions: problems of identity in history", which was held on September, 29 2012 in the Historical — ethnographic museum-reserve "Yalkala"**.

While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference, devoted to revelation of scientific-research project "Problems of identity in history of European and American countries in Modern and Contemporary epoch".

The materials of previous conferences were published in volume "Petersburg readings 98–99" and further editions called "Saint Petersburg and Northern European countries"***. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

* Materials of Modern and Contemporary history department. № 9. SpB., 2012. P. 204–210; The international scientific conference: "Russia and North European countries in system of international intercourse: through centuries of history", http://novist.history.spbu.ru/event_46.html; <http://fin.rs.gov.ru/node/2337>.

** Materials of Modern and Contemporary history department. № 9. SpB., 2012. P. 214–218; The international scientific conference "Russian and Finland. History of relations and contradictions: problems of identity in history", — http://novist.history.spbu.ru/event_47.html; Saint-Petersburg Vedomosti. 2012. 03.10; Mikhalkova T. Scientific meeting in Yalkala // Saint-Petersburg university. 2012. № 15. P. 19–22.

*** Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2005. P. 431–490; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb. 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb, 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb, 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb, 2006. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb, 2007. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the ninths annual Scientific Conference. SPb, 2008. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb, 2009. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb, 2010. The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb, 2011. The materials of the thirteenth annual Scientific Conference. SPb, 2012.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

В. Н. Барышников

**КЕСАРЬ ФИЛИППОВИЧ ОРДИН —
ПЕРВЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ ***

Изучение истории Финляндии традиционно было тесно связано с научной деятельностью определенных исследовательских центров Санкт-Петербурга. Это во многом было вызвано рядом обстоятельств, которые на протяжении многих столетий откровенно переплетали историю Петербурга, нашей страны в целом с историей Финляндии, соединяя ее с изучением еще истории Скандинавских стран, исследованием войн на северо-западе Европы, а также рассмотрением в научно-исследовательском плане т. н. балтийского вопроса. Петербург же в XIX — нач. XX в. являлся признанным в России центром по изучению истории стран Северной Европы¹.

Однако историю Финляндии долгое время в России рисовались лишь в образах края с весьма мало интересным прошлым. Также весьма смутные представления складывалось в нашей стране и о населении Финляндии. Достаточно выразительной иллюстрацией этому являлась, в частности, переписка Екатерины II, где она, основываясь на своих личных наблюдениях, от посещения т. н. Старой Финляндии в июле 1783 г. писала, что «начиная с Выборга в продолжение всего дня мы видели только двух птиц, да и то были ворона и рыболов; в этой стране совсем не видать

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время» (Темплан НИР, Мероприятие 2. Шифр ИАС 5.38.62.2011).

живых существ, даже комаров нет... зато камней в бесчисленном множестве; сама почва кажется каменистой, жители редки, так же как и плодоносная земля...»². Далее в момент этого своего путешествия в другом письме, адресованном уже своему наследнику цесаревичу Павлу, она писала: «Место это так хорошо, что может служить ссылкой» и прибавила — «Когда же, наконец, выберемся из этого чистилища. Царское Село — рай в сравнении с этой отвратительнейшей страной. Всех тех, которые на будущее время не хорошо будут отзываться об окрестностях Петербурга, я буду присылать на несколько дней сюда»³. Еще резче она отзывалась о Финляндии в другом письме. Она тогда напишет немецкому публицисту барону Фридриху Мельхиору Гриму: «Боже мой! Какая страна! Как можно было проливать человеческую кровь для обладания пустыней, в которой даже коршуны не хотят жить»⁴.

Аналогичные представления в начале XIX в. существовали и у других представителей высшего света русского общества. Достаточно вспомнить фразы из поэтических произведений А. С. Пушкина «Медный всадник». Там дается характеристика местного населения окрестностей Санкт-Петербурга: «финский рыболов — печальный пасынок (!!! — В. Б.) природы» или «по мшистым, топким берегам чернели избы тут и там, — и далее добавляет, — приют убого чухонца»⁵.

Однако постепенно в России все же начал расти интерес к финнам и их истории. В этом отношении, как представляется, достаточно интересной стала книга «О древней культуре западных финнов по данным их языка». Эта работа была издана в 1877 г. и принадлежала перу известного русского филолога, действительного члена Петербургской академии наук Леонида Николаевича Майкова⁶. По имеющимся тогда научным представлениям, автор, однако, продолжал достаточно уничижительно давать характеристики населению Финляндии, отмечая прежде всего позитивные аспекты славянского влияния на т. н. финскую народность. Но тем не менее выход в ее свет уже свидетельствовал о начинающемся в академических кругах Петербурга нарастающем интересе к истории финского народа⁷. Таким образом, в конце XIX в. явно стали наблюдаться тенденции к возникновению определенного научного внимания и осмысление истории соседней с Петербургом территории, которую до этого рисовали лишь преимущественно только как убогий и дикий край.

Но сам процесс исторического изучения прошлого Финляндии тогда, однако, приобрел в большей степени публицистический или даже околонуточный характер⁸. Причем во многом данное явление было продиктовано политическими соображениями, связанными с переходом Российской империи в наступление на финляндскую автономию, и начавшимся процессом «русификации» Финляндии. Как заметил петрозаводский исследователь И. И. Кяйвярйнен, «во второй половине 80-х годов царизм начинает производить полную переоценку ценностей по отношению к этой окраине: от политики поощрения финляндского национализма он переходит к мерам ограничения и полной ликвидации финляндской автономии»⁹. В результате теперь требовалось уже научное обоснование начавшегося процесса в сугубо идеологическом плане.

Особенно подобный процесс стал заметен в ряде публицистических статей российских авторов, где объективно продолжали подчеркивать, прежде всего, негативные моменты, связанные с развитием современным им российско-финляндским отношениям. При этом нередко их суждения переносят на достаточно низкий, бытовой уровень восприятия данных отношений. Весьма ярко это можно было наблюдать, в частности, в работах, посвященных Финляндии и ее связям с Россией, в опубликованных статьях газеты «Московские ведомости». Эти статьи затем были еще изданы в отдельных сборниках, представляющих собой подборку работ, опубликованных в этой газете, «по финляндскому вопросу»¹⁰. В изданных здесь материалах главная мысль заключалась в том, что «многое в Финляндии странного, непонятного для русского человека»¹¹. В статьях указывалось, в частности, что у «просвещенной финляндской интеллигенции: слово “*tyssar*” (“русские”), произносимое ими вообще со злобным ударением на первом слоге, и с прибавлением нередко “*satana*”, уже совсем режет слух русского человека»¹². Весьма выразительной была корреспонденция одного из авторов «Московских ведомостей», опубликованная 22 июля 1891 г. В ней, в частности, пишется: «Разумеется, господа финляндцы меня не прибили, никакого особенного зла мне не причинили, но все-таки я тогда, так сказать, мигом мог вполне убедиться в том, как трудно жить русскому человеку в Финляндии, как он беззащитен там и в важных, и в мелких делах. Везде ощущается дерзко-откровенная, настойчивая неприязнь ко всему русскому»¹³.

В целом было очевидно, что научное осмысление современного состояния российско-финляндских отношений требовало соответствующего исторического исследования. Тем не менее, несмотря общественную и политическую востребованность появления в России в конце XIX — нач. XX в. подобного характера работ, профессионалы-историки этими вопросами пока не занимались.

В этом плане яркой и достаточно хорошей иллюстрацией стало творчество Кесаря Филипповича Ордина. Он оказался первым из числа российских исследователей, кто обратил свое внимание на историю российско-финляндских отношений, и это произведение он весьма выразительно назвал — «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам»¹⁴. В своей работе К. Ф. Ордин, являвшийся царским сановником, непосредственно коснулся особенностей формирования этих отношений в предшествующую эпоху. Причем его сочинение неоднозначно было и воспринято как в Финляндии, так в определенных кругах России. Труд К. Ф. Ордина, по мнению публициста и историка Бориса Борисовича Глинского, например, был «гнусной книгой, враждебной к любому проявлению вольнодумства, любой свежей мысли»¹⁵.

Подобное отношение к данной работе, очевидно, было вызвано в большей степени также политическими соображениями ряда представителей российской общественности. Но К. Ф. Ордин тоже давал для этого соответствующий повод, поскольку его нельзя было считать в строгом смысле историком-профессионалом.

В этом отношении его жизненный путь действительно оказался достаточно примечательным. К. Ф. Ордин родился в 1835 г. Он происходил из дворянского рода Санкт-Петербургской губернии. Среднее образование Ордин получил в достаточно престижной 3-й столичной гимназии, задачей которой было «приготавливать для низших училищ наставников (т. е. учителей) и для университета студентов»¹⁶. К тому же 3-я гимназия являлась единственным средним учебным заведением Петербурга, где широко преподавался тогда древнегреческий язык, включая чтение произведений античных авторов: Гомера, Софокла, Еврипида¹⁷. В результате он изначально был хорошо знаком с древней историей, а гимназия активно прививала ему классические исторические знания. Неслучайно поэтому именно эту гимназию в свое время закончил

первый российский историк античности, эллинист, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, долгое время преподававший на кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета Михаил Семёнович Кúторга (1809–1886)¹⁸. Кроме того, в этой гимназии учился известный историк церковного раскола, археограф, палеограф, член-корреспондент РАН Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936).

Однако по окончании с серебряной медалью этой гимназии К. Ордин поступил не на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского императорского университета, а на естественно-научный — физико-математический факультет. После его окончания в 1857 г. он поступает на государственную службу, став канцелярским чиновником Петербургского Надворного Суда¹⁹, который, как известно, занимался уголовными и гражданскими делами «низших сословий». Эта работа не являлась достаточно престижной и явно не соответствовала той профессии, которую он получил в университете. Поэтому, очевидно, Ордин довольно быстро перешел на другое место службы. Однако и новое свое назначение было весьма далеко от естественно-научных знаний. Ордин оказался в канцелярию петербургского военного генерал-губернатора, где уже в 1861 г. стал начальником ее отделения²⁰, служа под руководством А. А. Суворова. Это было уже серьезное повышение для человека, которому еще едва ли исполнилось 26 лет.

Далее за год до расформирования этой канцелярии в 1865 г. Ордин в чине надворного советника, который приравнялся к воинскому званию подполковника, был назначен в комитет по устройству временных больниц²¹. Эти лечебные заведения создавались в момент начала опасных эпидемий, которые нередко случались в Петербурге в то время, поскольку бывали случаи, когда, прежде всего, бездомные могли умирать «без всякой помощи прямо на улице». Данная работа, однако, оказалась достаточно опасной, поскольку в момент свирепствовавшего тогда в Петербурге тифа Ордин, «с прежним усердием» принявший самое активное участие в организации временных больниц, сам заразился этой болезнью. Впрочем, вскоре он все же поправился, а за свою службу «по устройству временных тифозных больниц» был награжден даже орденом Св. Станислава 3-й степени²². Данный орден являлся весьма низким в порядке старшинства

российских орденов и был наиболее распространенной наградой, которую нередко давали, например, за благотворительность. Но главная награда ему оказалась в другом. Вскоре его пожаловали в камер-юнкеры, что являлось тогда младшим придворным званием. Таким образом, К. Ф. Ордин стал уже считаться придворным чиновником, хотя продолжал быть приближен к медицинскому ведомству, поскольку все больше начал заниматься организацией борьбы с последствиями различных заболеваний.

Действительно, уже в 1866 г., когда над Россией нависла серьезная угроза эпидемии холеры, К. Ф. Ордин был назначен в комитет, который должен был изыскивать меры борьбы против этой опасной болезни, поскольку уже тогда приобрел «репутацию самоотверженного, энергичного и опытного деятеля». Более того, Ордин становится еще членом городской санитарной комиссии. Далее, в условиях надвигающегося в стране в 1868 г. массового голода К. Ф. Ордин был назначен еще в комитет, который должен был заниматься организацией помощи тем районам России, которые пострадали от неурожая. В том же году Ордину, помимо этой обязанности, пришлось вести делопроизводство в комитете для изыскания средств к устройству в Санкт-Петербурге гражданской госпитальной части.

Вся эта работа позволяла ему достаточно быстро продвигаться по карьерной лестнице. В 1871 г. К. Ф. Ордин становится уже камергером Высочайшего двора и производится в перворазрядный статус действительного статского советника. Это означало, что он уже переходил в касту российского чиновничества, которое как считалось, могло определять курс политики государства. Но это опять скорее являлось соответствующим поощрением его за хорошо организованную работу. Высший же его достижением стало назначение 5 июля 1889 г. К. Ф. Ордина гофмейстером Двора его Величества²³, что позволяло непосредственно приблизиться к императорскому дому. К. Ф. Ордин в это время становится также еще и на очень высокий ранг чиновников. Он получает чин тайного советника, означающего по военной классификации звания генерал-лейтенанта.

Таким образом, из биографии этого человека мы видим, что ни дня он непосредственно не занимался по своему прямому образовательному профилю, а вся его жизнь строилась на работе в бюрократическом аппарате Российской империи, заняв в Российской

империи уже на закате своей жизни весьма важную чиновничью должность. Но тем не менее у него, очевидно, тогда существовал еще один интерес, который не мешал ему в его основной профессии. Он явно начал интересоваться историей и особенно историей отношений России с Финляндией. В результате Ордин стал активным корреспондентом газеты «Московские ведомости» и «Русского вестника», где принялся публиковать материалы, посвященные российско-финляндским отношениям, в которых, в частности, касался военно-стратегического положения Финляндии в составе империи²⁴. Очевидно, что пробудившийся тогда этот интерес был во многом у него продиктован еще личными обстоятельствами. Ордин приобрел имение в Финляндии на Карельском перешейке в местечке Перкияarvi (Кирилловское), и это, несомненно, пробудило у него определенное любопытство к истории финского народа и истории российско-финляндских отношений²⁵.

В целом финляндская проблематика К. Ф. Ордина очевидно начала «затягивать», что выразилось даже в том, что к моменту, когда он занялся вплотную изучением финской истории и политики, то явно стал замечать стремление определенных финских исследователей юридически обосновать некий особый статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, что, несомненно, его никак не могло идеологически устроить. Поэтому он даже перевел на русский язык книгу известного профессора права Гельсингфорского университета Л. Мехелина, посвященную юридическим доказательствам особого статуса Финляндии в составе империи²⁶. Переведенная работа была снабжена соответствующими комментариями Ордина, в которых он весьма критически подошел к данному произведению. Прделанная тогда работа уже ясно указывала на то, что К. Ф. Ордин намеревался стать на передовые рубежи в отстаивании интересов империи в отношении ее т. н. окраины.

В этом отношении главным его трудом стало изданное в 1889 г. уже двухтомное сочинение — «Покорение Финляндии»²⁷. Значение этого произведения, прежде всего, заключалось в том, что здесь впервые в отечественной историографии была предпринята попытка представить российскому читателю объемную историю отношений России с Финляндией. Как тогда вполне справедливо заметил сам автор: «Политические отношения России и Финляндии,

бесспорно, принадлежат к числу тех предметов, о которых мы, русские, имеем весьма неопределенное представление»²⁸.

Другим обстоятельством, которое явно подтолкнуло этого автора к началу исследования указанной темы, было, очевидно, то, что он смог познакомиться с рядом издававшихся ранее работ, касающихся финской истории и написанных финскими и шведскими авторами²⁹. Содержание этих книг явно не соответствовало представлениям, которые сложились в России и непосредственно у самого Ордина. Как он отметил: «Образовалась уже по этому предмету на шведском и других иностранных языках целая литература, которая с примерным единодушием приводит понятия ее вырабатываемая и укореняет их в общем сознании не только у себя дома, но и за границей и даже у нас»³⁰. Конкретно, у него вызывала отторжение мысль, активно пропагандировавшаяся тогда в финских и шведских исследовательских работах, о том, что присоединение Финляндии к России явилось условием, при котором Великое княжество начало формироваться в качестве «независимого государства», поскольку «сумела отворотить от отечества (Финляндии) опасность владычества, основанного на победах». В результате, как заметил Ордин, в подобного характера литературе появилось представление, что Финляндия превратилось уже в «особое государство», где отношения с Россией начали формироваться по принципу унии двух равноправных стран³¹. Это, собственно, очевидно, и заставило автора начать исследование условий, при которых Финляндия вошла в состав империи, используя при этом впервые предоставленные ему российские документы Министерства иностранных, а также военных дел. В результате появилось двухтомное исследование, где вначале автор сосредоточился на раскрытии русско-шведско-финских отношений начиная с раннего Средневековья и заканчивая войной 1808–1809 гг. Второй же том его произведения целиком посвящался условиям присоединения Финляндии к России, которое, как он подчеркивал, явилось результатом поражения Швеции в войне, «отдавшей Финляндию окончательно в собственность России»³².

Автор, однако, особо не объяснял глубинных причин сложившихся тогда условий столь своеобразного вхождения Финляндии в состав империи. Он лишь касался раскрытия общеисторического фона, приведшего к достаточно уникальному положению

Финляндии в составе империи и показа «хитроумности» финляндских политиков того времени. В тексте работы чувствуется лишь одно — Ордин явно сожалеет о многих решениях, которые тогда принимались в Петербурге в отношении Финляндии. Он указывает, что «нельзя не пожалеть» о них, поскольку они стали «поводом к зарождению тех противогосударственных недоразумений, которые разрослись с течением времени»³³ и которые, очевидно, подтолкнули его к написанию данной работы. Тем не менее, как писалось тогда в российской печати, К. Ф. Ордин «открыл русскому образованному обществу Финляндию»³⁴.

Появление работы К. Ф. Ордина к тому же совпало с возникновением в российской политике того времени т. н. финляндского вопроса, который был связан с началом усиления русификации Финляндии. Поэтому проделанная Ордином работа изначально стала рассматриваться и в Финляндии, и в России как весьма политизированное исследование, написанное исключительно под влиянием конъюнктурных, политических обстоятельств. Как отмечалось в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Ордин «резко нападает на сепаратистские будто бы стремления финляндцев». Более того, в 1890 г. в Гельсингфорсе известный финский общественный деятель и историк профессор Ю. Р. Даниельсон-Кальмари опубликовал на русском языке отдельную работу, которая фактически являлась ответом на книгу российского автора. Книга была названа — «Соединение Финляндии с Российской державой. По поводу сочинения К. Ордина “Покорение Финляндии”»³⁵. В этой работе финский историк постарался дать критический анализ произведению Ордина. Любопытно, что сама эта книга была также издана еще на шведском, финском, немецком и английском языках, что указывало на то, как серьезно и даже несколько болезненно тогда реагировали в кругах финских историков в отношении вышедшей работы К. Ф. Ордина. К тому же затем в 1892 г. на финском, шведском и русском языках появилась еще одно сочинение Даниельсон-Кальмари «Внутренняя самостоятельность Финляндии. Ответ на новые нападки», а затем в 1896 г. им был издан уже только на финском и шведском языках фундаментальный труд, основанный на архивных исследованиях, названный — «Война Финляндии и финляндские войны». Все это говорило о том, что книга не профессионала-историка

К. Ф. Ордина глубоко затронула финскую историческую общественность, что само даже это свидетельствовало о серьезности подобного произведения.

Действительно, очевидно, что российский исследователь смог в научном плане поставить важную проблему, которая, несомненно, была очерчена достаточно профессионально. Об этом свидетельствовало также и то, что его исследование было даже удостоено премии Императорской академии наук. В этом отношении было достаточно понятно, что автор в своем произведении не потерял привитые ему, вероятно, навыки исторического исследования, которые у него, возможно, были заложены еще в гимназии. Любопытно, что и его сын Борис Кесаревич Ордин тоже закончил ту же 3-ю петербургскую гимназию, но поступил затем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Причем он уже четко специализировался в области истории, а выполненная им студенческая работа «Осада и взятие Константинополя турками в 1453 г.» была удостоена золотой медали университета³⁶. Он далее также продолжал исторические исследования и даже написал ряд работ, касающихся Финляндии, в которых фактически продолжил дело своего отца³⁷. Более того, он приложил немало усилий, чтобы уже после смерти К. Ф. Ордина, который скончался в своем имении на Карельском перешейке 8 июня 1892 г., переиздать главный труд своего отца, оформив его в трехтомное издание³⁸. В нем были добавлены еще ряд других произведений Ордина, написанных по вопросам относящимся к финляндской проблематике. Борис Кесаревич Ордин, в частности, подготовил предисловие и составил соответствующие примечания. Несомненно, что выполненная сыном К. Ф. Ордина работа была во многом еще продиктована и тем, что в 1908 г., когда эта книга была издана, вновь разгорелась в империи борьба с т. н. финским сепаратизмом.

Тем не менее объективно с момента издания книг К. Ф. Ордина задача раскрытия истории Финляндии и российско-финских отношений в отечественной историографии стала четко решаться с позиций «освещение финляндских дел с русской точки зрения»³⁹. Это подтвердила целая серия монографий, написанных в начале XX в. другим русским исследователем М. М. Бородиным. Он стал одним из наиболее видных российских авторов, который сумел, может быть, больше, чем какой-либо другой в на-

шей стране, подготовить отдельный комплекс научных работ по истории Финляндии. Аналогов этого труда в России до сих пор не существует. По мнению же профессора Т. Вихавайнена, после издания его трудов в России более ста лет вообще не вышло никакой «обстоятельной обобщающей монографии по истории Финляндии»⁴⁰.

В целом следует отметить, что до сих пор за рубежом весьма критически относятся к творчеству как К. Ф. Ордина, так и М. М. Бородинки. Это, однако, во многом не достаточно оправданно, поскольку оцениваются эти произведения скорее как политические произведения, содержащие доказательства проявления сугубое российского национализма царского времени. Не отбрасывая полностью присутствия определенных явных признаков скорее патриотизма, нежели национализма, в их творчестве следует, однако, признать, что данный труд сыграл несомненную роль в становлении российской исторической науки в изучении отношений между Россией и Финляндией в XVIII — нач. XX в. Петербург же при этом уже твердо стал главным научным центром России по изучению истории Финляндии.

¹ Подобно см.: *Барышников В. Н.* Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим, 2012. С. 42–55; См. также: *Барышников В. Н.* Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

² Цит. по: *Бородин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 51–52.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же.

⁵ *Пушкин А.* Сочинения. Л., 1936. С. 94.

⁶ *Майков Л. Н.* О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. (Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры). СПб., 1877.

⁷ Финны, эсты, карелы и ливы. СПб., 1878.

⁸ См.: *Головинский М. В., Ядрышев Н. К.* История финского народа. СПб., 1901; *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX сто-

летия. СПб., 1908; *Тризна Д. С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809–1909). СПб., 1911.

⁹ *Кяйвярйнен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 11.

¹⁰ Финляндская окраина России: Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так-называемого «Финляндского вопроса». Вып. 1–3. М., 1891, 1894, 1897.

¹¹ *Ленский Б.* Русский язык и русская газета в Финляндии // Московские ведомости. 1891, 28 июня.

¹² *Ар-ский.* Положение в Финляндии русских торговцев в разнос // Московские ведомости. Там же. 4 мая.

¹³ *П-ъ.* Маленькая картинка из Финляндии. Письмо к издателю «Московских ведомостей» // Там же. 22 июля.

¹⁴ *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I–II. СПб., 1889.

¹⁵ Исторический вестник. 1890, апр. (Цит. по: *Кяйвярйнен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. С. 11).

¹⁶ Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники 1823–1918 гг. Историко-биографический справочник. СПб., 2011; <http://sch181centerspb.ucoz.com/p04.html>.

¹⁷ См.: <http://sch181centerspb.ucoz.com/p04.html>.

¹⁸ Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 1934–2004. СПб., 2004. С. 7–8.

¹⁹ Московские ведомости. 1892. 11 июня; Финляндская окраина России. Вып. 2. С. 327.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 328.

²³ Там же.

²⁴ *Ордин К.* Возможность нового Финляндского захвата // Финляндская окраина России. Вып. 1. С. 51–52; *Ордин К.* Историческая справка об издании Устава о воинской повинности в Великом Княжестве Финляндском // Там же. С. 196–201; *Ордин К.* Как и когда изменялась в Финляндии присяга на верноподданство // Там же. С. 229–234; *Ордин К.* Русский и финляндский взгляд на военную тайну // Там же. С. 262–266 и др. Полный перечень статей Ордина, опубликованных в газете «Московские ведомости» см.: Там же. Вып. 2. С. 213–214.

²⁵ Московские ведомости. 1892. 8 июня; Финляндская окраина России. Вып. 2. С. 325.

²⁶ Конституция Финляндии. В изложении местного сенатора Л. Мехелина / Пер. К. Ордин (Доп). СПб., 1888.

²⁷ *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I–II.

²⁸ Там же. Т. I. С. VII.

²⁹ См.: *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам Т. I. С. 459–460.

³⁰ Там же. С. VII.

³¹ Там же. С. VII–VIII.

³² Там же. С. X.

³³ Там же. Т. II. С. 248.

³⁴ Московские ведомости. 1892. 8 июня; Финляндская окраина России. С. 325.

³⁵ *Даниельсон-Кальмари Ю. Р.* Соединение Финляндии с Российской державой. По поводу сочинения К. Ордина «Покорение Финляндии». Гельсингфорс, 1890.

³⁶ *Ордин Б. К.* Осада и взятие Константинополя турками в 1453 // Отчет Санкт-Петербургского университета за 1888 г. СПб., 1889.

³⁷ См.: *Ордин Б. К.* О правах России на Финляндию. СПб., 1906.

³⁸ *Ордин К.* Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1–3. СПб., 1908–1909.

³⁹ Московские ведомости. 1892. 8 июня; Финляндская окраина России. С. 326.

⁴⁰ *Вихавайнен Т.* Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. С. 356.

Г. М. Коваленко

**ВОЙНА 1812 г.
ГЛАЗАМИ ФИНЛЯНДСКОГО СТУДЕНТА**

После присоединения Финляндии к России административным языком на территории Великого Княжества Финляндского оставался шведский язык, который значительная часть его населения не знала. В этих условиях конечной целью языковой политики русского правительства было сближение высших слоев финского общества с русским правительственным аппаратом и русской культурой посредством распространения русского языка и в конечном итоге создание русскоязычной элиты в Финляндии. Распространению русского языка в Финляндии должны были, в частности, способствовать государственные стипендии финляндским студентам и магистрантам.

Весной 1812 г. из Або (Турку) в Москву для изучения русского языка были направлены два «знающих и известных по хорошему поведению» студента Эрик Густав Эрстрём и Карл Густав Оттелин. В Москве они активно окунулись в студенческую жизнь. Эрик Густав прежде всего намеревался выучить русский язык, в котором у него пока было слишком мало разговорной практики.

В начале июля учебный год был завершен, и студентов распустили на каникулы. Многие из них отправились домой, но в первопрестольной оставались многие студенты-москвичи и казеннокоштные воспитанники, которые по недостатку средств не могли оставить Москву, а также университетские профессора¹.

Эрстрём и Оттелин также остались в Москве, которой еще не коснулось дыхание войны. Только через месяц после начала войны

7 (19) июля Эрик Густав пишет в своем дневнике: «Император Франции Наполеон и его армия перешли русскую границу у Ковно. Ходят слухи о войне»². Но уже через несколько дней москвичам был объявлен манифест Александра I, посеявший среди них беспокойство и страх. По распоряжению московского генерал-губернатора иностранцы были обязаны покинуть Москву или отправиться во внутренние губернии государства. Эрстрёма и Оттелину это распоряжение не касалось, поскольку они были теперь подданными российского императора, однако они довольно скоро ощутили нагнетаемую прокламациями Ф. Ростопчина атмосферу подозрительности и ксенофобии: «Вследствие чтения прокламаций были пойманы шпионы и подозреваемые. Иностранцам в высшей степени небезопасно ходить по улицам. Как только слышат нерусский язык или как кто-то говорит по-русски несовершенно, так сразу возникает опасность, что человека примут за француза. Многих избили и посадили под охрану». Чтобы избежать подозрений, они старались говорить друг с другом как можно меньше и во всем соглашались с русскими. Тем не менее однажды их прогулка по Москве чуть было не завершилась в полицейском участке³.

В конце августа было решено эвакуировать университет во Владимир, Нижний Новгород или даже Казань. Ректор Иван Андреевич Гейм предложил Эрстрёму и Оттелину следовать вместе с университетом. Они приняли его предложение, поскольку возвращаться домой через Санкт-Петербург без сопровождения было довольно рискованно, и 1 (13) сентября покинули Москву. В пути им приходилось постоянно общаться с представителями разных слоев населения, так что эвакуация стала для Эрстрёма хорошей языковой практикой.

В Москве Эрик Густав вел дневник, в котором подробно и заинтересованно с юмором описывал свой быт, учебу, досуг, прогулки по Москве, быт и нравы москвичей. Он продолжает вести дневниковые записи и по дороге в Нижний Новгород. На общем фоне русской и иностранной мемуаристики 1812 г., описывающей, как правило, военные будни, походы и сражения, его дневник занимает особое место. В нем представлена «невоенная» история войны, повседневная жизнь русской провинции, не затронутой войной. Его дорожный дневник — это пестрый калейдоскоп событий, встреч, разговоров, бытовых сцен, городских и сельских пейзажей. За месяц пути он имел уникальную возможность наблю-

дать жизнь всех слоев русского общества сверху донизу. На страницах его дневника мы видим напуганных москвичей, беженцев, крепостных крестьян, оборванных пленных, телеги с ранеными и увечными, крестьян, городских обывателей и военных.

18 (30) сентября Эрстрём и Оттелин добрались до Нижнего Новгорода.

Здесь они встретили братьев Георгия и Александра Эвениусов, с которыми учились в Московском университете. Их отец, аптекарь Георг Эвениус, прожил в России тридцать лет и был известным в городе человеком. Эрик Густав и Карл Густав часто проводили время в доме Эвениусов, где гостеприимные хозяева рассказывали им о шведских офицерах, попавших в плен во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг., которых нижегородцы принимали у себя, «состязаясь в том, чтобы сделать их пребывание в городе как можно более приятным».

За полгода Эрик Густав смог изучить жизнь крупного провинциального города и даже пережил легкое романтическое увлечение. В своем дневнике он довольно подробно описал быт и нравы жителей Нижнего Новгорода, их будни и праздники. Он побывал в Гостином дворе, театре, на бал-маскараде в дворянском собрании, где «танцевал почти со всеми молодыми женщинами», а также на вечеринках, где играл в фанты и целовался с девушками «до боли в губах».

Его дневник содержит информацию о языковой и культурной ситуации в стране. Он пишет о наличии культурной пропасти между господствующим классом и крепостными и отмечает, что церковно-славянский язык скорее поймут те, кто говорит по-русски, нежели представители московского господствующего класса, читающие непристойные французские романы, а на русском не читающие ничего, кроме переводных романов.

Эрстрём воспринимал российскую действительность через протестантскую систему ценностей и линнеевскую традицию, которые он усвоил в родительском доме. Он сравнивает экономическую и социальную жизнь в России со шведской и западно-европейской⁴. При этом его дневник отличает непредвзятость восприятия российской действительности, в нем нет следов высокомерия в отношении России и русских, свойственного некоторым иностранцам наблюдателям⁵. Вполне вероятно, это связано с тем, что Эрстрём уже идентифицирует себя как российского подданного: «Да, я швед, и только 6 месяцев нахожусь в России. ...Моя

родина — Новая Финляндия, следовательно с осени 1809 года я русский подданный»⁶.

По мнению Йоханны Вассхольм, этим высказыванием Эрстрём актуализировал проблемы идентификации, возникшие перед жителями Финляндии после 1809 г. Она также отмечает, что взгляды Эрстрёма на изменившееся положение Финляндии отразились в его дневниках. В своих военных дневниках он описывает свои переживания как подданный Швеции, на которую напала Россия. Его путевой дневник 1811 г. «Воспоминания о поездке из Або в Тавастланд» углубляет тему Финляндии. А в дневнике 1812–1813 гг. он впервые рассматривает Финляндию изнутри Российской империи уже как ее составную часть⁷.

Дневник Эрстрёма содержит также сведения о жизни в оккупированной французами Москве, полученные им от прибывших в Нижний Новгород московских студентов, остававшихся в Москве после эвакуации университета. В октябре в Нижний прибыл московский студент Иван Федорович Фоглер, рассказавший о том, что «сразу же после вступления французов в Москву город загорелся. Каждый день площадь пожара растет, и никто его не тушит. Никто не знает, кто поджигает. Французы говорят, что это русские арестанты, отпущенные на свободу и получившие секретный приказ генерал-губернатора Ростопчина». Он также сообщил им о том, что все их имущество Эрстрёма и Оттелина погибло в огне московских пожаров. Эрик Густав составил список утраченных книг, манускриптов, карт, рисунков и гербариев, приобретенных в Москве, о потере которых он сожалел больше, чем об утрате вещей⁸.

Эрстрём пишет, что в декабре москвичи начали возвращаться в Москву, «где живут в сараях, конюшнях и подвалах. В городе уже около шестидесяти тысяч человек. Большая часть Москвы представляет собой пепелище и руины».

В марте 1813 г. в Нижний Новгород пришло предписание о возвращении всего университетского персонала в Москву. Однако Эрстрём и Отттелин понимали, что после пожара, уничтожившего университетские здания и библиотеку, а также их личное имущество, им лучше вернуться домой⁹. За разрешением на это они обратились в консисторию Абоского университета: «В Москве ждать нам особо нечего. Все профессорские библиотеки уничтожены, уничтожен и сам университет, и даже книги, бывшие у нас с собой... Так что мы с радостью воспользуемся возможностью уехать из этого места,

где судьба уничтожила радостные надежды на будущее и отняла у нас возможность продолжить нашу карьеру к пользе собственной и общества, коему обязаны мы всеми своими устремлениями»¹⁰.

31 марта такое разрешение было получено, к нему прилагались 300 рублей на путевые расходы. Уже на следующий день Эрстрём получил «подорожную», в которой было предписано «следующему по казенной надобности кандидату Московского университета Густаву Эрстрёму из Нижнего Новгорода в Москву давать на почтовых станциях почтовых лошадей с кучером без задержки»¹¹.

Этим документом, приложенным к путевым заметкам, завершается русский дневник Эрика Густава Эрстрёма о его нижегородском «анабасисе», наполненным событиями, встречами и впечатлениями, память о которых он сохранил на всю жизнь.

Русский дневник Эрика Густава Эрстрёма 1812–1813 гг. был издан его потомком в пятом поколении Кристманом Эрстрёмом¹². На русском языке отрывки из этого дневника в переводе Т. Тумаркиной были опубликованы дочерью Кристмана Эрстрёма Магдаленой в 1991 г. в журнале «Наше наследие» с предисловием В. Рогинского¹³.

Следует отметить, что Кристман Эрстрём проделал большую и важную работу по публикации дневников своего прапрапрадеда, снабдил их богатым и интересным иллюстративным материалом. Но он не был специалистом по публикации исторических источников. Поэтому предпринятые им издания, получившие положительный отклик в шведской прессе, вызвали критику со стороны финляндских ученых.

Они касались, прежде всего, сокращений и модернизации авторского текста¹⁴. Тем не менее следует согласиться с мнением М. Энгмана, что издание дневников «может привести к осознанию важности их полного аннотированного издания»¹⁵. К этому можно добавить, что их издание на русском языке может положить начало совместному российско-финляндскому проекту по изданию дневников Эрика Густава Эрстрёма, сыгравшего важную роль в культурном сближении России и Финляндии.

¹ Андреев А. Ю. 1812 год в истории Московского университета // <http://www.museum.ru/1812/library/Andreev/part3.html>.

² *Ehrström Chr.* Moskva brinner. En nyupptäckt svensk dagbok från 1812. Borås, 1985. S. 26.

- ³ Ibid. S. 37–38.
- ⁴ *Ehrström Chr.* Op. cit. S. 10.
- ⁵ *Розинский В.* Дневники финляндского студента // Наше наследие. 1991/V. С. 65.
- ⁶ *Ehrström Chr.* Op. cit. S. 129.
- ⁷ *Wassholm J. E. G.* Ehrström och Finlands tre språk // Laboratorium för folk och kultur. 2003. 2–3. S. 7, 9.
- ⁸ *Ehrström Chr.* Op. cit. S. 106, 112–113; *Вуколов Н.* Пешком из Москвы в Нижний Новгород в 1812 году // Эхо планеты. 2008. № 34 (1057). С. 39.
- ⁹ *Ehrström Chr.* Op. cit. S. 170.
- ¹⁰ Цит. по: *Кеттола К.* Финны — московские стипендиаты 1812–1917 гг. // Два лика России. СПб., 2007. С. 50.
- ¹¹ *Ehrström Chr.* Op. cit. S. 171.
- ¹² *Moskva brinner: svensk dagbok från 1812*, red. av Christman Ehrström Legenda. Borås, 1984, 1985.
- ¹³ Россия в 1812 г. *Розинский В.* Дневники финляндского студента. *Эрстрём Э. Г.* Для меня и моих друзей // Наше наследие. 1991. № V. С. 64–82.
- ¹⁴ *Engman M.* Studier i Moskva. Christman Ehrström (utg.): Moskva brinner. En nyupptäckt svensk dagbok från 1812. Stockholm, 1984 // Historisk tidskrift för Finland. 1985: 353. S. 356.
- ¹⁵ Ibid. S. 358.

Л. Б. Александрова

**АРХИТЕКТОР ТЕОДОР ХЕЙЕР
(1843–1910)**

Теодор Хейер — центральная фигура в финской архитектуре второй половины XIX в., и, естественно, господствовавшего в то время стиля эклектики¹. Поскольку Хейер строил преимущественно в Хельсинки, то по праву его можно назвать и столичным архитектором. Ему принадлежит формирование городского пейзажа и ансамблей ее центра, по существу именно благодаря его строительной деятельности Хельсинки превратился из маленького города с рядовой деревянной застройкой в столицу европейского уровня. Это связано во многом с появлением нового типа многоквартирного доходного дома. Несмотря на то что наиболее известной его постройкой является здание художественного музея — Атенеума, все же размах его строительной деятельности приходится на гигантские жилые дома, занимавшие целые городские кварталы. Если в эпоху классицизма был создан административный и духовный центр столицы, то именно Хейеру принадлежит создание делового центра города.

Как мастер эклектики, Хейер ориентировался на использование архитектурных форм прошлых эпох, преимущественно эпохи итальянского Ренессанса².

Судьба его построек неоднозначна. В период господства функционализма с его стремлениями к упрощенности форм многие из работ Хейера были либо уничтожены, либо перестроены. Так, на месте современного здания фирмы Гутцайт вблизи Успенского собора стоял дом Норрмена, построенный по проекту Т. Хейера.

Знаменитый когда-то отель «Кэмп» сохранил лишь свои фасады. В новом тысячелетии произошла переоценка ценностей, и постройки второй половины XIX в. приобрели не только историческую, но и художественную ценность.

Теодор Хёйер родился в Хельсинки в 1843 г. в семье шведского иммигранта, владевшего мастерской по изготовлению мебели³. Стремление отца сделать сына архитектором наталкивалось на почти полное отсутствие учебных заведений, в которых можно было получить начальное художественное образование. Уроки у различных рисовальщиков, посещение школы финского художественного общества и Технической ремесленной школы давали лишь обрывочные сведения о профессии архитектора. Пределом возможностей стало овладение профессией каменщика на строительстве театра в Хельсинки и копирование чертежей в мастерской архитектора Теодора Хивитца.

Архитектурное образование Хёйер получил в Королевской Академии искусств в Стокгольме под руководством профессора Фредерика Вильгельма Сколандера. Именно здесь Хёйер сформировался как мастер нового направления в архитектуре — стиля эклектики. Образцы классического наследия из собраний чертежей мастеров предшествующих эпох впоследствии широко применялись архитектором в декоре его построек, подчас довольно близко воспроизводились элементы первоисточника. Одновременно в Стокгольме Хёйер приобрел практический опыт, участвуя в строительстве как общественных зданий, так и многоквартирных доходных домов.

По возвращении на родину в Хельсинки он поступил на государственную службу в Департамент общественных зданий, директором которого в то время был известный архитектор Дальстрем. Не удовлетворенный своей работой, Хёйер увольняется из Департамента, и это был шаг, определивший его дальнейшую судьбу.

Оказавшись на «вольных хлебах», в поисках заказов, Хёйер с тремя коллегами учредили в Хельсинки фирму, которая, помимо содействия в получении заказов, занималась своеобразной пропагандой экономического либерализма и свободного предпринимательства. Это был решающий этап в творческом пути Хёйера, в результате которого в его лице впоследствии появился первый вполне сложившийся частный практик в архитектуре Финляндии.

В начале 1870-х гг. Хёйер получает первые заказы. Наиболее интересными его проектами были промышленные здания для пивоваренных и винокуренных заводов Синебрюхова⁴.

Благоприятный экономический климат в стране во многом способствовал строительной деятельности в городе. В 1873 г. правительство учредило заемный фонд для строительства каменных зданий в столице. Именно в это время Хёйер создает свои первые многоквартирные доходные дома, которые впоследствии стали самыми многочисленными в его строительной практике.

Залогом дальнейших успехов зодчего было проектирование павильона для национальной выставки промышленности и искусства в Хельсинки в 1876 г. Выставочный павильон представлял собой протяженное деревянное сооружение, центральную часть которого занимал Главный зал в 40 кв. м, с восьмиугольным фонарем, который возвышался почти на 24 м. Две галереи, одна из них предназначалась для демонстрации машин, другая — для выставки произведений искусства, образовывали отдельные секции, которые раскрывались из квадратного павильона и из дополнительного зала за ним.

Архитектурные формы были заимствованы от Больших выставок XIX столетия, с главным залом, напоминающим Ротонду Венской выставки 1873 г. и галерею искусства, обязанной своим появлением Хрустальному дворцу Пэкстона⁵, хотя непосредственным образцом для Хёйера был павильон Стокгольмской выставки 1866 г., который он видел в период пребывания в шведской столице⁶. Особенностью хёйеровского творения было использование традиционного для финнов материала — дерева, в то время как вдохновлявшие его образцы выполнены из стекла и железа.

В последующий период Хёйер становится самым востребованным архитектором в столице. С 1878 по 1881 г. по его проектам были построены восемь многоквартирных домов, а начиная с 1884 по 1891 г. он сделал 13 проектов для этого типа зданий, из которых 12 были реализованы. С 1896 по 1901 г. были построены еще 4 многоквартирных дома.

В конце 1870-х гг. Хёйер вырабатывает черты собственного декоративного стиля, основанного на использовании камня и штукатурки. Многоквартирные дома этих лет эволюционировали в трактовке своих фасадов от простого решения до дворцового, как дом № 2 на улице Эроттайя с орнаментальными фасадами

из штукатурки и гипса, а также с маленькими колоннами из красного гранита для придания впечатления блеска и богатства. Как истинный эклектик Хёйер работал в рамках рекомендаций классической академической архитектуры. Иногда он заимствовал средневековые формы из современных немецких источников. Но собственно хёйеровская идея воплотилась в их сочетании с русскими или «византийскими» элементами.

В творчестве Хёйера нашел свое отражение распространенный в Европе так называемый кирпичный стиль. Примером может быть так называемый Дом собраний глав Евангелического движения, который отличается простотой отделки. Его плоский кирпичный фасад едва ли имел больше деталей, чем фасад какого-либо промышленного здания. Возможно, на его интерес к неоштукатуренному кирпичу повлияли Санкт-Петербургские «кирпичные рационалисты»⁷.

Самым масштабным строительным заказом начала восьмидесятых был проект многоквартирного дома для предпринимателя и промышленника Фредерика Вильгельма Грёнквиста. Строительство крупнейшего многоквартирного дома ставило своей целью также и градостроительную задачу — изменение сельского характера одной из центральных магистралей города. Западная часть Северной эспланады к началу 1880-х гг. по большей части была застроена низкими деревянными домами, и провинциальный характер этой части улицы не соответствовал облику столицы. Работы начались осенью 1880 г. и закончились летом 1883 г.

Это был самый дорогостоящий проект на тот период в Финляндии. Сметная его цена составляла 1,6 миллиона марок, невероятная по тем временам сумма. Сенат разделился во мнениях, давать ли заем, и возникла необходимость обратиться к Императору для окончательного решения. Александр II милостиво дал свое согласие на субсидирование займа, рекомендовав изменить облик угловых башен, что и было Хёйером выполнено.

Доходный дом Грёнквиста — самое крупное сооружение не только среди работ Хёйера, но и в Финляндии того времени. Протянувшееся на целый квартал здание своим мощным объемом выделялось на фоне малоэтажной окружающей застройки. Особую выразительность придавали ему четыре башни: две в центральной части и две на углах здания. Дом Грёнквиста был одним из первых многоквартирных домов Хёйера, где на фасаде были

использованы помимо архитектурных деталей орнаментальные штукатурные работы.

Построенное по проекту Хёйера здание Атенеума было первым в Финляндии сооружением подобного типа. Первоначально предполагалось разместить в нем Художественное общество и Общество промышленного искусства. Вскоре его стали называть «домом искусств», но в конечной версии дом был заменен на «храм». Он стал действительно Храмом искусств.

Проектные работы для Атенеума Хёйер начал в 1883 г., сразу после окончания строительства дома Грёнkvиста. Так как по условиям конкурса здание должно быть в «ренессансном духе», то зодчий обратился к архитектуре итальянского Кватроченто и Чинквеченто.

Архитектура Атенеума соответствует классическим образцам. Трехосевая композиция главного фасада подчеркнута тремя треугольными фронтонами. Горизонтальные тяги, разделяющие этажи, и мощная рустовка стены первого этажа соответствуют архитектуре итальянских палаццо эпохи Ренессанса. Центральная часть здания, где располагается вход, богато декорирована скульптурой, соответствующей храму всех искусств. Это четыре кариатиды, символизирующими Живопись, Скульптуру, Архитектуру и Графику, портретные головы живописца Рафаэля, скульптора Фидия, архитектора Браманте и аллегорические фигуры на фронтоне.

Тема храма искусств продолжает развиваться в величественных интерьерах вестибюля и лестницы. Пропилеи у входа, спаренные колонны, арки — все передает ощущение величия античного храма.

В конструкциях музея широко использовался металл. Северное крыло здания почти полностью сделано из металлических колонн, поддерживающих металлические балки. Визуально эти колонны напоминали мрамор и бронзу, а балки и кессоны потолков были оштукатурены и покрыты декоративной росписью под мрамор. Особо интересные конструкции можно найти в классных комнатах начальной школы на первом этаже в виде консольной конструкции.

Постройкой Атенеума Хёйер решил важную градостроительную задачу формирования одной из парадных площадей города. Таким образом на месте пустыря в столице появился новый культурный центр.

Здесь же на Вокзальной площади вслед за Атенеумом по проекту Хейера было построено здание Добровольной пожарной дружины. Появление этих поистине монументальных сооружений существенно улучшило облик района, прилегающего к железнодорожной станции.

Однако по архитектурному решению эти два здания существенно различаются. Главный фасад Атенеума нагружен символической и декоративной скульптурой, в то время как в здании Добровольной пожарной дружины все скульптурные работы были сосредоточены внутри здания. Сопоставление Атенеума и Добровольной пожарной дружины, которые были расположены под прямым углом друг к другу, кажется тщательно обдуманно, и одним из прекраснейших качеств в гармонизации этих двух построек было то, что они не были похожи друг на друга стилистически. В контрасте с классическим Атенеумом, здание Добровольной пожарной дружины имело отчетливый средневековый аромат. Стиль здания пожарной дружины должен был быть в более низком ключе, чтобы соответствовать утилитарному назначению постройки.

В здании Добровольной пожарной дружины Хейер отказался от металлических балочных конструкций в пользу дугообразных арочных форм, что придало зданию специфический стилистический характер, менее пышный и более романтический, чем стиль Атенеума.

Гордостью Дружины был парадный зал на втором этаже. Он предназначался для проведения встреч и праздников Бригады. Его большие окна, обращенные в сторону канала, были главными элементами фасада, а внутреннее оформление соответствует декору Венецианского дворца с характерными окнами-лоджиями. Колоннады и арки служили для разделения пространства и создавали интересные световые эффекты.

Позднее, в конце 80-х гг. Хейер заимствовал архитектурные формы из элементов различных стилей, соединяя местные и национальные традиции итальянского, французского, голландского, или немецкого Ренессанса. Возможно, архитектор к этому времени установил некую систему иерархии для различных типов фасадов. Мастерство зодчего выразилось в принципах расположения пластических композиций. Скульптура и орнамент концентрировались на более значимых участках фасадов, благодаря чему достигалась гармония между общей массой и орнаментом.

Окончательная наивысшая точка в обилии фасадной декорации многоквартирных домов Хёйера была достигнута к 1890-м гг., когда архитектор привлек скульптора Роберта Стигеля для создания моделей большой фигурной композиции на фасадах трех его зданий. Стиль Стигеля заимствован у мастера итальянского барокко Бернини.

Здание Норрмена, оригинальный многоквартирный дом, имеющий по одной большой квартире на каждом этаже, был спроектирован и построен в 1896 г. на выступающем в море участке на полуострова Катаянokka (где теперь стоит главный офис Энцо-Гутцайта архитектора Алвара Аалто). Хёйер поставил его в непосредственной близости от Успенского собора, чтобы создать привлекательный вид со стороны гавани.

В творчестве Т. Хёйера культовые постройки не занимают существенного места. Церковь из Мессукюля составляет скорее исключение. Зодчий сделал окончательный проект еще в 1879 г. В этой постройке он продемонстрировал свои достижения в каменных конструкциях. В своем проекте Хёйер отступил от принципов мощных опорных стен с маленькими проемами и использовал тяжелые контрфорсы, чтобы больше света проникало в интерьер через высокие окна.

Хёйер радикально изменил свой стиль в конце 1890-х гг., чтобы соответствовать времени и изменениям моды в архитектуре в сторону надвигающегося стиля национального романтизма. В проекте начальной школы в Хельсинки в 1904 г. зодчий применил свободный план более живописного типа. Школа должна была быть расположена в парке, то есть в природном окружении. Хёйер спроектировал большое количество вилл и коттеджей по свободным планам, таким образом показав, что новые принципы архитектуры ему не были чужды.

Это были последние работы зодчего. В 1910 г. его не стало.

Очевидно, что успешность творческого пути Теодора Хёйера во многом объясняется историческими условиями, связанными с подъемом экономики в Финляндии. Вопрос, какому фактору Хёйер обязан своей удачной карьерой, благоприятному ли случаю или своим личным качествам, нельзя ответить однозначно. Эти два аспекта архитектурной работы соединены на практике и не могут быть отделены от серии событий, которые происходили в стране.

Что касается личных качеств Хейера, которые способствовали небывалому расцвету его творческой деятельности, то следует отметить его смелость принимать участие в рискованных строительных проектах, это творческая фантазия, которая привлекала его заказчиков, и невероятная работоспособность. Все это позволило ему занять свое бесспорное место в архитектуре Финляндии.

¹ Как крупный мастер архитектуры второй половины XIX в. Т. Хейер не был обойден вниманием отечественных исследователей архитектуры. Его постройки упоминаются в общих трудах по архитектуре (см.: *Иконников А. В.* Архитектура Финляндии к. XIX — нач. XX вв. // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 10. М., 1972), а также работах по финской архитектуре (*Курбатов Ю. И.* Хельсинки. М., 1985.) Но полностью отсутствуют специальные исследования его творчества. Более обширная информация содержится в финской литературе. Серьезная монография о его строительной деятельности на английском языке, основанная на материалах диссертации, принадлежит Эве Майо Вильё (*Viljo E. M. Theodor Hoijer 1813–1910 architect*. Helsinki, 1987). Целая глава посвящена архитектуре в книге по финской архитектуре Р. Никулы (*Nikula R.* Architecture and landscape. The Building of Finland. Helsinki, 1993).

² Формы итальянского Возрождения преобладали в постройках Т. Хейера. Ю. И. Курбатов называет его «ярким представителем неоренессанса» в архитектуре Финляндии (см.: *Курбатов Ю. И.* Хельсинки. С. 58). Тем не менее в своих работах он отдал дань и другим историческим стилям: романтике, готике, классицизму и даже использовал декоративные элементы из русской архитектуры.

³ *Viljo E. M. Theodor Hoijer 1813–1910 architect*. P. 75.

⁴ *Ibid.* P. 83.

⁵ Хрустальный дворец, выполненный по проекту англичанина Пэкстона из стекла и металла, представленный на международной выставке в Лондоне в 1851 г., нашел общеевропейский резонанс, особенно в архитектуре выставочных павильонов второй половины XIX в.

⁶ *Viljo E. M. Theodor Hoijer 1813–1910 architect*. p. 85.

⁷ Рационалистическое течение в русской архитектуре оформилось в 1870-е гг. Появилось оно как протест против засилья эклектических форм. Его основоположником был А. К. Красовский, преподаватель Петербургского строительного училища. В своей доктрине он провозгласил технику и конструкцию как главный источник архитектурных форм. Архитекторы-рационалисты, создатели бесстилевой архитектуры или «кирпичного стиля», получившего распространение в 1870–1890 гг., практиковали строительство массовых сооружений из облицовочного кирпича. См.: *Киригенко Е. И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1978. С. 157–167.

В.-Т. Васара

**ПОХИЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА
ФИНЛЯНДИИ К. Ю. СТОЛЬБЕРГА
АКТИВИСТАМИ ЛАПУАСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОКТЯБРЕ 1930 г.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ***

Похищение первого президента Финляндии Каарло Юхо Стольберга (1865–1952) и его жены Эстер в октябре 1930 г. активистами крайне правого лапуаского движения до сих пор продолжает вызывать научный интерес. С одной стороны, события вокруг этого преступления как будто вырваны из сюжета детективного романа, но, с другой — они хорошо отражают то взрывоопасное положение, которое господствовало в Финляндии на рубеже 1920–1930-х гг. Период деятельности лапуаского движения 1929–1932 гг.¹ неслучайно получил в финской историографии название «лапуаской эры». Это время, когда деятельность внепарламентских радикальных сил достигла своего апогея. Однако триумфальный путь лапуаского движения продолжался недолго. Одной из главных причин резкого падения в финском обществе популярности лапуасцев были их нелегальные выступления, в том числе и похищение К. Ю. Стольберга.

Тем не менее вначале, вероятно, следует остановиться на причинах, почему именно президент К. Ю. Стольберг стал жертвой похищения. На самом деле это преступление было только одним из эпизодов неприязни крайне правых политических сил к Стольбергу, который раздражал их уже более десяти лет.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время» (Темплан НИР, Мероприятие 2. Шифр ИАС 5.38.62.2011).

К. Ю. Стольберг считался фактически главным политическим врагом правых сразу же после обретения Финляндией независимости. Этому есть несколько причин.

Во-первых, еще в годы Первой мировой войны будущий президент страны не поддерживал деятельность «егерского движения», так как считал ее незаконной. Он также не был сторонником борьбы за независимость.

Во-вторых, сразу после становления Финляндии в качестве независимого государства К. Ю. Стольберг стал горячим сторонником республиканской формы правления, тогда как правые были поборниками монархии. Ситуацию, очевидно, не улучшило и то, что Стольберг 25 июля 1919 г. стал первым президентом молодой республики. На президентских выборах, кроме его Прогрессивной партии, он получил также поддержку центристского Аграрного Союза и победил своего соперника К. Г. Э. Маннергейма с существенной разницей 143 к 50 голосам.

В-третьих, будучи президентом, Стольберг принял ряд решений, вызвавших резкое осуждение со стороны крайне правых политических деятелей. В частности, в 1921 г. президент способствовал принятию решения об амнистии «красных» финнов, участников Гражданской войны. Также его восточная политика представляла собой прямую противоположность целям правых радикалов. Наконец, именно при Стольберге был подписан Тартуский мирный договор в 1920 г. с советской Россией. Согласно этому документу, Финляндия возвращала ей Ребольскую и Поросозерскую волости, которые в идеологическом плане считались весьма важными для представителей финских крайне правых политических деятелей. Стольберг также отказался официально поддерживать «карельские походы» на территорию советской России финских добровольцев и запретил участие финской армии в т. н. вооруженном восстании в советской Карелии.

Тем не менее после окончания в 1925 г. своего президентского срока К. Ю. Стольберг отошел от большой политики и публичной жизни. Но остановка в стране тогда начала меняться, что, вероятно, заставило его в уже 1930 г. возобновить свою политическую деятельность. Причем мотивом его возвращения было, прежде всего, убеждение в необходимости сохранения законности в политической и общественной жизни, которая оказалась под угрозой, благодаря деятельности правых, особенно горячим «лапуаским

летом» 1930 г. Именно тогда лапуасцы выдвинули требование изменить демократические формы правления и ограничить гражданские права путем полного запрета деятельности коммунистов. Когда 21 июня 1930 г. на большом собрании лапуаского движения были провозглашены эти требования, ведущие к серьезному преобразованию законов, Стольберг мог, несомненно, лично убедиться, что основы финской демократии уже «находятся под угрозой»².

Большое внимание в финском обществе тогда получила изданная в газете «Хельсингин Саномат» 26 июня его статья — «Беззаконие и законный порядок?». В ней Стольберг критиковал лапуаское движение, поднимая вопрос о необходимости активно противостоять использованию неконституционных методов борьбы против коммунистов. В этой статье он, ссылаясь на иностранные газеты, подчеркнул, что репутация Финляндии за рубежом может серьезно пострадать от формы жесткого противодействия, которое предлагали осуществлять лапуасцы, в отношении крайне левых сил³. При этом следует отметить, что президент К. Ю. Стольберг никоим образом не поддерживал коммунистов. Он просто бескомпромиссно защищал принципы законности. Для него первостепенно важным было то, чтобы внепарламентское давление со стороны лапуаского движения не мешало процессу подготовки новых законопроектов. Кстати говоря, свойственным всем публичным выражениям мнения К. Ю. Стольберга был его подход к вопросу именно с юридической точки зрения.

Высказывания первого президента Финляндии не оставались без внимания его политических противников. Именно с того времени начинается более активное обсуждение праворадикальными активистами возможности похищения К. Ю. Стольберга. В основном такие разговоры не имели серьезных оснований, но все же, когда похищение действительно произошло, то для многих это не оказалось большим сюрпризом. Более того, внутри семьи К. Ю. Стольбергов также обсуждалась возможная угроза, поскольку объективно в течение всей политической карьеры президенту неоднократно угрожали расправой⁴.

Эти угрозы были во многом вызваны тем, что первый президент Финляндии становился той фигурой, вокруг которой началось объединение сил антилапуаского фронта. Причем лица, выражающие антилапуаские настроения, призывали его самого

опять включиться в активную политическую борьбу и стать кандидатом в депутаты на парламентских выборах 1–2 октября 1930 г. Результат этих выборов был весьма важным, потому что для принятия новых «антикоммунистических законов» требовалось квалифицированное большинство $\frac{2}{3}$ голосов парламентариев. Для достижения данной цели, в интересах лапуаского движения, даже был сформирован избирательный блок буржуазных партий, к которому относилась и Прогрессивная партия, членом которой являлся и сам К. Ю. Стольберг. Поэтому он перестал возражать быть кандидатом от этой партии лишь только после того, как переговоры об участии Прогрессивной партии в этом буржуазном блоке сорвались⁵.

Выдвижение К. Ю. Стольберга в качестве кандидата в депутаты парламента вызвало, однако, еще более суровую его критику со стороны членов и приверженцев лапуаского движения. Ситуацию не улучило даже после того, как в разгар предвыборной борьбы, 7 сентября, он заявил, что, если его избирают депутатом парламента, он все же не будет голосовать против принятия «антикоммунистических законов»⁶.

Несмотря на то что в результате парламентских выборов 1930 г. самую большую фракцию образовали 66 депутатов от социал-демократической партии, буржуазному блоку все же удалось получить с небольшим перевесом необходимое большинство в парламенте. Причем, хотя выборы 1930 г. иногда в Финляндии называют «лапуаскими выборами», их сложно назвать полной их победой. Это чувствовали и сами лапуасцы, когда еще перед выборами в различных кругах своих приверженцев начали обсуждать резервный план действий в случае, если выборы окажутся «неудачными».

В целом влияние лапуаского движения было наиболее сильным лишь летом 1930 г. Это произошло после организованного им т. н. крестьянского марша на Хельсинки. Но популярность данного движения продолжалось недолго, так как лапуасцы не стеснялись тогда активно нарушать закон, прибегая в своей политической борьбе к откровенным террористическим формам действия. Очевидно, что это не могло иметь широкую поддержку среди населения страны и общественное мнение стало медленно отворачиваться от этого движения. Кульминация данного процесса приходится на путч в Мянтсяле в 1932 г.

Наиболее же распространенной формой незаконной политической деятельности лапуасцев летом 1930 г. стало похищение ими своих политических противников. Тех, кто осмеливался тогда критиковать действия лапуаского движения, похищали и везли либо в район местечка Лапуа на побережье Ботнического залива (провинция Похьянмаа), где над ними вершился «суд» и выносился «приговор», либо сразу же их перебрасывали через государственную границу в Советский Союз. При этом захваченных людей часто избивали, требуя ложных показаний и обещаний отречься от левого, рабочего движения. Иногда похитители с целью унижения своих жертв требовали от них исполнения какой-либо финской националистической песни или просто, издеваясь над ними, их раздевали⁷. Такие действия стали называться «муйлутус» (“muilutus”)⁸. Всего было совершено 254 похищения финских граждан. Большая часть их произошла в середине лета 1930 г.⁹ Три похищения закончились смертью жертв.

Хотя в истории похищения президента К. Ю. Стольберга еще осталось много нераскрытого, конкретный ход преступления довольно подробно задокументирован и материалы, связанные с его расследованием, сейчас находятся в Национальном архиве Финляндии в коллекции документов Центральной сыскальной полиции.

Что же конкретно произошло?

Цепь событий, которая привела к похищению К. Ю. Стольберга, началась в субботу 11 октября 1930 г. в гостинице «Сортавальский клуб», где накануне, вечером в пятницу, собралась группа офицеров финской армии и представителей военизированной организации шюцкор. В городе Сортавала они находились в служебной командировке, поскольку занимались проверкой стратегических пунктов обороны восточной Финляндии, в частности в пограничных с СССР волостях Суоярви и Сортавала. Эти районы считались узловыми в обороне всей приладожской Карелии.

Среди офицеров были достаточно высокопоставленные чиновники финской армии. В частности, в вечернем застолье участвовал начальник Генштаба, генерал-майор Курт Мартти Валлениус, который в тот момент исполнял еще и обязанности главнокомандующего вооруженными силами Финляндии¹⁰. Там также был подполковник Ээро Кууссаари¹¹, сыгравший затем не последнюю роль в похищении президента. Любопытно, что,

хотя в 1930 г. в Финляндии еще не утратил силу «сухой закон», по свидетельским показаниям персонала гостиницы, в компании офицеров, по крайней мере, Э. Кууссаари был в конце вечера уже состоянии сильного опьянения¹². В результате на следующий день, в субботу утром, этот офицер «из-за плохого самочувствия» не смог далее отправиться «по гарнизонам» и вместе с двумя другими участниками командировки остался в гостинице «поправлять здоровье».

Весь этот день, как свидетельствуют очевидцы, Э. Кууссаари в кругу своих единомышленников выступал с пламенными политическими речами. Вечером же возвратившемуся в гостиницу генерал-майору К. М. Валлениусу предложил срочно позвонить в Хельсинки. Речь шла об организации похищения ненавистного этим офицерам первого президента Финляндии. Причем, что весьма примечательно, генерал Валлениус не возражал против этих незаконных действий своего подчиненного¹³. Он, очевидно, разделял взгляды Э. Кууссаари. К тому же именно Валлениус, еще весной 1930 г., приказал Кууссаари наладить контакты с представителями лапуаского движения, чтобы знать их планы, касающиеся их общеполитической деятельности. В развитии данного распоряжения, Кууссаари сумел тогда сделать секретаря близкой лапуасцам организации «Замка Финляндии» Микко Яскари связным между руководством лапуаского движения и Генштабом вооруженных сил Финляндии¹⁴. Когда же Кууссаари понял, что Валлениус не возражает, чтобы организовать похищение президента К. Ю. Стольберга, то сразу же позвонил своему связному. О точном содержании телефонного разговора, который произошел между ними, сведений нет. Однако уже в понедельник 13 октября М. Яскари непосредственно занялся организацией подготовки похищения, выразившегося в определении конкретных исполнителей этого преступления и подготовки соответствующего транспорта¹⁵.

Тем не менее, очевидно, не все клеилось у деятелей лапуаского движения. Было ясно, что похищение одного из самых известных публичных деятелей Финляндии представляло значительные трудности, тем более когда речь шла о первом президенте республики. Его изображение, благодаря прессе, было широко известно финскому обществу. Это, несомненно, должно было и усложняло работу похитителей, которые явно пытались

скрыть личность своей жертвы. Трудность в проведении данной операции даже несколько пугала непосредственных участников ее осуществления. Об этом свидетельствует тот факт, что 13 октября, вечером, М. Яскари отправил через дежурного Генштаба телеграмму, в которой попросил приказ все же операцию отменить. Эта телеграмма дошла до Валлениуса, находившегося в тот момент в городе Йоэнсуу, только в полдень следующего дня. Согласно зафиксированным свидетельствам, он был явно потрясен содержанием непонятной для него телеграммы. Он посчитал, что отменять приказ будет уже слишком поздно. Более того, содержание телеграммы могло дискредитировать участников заговора, поэтому было решено срочно уничтожить оригинал текста этой телеграммы, который находился в телеграфном центре Генштаба¹⁶. Что же касается К. Ю. Стольберга, то первый президент Финляндии, естественно, даже ничего об приготовлениях лапуасцев не знал. Он, как всегда, по традиции каждое утро вместе со своей супругой совершал прогулки по острову Кулосаари, где находилась его вилла. Такая же прогулка была у него намечена и на вторник 14 октября 1930 г., когда он, как обычно, около половины девятого отправился с женой погулять по острову, являвшемуся тогда предместьем Хельсинки. Более того, тогда он еще собирался из Кулосаари добраться до центра города, с тем чтобы посетить редакцию газеты Прогрессивной партии «Ааму».

Однако этим планам оказалось не суждено было сбыться. В этот день — 14 октября — заговорщики решили реализовать свой замысел. Причем само готовящееся похищение совпало по времени с десятилетним юбилеем подписания Тартуского мирного договора 1920 г. с советской Россией. Этот договор был подписан в период президентства Стольберга, и за его заключение многие правые радикальные группировки в Финляндии первого финского президента серьезно осуждали.

И вот, в момент утренней прогулки 14 октября Стольберг и его жена неожиданно исчезли. Вначале, когда президентская чета не вернулась домой к завтраку в 11.00, это не возбудило особых подозрений, но затем, когда они уже не появились на вилле к ужину, поданному в 17.00, это вызвало у слуг явное беспокойство. Попытка позвонить в редакцию «Ааму» ничего не дала. Выяснилось лишь то, что президент в редакцию не заходил¹⁷.

После этого срочно была вызвана полиция, которая начала уже розыск пропавшего президента и его супруги.

Тем временем весть об «исчезновении» К. Ю. Стольберга дошла до президента Л. Реландера, который распорядился бросить все силы на поиск первого президента страны¹⁸. Премьер-министр П. Э. Свинхувуд, также узнавший об этом, приказал немедленно закрыть границы¹⁹. В целом процесс поисков продвигался весьма динамично. Уже в 10 часов вечера полиция дала представителям средств массовой информации первое официальное сообщение о похищении Стольбергов. Благодаря радио информация о похищении очень быстро распространилась по всей стране.

Судя по дневнику президента Л. Реландера, он, когда услышал об исчезновении Стольбергов, был заметно удивлен и встревожен. На самом деле, Реландер и Стольберг никогда не имели между собой близких отношений, но, естественно, похищение своего предшественника не могло взволновать действующего президента республики. Озабоченность Реландера была направлена, вероятно, не столько на поиски самого Стольберга, сколько на определение возможных виновных в этом преступлении. Сразу после разговора с премьер-министром Л. Реландер позвонил своему двоюродному брату Эмерику Улсону, которого попросил связаться с руководством лапуаского движения и «Союза фронтовиков освободительной войны» для получения возможной реальной информации. «Всем сердцем надеюсь, что обе эти организации смогли бы <...> отказаться от этого неслыханного скандала и глупости. Со своей стороны, я был уверен, что тут действуют отдельные безответственные личности», — записал тогда президент свои чувства в дневнике²⁰.

Действительно, лапуасцы не стали брать на себя ответственность за это преступление. Когда заместитель министра обороны Хуго Эстерман лично позвонил «серому кардиналу» лапуаского движения Каю Доннеру, чтобы выяснить судьбу Стольберга, то лишь почувствовал, что руководство движения явно стремится отрицать свою роль в организации этого преступления²¹. Тем не менее записи в дневнике президента Л. Реландера очень хорошо передают его раздражение, связанное с «перебором» в тех формах террористической деятельности, которую пытались наладить тогда лапуасцы. Причем Л. Реландер, как и многие

другие государственные деятели Финляндии, первоначально осторожно, но положительно оценивал подъем лапуаского движения в стране. Однако к их «незаконным» методам борьбы президент относился строго отрицательно. С другой стороны, инцидент с исчезновением Стольберга Реландер начал рассматривать как полезный в том смысле, что он должен был вызвать негативную реакцию в финском обществе и это бы позволило правительству «получить возможность» вернуть в стране власть закона²².

Тем не менее президентскую чету действительно похитили лапуасцы. Причем Стольберг и его жена во время прогулки даже не успели далеко отойти от своей виллы. Их задержали после 9.00 часов утра на отдаленной лесной дорожке недалеко от улицы Этеляйнен Рантатиэ, где, собственно, находилась вилла Стольбергов. Характерно, что в планах похитителей было захватить только президента, но его жена Эстер отказалась оставить мужа в руках преступников. Поэтому, несмотря на возражения президента, Эстер Стольберг также посадили в черный шевроле²³.

Машина поехала через сельскую общину Малми дальше в Туусула, Ярвенпяя, Мянтсяля, Лахти, Хейнола и Варкаус к месту назначения — Йоэнсуу, где должна была их ждать другая машина для дальнейшей поездки уже непосредственно к финляндско-советской границе. Похитители со своими жертвами приехали в Йоэнсуу в 12 часов ночи, примерно через 15 часов после начала совершения преступления. Однако в Йоэнсуу сменную машину похитители не обнаружили, а через некоторое время участвовавший в операции лапуасец Юкка Янне²⁴ принял решение освободить Стольбергов²⁵. Таким образом, похищение закончилось, не успев толком еще начаться.

Возвращение К. Ю. Стольберга и его жены из Йоэнсуу в Хельсинки стало большим общественным событием. В Йоэнсуу бывший премьер-министр Финляндии Юхо Веннола предложил организовать специальный поезд для переезда президента в столицу. Однако Стольберг от этого отказался и отправился вместе с женой в Хельсинки на обычном утреннем экспрессе. Известие о благополучном исходе похищения тем не менее по средствам радио быстро распространилось по всей стране. Поэтому на железнодорожном вокзале Йоэнсуу президентскую пару уже ждал председатель городского муниципалитета ректор Йоаннес Лайне,

а также большое количество простых жителей города. На вокзале отъезд Стольберг сопровождался выступлением мужского хора, а по пути следования из Йоэнсуу в Хельсинки на каждой остановке Стольбергов встречали с букетами цветов представители местных шюцкоровских организаций, муниципальных советов, а также обычные люди. На железнодорожном вокзале Хельсинки, куда президентская пара прибыла 16 октября, их приветствовало колоссальное количество людей. Их там было до 10 тыс. человек²⁶. В своем же выступлении перед собравшимися президент Стольберг напомнил, прежде всего, о необходимости сохранения законности и правопорядка в обществе, особо подчеркнув, что всегда «финский народ должен придерживаться только закона»²⁷.

В целом скандальный характер событий, связанный с похищением первого президента Финляндии, и нарастающее негативное отношение к организаторам этого преступления заставило лапуасцев сразу же заявить, что они не несут ответственности за похищение, которое, по их мнению, началось по инициативе «пьяных офицеров в Сортавале»²⁸. Руководство лапуаского движения очень хорошо представляло, что скандал был крайне невыгоден для репутации движения, и поэтому готово было предоставить все необходимые сведения для выяснения обстоятельств, которые могли помочь в расследовании этого преступления. Один из руководителей лапуасцев Иивари Койвисто начал, в частности, оказывать давление на участвовавшего в похищении Юкка Янне, чтобы тот раскрыл тех, кто ему дал это задание. Также из центра лапуаского движения — провинции Южная Похьянмаа — к министру внутренних дел Эркки Куокканену прибыла целая делегация лапуасцев в составе Вихтори Херттуа и Мартти Пихкала. Они должны были «очистить репутацию лапуаского движения» в глазах финского руководства²⁹.

Непосредственных же участников похищения — Юкку Янне, Каарло Эйно Олина, Эркки Варому и Свена Фярала Семениуса³⁰ — сразу же арестовали³¹. На допросе Янне признался, что получил непосредственное указание о похищении президента от Микко Яскари. Тот же, со своей стороны, возложил ответственность за это преступление на подполковника Ээро Кууссаари³². Вследствие допроса М. Яскари подозреваемым стал также генерал К. М. Валлениус³³, поскольку он являлся прямым начальником

Э. Кууссаари. Кроме того, еще до Э. Кууссаари и К. М. Валлениуса среди подозреваемых оказались еще два известных финских офицера — полковник Пааво Талвела и подполковник Рагнар Нордстрём. Они также были очень близки к этому праворадикальному движению³⁴.

22 октября Кууссаари и Валлениуса были арестованы, а на следующий день получили отставку с занимаемых ими должностей³⁵. Причем после ареста Валлениуса новым начальником Генштаба стал генерал-майор Карл Леннарт Эш, который первым делом отстранил от должности всех офицеров, которые из-за «дела Валлениуса» показались теперь ему ненадежными³⁶.

Далее выяснилось, что Валлениус действительно имел связи с лапуаским движением и эти связи у него были еще до организации похищения Стольберга. Первые контакты генерал-майора с лапуасцами возникли в начале июня 1930 г., когда их руководители Вихтори Косола и Вихтори Херттуа явились непосредственно в Генштаб, с тем чтобы рассказать Валлениусу о целях своего движения. Более подробным знакомство руководства лапуаского движения с Валлениусом состоялось при подготовке т. н. крестьянского марша, к которому, по словам генерал-майора, армия относилась благоприятно.

В течение лета 1930 г. К. М. Валлениус не стеснялся открыто встречался с лапуасцами. Даже президенту Л. Реландеру пришлось обратить внимание на появившуюся тогда тенденцию в участии финских офицеров вместе с лапуасцами в политической жизни страны. Согласно представлению президента, летом 1930 г. Валлениус стал чуть ли не «самым активным политиком в армии»³⁷.

Как представляется, объективно интерес генерал-майора Валлениуса к деятельности лапуаского движения был для него вполне логическим продолжением его участия в «белом» активизме. Валлениус, как и многие другие активисты его поколения, был более привыкшим скорее к внепарламентской или даже конспиративной деятельности, если, как считалось, этого требовали интересы отечества. Иными словами, лапуаское движение привлекало Валлениуса, во-первых, в идеологическом плане, а во-вторых, движение предоставило ему возможность «нового приключения»³⁸. К тому же 1930 г. стал для генерал-майора еще и в какой-то степени переломным. Он почувствовал, что в качестве

начальника Генштаба он достиг уже всего того, что можно было получить на этой должности, и вообще собирался перейти на другую работу, поскольку ему тогда было лишь 37 лет, и в принципе, этот возраст позволял добиться еще очень многого.

Надо отметить, что первоначально отношение Валлениуса к похищениям не заметно отличалось от общего мнения, где даже лидер социал-демократов Вяйнё Таннер еще весной 1930 г. говорил о похищениях людей с некоторым презрением. Такого же мнения был и К. М. Валлениус, который называл похищения «забавными выдумками». Однако после избиения летом того же года коммунистов депутатами парламента его официальное мнение как представителя вооруженных сил изменилось — он стал выступать против использования насилия³⁹. В этом смысле весьма любопытно, как спустя несколько месяцев Валлениус оказался на скамье обвиняемых именно за то, что сам еще недавно осуждал.

Следует заметить, что еще до начала над похитителями судебного процесса финская общественность не ставила проблему виновности арестованных под вопрос. Вскоре после ареста Валлениуса шюцкор даже провел собрание, в заявлении которого осуждали участие офицеров в насилии. В решении собрания подчеркивалось, что шюцкор будет в едином фронте вместе с правительством страны⁴⁰. Генерал-майор Валлениус, считавший себя истинным патриотом, был весьма разочарован его критикой, которая тогда печаталась в финских газетах. Особенно его огорчало обвинение в государственной измене⁴¹.

С точки зрения уголовного права организация похищений людей («незаконное лишение свободы человека»)⁴² являлось ярко выраженным уголовным преступлением. Однако уникальная форма характера похищений людей, как это было в «деле Стольберга», часто делало проблематичным для суда вынесения непосредственных приговоров.

Судебный процесс начался в Хельсинки в декабре 1930 г. В Суде первой инстанции, а позднее в Надворном суде и в конце концов в Верховном суде род преступления был охарактеризован по-разному. Но следствие по этому делу тем не менее весьма подробно раскрыло весь ход подготовки преступления. Все судебные инстанции были более или менее единого мнения о том, как начинались эти события, когда генерал-майор Валлениус, находясь

в ресторане «Сортавальский клуб» в компании в офицеров, в которой выпивали, как отметил суд первой инстанции, «некоторое количество» спиртных напитков, завел разговор о политическом положении в стране и о роли в нем К. Ю. Стольберга. Как установил суд, во время этого разговора подполковник Кууссаари получил от Валлениуса указание связаться с Хельсинки. После того Кууссаари покинул компанию и по телефону дал Яскари ряд инструкций, связанных с похищением Стольберга. Возвратившись, Кууссаари заявил Валлениусу, что его приказ выполнен, на что Валлениус, как было отмечено в суде, не отреагировал негативно⁴³. Таким образом, становилась предельно ясной доля ответственности в организации преступления генерала Валлениуса.

Он, естественно, на судебном процессе пытался отвергнуть это обвинение, признавая сам факт данного им указания, тем не менее утверждал, что не отдавал «сознательно» приказ о похищении. По его мнению, лучшим доказательством этому было то, что он на данный момент находился в камере тюрьмы предварительного заключения. «Если бы я преднамеренно участвовал в похищении Стольберга, то сюда бы точно не попал», — вызываяще заявил Валлениус⁴⁴. Яскари также пытался умалить свое участие в совершении преступления, утверждая, что его действия «не являлись преднамеренными». Он их оправдывал тем, что попал «под дурное влияние»⁴⁵.

Тем не менее в результате расследования Суд первой инстанции определил Юкку Янне главным исполнителем преступления. Было признано, что именно он лишил свободы президентскую чету. За это ему дали один год и 6 месяцев лишения свободы. Что же касается других исполнителей преступления — Олина, Варома, — то их обвинили лишь в пособничестве к совершению преступления и дали только один год условного тюремного заключения. За ту же «провинность» Семениуса получил еще меньше — 9 месяцев условно. Главных же организаторов преступления — Валлениуса, Кууссаари и Яскари — признали «подстрекателями»⁴⁶. Кууссаари и Валлениуса были приговорены к трем годам заключения и лишению всех должностей и званий в вооруженных силах Финляндии, а Яскари получил один год и 6 месяцев лишения свободы. Кроме того, осужденные должны были коллективно возместить все расходы, как понесенные

К. Ю. Стольбергом в момент совершения преступления, так и государством в период проведения судебного расследования.

Кроме того, Суд первой инстанции посчитал, что поскольку все обвиняемые получили приговор впервые, то они все были еще приговорены к условному трехлетнему испытательному сроку⁴⁷. Обосновывая свое решение, Суд первой инстанции также отметил, что здесь учитывался «уровень образованности, общественное положение и занимаемые особенно ответственные должности Валлениуса и Кууссаари и можно непременно предположить, что их заявления и тем более приказы <...> были совершенно продуманы»⁴⁸. В заключении суда также указывалось, что целью похищения первого президента Финляндии было «сделать невозможным участие президента Стольберга в политической жизни», что можно заключить из желания преступников совершить похищение Стольберга с последующим его убийством⁴⁹.

Следует заметить, что за распространенную практику похищения людей в Финляндии в 1930 г. судебные инстанции обычно выносили обвиняемым относительно мягкие приговоры и преступники получали весьма короткие условные сроки заключения. Однако очевидно, что «дело Стольберга» отличалось от других судебных процессов над похитителями, так как на этот раз жертвой преступления стал первый президент страны. К тому же надо добавить, что похищение Стольбергов приковало внимание всей финской общественности и отношение к этому у населения было сугубо отрицательное. Понимание своих действий лапуасцы нашли только в кругах «егерей» и других «белых» активистов.

Тем не менее, хотя похищение президентской четы особенно не отличалось от других преступлений такого характера, все же можно уверенно предположить, что слишком мягкие приговоры вызвали бы по этому делу широкое недовольство среди финской общественности. Неслучайно поэтому К. М. Валлениус прямо утверждал, что похищение президента получило «слишком много» внимания и его значение просто «преувеличили». Он, например, утверждал, что «несправедливо» и «непонятно», почему он должен был ожидать приговора в тюрьме, когда обычно «рядовых похитителей» освобождали уже сразу после их ареста⁵⁰.

Как заметил историк Рейьо Перяля, исследовавший формирование общественного имиджа лапуаского движения в финской прессе, после похищения президента даже те правые газеты, которые раньше «понимали» и «защищали» незаконную деятельность лапуасцев, теперь строго осуждали практику похищений. Для центристско-буржуазной прессы этот случай вообще обозначал явно поворотный момент в отношении ко всему лапуаскому движению.

Тем не менее, конечно, существовали определенные различия в толкованиях газет данного преступления⁵¹. Судя по отношению финской прессы к похищению людей, их оценки, грубо говоря, можно было разделить на три группы. К первой группе относятся газеты социал-демократов, Национальной прогрессивной партии и Партии мелких землевладельцев, которые прямо обвиняли в этих преступлениях лапуаское движение. Вторая группа состояла из печатных органов Шведской народной партии и Аграрного Союза, которые считали лапуасцев, по крайней мере, лишь косвенно виноватыми в содеянном. Последняя же группа — это газеты Национальной коалиционной партии, которые стремились доказать, что лапуаское движение не может быть ответственно за похищение людей и происходившее квалифицировалось только как проявление «отдельных хулиганских поступков». В отличие от других газет, печатные органы коалиционной партии также волновались о будущем движения, поскольку похищения явно усиливали антилапуаскую атмосферу в стране⁵².

Характерно, что ранее одним из союзников лапуаского движения являлся Аграрный Союз. Однако на внеочередном съезде этой партии, который прошел в конце ноября 1930 г., началось серьезное обсуждение дальнейшего отношения партии к лапуасцам. В результате на съезде посчитали, что деятельность движения больше служит интересам правых, хотя, как было замечено, невозможно отрицать пользу лапуаского движения в прошлом для Аграрного Союза. Тем не менее было решено советовать сторонникам партии избегать участия в дальнейших мероприятиях этого движения⁵³.

Также в лояльной к лапуаскому движению коалиционной партии похищение Стольберга стало «поводом для размышления». Руководство партии видело ценнейшее достижение лапуаского движения в формировании в Финляндии единого патриотического фронта, с помощью которого можно было изнутри укрепить

государство. Представители коалиционной партии считали, что роль лапуасцев в финском обществе и в дальнейшем будет очень важной⁵⁴.

То, что в финском обществе все же существовали различные мнения по поводу «дела Стольберга», привело к тому, что судебное разбирательство все же продолжилось. Особенно недоволен был работой Суда первой инстанции, естественно, генерал-майор Валлениус. он назвал его заседания «полной комедией»⁵⁵. Таким образом, логичным шагом для обвиняемых стала подача апелляции в Суд высшей инстанции, и процесс продолжился уже в Надворном суде Турку.

Перед началом второго этапа судебного разбирательства генерал Валлениус предоставил обширное сочинение, в котором он попытался подробно рассказать о тех «психологических факторах», которые повлияли на него во время расследования и первого судебного процесса. В частности, с помощью этого сочинения генерал пытался запутать собственные свидетельские показания, касающиеся его мотивов в совершении преступления. По словам Валлениуса, он «из-за давления» и «ложных обещаний» следователей «об освобождении» впал в некий «психоз», в результате которого рассказал о таких событиях, которых на самом деле не было. Протоколы допросов К. М. Валлениуса были объемом примерно в 500 страниц. Это в какой-то мере подтверждало мнение генерал-майора о том, что все дознание было сосредоточено именно на нем, а остальных обвиняемых допрашивали, во-первых, намного меньше, а во-вторых, им задавали вопросы в основном о событиях вокруг того же Валлениуса, а не расследовали, например, возможность организации преступления другими лицами⁵⁶.

Объективно, генерал-майор стремился представить весь судебный процесс как проявление организованной личной его травли. При этом он считал, что тут проявлялся настоящий заговор, направленный на то, чтобы представить Валлениуса как человека, стремящегося стать диктатором Финляндии и для этого готовившего военный переворот. Сам генерал-майор относился к таким обвинениям, естественно, весьма отрицательно. Однако, рассуждая о некоем заговоре, он не мог точно определить, кто конкретно за этим серьезным обвинением стоял. Валлениус подозревал как других близких к нему офицеров, так и представителей шюцкора.

Также он считал, что против него ведется борьба, организованная сыскной полицией или даже просто политическими противниками лапуаского движения, которые, по его мнению, видели в нем «символ исполнительной мощи лапуаского движения»⁵⁷. В целом, по его мнению, существующее в определенных кругах желание отстранить его от руководства вооруженными силами было вызвано тем, что он имел в армии и пограничной охране «чуть ли не решающее влияние». Значительным влиянием, как считалось, он обладал и в шюцкоре⁵⁸.

Действительно, сразу после похищения Стольберга в Финляндии начали появляться слухи об истинных мотивах совершения этого преступления и главных ответственных за его организацию. Одной из наиболее популярных версий было то, что за похищением на самом деле стоит более серьезный заговор офицеров или деятелей лапуаского движения, целью которого является установление в Финляндии диктатуры⁵⁹. Интересно отметить, что и сами Стольберги как будто верили в это предположение. По крайней мере, президент Стольберг был убежден, что похищение «носит очень серьезный характер, что это никакая не провокация со стороны коммунистов или большевиков России». По его мнению, ненависть похитителей к коммунизму и всему русскому была искренней, а не притворной. Президент также верил, что похищение было не самостоятельным поступком, а похитители выполняли полученный ими приказ. Об этом свидетельствовало и то, что поездка была тщательно подготовлена с определенным планом маршрута и финансированием⁶⁰.

Президентской чете показалось особенно подозрительным то, что незадолго до их похищения отстранили от руководства армией генералов Эквиста и Сихво и, таким образом, Валлениус стал начальником Генштаба. Эстер Стольберг была уверена, что отставка генералов была результатом их отрицательного отношения к лапуаскому движению⁶¹. В связи с этим в своем дневнике супруга президента довольно четко выразила свое разочарование настоящим положением в стране, когда большая часть народа одобряет насилие, а нарушение личной неприкосновенности (т. е. похищение) считается патриотическим поступком⁶². К. Ю. Стольберг был настолько уверен в участии в этом деле президента Реландера и министра иностранных дел Прокопе, что после этих событий даже отказался, в частности, здороваться

с Прокопе. Однако необходимо подчеркнуть, что никаких доказательств в существовании заговора найдено не было.

Так как очень быстро стало ясно, что похищение Стольберга принесло своим предполагаемым организаторам, в частности лапуаскому движению, только вред, на политической арене появилась противоположная версия случившегося; согласно ей, похищение было провокацией, целью которой было навредить лапуаскому движению. Возможными провокаторами считали коммунистов, агентов Советского Союза, правительство Финляндии или даже самого Стольберга⁶³. Слухи о личном участии Стольберга в своем же похищении усиливало, скорее непреднамеренное в этом плане, высказывание лидера социал-демократов Вяйнё Таннера. Он в момент, когда Стольберг после освобождения вернулся на работу в парламент, заявил, что для него похищение было «самой результативной агитационной поездкой, которая когда-либо совершалась в стране»⁶⁴.

В целом в момент продолжающегося судебного процесса по «делу Стольберга» адвокат Валлениуса Хейкки Борениус стремился теперь сконцентрировать всю защиту на опровержении обвинения генерала в его злонамеренности в осуществлении преступления. По его мнению, было неверно предполагать, что Валлениус и Кууссаари «серьезно думали» о похищении президента Стольберга. Что это была всего лишь их «шутка». Причем защита ссылалась на факт того, что о какой-либо реальной деятельности Валлениуса, направленной на изменение внутриполитического строя в стране, не было доказано. Борениус использовал также тот аргумент, что Валлениус недавно стал отцом и ему было бы неестественно в таких условиях участвовать в столь грандиозных планах.

Как бы то ни было, суд принял аргументы защиты. Однако посчитал, что Валлениус получил правильный срок в виде лишения свободы, поскольку не попытался отменить отданное им распоряжение и, более того, уничтожил телеграммы, которые позволяли ему это сделать. Сам Валлениус, объясняя свое решение не препятствовать в совершении преступления, смог лишь указать на то, что распространение сведений о возможной причастности руководителя Генштаба к такому похищению привело бы к волнениям в обществе, а также выставило бы финскую армию на общее посмешище в глазах других стран, чего он, естественно,

не хотел. Кроме того, зная черты характера бывшего президента Стольберга, финский генерал посчитал, что в любом случае он бы донес на него в полицию⁶⁵.

В целом Надворный суд учел аргументы Валлениуса и внес некоторые корректировки в приговоры уже осужденным. Срок заключения Валлениуса сократился на два года⁶⁶. Причем основанием для этого решения было то, что финский генерал «своим призывом и другими способами» лишь способствовал совершению действий, которые начал уже осуществлять Кууссаари⁶⁷. Однако и организаторам похищения — Кууссаари и Яскари также сократили на четыре месяца их срок осуждения за данное преступление. Были уменьшены сроки и для непосредственных исполнителей данного «заказа». Срок для Янне и Варома был сокращен на два месяца, а Семениуса на один месяц. Единственным, кому приговор остался неизменным, оказался Олин.

Тем временем в декабре 1930 г. уже военный суд также заинтересовался этим делом. Но тут внимание у судебных инстанций было вызвано не фактом возможного «заговора», который могли готовить офицеры против конституции своей страны, а из-за публичного пьянства, недопустимого для военнослужащих, и из-за нарушения «сухого закона». Военный суд решил обвинить Кууссаари в злоупотреблении алкоголем, а также недостойном поведении офицера, порочащем его звание. Весной 1931 г. он был полностью признан виновным в совершении этих преступлений. Что же касается Валлениуса, то он также был обвинен в злоупотреблении алкоголем, но затем все же оправдан⁶⁸.

Далее, однако, процесс по «делу Стольберга» продолжился уже в Верховном суде, который 15 июля 1931 г. принял решение вообще освободить Валлениуса, после того как тот уже успел отсидеть в камере предварительного заключения 8 месяцев и 10 дней. По мнению Верховного суда, было невозможно доказать, что, отвечая Кууссаари утвердительно, Валлениус понял, что подполковник действительно планировал похищение Стольберга⁶⁹.

Вероятно, что на это решение повлияло то, что здесь был принят во внимание отчет профессора уголовного права Хельсинкского университета Бруно Салмиалы⁷⁰, который, несомненно, положительно повлиял на решение суда по освобождению генерала. В самом этом отчете эксперт Б. Салмиала смог весьма грамотно

построить оправдательную базу доказательств, когда с юридической точки зрения проанализировал некоторые полицейские рапорты и другие материалы расследования, а также рассмотрел вопросы, касающиеся надежности признания и преднамеренности действий генерал-майора Валлениуса с теоретической точки зрения. Опираясь на оценки известных финских и зарубежных юристов, Б. Салмиале, по всей видимости, удалось изменить значение самого главного документа следствия — письменного признания Валлениуса от 14 ноября 1930 г.⁷¹

Что касается остальных осужденных, то Верховный суд также ряду из них смягчил ранее вынесенные им приговоры. Срок наказания Янне был сокращен еще на четыре месяца, а Кууссаари — на один год. Более того, учитывая неожиданную смерть Эрkki Варома, который скончался через два месяца после вынесения приговора Надворного суда, Верховный суд счел вообще возможным отменить прежнее решение Надворного суда. В деле же остальных осужденных приговоры третьего и последнего этапа судебного процесса, однако, не внесли никаких серьезных изменений⁷².

Тем не менее после своего освобождения К. М. Валлениус срочно встретился с новым президентом Финляндии П. Э. Свинхувудом и поставил перед ним вопрос о восстановлении его в должности начальника Генштаба. Однако пожелание Валлениуса не встретила положительной реакции у Свинхувуда. Президент дал ему понять, что по крайней мере в течение последующих нескольких лет Валлениус не сможет получить никакой должности в вооруженных силах⁷³. В целом освобождение Валлениуса вызвала далеко неоднозначную реакцию в финском обществе. Естественно, что социал-демократы и коммунисты решительно осудили это решение. Причем коммунисты открыто считали, что целью этого похищения было убийство Стольберга на советско-финляндской границе и обвинение в совершении этого преступления руководства СССР⁷⁴.

С другой стороны, в книге жены К. М. Валлениуса, Анни изложена иная версия целей совершенного преступления. Она утверждает, что похищение Стольберга было организовано советскими спецслужбами. В книге говорится, что из материалов судебного процесса по «делу Стольберга», хранившихся в Государственном архиве*, специально были удалены некоторые протоколы устных

* Ныне Национальный архив.

допросов, так как она их не нашла в начале 1960-х гг. Также здесь высказываются сомнения в подлинности части фотографий, являвшихся доказательством причастности ее мужа к данному преступлению. Из всего этого А. Валлениус пришла к выводу, что полицейские власти намеренно пытались запутать процесс и дать судебным органам и представителям прессы вводящее их в заблуждение сведения⁷⁵.

Очевидно, что книга Анни Валлениус представляла собой ярко выраженную оправдательную работу, которая она выполнила в защиту своего мужа. К тому же приговор и связанная с ним потеря должности генерала резко изменили жизнь его семьи. Он потерял служебную резиденцию, а семья осталась без постоянного дохода⁷⁶. Особенно были разочарованы Валлениус в государственной власти, в том числе в деятельности президента П. Э. Свинхувуде, который не вернул генерал-майору Валлениусу его «потерянную честь». При этом любопытным является сравнение А. Валлениус судебного процесса своего мужа с широко известным «делом Дрейфуса», в конце которого приговор капитану Дрейфусу все же был пересмотрен, а его должность в армии была восстановлена и его даже наградили орденом⁷⁷. Свое произведение А. Валлениус закончила следующим замечанием: «...похищение президента Стольберга является одним из самых интересных событий нашего столетия в финской юстиции. Мне кажется, это было пьесой, главные герои которой никогда не вышли на сцену»⁷⁸.

Похищение президентской четы оказалось исключительным не только потому, что жертвой стал высший государственный деятель страны. Это было, насколько известно, еще и единственным случаем похищения женщины активистами лапуаского движения. Конечно, ни для кого не было секрета, что жену президента не должны были похитить. Но решение не оставлять своего мужа в руках преступников, возможно, повлияло на ход и, может быть, на результат преступления. Присутствие бывшей «первой леди» наверняка уредило поведение похитителей, хотя риск насилия нельзя недооценивать. Во время похищения Стольберги никоим образом не чувствовали себя в безопасности, хотя, по мнению Валлениуса, «к президенту относились довольно вежливо»⁷⁹.

Тем не менее до сих пор весьма сложно оценить, насколько вероятным был риск завершения преступления гибелью жертв. Политически мотивированные убийства традиционно не являлись

частью финской политической культуры. В истории независимой Финляндии, наверное, самым известным и единственным министром, который стал жертвой политического покушения, был министр внутренних дел Хейкки Ритавуори (1880–1922 гг.), который, между прочим, являлся близким коллегой К. Ю. Стольберга⁸⁰. Убийство Ритавуори осталось в памяти Стольберга и его ближайшего окружения, из-за чего, вероятно, генерал-лейтенант Аарне Сихво боялся, что Стольберга ждет такая же участь⁸¹. Также сын президента, Юхо Стольберг, говорил еще в начале октября 1930 г., что лапуаское движение планирует убийство его отца (или другое серьезное преступление). Он был настолько уверен, что был готов держать пари со своими друзьями⁸².

Анализ преступления продолжался в Финляндии еще довольно долго. Из обвиняемых наиболее активно в нем в 1930-е гг. участвовал Ээро Кууссаари, упорно пытавшийся отстоять свою репутацию. Правда, его методы были не самыми честными. С целью отстранения от должности начальника Центральной сысковой полиции Эско Риекки, которого Кууссаари считал виновным в его осуждении, он даже нанял бывшего агента этой полиции, с тем чтобы собирать доказательства об участии Риекки «в деятельности масонов». Согласно Кууссаари, Риекки и его единомышленники являлись якобы противниками т. н. егерского движения и сделали так, чтобы вина пала именно на подсудимых по «делу Стольберга», представлявших это движение.

Юкка Янне также утверждал, что Риекки несет ответственность в его «несправедливом» обвинении и что начальник Центральной сысковой полиции, на самом деле, являлся «лакеем правительства». В целом главным аргументом Кууссаари было то, что, реально, организация похищения началась еще до 11 октября 1930 г. и агенты Центральной сысковой полиции были не только «в курсе событий», но и сами оказывали содействие⁸³. В этом, кстати говоря, был уверен и генерал-майор Валлениус. По словам Кууссаари, за похищением стояла некая «группа “х”», с которой прямо или косвенно были связаны значительные политические деятели, в чьих интересах и было похищение. Одной из их целей организации этого преступления было отстранение генерал-майора Валлениуса от руководства вооруженными силами Финляндии. Ясно, что похищение полностью испортило карьеру Валлениуса, что огорчало его уже до конца жизни.

Далее, Кууссаари считал, что один из обвиняемых, Микко Яскари, действительно был связан с «группой “х”». Попытка очистить свою репутацию объясняет и обвинения Кууссаари, адресованные уже другим участникам этого преступления. Как бы то ни было, в архивных документах есть упоминание о разговоре Яскари с одним из руководителей Академического карельского общества (АКС), пастором Элиасом Симойоки в 1933 г. Согласно архивному документу, Яскари, мучаясь угрызениями совести, и признал свою вину, а также заявил о невиновности Кууссаари. При этом он, будучи членом АКС, вернул свой членский значок этой организации, а руководство общества посоветовало ему публично рассказать все, что он знает о похищении. Однако Яскари этого никогда не сделал, и, таким образом, правдоподобность разговора остается под вопросом⁸⁴. К тому же у Юкки Янне тоже были некоторые сомнения касательно Яскари⁸⁵.

Кууссаари же еще в 1937 г. подал жалобу омбудсмену парламента, обвиняя Риекки и его агентов в непосредственном участии в похищении⁸⁶. Более того, 16 октября 1960 г. Ээро Кууссаари дал еще интервью газете «Хельсингин Саномат», в котором он вернулся к роковым событиям тридцатилетней давности. Он рассказал, что «в данный момент существует уже много доказательств тому, что похищение было спланировано и решено в Хельсинки задолго до упомянутого звонка из Сортавалы». Э. Кууссаари тогда заявил, что, «наверное, инициатор поступка будет вскоре раскрыт, хотя это не дает ему никакого удовлетворения, поскольку уже пришлось долго и невинно страдать»⁸⁷.

В целом относительно Риекки можно заметить, что в годы праворадикальных волнений рубежа 1930-х гг. он находился в весьма сложном положении. С одной стороны, Риекки испытывал явную симпатию ко многим целям, которые декларировали представители крайне правого движения в Финляндии, но, с другой стороны, в качестве начальника политической полиции он должен был противодействовать многим их методам деятельности. В интервью 1958 г. он назвал похищение Стольберга «позорным поступком», но тем не менее не мог полностью отрицать возможность участия отдельных агентов сыскной полиции в похищениях людей в Финляндии в 1930-е гг⁸⁸.

Еще одним последствием похищения Стольберга было завершение к концу 1930 г. деятельности организации «Замók

Финляндии». Вообще, ее работа становилась тогда практически невозможной, так как большинство ее деятелей имело совершенно противоположное официальной программе этой организации представление о приемлемых методах политической борьбы. Неприятным сюрпризом для руководства организации стало участие ее секретаря в преступлении, которое грубо противоречило принятой им законопослушной линии. После ареста 17 октября Микко Яскари руководитель «Замкá Финляндии» Арттури Лейнонен получил множество «удивленных вопросов, злых утверждений, насмешливых комментариев»⁸⁹. Некоторые местные отделения организации отправили президентской чете телеграммы, в которых они осудили преступление⁹⁰. Возникла необходимость созыва собрания представителей «Замкá Финляндии», что и произошло через несколько дней. Еще до этого собрания некоторые делегаты заявили о своем выходе из этой организации. Тем не менее депутаты из различных районов страны единогласно приняли заявление, которое строго осудило не только похищение президента, но и всю систему подобных похищений. После этого собрания Арттури Лейнонен покинул пост председателя «Замкá Финляндии» и вообще вышел из числа ее членов⁹¹, хотя в своих мемуарах Арттури Лейнонен четко пишет, что лапуаское движение никак не было связано с этим похищением⁹².

Оценивая роль лапуаского движения в данном преступлении, представляется чрезвычайно важным учитывать тот факт, что члены и приверженцы этого движения далеко не всегда действовали под руководством их формальных лидеров. Причем номинальное руководство лапуасцев довольно часто элементарно не было в курсе того, что происходит внутри самого движения. Архивные материалы свидетельствуют, в частности, что после того, как в Хельсинки открылось новое центральное бюро лапуаского движения, то связь между столицей и Лапуой стала уже «недостаточной». Кроме того, внутри лапуаского движения были оппозиционные группировки, цели и методы которых заметно отличались друг от друга. С другой стороны, хотя руководство лапуаского движения категорически отмежевывалось от похищения Стольберга и отказалось принять на себя ответственность за совершение этого преступления, после судебного процесса Валлениус получил в иерархии этого движения весьма высокий пост.

Кстати, также полезно обратить внимание на сходство истории с похищением президента Стольберга и путча в Мянтсяле в 1932 г., который привел к роспуску движения. У этих двух событий есть некоторые достаточно любопытные объединяющие факторы, которые во многом объясняют неудачу деятельности лапуаского движения после их блестящего начала. Во-первых, хотя, вероятно, обоим событиям предшествовали более или менее серьезные дискуссии обширного периода, начало было спонтанным и очень плохо подготовленным. Вместе с этим алкоголь играл здесь, безусловно, негативную роль. Во-вторых, переломные ситуации раскрыли разобщенность внутренней организации движения. И наконец, некомпетентность руководства лапуаского движения препятствовала появлению кризисных ситуаций и неумению контролировать дальнейшее развитие событий.

¹ См.: *Vasara B. -Т. Лапуаское движение (1929–1932) и путч в Мянтсяле // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2007. № 1. С. 91–104.*

² *Blomstedt Y. K. J. Ståhlberg. Valtiomieselämänkerta. Keuruu, 1969. S. 471.* Нельзя также было забыть, что он в качестве председателя Конституционного совета оказал серьезное влияние на содержание принятой 17 июля 1919 г. первой конституции независимой Финляндии. Таким образом, легко понять его личный интерес — защищать букву закона.

³ *Ibid. S. 472.*

⁴ *Kansallisarkisto (Национальный архив, Хельсинки) (далее: КА). Suomen 1920–40-luvun historian säätien kokoelma (далее: Säätio), kotelo 34.*

⁵ *Blomstedt Y. K. J. Ståhlberg. S. 473–474.*

⁶ *Ibid. S. 474.*

⁷ *Björne L. “...syihin ja lakiin eikä mielivaltaan...” Tutkimus Turun hovioikeuden poliittisista oikeudenkäynneistä vuosina 1918–1939. Vammala, 1977. S. 276.*

⁸ Название происходит от имени братьев Муйлу, которые первыми стали совершать похищения людей. См.: *Из истории коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 81.*

⁹ *Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset 1930. Keuruu, 2005. S. 80.*

¹⁰ Генерал-майор Курт Мартти Валлениус (1893–1984 гг.) был типичным представителем «белого» активизма в Первой республике Финляндия: его детство прошло в период русификации. В годы Первой мировой войны он стал участником «егерского движения». В Гражданской войне 1918 г. он воевал в «белом» лагере, и после получения независимости Финляндией Валлениус оправился вместе с другими «солдатами-соплеменниками» в советскую Карелию с целью присоединения ее к Финляндии. В 1920-е гг. Валлениус также успешно продолжил свою карьеру в рядах финских вооруженных силах. К тому же он долгое время находился

за рубежом, совершая ознакомительные поездки в Латвию, Турцию, Югославию, Эстонию, Италию, Швецию, Польшу, Чехословакию и Германию. В 1925 г. он стал начальником Генштаба. В 1930 г. Валлениуса произвели в генерал-майоры.

¹¹ Подполковник Ээро Кууссаари так же, как Валлениус, был участником «егерского движения» и «карельских походов». С конца 1928 г. Кууссаари работал в Генштабе начальником отделения мобилизации. Валлениус являлся его непосредственным руководителем.

¹² К.А. К. J. Ståhlbergin kokoelma. Cn biographica. Kansio 101 (nippu 6). Папорт № 1638 Городской полиции Хельсинки от 12 ноября 1930 г.

¹³ Ibid.

¹⁴ Микко Яскари был судьей-практикантом Надворного суда Финляндии и одновременно секретарем организации «Замók Финляндии». Он также работал пресс-секретарем Генштаба (см.: *Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. Presidentti Ståhlberg, kenraali Wallenius ja kiihkon aika 1930. Keuruu, 2010. S. 28*).

¹⁵ *Hyvämäki L. Sinistä ja mustaa. Tutkielma Suomen oikeistoradikalismista. Helsinki, 1971. S. 210–211.*

¹⁶ К.А. Säätiö 34.

¹⁷ *Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. S. 9.*

¹⁸ *Relander L. K. Presidentin päiväkirja II. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta 1928–1931. Julkaissut Eino Jutikkala. Tapiola, 1968. S. 512.*

¹⁹ *Juva E. W. P. E. Svinhufvud II. 1917–1944. Porvoo, 1961. S. 412.*

²⁰ *Relander L. K. Presidentin päiväkirja II. S. 512.*

²¹ Ibid. S. 513.

²² Ibid.

²³ К.А. К. J. Ståhlbergin kokoelma. Cn biographica. Kansio 101 (nippu 6). Папорт № 1710 Городской полиции Хельсинки от 24 ноября 1930 г.

²⁴ Юкка Янне был председателем так называемого «Клуба надзирателей», который состоял из молодого поколения т. н. белых рабочих и считался весьма «организованным дисциплинарным обществом». «Клуб надзирателей» фактически являлся второй хельсинкской ударной группой «Союза фронтовиков Освободительной войны», которая оказывала лапуаскому движению самую непосредственную помощь в организации похищений (См.: *Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset 1930. S. 265*). Янне позднее утверждал, что «Клуб надзирателей» полуофициально, через контакты с Микко Яскари, еще работал под руководством организации «Замók Финляндии» (К.А. Säätiö 46). В прошлом Янне также успел также поработать в Центральной сыскной полиции (*Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. S. 25*). В момент совершения преступления Юкка Янне официально работал монтером на авиазаводе, до этого же являлся бывшим таксистом, а затем преподавателем в автошколе.

²⁵ К.А. К. J. Ståhlbergin kokoelma. Cn biographica. Kansio 101 (nippu 6). Папорт № 1710 Городской полиции Хельсинки от 24 ноября 1930 г.

²⁶ Председатель организации «Замók Финляндии» Арттури Лейнонен в своих мемуарах отметил, что до этого такое количество людей в Хельсинки собиралось лишь 5 декабря 1929 г., когда делегация большого собрания лапуаского движения также прибыла в столицу (см.: *Leinonen A. Vuosikymmenten valinkauhassa.*

Muistelmia III. Porvoo, 1960. S. 127). Эта оценка одного из лидеров лапуасцев показательна. Очевидно, что здесь А. Лейнонен стремился показать резонансный характер действий своего движения, хотя само приводимое им сравнение можно считать значительно преувеличенным. Справедливо ради можно сказать, что, например, в т. н. крестьянском марше на Хельсинки, организованном представителями лапуаского движения всего за несколько месяцев до похищения, приняло участие даже еще больше людей — 12600 человек. Однако само приведенное А. Лейнонен сравнение показательно. Здесь автор явно указывает на изменения общественных настроений населения Финляндии, которые стали эволюционизировать не в пользу лапуасцев и за очень короткое время — всего лишь за один год. А. Лейнонен констатирует: «В это время, радостно приветствовавшее огромным большинством населения антикоммунистическое народное восстание, переродилось в движение, использующее в основном преступные методы, перешагнувшее законы общественного порядка и демократической системы правления». Стремительное изменение отношения в обществе к лапуаскому движению А. Лейнонен увидел и «в приветственной речи председателя парламента Кюёсти Каллио, обращенной к президентской чете». Но здесь он все-таки заметил, что на вокзале радостно президентскую пару встретили не все. Как подчеркнул председатель «Замка Финляндии», в толпе слышалась также противоположная реакция (Ibid. S. 127–128).

²⁷ *Ståhlberg K. J. Puheita 1927–1946. Helsinki, 1946. S. 13.*

²⁸ Похищение произошло в самое «неподходящее время», поскольку всего лишь месяц до этого, 14 сентября 1930 г., руководство движения само запретило использование насилия в политической борьбе, в том числе и организацию похищений. Это решение было следствием почти ультимативного требования обращенного к ним правительства Свинхувуда.

²⁹ *Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. S. 32.*

³⁰ Подсобный работник Каарло Эйно Олин, чертежник Эрки Варома и стажер Свен Фялар Семениус работали вместе с Юкка Янне на авиазаводе (*Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. S. 28*). Причем отец Эрки Варома был в руководстве шоцкоровского отряда Хельсинки, и благодаря своему положению он должен был знать о тех похищениях, в которых участвовали столичные члены «Союза фронтовиков» (однако затем утверждал, что узнал об участии своего сына в похищении Стольберга позднее (см.: *Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset 1930. S. 257*). Более того, отец Эрки Варома является двоюродным братом президента Л. Реландера. То есть в похищении Стольбергов участвовал родственник президента республики.

³¹ С судьбой старшего констебля Сундстрёма, который выполнил арест похитителей, связан немного странный эпизод, который в литературе вообще не упоминается. По официальной версии, Сундстрём совершил в местечке Леппяваара самоубийство 29 мая 1934 г. Однако летом 1948 г. в Государственную полицию пришел донос, в котором говорилось о том, что на самом деле это было не самоубийство, а Сундстрёма убили местные пылкие приверженцы лапуаского движения. Из документов не понятно, приняли ли полицейские органы какие-либо меры по поводу доноса. В общем, можно заметить, что доносы о преступлениях крайних правых сил в межвоенный период стали не очень редким явлением с 1948 г., когда

политическая полиция находилась уже в руках коммунистов. Очевидно, из-за страха мести в 1920–1930-е гг. не все преступления крайне правых становились известны, но не менее понятным является и то, что после войны множество доносчиков были ложными (см.: KA. VALPO-II. Kotelo 101. XVII C 6).

³² Яскари первоначально пытался убедить следователей в том, что на самом деле он является «убежденным коммунистом» и «членом партии еще с 1926 г.» (см.: *Juva E. W. P. E. Svinhufvud II. S. 412–413*). Этим он хотел вину за совершенное преступление возложить на непосредственных противников лапуаского движения.

³³ По сути дела, первым Валлениуса заподозрил генерал-лейтенант А. Сихво, который обратил внимание на его сомнительное поведение после его инспекционной поездки к границе с СССР. Сихво прямо спросил у него, имеет ли он какое-либо отношение к похищению Стольберга. Валлениус решительно все отрицал, но сообщил А. Сихво, что, «даже если бы и был связан, тебе все равно об этом не рассказал» (*Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. S. 75*).

³⁴ *Lackman M. Esko Rieki (1891–1973). Jääkärivärvi, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Hämeenlinna, 2007. S. 249.*

³⁵ Когда расследование только началось, быстрое решение отправить Валлениуса в отставку кажется несколько странным или, возможно, преждевременным, хотя, с другой стороны, было понятно желание командования теперь использовать первую же возможность, чтобы избавиться от него.

³⁶ *Lackman M. Esko Rieki (1891–1973). S. 249.*

³⁷ *Lehtola V.-P. Wallenius. Kirjailijakenraali Kurt Martti Walleniuksen elämä ja tuotanto. Oulu, 1994. S. 150–151.*

³⁸ Справедливости ради следует отметить, что весь жизненный путь генерал-майора свидетельствует о том, что он постоянно вел весьма активный образ жизни и всегда стремился заняться чем-то новым. В этом смысле его действительно можно охарактеризовать именно как искателя приключений. На этом фоне оценка исследователя Юха Силтала, что Валлениус искал в лапуасцах лишь поддержку своей угасающей карьере в вооруженных силах Финляндии (см.: *Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset 1930. S. 188*), представляется неправильной.

³⁹ *Lehtola V.-P. Wallenius. S. 152.*

⁴⁰ *Lehtola V.-P. Presidentin kyyditys. S. 109.*

⁴¹ KA. Säätio 34.

⁴² *Björne L. "...syihin ja lakiin eikä mielivaltaan..." S. 276.*

⁴³ Ibid. S. 279.

⁴⁴ KA. Säätio 34.

⁴⁵ Ibid. K. J. Ståhlbergin kokoelma. Cn biographica. Kansio 101 (nippu 6).

⁴⁶ *Wallenius A. Kyyditys. Hämeenlinna, 1972. S. 349.*

⁴⁷ Ibid. S. 350.

⁴⁸ *Björne L. "...syihin ja lakiin eikä mielivaltaan..." S. 280.*

⁴⁹ KA. Säätio 34. Однако более вероятным представляется то, что похищение должно было послужить лишь предупреждением противников лапуасцев.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ *Perälä R. Lapuan liike ja sanan mahti. Jyväskylä, 1998. S. 152–153.*

- ⁵² Ibid. S. 156.
- ⁵³ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyyditykset 1930. S. 191.
- ⁵⁴ Ibid. S. 192–193.
- ⁵⁵ KA. Säätiö 34.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ *Hyvämäki L.* Sinistä ja mustaa. S. 214–215.
- ⁶⁰ KA. K. J. Ståhlbergin kokoelma. Cn biographica. Kansio 101 (nippu 6).
- ⁶¹ *Ståhlberg E.* Ester Ståhlbergin voittojen ja tappioiden vuodet. Päivakirja 1926–1934. Toimittaneet Hilka ja Olli Vitikka. Porvoo ja Juva, 1986. S. 160, 163.
- ⁶² Ibid. S. 149.
- ⁶³ *Hyvämäki L.* Sinistä ja mustaa. S. 215–216.
- ⁶⁴ *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. Muistelmia 20- ja 30-luvuilta. Helsinki, 1966. S. 126.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ *Wallenius A.* Kyyditys. S. 350.
- ⁶⁷ *Björne L.* “...syihin ja lakiin eikä mielivaltaan...” S. 280.
- ⁶⁸ KA. Säätiö 34.
- ⁶⁹ *Björne L.* “...syihin ja lakiin eikä mielivaltaan...” S. 280.
- ⁷⁰ Доктор юриспруденции, профессор уголовного права Университета Хельсинки Бруно Салмиала (1890–1981) стал в 1932 г. одним из основателей преемника лапуаского движения, партии Патриотическое народное движение (ИКЛ). К лапуаскому движению он, однако, относился с подозрением, прежде всего из-за его незаконной деятельности. Его участие в деятельности ИКЛ должно было стать гарантией того, что эта новая партия будет уважать законы Финляндии, что, в общем, и произошло.
- ⁷¹ KA. Säätiö 34.
- ⁷² *Wallenius A.* Kyyditys. S. 349–350.
- ⁷³ В принципе, желание государственных властей избавиться от Валлениуса не должно было вызывать у него большого удивления, поскольку, как он сам отметил в предварительном заключении, «никто из руководителей страны, с которыми я раньше сталкивался почти ежедневно, не считал нужным навестить меня и узнать, что на самом деле произошло <...>» (KA. Säätiö 34). Кстати, еще 30 октября 1930 г. Валлениус письменно обратился к Свинхувуду, который в тот момент еще являлся премьер-министром, с просьбой, чтобы тот публично заявил о «невинности» Валлениуса и о том, что похищение представляло собой «всего лишь цепь недоразумений» (Ibid.). Письмо генерал-майора, однако, осталось без ответа.
- ⁷⁴ Kansan Arkisto (Народный архив, Хельсинки) SKP: n kokoelma. Mikrofilmi 13.
- ⁷⁵ *Wallenius A.* Kyyditys. S. 368–369.
- ⁷⁶ Ibid. S. 347.
- ⁷⁷ Ibid. S. 371.
- ⁷⁸ Ibid. S. 372.

- ⁷⁹ KA. Säätiö 34.
- ⁸⁰ Подробнее см.: *Niku R.* Ministeri Ritavuoren murha. Helsinki, 2004.
- ⁸¹ *Lackman M.* Esko Riekk (1891–1973). S. 247.
- ⁸² KA. Säätiö 34.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ibid.Säätiö 46.
- ⁸⁶ *Lackman M.* Esko Riekk (1891–1973). S. 252–254.
- ⁸⁷ *Juva E. W. P. E.* Svinhufvud II. S. 413.
- ⁸⁸ KA. Säätiö 47.
- ⁸⁹ *Leinonen A.* Vuosikymmenten valinkauhassa. S. 129.
- ⁹⁰ KA. K. J. Ståhlbergin kokoelma. Cn biographica. Kansio 101 (nippu 6).
- ⁹¹ *Leinonen A.* Vuosikymmenten valinkauhassa. S. 130.
- ⁹² Ibid. S. 126.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Е. И. Кобзарева, Г. М. Коваленко

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЭТИКЕТ И ДИАЛОГ
В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ
И РАЗРЫВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В МОСКВЕ В 1655–1656 гг.**

В 1654 г. королеву Кристину на шведском престоле сменил Карл X Густав. Поэтому летом 1655 г. из Стокгольма в Москву было отправлено посольство из 144 человек для подтверждения Столбовского договора 1617 г., определявшего отношения между двумя странами.

Официальная цель посольства состояла в подтверждении Столбовского мира. К этому времени русские войска вступили в Вильно, а Карл X Густав захватил практически всю Польшу (его поход вошел в историю под названием «Потоп»). Под Вильно русские войска нанесли поражение Б. Радзивиллу, который являлся виленским воеводой и гетманом Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ).

В секретной инструкции послам предписывалось объяснить русским причины шведского вторжения в Польшу, заверить царя в дружественных чувствах к нему и обсудить с ним проблему установления демаркационной линии между русскими и шведскими владениями на Украине и в Белоруссии, что должно было предотвратить военное столкновение. Шведы не собирались признавать сделанных русскими захватов, а соответственно, титула Великого Князя Литовского. Послам также было поручено прозондировать отношение русского правительства к русско-шведскому союзу против Польши. Осенью, пока посольство ехало к Москве, шведские войска вступали в города, захваченные русскими. В этой ситуации, как справедливо указывает А. Котлярчук, столкновение России

и Швеции становилось неизбежным¹. Когда шведское посольство добралось до России, вопрос о начале войны со Швецией еще не был решен, однако сложившаяся ситуация предопределила характер приема послов.

Посольство возглавил представитель знатного дворянского рода член Государственного совета барон Густав Бьельке. Маршалом посольства был представитель известного в Швеции семейства Класс Банер. Секретарем посольства был Юнас Гюлленкранц, торговым экспертом Филипп Крузенштерн. В Риге к посольству присоединился представитель остзейского дворянства член губернского правления Эстляндии Александр фон Эссен.

Посольство прибыло в Ригу 25 июля. Послам было предписано ехать по возможности медленно и, если удастся, дожидаться в Риге шведского вторжения в Речь Посполитую, а до начала переговоров получить информацию о ходе военных действий. Ожидая информации о последних событиях, шведские послы оставались в Риге и выехали оттуда только 7 сентября.

1 октября послы прибыли в Новгород, где их ждал неприятный сюрприз: они услышали новый необычно длинный царский титул, в то время как шведского короля упоминали с кратким титулом. В Новгороде в это время находились и имперские послы, к которым новгородские власти относились гораздо лучше, чем к шведским². По мнению Л. В. Заборовского, именно в это время внешнеполитический курс правительства Алексея Михайловича в начал меняться в антишведском духе³.

В Москву посольство прибыло 28 октября. Поскольку к тому времени «царского величества у ратных людей свейские ратные люди дорогу переняли», послов ждал холодный прием, и они остались недовольны отведенным им помещением и содержанием. Им разрешалось выходить только группами и запрещалось вступать в контакт с жителями столицы. Круг их общения составляли приставы, в беседах с которыми послы касались вопросов политики, религии, общественной жизни, военных событий⁴.

Первая встреча послов с царем состоялась 19 декабря⁵. Когда послы подносили грамоты, написанные на имя государя, этикет позволял русской стороне не принимать те из них, которые содержали неполный титул. На встрече 23 декабря шведским послам был объявлен новый титул царя, после того как русские войска взяли Вильно, к титулу добавили Литву, Белую Россию, Волынь и Подолию⁶.

Как и прежде, шведы возражали против использования в царском титуле слов «и иных многих государств государь и обладатель». Вместе с тем Алексей Михайлович, во многом подражавший Ивану IV, взял себе титул, который, как стало известно шведским послам, в свое время использовал Иван Грозный. В титуле 1655 г. было написано, что царь является обладателем восточных, западных, северных и южных земель. Названия сторон света, как указывал Бьельке, нигде не использовались в титулах европейских государствах: «...под этим может скрываться претензия на то, чтобы дальше распространить свою власть, столь далеко, как он (царь. — Е. К.) сам может подразумевать»⁷.

Внести изменения в царский титул мог только король. 24 января 1656 г., возможно уже получив донесение о переговорах 23 декабря, Карл X Густав, объявил о своем отказе изменять титулы до завершения войны с Польшей⁸. Король настаивал на том, что русская сторона должна удовлетвориться титулом в предложенном виде и сразу приступить к переговорам.

Бьельке и его спутники убедились, что русские затягивают переговоры. У послов, как они доносили шведскому Государственному совету 10 января, сложилось впечатление, что Москва дожидается результатов переговоров с имперскими послами. Шведские послы чувствовали, что не могут выполнить возложенной на них миссии, что дело идет к разрыву дипломатических отношений, что довольно быстро они могут оказаться в положении пленников (в скором времени это произошло в действительности), поэтому 2 января они попросили отпустить их домой⁹.

Русская сторона, частично нарушая сложившуюся практику, порой действовала уже в соответствии с новыми правилами, непривычными и непонятными для шведов. 15 января они принесли жалобу на то, что норма поденного корма была уменьшена по сравнению с той, которая давалась Гюльденшерне¹⁰ (в Европе не было принято содержать прибывших послов за счет государства и тем более так щедро предоставлять им вина и всевозможные яства; тем не менее перемены, происшедшие со времени приема русскими шведского посольства 1634 г., сокращение рациона не могли пройти незамеченными для Бьельке и его спутников). Однако это дополнительно осложнило положение посольства, тем более что, находясь в Риге и не имея никаких назначений, Бьельке

и его спутники не получали никаких денег. На отсутствие средств и нужду жаловались все участники посольства¹¹.

21 января Трана отметил в своем дневнике, что к этому времени «исчерпалось доверие к нам русских и великого князя, оно стало как к худшему из цыган». Он писал также о том, что когда 24 января шведские послы устроили «большой пир по случаю победы его королевского величества в Польше», то царь запретил иностранным офицерам, находившимся на русской службе, принять в нем участие. Послы хотели отметить день рождения королевича, приглашали торговых людей, но последних не известили. В принципе иностранных послов всегда держали взаперти, лишая возможности общения с внешним миром, но на этот раз такой шаг однозначно воспринимался как ущемление прав послов.

Бьельке был озабочен судьбой шведских подданных Кристиана Вальтера и Томаса Кала: они были арестованы и у них, в соответствии с русскими обычаями, были отняты их личные письма. Бьельке выражал удивление по поводу случившегося, ибо таких порядков не существовало ни в одной стране¹².

11 марта послы вели беседу с Н. И. Одоевским и Алмазом Ивановым в присутствии других бояр. Русские настаивали, что, когда шведы не приводят полных царских титулов в соответствии с новыми требованиями, «про то выразуметь не могли, для чего то написано»¹³ (на самом деле русские понимали, что шведы готовятся к разрыву дипломатических отношений). Послы стремились перейти к вопросу о том, кому должна принадлежать Литва, хотя русская сторона отвечала, что сначала надо решить вопрос о титулах, что за истекшее время можно было позаботиться о том, чтобы была прислана грамота с новыми титулами. Алмаз Иванов попытался прервать встречу, сказав, что больше не о чем вести переговоры: когда вопрос о титуле решен (при том, что в данном случае речь шла о признании прав России на Литву), ясно, что остальное — мелкие дела, которые можно быстро разрешить.

Бьельке исходил из того, что следует воспрепятствовать эскалации конфликта в Литве. Практически на первом этапе это должно было означать перемирие между двумя державами, а дальше — проведение границы без уступок земель России.

19 марта шведская верительная грамота была принята в ее первоначальном виде, в тот же день послы посетили царя. Прием

был проведен в унижительной для послов форме: они стояли в саниях; вопреки установленным нормам этикета, сопровождали их собственные пристава. Реально переговоры вел Алмаз Иванов. Так как в обоих случаях речь шла об одних и тех же проблемах, целесообразно параллельно рассмотреть материалы переговоров 11 и 19 марта.

11 марта шведы, стремясь добиться установления разграничительной линии, перешли к вопросу о нескончаемых конфликтах и обидах, в первую очередь о конфликтах, которые провоцировал А. Л. Ордин-Нащокин. В дальнейшем, 19 марта Алмаз Иванов отрицал, что со стороны царя были какие-то нарушения. Во всяком случае, в конечном итоге он сказал про русских, что «за малые места отдавать им будет большие места». Такой вариант не мог устроить русскую сторону. Шведские послы, опять же с целью в первую очередь выиграть время, предлагали провести дополнительное расследование, которое можно было поручить М. Делагарди, однако получили отрицательный ответ.

Вместе с тем речь шла о спорах, когда обе страны, не желавшие идти на взаимные уступки, вели военные действия на территории Литвы, а литовские гетманы, с одной стороны, становились заложниками русско-шведских отношений, с другой — были вынуждены выбирать, кому они хотят служить: русским или шведам. Русская сторона была больше озабочена тем, чье подданство примет Б. Радзивилл.

В связи с заключением Кейданского договора, чтобы избежать войны, шведы настаивали на том, что имеющийся в распоряжении русской стороны документ переведен неточно. Речь шла о том, что договор был заключен, чтобы на эти земли не мог претендовать польский король. На самом деле вопрос о правах России на литовские земли при составлении Кейданского договора игнорировался.

Послам была прочитана составленная по этому случаю грамота с перечислением тех земель, которые царю «Бог поручил», о взятии которых царь уведомил как шведское военное командование, так и Карла X Густава. Шведы продолжали совершать набеги на них, несмотря на то что русские прекратили нападения на территории, занятые шведскими войсками.

Если вначале русские говорили о своем намерении включить Литву в состав Российских земель, то к 19 марта они поняли, что,

так как шведы пытаются вести переговоры о разграничительной линии, то надо сформулировать свои встречные требования. Царь рассчитывал получить принадлежавшую Яну и Богуславу Радзивиллам земельную полосу шириной 25–30 верст за Десной, занятую шведскими войсками осенью 1655 г. В результате Алмаз Иванов предъявил требования, которые заведомо не устраивали шведскую сторону. Глава Посольского приказа указывал на «универсал», который получил граф Магнус Делагарди, инструкцию, переданную полковником Адамом Воляксом, которому предстояло провести размежевание в Литве, и документ, представленный последним. Неясно, идет ли речь о размежевании, которое предполагалось провести в соответствии с королевским мемориалом от 3 июля 1655 г. и которое явно не удовлетворяло русскую сторону, или в соответствии с мемориалом от 30 января. При переговорах, когда практически оказавшимся в положении пленных Бьельке и его спутникам надо было оправдать шведов, обе стороны решили свалить всю вину в возникших неурядицах на Волякса, который «сплутал, писал те города королевскими собою без королевского ведома». Бьельке осознал, что никакой диалог по этой проблеме не возможен. Реальные переговоры так и не состоялись.

Еще один конфликт возник в связи с письмом, которое шведы направили украинскому наказному гетману И. Н. Золотаренко с целью склонить его поступить на шведскую службу 10 тыс. человек. Швеция не хотела признавать права России на Украину. Переписка Карла X Густава с Б. Хмельницким началась уже давно, но намерения украинского гетмана оставались неизвестными. Украина рассматривалась Стокгольмом как независимое государственное образование. 14 ноября 1655 г. Карл X Густав послал Золотаренко письмо с просьбой о предоставлении шведской стороне 10 тыс. человек¹⁴. По-видимому, Хмельницкий дал свое согласие, и люди были посланы¹⁵. В это время шведы не предпринимали реальных попыток добиться перехода казаков в шведское подданство.

Одоевский выразил опасения по поводу этой переписки. На переговорах 11 марта 1656 г. Бьельке снова привел свой излюбленный довод, сказал, что письмо было переведено неверно, что сам король не предпринимал никаких шагов для того, чтобы привлечь казаков к себе на службу. В свою очередь, русская сторона уже

19 марта пыталась настаивать на том, что перевод был выполнен правильно. Последовала полемика по вопросу о том, следовало ли шведам обращаться к казакам, которых русские считали своими подчиненными.

Стороны с трудом находили общий язык. На словах царь и его окружение воспринимали заключение шведами (или его возможность) договоров с литовскими гетманами или с казаками как ущемление шведами неоспоримых прав русских. Это вызывало раздражение шведов, которые оказывались не в состоянии навязать русским свои требования. В донесении королю Бьельке приводил традиционную для XVII в. шведскую оценку русских: «Надменность и высокомерие народа столь велики, что этому стоит поучиться»¹⁶.

Но в принципе русские и шведы, когда шла борьба в Литве, действовали одними и теми же методами. Русская сторона успела достаточно хорошо осознать, что шведы не признают ее прав на титул Великого Князя Литовского. И русские, и шведы стремились убедить литовских гетманов принести присягу царю или, соответственно, Карлу X Густаву, заключив с ними договор, даже если до этого гетманы успели вступить в соглашение с другой стороной. В конце 1655 — начале 1656 г. царь прилагал большие усилия, чтобы убедить гетманов принять российское подданство, поскольку в Москве получали информацию о распространении в Литве прорусских настроений¹⁷.

В сложившейся ситуации Россия предпочла решать все проблемы на полях сражений. Стараясь избежать войны с Россией, успев укрепиться силой оружия там, где это удалось, учитывая слабость Русского государства, шведы первоначально намеревались быстро урегулировать возникший конфликт на уровне дипломатических переговоров. Различный подход к проблеме приводил к тому, что каждый пытался поставить на обсуждение те вопросы, которые считал нужным, хотя на самом деле речь шла об одном и том же: кому должно принадлежать ВКЛ и где предстоит провести границу. Русские специально затягивали переговоры, отказывались принять грамоты со старыми титулами. Во всех случаях шведские послы или ссылались на неточности, допущенные при переводе используемых документов, или предлагали провести дополнительное расследование. В то же время шведы откровенно не признавали прав России на Литву

и демонстрировали свое отношение к казакам как к независимому народу.

После переговоров 19 марта стало достаточно очевидным, что Россия готовится к войне. 20 марта Бьельке доносил королю о том, что русские убеждены, что шведы захватили те земли, которые были первоначально захвачены русскими войсками¹⁸.

Послы просили о прощальной аудиенции у царя, но вместо этого 20 марта к ним пришли приставы и запретили им выходить в город. Русские власти хотели перекрыть каналы, по которым информация из Москвы поступала к шведам, письма, проходившие от Г. Горна Бьельке, приходили вскрытыми¹⁹. Финляндский историк Р. Фагерлюнд отмечает, что в 1656 г. М. Делагарди получал информацию от Бьельке. 19 марта посол сообщал, что нападения русских следует ожидать с уверенностью. С весны поступавшие известия стали sporadическими, поскольку свобода членов посольства была ограничена, а также поскольку русские стали строже надзирать за шведскими купцами, которые везли с собой письма. В середине мая Бьельке сообщил Г. Горну о враждебной деятельности русских купцов в Нарве, и Горн приказал арестовать их и отправить в Швецию²⁰.

После того как царь уехал из Москвы и переговоры были фактически прерваны, контроль за членами посольства ужесточили, у них отобрали оружие и на треть сократили выдачу продовольствия. 24 мая их перевели в Замоскворечье на двор полковника Берента Рильсека, при этом им запретили покидать резиденцию и вести переписку. Фактически они были интернированы подобно членам посольства Павла Юстена в 1569–1572 гг. «С нами теперь обращались не как с послами, а как с пленниками», — писал в своем дневнике А. Трана²¹. Их участь разделил находившийся в это время в Москве шведский торговый представитель Адольф Эберс (Эбершёльд).

С 24 мая 1656 г. по 16 февраля 1657 г. послы не имели практически никаких известий о том, что происходит в стране и в мире. Только после того, как осенью 1657 г. царь принял решение о прекращении военных действий, шведам было разрешено отправить курьера в Стокгольм.

25 мая 1658 г. шведские послы покинули Москву, где они за два с половиной года испытали почти все трудности, которые могли случиться с послами в то время, когда дипломатический

иммунитет еще не стал нормой в Европе, пережили гнев и милость царя, унижение и подобострастие чиновников. Один из членов посольства писал, что почти все это время они жили «на острие ножа», опасаясь за свою жизнь, испытывая страх и отчаяние, ожидая ссылки в Сибирь как наименьшего зла.

¹ *Kotljarchuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Söderstörn, 2006.

² *Форстен Г. В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII века (1648–1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Январь. С. 242.

³ *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 134.

⁴ Дневник Андерса Траны. 1655–1656. Великий Новгород, 2007. С. 44–45.

⁵ Имперских послов царь принял 15 декабря.

⁶ *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 196–197.

⁷ Бьельке Г., Ессен фон А., Крузеншерн фон Ф. — Государственному совету Швеции. 10 января 1656 г.

⁸ Карл X Густав — Бьельке Г., Ессену фон А., Крузеншерну фон Ф. 24 января 1656 г.

⁹ Статейный список пребывания в России Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. Запись 2 января 1656 г.

¹⁰ Статейный список пребывания в России Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. Запись 15 января 1656 г.

¹¹ Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. — Карлу X Густаву. 29 января 1656 г.

¹² Шведский протокол переговоров Бьельке Г., Ессен фон А., Крузеншерн фон Ф. с кн. Н. И. Одоевским, Алмазом. 11 марта 1656 г.

¹³ Статейный список пребывания в России Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. Протокол переговоров 11 марта 1656 г. С. 36.

¹⁴ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 9. Ч. 2. Київ, 1931. С. 1110–1111.

¹⁵ *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 76.

¹⁶ Бьельке Г. Карлу X Густаву. 29 января 1656 г.

¹⁷ *Флора Б. Н.* От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // *Kwartalnik Historyczny CX.* 2003. 2.

¹⁸ Бьельке Г. Карлу X Густаву. 20 марта 1656 г.

¹⁹ *Lappalainen J. T.* Kaarle X Kustaan Venäjän-sota. Juvaskylä, 1972. S. 95.

²⁰ *Fagerlund R.* Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661. Operationer och krigsansträngningar på en bikrigsskådeplats under Carl X Gustafs krig. Åbo, 1979. S. 59–63.

²¹ Дневник Андерса Траны. С. 78–79.

Н. Кент

КРАХ АБСОЛЮТИЗМА И НАЧАЛО «ЭРЫ СВОБОД» В ШВЕЦИИ XVIII в. *

Неожиданная смерть Карла XII в момент сражения в Норвегии оказалась для Швеции крайне губительной. Вскоре после этого дальнейшие боевые действия ее армии закончились полной катастрофой и, более того, вскрыли явную уязвимость этой страны в военном, экономическом и политическом отношении. В то время как выделенные на кампанию средства бесследно исчезли, норвежские войска под командованием П. Торденшельда вторглись с запада на территорию шведской провинции Бохуслен. Неожиданное вторжение русских войск в 1719 г. на восточное побережье Швеции, которое было большей частью не защищено, также привело к разорению этой части страны. Город Сёдертелье, находящийся недалеко от Стокгольма, был сожжен дотла, также серьезно пострадали другие города, находящиеся к северу города Умео. В Финляндии большое количество мужского населения было вывезено в качестве военнопленных в Россию, где они были приняты на военную службу или направлены на принудительные работы. Многие же из тех, кто избежал этой участи, перебрались в Швецию, где постарались окончательно обосноваться с тем, чтобы никогда больше не возвращаться на родину. Хотя Стокгольм под руководством Рутгера Фучса (1682–1753) успешно противостоял начавшемуся вторжению русских войск, страна в целом

* Перевод статьи с английского языка выполнил канд. ист. наук Сидоренко Л. В. (СПбГУ).

была неспособна на долгое сопротивление. В результате Швеция была вынуждена принять очень жестокие условия: она потеряла не только большую часть немецких земель, захваченных ею в ходе Тридцатилетней войны, особенно Бремен и Верден, переданных Ганноверу, но и должна была выплатить значительные компенсации. Города Волин и Узедом, среди других земель Восточной Померании, шведы также вынуждены были уступить Пруссии. Лишь только часть территории к западу от реки Пеене оставалась еще в руках Швеции.

Возникли также и финансовые трудности: так, недавно предоставленное Швеции право на свободный от уплаты датской пошлины проход судов через Зунд было отменено. Однако наиболее жесткими оказались условия Ништадтского мира в 1721 г., которые были выдвинуты Россией. Швеция должна была не только передать России «навек» Ингрию, которая уже в течение целого поколения находилась в руках русских, но еще Эстляндию, Лифляндию и Карелию с Кексгольмом.

В этих условиях серьезно пострадал и статус монархии. В 1719 г., после смерти своего брата Карла XII, Ульрика Элеонора (1688–1741) провозгласила свое регентство над Швецией. Но она, с тем чтобы сохранить трон, должна была также признать окончание абсолютизма. В результате период, продолжавшийся до 1772 г., традиционно был известен в Швеции как «эра свобод»¹. Только по прошествии более чем пятидесяти лет королевский абсолютизм вновь был восстановлен ее внуком Густавом III (1746–1792). В этой новой форме правления именно риксдаг, в особенности его высшие сословия — дворянство, духовенство и горожане, — выиграл в наибольшей степени, став по своим функциям более похожими на парламентские фракции². Но одновременно весьма распространенной была практика, когда самые важные решения принимались т. н. секретным комитетом. Он состоял из пятидесяти дворян, а в дальнейшем соответственно еще из двадцати пяти священников и бюргеров. Согласно обнародованному в 1723 г. риксдагом закону, законодательная власть, а также функции налогообложения были переданы именно ему, а не монарху. Определялась также периодичность созыва парламента — он мог собираться каждые три года. Этот новый шведский свод законов от 1734 г. также имел огромную важность, т. к. модернизировал законодательную власть в государстве. С этого времени

вплоть до дворцового переворота Густава III в 1772 г. в Швеции была создана фактически парламентская система правления.

В эту новую эру государственный канцлер Швеции Арвид Горн (1664–1742) стал играть особо важную роль. Его должность — президента канцелярии — стала одной из самых влиятельных в бюрократической структуре государства. Умеренный меркантилист, А. Горн стремился поощрять отечественную промышленность, особенно в текстильном производстве. Он также старался удерживать Швецию от участия в военных действиях. Однако для некоторых его меры казались слишком нерешительными. Эти гораздо более жесткие сторонники политики меркантилизма, часто из молодых офицеров, бюрократов или коммерсантов начали именоваться партией «шляп». Данная оппозиция к Горну и его сторонникам постепенно становилась весьма хорошо организованной и более подготовленной к борьбе против их оппонентов, гораздо более высоких по рангу, аристократов, которых начали именовать партией «колпаков».

Когда «шляпы» в 1738–1739 гг. уже добились доминирования в риксдаге, то Горн был вынужден уйти в отставку. После этого ведущий представитель партии «шляп» Карл Гилленборг (1679–1746) получил пост президента канцелярии. Причем в то время как Горн являлся «голубем» в отношении участия Швеции в войне, то Гилленборг был явным «ястребом», решившим, когда обстоятельства станут благоприятными, любой ценой возвратить территории, отданные до этого России. После военного фиаско 1743 г. Гилленборг ушел из политики, получив пост не менее напряженный — в университетской администрации.

В установившейся политической системе все шведские подданные оказались представлены одним из четырех сословий. Дворянство, поредевшее в предыдущих войнах, насчитывало только около пяти процентов населения. Духовенство составляло девять процентов, а горожане и крестьяне — подавляющее большинство. Первое сословие, в сравнении с таковым в других европейских странах, было вполне открытым. Дворянство ни в коем случае не являлась закрытой кастой, поэтому некоторые из наиболее выдающихся бюргеров, пробивавшихся через военную или гражданскую службу, со временем попадали в его ряды.

Наибольшая политическая власть передавалась в руки короны и дворянства, но духовенство тоже имело огромную значимость

и влияние как в сельской местности, так и городах, в светских и духовных делах. Его лидер в риксдаге бессменно был архиепископ Уппсальский, глава шведской церкви, чья власть оставалась ограниченной, в сравнении с могуществом государства.

В июне 1741 г., поддержанная обществом, вновь разразилась война с Россией. Однако ожидаемые из Франции субсидии оказались не столь значительные. В результате скромно обеспеченная шведская армия, не имевшая хорошо продуманного военного плана, под командованием генерала Карла Эмиля Левенгаупта (1691–1743) и генерал-лейтенанта Хенрика Магнуса фон Будденброка (1685–1743) достаточно быстро потерпела поражение под Вильманstrand (Лаппеенранта) в августе. Это произошло даже несмотря на прибытие подкрепления, состоящего из свежих шведских войск.

Вступление на русский трон императрицы Елизаветы дало некоторую передышку в ходе боевых действий, однако следующей весной военные операции возобновились и Россия предприняла попытку захватить Финляндию. Причем шведская армия быстро слабела, а в августе 1742 г. даже капитулировала. Финляндия оказалась в руках русских. Левенгаупта и Бруddenброка в Швеции признали виновными в произошедшем поражении и после недолгого судебного разбирательства казнили. Однако стратегические последствия проигранной войны оказались менее ужасными, чем предполагалось в Швеции. По мирному договору большая часть Финляндии была возвращена Швеции. Но, в свою очередь, шведский бездетный король согласился признать в качестве наследника трона Адольфа Фредрика (1710–1771), родственника Елизаветы из дружественной России Гольштейн-Готторпской династии, и его супругу Ловиссу Ульрику (1720–1782), сестру прусского короля Фридриха Великого. Несогласные с этим выбором около 4500 крестьян и солдат³ из провинции Даларна в качестве протеста двинулись в июне 1743 г. в Стокгольм. Эти события стали известны как «Большая даларнская пляска» (“Stora daldansen”), закончились жестоким подавлением волнений с помощью оружия, причем лидеры восставших были или казнены, или приговорены к различным срокам тюремного заключения. Но это, со своей стороны, вызвало уже недовольство Дании. И, опасаясь вторжения в Швецию с запада, Стокгольм вынужден был обратиться к своему давнему врагу России с просьбой направить свои войска для защиты шведского побережья. В результате боевых действий

удалось избежать, но влияние России в регионе резко возросло. В силу этого Россия могла позволить себе быть великодушной, и поэтому, когда в августе 1743 г. был наконец подписан мирный договор, Швеция передавала России только Южную Карелию. Русские же войска выводились из Швеции следующим летом.

После окончания войны Швеция немедленно обратила свое внимание на укрепление восточных финских территорий. Чтобы защитить Хельсинки, тогда еще небольшую рыбацкую деревню, от возможных атак российских, в 1747 г. началось строительство крепости Свеаборг (по-фински, Виапори, сейчас Суоменлинна). Работы осуществлялись под руководством Августина Эренсварда (1702–1772), ставшего ее первым комендантом. Одной из ее наиболее выдающихся сооружений здесь был т. н. сухой док (“Galär Dock”), построенный в 1760-е гг. Его стоимость была эквивалентна 67 тоннам золота. В целом для своего времени это был грандиозный проект, для реализации которого потребовалось не менее 6750 строителей. Причем шведское правительство было изобавлено от расходов на возведение крепости, поскольку тогда были возобновлены французские субсидии, которые направлялись на оплату строительства. Казалось, крепость возвещала о новой эре в военной безопасности для юга Финляндии, и она подобающим образом была увековечена в известной картине 1765 г., написанной знаменитым шведским художником Элиасом Мартином (1739–1818).

К этому времени Карл Густав Тессин (1695–1770), чей дед и отец являлись придворными архитекторами, продвинулся не в архитектуре, а в политике, одним из ведущих лидеров партии «шляп». Однако сила политического созвездия, в котором он был центральной фигурой, ослаблялась растущим вмешательством России во внутреннюю политику Швеции, что портило как его репутацию, так и популярность его партии. Возмущение по этому поводу высказал его оппонент Андерс Йохан фон Хёпкин (1712–1789). На собрании риксдага в 1746–1747 гг. он издал «Национальное объяснение», критикующее Тессина, одновременно критикуя Россию за ее вмешательство в шведские внутренние дела. Тем не менее всё же «шляпы» продолжали доминировать в политических дебатах, а связи с Россией и Пруссией продолжали укрепляться.

Адольф Фредрик и Ловиса Ульрика, однако, разделяли волну политического недовольства, ощущая при этом свой сокращающийся контроль над государством. Поэтому они принялись формировать

собственную политическую группировку, в которой активно стремились сопротивляться требованиям «шляп» в 1749 г. в отношении возможности уступить в любых претензиях Гольштейн-Готторпских. Это привело в 1756 г. к попытке переворота, который закончился тягостным поражением, несмотря на королевскую поддержку: его некорольевские лидеры были казнены, а саму королевскую чету основательно изолировали. «Шляпы» остались у власти и были готовы использовать любой заговор в качестве повода, чтобы бить своих врагов с целью достижения их покорности.

Франция тоже стала более активно действовать на балтийской сцене. В 1757 г. против Пруссии разразилась Померанская война. Она явилась результатом союза Швеции с Францией, и теперь первая оказалась вовлечена в Семилетнюю войну, начавшуюся годом ранее. Постоянное желание шведов получить назад потерянные немецкие территории самым лучшим образом соответствовало планам Франции. Однако субсидии от Франции не оказались достаточными для достижения поставленных целей, а шведская военная мощь не шла ни в какое сравнение с войсками Фридриха Великого. Поэтому в Германии статус quo ante сохранился к 1762 г., когда в Гамбурге был заключен мирный договор. После этого ход дел во внутренней политике серьезно изменился, т. к. экономика оказалась ослабленной, росла инфляция, а «шляпы» заняли оборонительную позицию. Как итог, «колпаки» вновь получили доминирование в риксдаге 1765–1766 гг.

Теперь они стали дистанцироваться от Франции, формируя более тесные связи не только с Россией, но и Англией. Система государственных финансов была реорганизована на антимеркантилистских принципах, как того предписывалось такие дворяне-экономисты, как Андерс Бахмансон Норденкрантц (1697–1772) и Андерс Хидениус (1729–1803). Расходы на чиновничий аппарат были сокращены. С сокращением должностей были наложены ограничения на импорт, производство и потребление роскоши, особенно кофе, шоколада, вина и дорогих тканей. Флот был усилен, и в 1763 г. в Карлскроне был построен первый в Швеции сухой док. Новые банковские займы в большей мере были запрещены, долги инкассированы. В результате в экономике стала наблюдаться дефляция. В политике же была достигнута бóльшая открытость, в результате чего собрания всех четырех сословий всё более вытесняли политическую активность секретного комитета, который до этого исключал, как мы видели, представителей крестьянства.

Затем, когда в 1766 г. была отменена политическая цензура, Швеция наравне с Великобританией могла похвастаться тем, что является одной из самых либеральных, неавторитарных европейских стран, но достигнуто это было тяжелой ценой — политическим хаосом.

Шведская экономика также находилась в жалком, стагнирующем состоянии, что сопровождалось общим недовольством, поднимающимся среди широких слоев населения. Когда король настоял на отмене риксдага, под угрозой отречения и поддержанный «шляпами», боящимися юридических мер «колпаков» против них, и от которых он ожидал усиления своих прерогатив, последние вернулись к власти. Однако «колпаки» оказались неспособными обеспечить королю возвращение тех прерогатив, которые обещали. Также они оказались неспособными обеспечить тех, кто стремился к росту прав растущих профессиональных и бюрократических классов, возмущавшихся привилегиями дворянства, которые они не могли получить. Как итог началась контрреволюция.

Смерть в феврале 1771 г. Адольфа Фредрика позволила создать условия, при которых Густав III, находившийся в то время на заключительном этапе своего большого турне по Европе, смог подготовить государственный переворот. Возвращаясь в Стокгольм в мае 1772 г., он остановился в Пруссии у его дяде Фридриха Великого, где обсудил с ним ряд политических дел. Он также был осведомлен о том, что «колпаки», поддерживаемые субсидиями из России, снова обрели власть в риксдаге, вновь созданном после смерти его отца. Но существующее в Швеции всеобщее недовольство, усугубляемое неурожаем в сельском хозяйстве, явно мешало консолидации «колпаков». В этой ситуации Густав решил воспользоваться общим хаотичным положением дел и, заручившись поддержкой Франции, по прошествии половины столетия — 19 августа 1772 г. совершил бескровный государственный переворот, вновь установив королевский абсолютизм.

¹ Более того, спустя год после восшествия на престол Ульрика Элеонора отеклась от трона в пользу своего мужа, графа Фредрика Гессенского (1676–1751), который правил более трех десятилетий как Фредрик I.

² Крестьянское сословие часто отлучали от принятия наиболее важных решений.

³ Предпочли датского претендента и его супругу.

Т. А. Базарова

**ВИЗИТЫ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ
В ИНГЕРМАНЛАНДИЮ в 1703–1704 гг.**

Петровская эпоха с новым ритмом жизни царского двора оказала влияние и на российские дипломатические обычаи. Если в XVII в. послов зарубежных держав принимали в царских палатах (в Москве или в городе, временно ставшем царской резиденцией), то в первой четверти XVIII в. соблюдать это условие уже было невозможно. Нередко иностранные дипломаты следовали за царским двором, сопровождали государя в походах как по территории российского государства, так и за границей.

В начале XVIII в. армия Петра I воевала на территории Ингерманландии. Оправившись после неудачной осады Нарвы (1700), русские войска в 1702 г. штурмом взяли «наследную» крепость Орешек, а в 1703 г. овладели Ниеншанцем, Копорьем и Ямом. В 1704 г. сдались шведские гарнизоны крепостей Ивангорода, Дерпта и Нарвы. В эти тревожные годы Петр I основное время проводил в походах (находился в расположении действующей армии, наблюдал за строительством крепостей, флота на верфях и т. д.). В Москве, где находилась резиденция иностранных дипломатов и куда прибывали посольства, царь обычно появлялся только в зимнее время, поэтому в начале Северной войны послов принимали на только что отвоеванных у шведов землях.

Сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов (Москва) протоколы приемов посольств, царские указы, распоряжения и переписка руководителей Посольского приказа не только показывают, как в петровское время на базе обычаев

предыдущих эпох и под влиянием европейских веяний формировался русский дипломатический протокол Нового времени¹, но и позволяют уточнить детали пребывания иностранных послов в Российском государстве.

Так, 20 мая 1703 г., спустя менее трех недель после захвата русскими войсками шведской крепости Ниеншанц, на берега Невы прибыли литовские послы М. К. Белозор, М. Халецкий, З. Б. Хржановский и Я. Домбровский. Целью посольства Великого Княжества Литовского было подписание договора о совместных действиях с Россией против шведов на территории Литвы. Поскольку Петр I находился в расположении действующей армии, в апреле 1703 г. он указал встретить послов «на границе со всяким почтением и для того кого послать из Пскова навстречу им человека добра и велеть их встретить кому с ним пристойно»². Литовские дипломаты прибыли в Псков 14 апреля 1703 г., где были встречены капитаном Францем Гордоном «с товарищи». «А как ехали они, послы, во Псков и для встречи поставлено было салдацких 3 полка от Великих ворот до постоянного двора по обе стороны в ружье»³. Из Пскова, поскольку государь в апреле — мае 1703 г. в основном находился на невских берегах⁴, посольство направили не в Москву, а в Новгород, где литовских дипломатов после торжественной встречи разместили на посольском дворе, куда «удобство отправлено им все сполна»⁵.

Еще 8 апреля из Шлиссельбурга в Новгород направили стольника С. Г. Нарышкина. Ему поручили изготовить суда и доставить «послов до Шлюсбурка, или где великий государь обретатися будет, водяным путем», при этом «...в дороге иметь к ним почтение и остерегательство, чтоб от кого какова бесчестия им, послам, не нанеслось»⁶. Согласно инструкции, стольнику также следовало взять из Новгородской приказной палаты двух «добрых» подъячих и записывать, если «послы говорить будут о каких делах». Эту записку требовалось представить в Посольскую походную канцелярию Ф. А. Головину⁷.

Оставив большую часть людей и почти всех лошадей в Новгороде, три литовских посла в сопровождении 37 человек свиты отправились на двух кораблях к Шлотбургу (бывш. Ниеншанцу)⁸. 20 апреля суда с польскими послами приблизились к бывшей шведской крепости. «...И были все три особы на одном, а на другом карабле дворяня их и люди. А как пришел тот прежней карабль

и стал по указу царского величества против посольской ставки, которая им до приезде их была изготовлена от города в полуверсте немного выше в 4-х шатрах. Потом и другой пришел вскоре и стал <...> против того места выше города с полверсты. А как те карабли стали, и со взятого шведского карабля, которой стоял близ города, поздравляли приход тех караблей с того взятого карабля пушечною стрелбою из всех пушек»⁹. В ответ каждый из подошедших к крепости кораблей салютовал из пятнадцати пушек. Затем послов приветствовали выстрелами из Шлотбурга. К посольским судам «в барже государевой, в которой гребцы были все в бархатных бостроках и штанах» подошел тайный секретарь П. П. Шафиров. Он предложил гостям перебраться на баржу и следовать «в ставку, которая им уготована на берегу». Послы, поблагодарив, «немного погодя поехали в той барже все особами своими и при них несколько дворян, а достальные поехали в шлюпках. И как они отъехали от караблей, тогда выстрелили с каждого карабля из девяти пушек». На берегу их встретили солдаты батальона Бутырского полка во главе с майором Колычевым. После того как послы разместились в шатрах, они направили на барже своего представителя поздравить Ф. А. Головина, «на что боярин отвечал, что он радуется тому, что они, послы, в таком необычайном пути быв, приехали к Шлотбурху в добром здравии и заутро имеет он конечно с ними, послы, видется сам без всякой церемонии приватно»¹⁰. Рота солдат Бутырского полка осталась при литовских послах на карауле, а остальные вернулись в свой обоз.

На следующее утро, 21 мая, глава Посольского приказа Ф. А. Головин прибыл к литовским дипломатам. В тот день был согласован порядок церемонии вручения послами грамоты своего правительства русскому царю.

22 мая послов на торжественную аудиенцию у царя в Шлотбурге доставили на той же барже «с прежним убором и з гребцы» в сопровождении переводчика Семена Лаврецкого. «И вышли на берег, стояли от берегу до городовых ворот строем Бутырской полк по одну сторону в городе Преображенского полку 6 рот. Перед послами шли их посольские дворяне, а потом послы; с послами шел по левую сторону переводчик Семен Лаврецкой. Как мимо тех полков шли, и им для чести отдавали поклон офицеры по воинскому артикулу. А великий государь изволил быть в комендантовых

хоромах; хоромы были немалые, толко во время осады во многих местех от бомб изломаны»¹¹.

В доме, в который еще недавно служил резиденцией последнему шведскому коменданту Ниеншанца Ю. Аполлову, послы вручили царю «лист от речи посполитой». По обычаю, грамоту принял Ф. А. Головин, над которой «наднес царское величество руку»¹². В результате продолжавшихся несколько дней переговоров, на которые литовских дипломатов доставляли на барже и шлюпке, было достигнуто соглашение и подписан трактат о совместных действиях против Швеции. 17 июня 1703 г. Петр I указал «дать своего великого государя жалованья Великого Княжества Литовского Речи Посполитой послом на отпуске» мехов и ценных тканей¹³.

Осенью 1704 г. другая завоеванная русским оружием шведская крепость Нарва стала местом вручения отпусной грамоты турецкому послу Ногайле Мехмеду Мустафе-аге.

Приезд турецкого посланника в Российское государство стал первым после полувекowego перерыва. Несмотря на то что 3 июля 1700 г. открытое военное противостояние России и Османской империи закончилось подписанием Константинопольского мирного договора (1700), взаимоотношения двух государств оставались напряженными. Уже в декабре 1702 г. турецкое правительство потребовало уничтожить крепость Каменный Затон и военные корабли в Азове и Таганроге, прекратить строительство флота в Воронеже, а также приступить к установлению русско-турецкой границы¹⁴. Поэтому в султанской грамоте, которую привез турецкий посол, не только сообщалось о восшествии на престол Ахмеда III (1703–1730), но и выражалась обеспокоенность военными приготовлениями России на ее южных рубежах.

Путь посольства из Османской империи в Москву занял несколько месяцев. В начале декабря 1703 г. посол прибыл в Каменный Затон, откуда его отправили в Батурин. Там он находился с 23 декабря 1703 г. по 30 января 1704 г.¹⁵ Затем в сопровождении «пристава» стольника Ф. И. Протасьева посол отправился в Москву. Для участников посольства через каждые 15 верст готовили «станы в добрых деревнях, где б были хоромы добрые» или в помещичьих усадьбах, находившихся на расстоянии 1–2 верст от дороги¹⁶. Однако этот заранее согласованный график неспешного путешествия по России вскоре нарушился. В начале февраля

1704 г. Ф. И. Протасьев получил указ срочно доставить турков в Москву. В письме главе Посольского приказа Ф. А. Головину стольник сообщил, что «посол едет в корете, а в воску и в санях не едет, а говорит мне о том: для чего его везли по пятнатцати верст на день, а ныне велено вестъ днем и ночью. И зело, государь, о том скучает <...> и в дороге ночью, <...> послав ковер, молитца. Однакож, государь, не отговариваетца и ночью едет...»¹⁷.

Торжественный въезд турецкого посольства в российскую столицу состоялся 19 февраля 1704 г. После выяснения статуса посла и попыток согласовать порядок церемонии состоялась царская аудиенция¹⁸, где Мустафа-ага вручил султанскую грамоту, ответ на которую было обещано дать позднее. 26 февраля Петр I выехал из Москвы на Олонецкую верфь, а затем в С.-Петербург¹⁹.

Турецкий посол по царскому указу был отправлен в Новгород, где для его резиденции подготовили двор с каменными палатами, на котором ранее стоял Б. П. Шереметев²⁰. В Новгороде Мустафа-ага провел почти семь месяцев: с 30 марта по 12 октября²¹. На его содержание выделялось по 35 руб. в день, а в августе по просьбе посла к нему для стирки белья доставили двух «бусурманских девок»²².

Надо полагать, что турецкому послу и его правительству не была понятна причина такой длительной задержки с ответом на султанскую грамоту. В августе 1704 г. в Москву прибыли посланцы крымского хана для «проведывания» о судьбе турецкого посольства, которым сообщили о благополучно пребывании Мустафы-аги в Новгороде в ожидании возвращения царя «из походу». По распоряжению Ф. А. Головина татар отправили в Батурин к гетману И. С. Мазепе, а Мустафе-аге предложили написать письмо султану или везиру и отправить с двумя своими людьми. После того как турок отказался писать ко двору, Ф. А. Головин поручил русскому послу в Стамбуле П. А. Толстому «объявить салтаному величеству», что его посланец «ныне живет во всяком довольстве в Новгороде в добром здравии близ походов царского величества и отпущен будет вскоре...»²³. По-видимому, прибытие «приезжих татар», свидетельствовавшее о беспокойстве турецкого правительства относительно судьбы посла, все-таки ускорило его отпуск на родину.

23 сентября 1704 г. прибывший на Олонецкую верфь Петр I указал Ф. А. Головину «посла турскова взять в Нарву», куда сам намеривался прибыть в конце октября после посещения С.-Петербурга. Именно на невские берега для обсуждения отпускной грамоты

он просил приехать Ф. А. Головина и А. Д. Меншикова²⁴. Царь распорядился всячески тянуть время, «чтоб оной не ранней был, как мы будем», везти Мустафу-агу через Псков и Юрьев (Дерпт, совр. Тарту), «не спеша», с тем чтобы дорога заняла не менее двух недель. Как указал Петр I: «И сие учинить, первое — ему удовольствие, второе — протяжка времени безпечальная ему, третье — что и Юрьев увидит»²⁵. Судя по ответному письму главы Посольского приказа, путь из Пскова через Дерпт не был безопасен. Ф. А. Головин распорядился выслать навстречу послу из Пскова конных провожатых, «чтоб не пропал в дороге»²⁶.

12 октября турецкое посольство наконец выехало из Новгорода и прибыло в Псков 20 октября 1704 г.²⁷ Мустафе-аге так и не удалось увидеть захваченную русскими войсками в июле 1704 г. шведскую крепость Дерпт. Планы царя снова изменились, и он распорядился доставить турецкого посла в Нарву как можно скорее, прямой дорогой на Гдов, не заезжая в Дерпт²⁸. Через месяц, 12 ноября, турецкий посол прибыл в Нарву²⁹.

В современной научной литературе можно встретить упоминания о визите Мустафы-аги на невские берега³⁰. Более того, пребыванию турецкого посольства в С.-Петербурге в 1704 г. посвятил статью О. А. Яковлев³¹. Историк посчитал, что «в исследованиях, посвященных истории внешней политики России и истории Санкт-Петербурга, обойден вниманием факт пребывания в только что основанном городе осенью 1704 г. турецкого посольства» и пришел к выводу, что «что посольство Мустафы-аги можно назвать первым посольством, прибывшим в Санкт-Петербург вскоре после его основания»³². Однако единственный источник, который указывает на возможность посещения послом невских берегов, — это последняя редакция «Гистории Свейской войны», где говорится: «По возвращении государя с Олонецкой верфи в Нарву, из Санкт-Петербурха призван был в Нарву турецкий посол Мустафа-ага, где дана ему абшид-аудиенция»³³. В том же документе двумя абзацами выше речь идет о том, что Петр I с Олонецкой верфи направился не в Нарву, а в С.-Петербург. В город на Неве он прибыл 1 октября 1704 г. и во время своего краткого визита заложил Адмиралтейство³⁴. 9 ноября Петр I выехал из С.-Петербурга в Нарву и прибыл туда 12 ноября 1704 г.³⁵

Между тем, как в опубликованных, так и неопубликованных отчетах и переписке служителей Посольского приказа о приеме,

пребывании в России и отъезде посольства каких-либо сведений о визите турков в будущую российскую столицу (по крайней мере, пока) не обнаружено. Надо полагать, посещение турецким посольством С.-Петербурга не входило в намерения Петра I. Уже в сентябре, как уже отмечалось выше, было определено, что местом отпускной аудиенции станет завоеванная русскими войсками Нарва. Более того, от Мустафы-аги тщательно скрывали тот факт, что путь царя из Пскова на Олонецкую верфь пролегал близ Новгорода. 11 сентября Ф. А. Головин написал приставу турецкой делегации Ф. И. Протасьеву: «...а как ныне великий государь пойдет мимо Новгорода на Олонец, для Бога, постарайся всяко, чтоб он, посол, о походе великого государя не уведаль...» В случае, если бы Мустафа-ага прознал об этом, то его следовало убедить, что Петр I проезжал «на почте», а весь царский двор остался в Нарве, где и состоится отпускная аудиенция³⁶.

Именно там, в октябре 1704 г., для размещения посла и его свиты выбрали дом. 26 октября Я. В. Брюс из Нарвы сообщил Ф. А. Головину: «По приказу вашему писал ко мне об отводе дворов турскому послу подъячей Посольской канцелярии. И я приказал два двора один, где стоял Ульян Синявин, другой, где стоит милости вашей лекар, и о том писал я к господину губернатору, которой двор изволит определить. Толко ж лутчей бы было, ежели бы приказал Синявина двор взять, потому что другой поблизок к государеву двору»³⁷.

20 ноября 1704 г. турецкого посла в его нарвской резиденции посетили П. П. Шафиров и Ф. И. Протасьев, главной задачей которых было согласовать действия на церемонии вручения отпускной грамоты. Как и в Москве, снова наметились недопонимания и прозвучали взаимные упреки. У посла спросили, что он будет говорить при отпуске и сядет ли в присланную карету. В документах Посольского приказа сохранился ответ Мустафы-аги: «...когда пришетца по него, посла, не токмо корета, но хотя осла имянем царского величества (но не от иного кого), то сядет безоговорочно с охотою». Однако выяснить, какую ответную речь намерен держать турецкий посол на церемонии, П. П. Шафирову не удалось. Более того, ага попросил прислать список грамоты еще до аудиенции. Тайный секретарь ему отказал на основании того, что турецкий султан подобных списков русским послам

при отпуске не давал. Впрочем, П. П. Шафиров обещал передать на словах основное содержание документа³⁸.

В тот же день посла навестил ингерманландский губернатор А. Д. Меншиков, чтобы пригласить в свою резиденцию. 23 ноября Мустафа-ага, по-видимому, принимал участие в торжествах, устроенных по поводу тезоименитства А. Д. Меншикова. А на следующий день, 24 ноября, в нарвском доме ингерманландского губернатора состоялась отпускная аудиенция турецкого посла. После нее Мустафа-ага еще несколько дней оставался в Нарве, осматривая укрепления и посад. Так, в ночь на 27 ноября 1704 г. «посол с людьми своими ходил з двора тайным обычаем по улицам, одевся в баранью шубу и вздев шапку, смотрел в Нарве полатного строенья». За послом присматривали Ф. И. Протасьев и солдаты лейб-гвардии Преображенского полка³⁹.

27 ноября губернатор прислал к дому посла карету о «шти возниках да две лошади в добром уборе», которая доставила Мустафа-агу с его людьми к резиденции А. Д. Меншикова. Александр Данилович встретил турецкого посла в верхних сенях, откуда они вместе прошли в палату, где состоялся обед. Затем в дом губернатора прибыл Ф. А. Головин. В гостях у А. Д. Меншикова посол оставался до вечера и наблюдал, как перед домом устраивались фейерверки и запускались «верховые и земляные ракеты, на что смотря, посол велми удивлялся. А во время ево посолского бытия у губернатора потчиван он щербетом, а люди ево ренским. Потом посол отпущен, провожал ево губернатор ис полаты в сени до лесницы...»⁴⁰.

29 ноября посла снова посетил Ф. И. Протасьев, передавший поздравления и приглашение А. Д. Меншикова осмотреть крепость. Посол выразил готовность ехать с ним в любое время. 30 ноября А. Д. Меншиков прибыл к послу на санях и «поехали вместе с посолского двора в королевские ворота, потом ходили по городской стене и по болваркам. И во время того смотрения для почтения посолского ис пушак была стрельба». Оглядев нарвские укрепления, Мустафа-ага сказал: «...великое де ему удивление, что такую крепость царскому величеству Бог поручил и в малые минуты, таких де крепостей и в государстве салтанова величества мало есть. И пришли по городской стене в Вышгород, а потом отвезен посол на посолской двор в тех же губернаторских санях»⁴¹.

Между тем из Нарвы постепенно выводилась большая часть русской армии. 27 ноября 1704 г. город покинули лейб-гвардии

Преображенский и Семеновский полки. Готовились к отъезду в Москву Петр I и царский двор. 3 декабря Мустафе-аге предоставили 80 подвод⁴², на которых он со своими людьми отправился в обратный путь — через Новгород в Москву.

Таким образом, примеры приемов литовского и турецкого посольств в России демонстрируют, как в привычные посольские обычаи постепенно внедрялись новые элементы. По-прежнему, как ранее было заведено, послов встречали на границе Российского государства, обеспечивали транспортом и продовольствием и сопровождали по заранее определенному маршруту от стана к стану. При подготовке приема литовского и турецкого посольств служители Посольского приказа предварительно искали аналоги приема таких дипломатических миссий и делали из посольских бумаг соответствующие выписки. В случае с турецким посольством состоялся традиционный торжественный въезд в Москву. Однако в 1703 г. при приеме представителей дружественного литовского правительства эта ранее необходимая составляющая каждого иностранного визита была опущена. Послы прибыли не в каретах, а по воде, при этом представление послов государю состоялось не в царских палатах, а в пострадавшем от русских бомб доме шведского коменданта. В петровское время в дипломатическую практику прочно вошел обычай приветствовать дипломатические миссии пушечной стрельбой.

Приемы иностранных посольств в завоеванных шведских крепостях в Ингерманландии показывали рост внешнеполитического влияния России. Яркая демонстрация плодов недавних побед Петра I над грозным противником в первом случае должна была побудить литовское правительство к активным совместным действиям против шведов. Во втором — убедить турецкого султана, что отныне военные интересы России лежат не на ее южных рубежах и главные устремления Петра I связаны с Балтийским, а не с Азовским и Черным морями.

¹ Свод правил — «Церемониал о послах чужестранных государей при Императорском Всероссийском дворе», — закрепивший новые протокольные нормы приема иностранных дипломатов, был принят только в царствование Елизаветы Петровны в 1744 г.

² РГАДА. Ф. 79 (Сношения с Польшей). Оп. 1. 1703 г. Д. 21. Л. 13.

- ³ Там же. Л. 39 об.
- ⁴ Походные журналы 1703 г. СПб., 1854. С. 3–5.
- ⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1703 г. Д. 21. Л. 43.
- ⁶ Там же. Л. 13 об.–14, 28–28 об.
- ⁷ Там же. Л. 29–29 об.
- ⁸ Там же. Л. 1–1 об.
- ⁹ Там же. Л. 59.
- ¹⁰ Там же. Л. 60.
- ¹¹ Там же. Л. 63–63 об.
- ¹² Там же. Л. 64. Как отметил Л. А. Юзефович, доставленные иностранными послами дипломатические документы царь обычно принимал из рук своего доверенного лица, чтобы не «вступать в непосредственную связь с подданным другого монарха» (*Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М., 1988. С. 122).
- ¹³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1703 г. Д. 21. Л. 92.
- ¹⁴ *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 34, 53.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 89 (Сношения с Турцией). Оп. 1. 1703 г. Д. 6. Л. 217–217 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 120, 136 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 233.
- ¹⁸ Подробное описание вьезда посольства и аудиенции у Петра I см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. I. С. 325–328; Ч. II. Приложения II. № 233. С. 300–301. В XVII в. турецкие посланники прибывали в Россию в качестве гонцов султана и не имели права вести переговоры.
- ¹⁹ Походные журналы 1704 г. СПб., 1854. С. 13.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 6. Л. 497.
- ²¹ Там же. Л. 453.
- ²² Там же. Л. 525.
- ²³ *ПиБ. Т. III.* СПб., 1893. Примеч. к № 724. С. 694–696. *Ф. А. Головин*, охарактеризовав турецкого посла как «упрямого человека», сообщил, что кормовых денег выдавалось по 25 руб. в день и «по желанию ево даны ему две девки татарки из Касимова» (Там же. С. 696).
- ²⁴ *ПиБ. Т. III.* № 724. С. 160.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Примеч. к № 724. С. 699.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 6. Л. 453–453 об.
- ²⁸ Там же. Л. 558 об.
- ²⁹ Там же. Л. 453; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Ч. II. Приложения II. № 233. С. 301. В Походным журнале — 13 ноября (Походные журналы 1704 г. С. 11).
- ³⁰ Напр., *Анисимов Е. В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 73.
- ³¹ *Яковлев О. А.* К вопросу о пребывании в Санкт-Петербурге турецкого посольства в 1704 г. // Международные отношения в Новое и Новейшее время:

Материалы международной конференции, посвященной памяти профессора К. Б. Виноградова. СПб., 2005 (электронная версия статьи — <http://www.sovmu.spbu.ru/main/sno/sno-novist/09.doc>).

³² Там же.

³³ История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 250.

³⁴ Там же.

³⁵ Походные журналы 1704 г. С. 10–11.

³⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 6. Л. 357–357 об.

³⁷ Там же. Л. 572.

³⁸ Там же. Л. 588–596.

³⁹ Там же. Л. 607.

⁴⁰ Там же. Л. 607–607 об.

⁴¹ Там же. Л. 608–608 об.

⁴² Там же. Л. 608 об.

А. В. Мельнов

ШВЕДСКИЕ ГАРНИЗОНЫ ВЫБОРГСКОЙ И КЕКСГОЛЬМСКИХ КРЕПОСТЕЙ в 1710 г.

Осаде и взятию Выборга и Кексгольма в 1710 г. посвящено немало литературы. Она довольно полно описывает ход осадных действий русской армии. При этом следует выделить, прежде всего, основные научные труды на русском языке таких авторов, как: Б. Адамович (1903), М. Бородкин (1910), М. Васильев (1953)¹. Но в этих работах недостаточное внимание уделено вопросу, раскрывающему действия шведской армии и особенно тому, как шведские гарнизоны пытались защищать эти города в момент осады их русскими войсками. Стоить отметить лишь статью Ю. И. Мошник «Выборг в 1710 году», в которой раскрывается проблема перехода местного населения под русское подданство, так же в работе уделено внимание и шведскому гарнизону Выборга². Однако в России до сих пор систематического исследования действий армии противника по защите Выборга и Кексгольма в 1710 г. до сих пор не проводилось.

Тем не менее уже сейчас за рубежом издано достаточно большое количество исследовательской литературы по данному вопросу. Здесь нельзя не сказать о монографии финляндского историка Раймо Ранта «Выборгская комендатура 1710–1721 г.»³, где весьма последовательно и детально описывается ход осады города. Эта работа прежде всего опирается на документальную базу Национального архива Финляндии. Данное исследование, как и работы финляндского историка Й. Рута и шведского исследователя Л. Э. Хёглунда, представляют, несомненно, большой научный интерес⁴. Из слабо исследованной до сих пор отечественными историками документальной базы источников по данной проблеме

следует также упомянуть документы канцелярии Ф. М. Апраксина, где содержатся определенные сведения о «расспросные речи шведских полоняников». Эти документы теперь хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГА ВМФ)⁵. По шведскому Кексгольмскому гарнизону 1710 г. главным источником также является «Журнал осады Кексгольма», который вел комендант крепости Й. Шернсканц⁶. Все это говорит о том, что теперь уже перед российскими исследователями открывается очевидная возможность дать более объективную картину происходящих в годы Северной войны событий, связанных со штурмом русскими войсками в 1710 г. Выборга и Кексгольма.

При этом следует отметить, что уже в начале войны шведы обращали весьма серьезное внимание на необходимость обновлять укрепления, защищающие, прежде всего, Выборг. Причем новые оборонительные сооружения, которые тогда стали создаваться в спешке, сооружались преимущественно из дерева. Такой характер оборонительных работ подтверждают и названия некоторых возведенных в то время бастионов — Гольц (holz-деревянный), Зант (sand-песчаный). Этими работами с 1702–1710 гг. руководил шведский военный инженер Лоренцо Кристофер Стобеус. Согласно чертежу Выборгской крепости от 19 апреля 1707 г., были созданы две новые линии: одна линия свайных укреплений в акватории Выборгского залива вокруг замка и по обводу города, и бастионы вокруг Каменного города. Была также модернизирована Рогатая крепость. Там были построены рavelины Крон и Каролус⁷. Однако так и не было проведено серьезных мероприятий по укреплению города с западной (тыловой) стороны города, что было большим стратегическим упущением.

Комендантом крепости с ноября 1702 г. был Захариас Аминофф (Zacharias Aminoff)⁸, который не был молод и к тому же отличался «слабостью здоровья». Более того, накануне начала осады Выборга, в феврале 1710 г., он был смещен и на должность коменданта был назначен полковник Магнус Шернстрале. Новый комендант до этого уже побывал в должности руководителя шведской обороны крепости Ивангород в момент ее сдачи русским войскам. Он одно время был комендантом Кексгольма⁹. Таким образом, к началу осады Выборга новый руководитель обороны крепости еще недостаточно хорошо освоил выборгские укрепления, но имел определенный опыт командования крепостными гарнизонами.

Командующий же Финляндской армией, находящейся на Карельском перешейке, генерал-майор Георг Любекер (Georg Lybecker), за 8 дней до подхода к крепости русских войск отвел войска из города. В результате в Выборге остался лишь только собственный гарнизон. Его численность установить достаточно сложно. Обычно указываются данные от 4 до 6 тысяч человек¹⁰. К ним можно еще прибавить городское ополчение — около 200 человек¹¹. Причем если постараться выяснить количественный состав выборгского гарнизона из показаний плененных шведов, то становится ясно, что, по их данным, количество полков в гарнизоне и число солдат в них сильно различаются. Чаще всего неверные или устаревшие данные давали те, кто был взят в плен в конце марта 1710 г. Однако в более поздних показаниях плененных солдат, взятых непосредственно из осажденного гарнизона, чаще всего встречаются сведения, что «в Выборхе солдат два полка да 4 батальона... а конницы есть небольшое число...»¹². Два полка — это Тавастхуский пехотный полк полковника Г. Зулича (до 1707 г. шефом полка был генерал Г. Майдель) и Ингерманландский полк Веллинга (шеф полка генерал Отто фон Веллинг, генерал-губернатор Ингерманландии)¹³. В их составе было восемь рот.

В целом по данным, полученным русским командованием¹⁴ и из шведских источников¹⁵, становится ясно, что гарнизон Выборга состоял из двух пехотных полков и четырех батальонов по 600–700 человек в каждом. Кроме того, была еще одна неполная рота рейтар (около 40 человек); городская гвардия (ополченцы) — около 200 человек и «сельское ополчение» 300 человек, а также артиллерийское подразделение. Таким образом, численность гарнизона накануне начала осады города составляла примерно 5500–6000 человек вместе с офицерами и унтер-офицерами.

Что касается обороны Кексгольма, то здесь еще в 30–40-х гг. XVII в. на Городском (Спасском) острове были перестроены укрепления. В результате город со всех сторон был окружен пятью бастионами. Но за более чем половину столетия до начала Северной войны эти сооружения обветшали¹⁶. Крепость была небольшой, и на ее территории трудно было разместить крупный гарнизон. К тому же ее стены были недостаточно прочными. Причем в таком же положении находились и все городские укрепления. Кроме того, как доносил один из солдат кексгольмского гарнизона: «В Кореле строения все деревянные, а каменного только один цейхгауз да и казарм нет»¹⁷. Однако комендант крепости полковник

Й. Шернсканц сразу после начала в марте 1710 г. осады Выборга приступает к мероприятиям по усилению обороноспособности укреплений. В частности, кексгольмский гарнизон, расквартированный за пределами города, срочно размещается в крепости, где экстренно стали сооружаться новые казармы бараки¹⁸. В период же сдачи Выборга Й. Шернсканц обратился к генералу Любекеру с просьбой направить к Кексгольму до сотни солдат. Однако Любекер отказал, поскольку не предполагал, что русские предпримут свое наступление на Кексгольм. Конкретно, Любекер в начале июля 1710 г. писал, что главные силы русских уже возвращаются из Выборга обратно в Петербург и что Кексгольму ничего не угрожает. Однако в письме в Государственный совет от 5 июля он уже вынужден сообщить, что неприятель марширует к этому городу¹⁹.

Что же касается численности гарнизона Кексгольма, то здесь оценки разнятся не столь значительно, чем при анализе общего состава выборгского гарнизона²⁰. Очевидно, что наиболее верным здесь являются сведения, содержащиеся в дневнике коменданта крепости Йохана Шернсканца. Он в описи солдат и офицеров кексгольмского гарнизона указывает — 562 человек, из которых было — 442 солдата и 120 офицеров и унтер-офицеров²¹. Определенные сведения о численном и качественном составе шведских войск в Кексгольме можно получить и из допросов военнопленных²².

Кроме того, Шернсканц уже в марте начал призывать жителей города в ополчение. При этом в Кексгольме не было образовано, как в Выборге, «городской гвардии», но в ополчение стали призывать жителей губернии. Оно сформировалось в северных уездах под руководством капитана Саломона Энберга, а южных — фогта Масалин. Они должны были, прежде всего, препятствовать наступлению русской армии, перекрывая дороги и демонтируя мосты²³.

Что касается артиллерийских возможностях кексгольмской крепости, то о них поведал при допросе пленный капрал Дитрих Томасов. Он сообщил: «В Кареле артиллерии 4 мортиры, в том числе 2 железные, да 2 пушки больших и малых медные и железные. Артиллерных служителей 1 порутчик, 1 штык-юнкер, 1 бомбадир, пушкарей 30 человек»²⁴. В дневнике коменданта крепости Й. Шернсканца указано также точное количество артиллерийского штата: «лейтенант — 1, Фенрик, — 1, унтер-офицеров — 8; констеблей и столько же помощников — 19; гантлангеров — 28 (здоровых 20 / больных 8)». Таким образом, в Кексгольме была расквартирована одна артиллерий-

ская рота, которой командовал штык-юнкер Абрахам Энквист²⁵. Крепостное вооружение состояло из 45 пушек и 4 мортир. Шесть пушек были старыми русскими трофеями²⁶.

Также весьма интересным представляется в целом допрос пленного капрала Д. Томасова. Он также сообщил русскому командованию, что «провианту у них в Кореле почти 1000 бочек ржи да 500 бочек ячменя. Провианту солдатам дают по шесть кап овса, по четыре капы ржи, мяса по 3 фунта...»²⁷. Также сведения об довольствии солдат кексгольмского гарнизона достаточно развернуто давали и другие шведские военнопленные²⁸.

В целом сведения, которые становятся все более доступными для исследователей, могут еще много нового рассказать о событиях 1710 г. и боевых действиях на Карельском перешейке.

¹ Адамович Б. Осада Выборга // Военный сборник 1903 — № 9; *Бородкин М.* Двухсотлетие взятия Выборга. СПб., 1910; *Васильев М.* Осада и Взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 году. М., 1953.

² *Мошник Ю. И.* Выборг в 1710 году // Страницы выборгской истории: Сб. ст. (книга вторая). СПб., 2004. С. 207–220.

³ *Ranta R.* Viipurin komendanttikunta 1710–1721. Hels., 1987.

⁴ *Ruuth W.* Viipuri Kaupinqin historia. Osa II. Lappeenranta, 1974; *Höglund L.-E.* The Uniforms of The Swedish Army in the Great Northern War. Karlstad, 1996.

⁵ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 7.

⁶ *Journal uppå det som är Passerad weed Kiexholms Belägring år 1710* // *Karolinska Krigares Dagböcker jämte andra samtida skrifter.* Lund, 1916.

⁷ *Пелингук И. В.* Укрепления старого города // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб., 2009. С. 84–85.

⁸ *Ruuth J. W.* Viipuri Kaupinqin historia. S. 401.

⁹ *Гуппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 2003.

¹⁰ Сведения о численном составе выборгского гарнизона противоречивы. М. М. Бородкин утверждал, что численность гарнизона была 6000 человек (*Бородкин М.* Двухсотлетие взятия Выборга. С. 7). Й. Рут указывает на «не менее 4000 вооруженных людей» (*Ruuth J. W.* Viipuri Kaupinqin historia. S. 414), в записках же датского посланника Юста Юля встречается упоминание до 5000 человек (Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 156).

¹¹ *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: Документы Гос. архива. СПб., 1894. с. 86; *Ruuth J. W.* Viipuri Kaupinqin historia. S. 414.

¹² РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1 Д. 7. Л. 12, 15, 28.

¹³ *Höglund L.-E.* The Uniforms of The Swedish Army in the Great Northern War. S. 28, 49.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1 Д. 7. Л. 2, 4, 5, 7, 13, 15, 24, 35, 39, 41.

¹⁵ Höglund L.-E. The Uniforms of The Swedish Army in the Great Northern War. S. 28, 38, 49, 53; Roland C. von. Minnen från fångenskapen i Ryssland och Karl XII: s krig. Sthm., 1914.

¹⁶ См.: Мильгик М. И. Шведские крепости вокруг Петербурга. С. 31.

¹⁷ РГА ВМФ Ф. 233. Оп. 1 Д. 7. Л. 25.

¹⁸ Ranta R. Viipurin komendanttikunta 1710–1721. S. 61.

¹⁹ Ibid. S. 62–63.

²⁰ М. Бородин указывает — 400 чел. (Бородин М. Двухсотлетие взятия Выборга. С. 23), такую же цифру дает и Ю. Юль (Лавры Полтавы. С. 209), а Р. Ранта, ссылаясь на документы Национального архива Финляндии, уточняет эти сведения, отмечая, что в обороне Кексгольма участвовало 560 человек (Ranta R. Viipurin komendanttikunta 1710–1721. S. 64).

²¹ Journal uppå det som är Passerad weed Kiexholms Belägring årh 1710 // Karolin-ska Krigares Dagböcker jämte andra samtida skrifter. Lund, 1916. S. 154–155.

См.:

Гарнизон Кексгольма накануне осады

Штаб

Полковник и комендант	1
Гарнизонный проповедник	1
Фельдшер с помощником	2

Артиллерийский штат

Лейтенант	1
Фенрик	1
Унтер-Офицеры	8
Констеблей и столько же помощников	19
Гантлангеров (здоровых 20 / больных 8)	28

Инфантерии

Капитанов	3
Лейтенантов	3
Фендриков	3
Унтре-Офицеров с писарями	18
Капралов (здоровых 18 / больных 2)	20
Барабанщиков и трубачей	9
Рядовых (здоровых 382 / больных 60)	442
Профосов	3

²² РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1 Д. 7. Л. 25, 36.

²³ Ranta R. Viipurin komendanttikunta 1710–1721. S. 62.

²⁴ РГА ВМФ Ф. 233. Оп. 1 Д. 7. Л. 25.

²⁵ Kungl. Artilleriet Karl XI: s och Karl XII: s tid. Militärhistoriska Förlaget. Bohus 1993. S. 442.

²⁶ Ibid. S. 441.

²⁷ РГА ВМФ Ф. 233. Оп. 1 Д. 7. Л. 25.

²⁸ Там же. Л. 36.

М. А. Катцова

**СССР В ЛИГЕ НАЦИЙ:
ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ ИЛИ СКРЫТАЯ УГРОЗА?
(К ПРОБЛЕМЕ ВЫРАБОТКИ ПОЗИЦИИ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ)**

Проблема участия Советского Союза в Лиге Наций (1934–1939 гг.) в последние годы неоднократно становилась объектом внимания отечественных исследователей¹. Противоречивые мотивы присоединения СССР к этой первой в истории глобальной международной организации, наряду с политикой т. н. коллективной безопасности, в середине 1930-х гг. активно лоббируемой в Женеве представляющим Советский Союз наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым, в постсоветской историографии получили новые, более объективные и комплексные оценки. В этом свете еще отчетливее проступают причины и той неоднозначной реакции, которая в 1934 г. последовала со стороны некоторых из европейских стран — участниц Лиги Наций в отношении вступления в ее ряды «большевистской империи». Реакция стран Скандинавии — одних из наиболее беспристрастных в данном вопросе и, кроме того, к этому моменту уже прочно зарекомендовавших себя в Женеве в качестве активных миротворцев и бескорыстных посредников между европейскими державами², — является довольно показательной как с точки зрения взаимоотношений малых стран с великими державами в рамках Лиги, так и в смысле восприятия инициатив советской дипломатии на Западе в целом.

На протяжении 1920-х гг. отношения между советской Россией и Лигой Наций, как известно, являли собой открытую конфронтацию. Лига как неправомерный «клуб держав-победительниц» Первой мировой войны и символ нового, несправедливого (с точки

зрения России) Версальско-Вашингтонского международного порядка рассматривалась в Москве как способ для лидеров западных держав изолировать «незаконно существующую», по их мнению, советскую Россию как нарушителя норм международного права. Необходимость, однако, вновь занять достойное место страны Советов на международной арене побуждала наркомат иностранных дел к активизации своих усилий. В 1920-е гг. они были направлены, с одной стороны, на деятельность в рамках Коминтерна, под эгидой которого осуществлялись планы по созданию некой собственной схемы международных отношений, руководимой СССР, и с другой — на выстраивание альтернативной международно-правовой системы, параллельной «лигонационной» и противоречащей ей³, основанной на двусторонних политических соглашениях. В целом следует отметить, что в советской внешней политике вплоть до начала 1930-х гг. преобладал т. н. идиосинкразический или революционный подход: будучи вынужденной временно отказаться от идеи о мировой социалистической революции, Москва продолжала, однако, выстраивать внешнюю политику по классовому критерию.

Со временем необходимость сочетать идеологию правящей партии, пропитанную идеей революционного мессианства, с традиционной линией защиты национальных интересов государства становилась всё более очевидной для кремлевских лидеров. В течение всего межвоенного периода, на различных этапах, то один, то другой из этих компонентов советской внешней политики выходили на первый план, но в целом оба они постоянно оставались на вооружении советских политиков и идеологов⁴.

Между тем в начале 1930-х гг. уже и сами страны-лидеры Лиги Наций (прежде всего, Франция) обнаруживали заинтересованность в идее более активного подключения СССР к европейской дипломатии. Ведь, вопреки первоначальным ожиданиям, страна Советов не погрязла в хаосе, а, напротив, наращивала темпы политического и экономического развития, что способствовало ее превращению из аутсайдера в мощную конкурентоспособную страну, достойную полноправного участия в Версальской системе международных отношений.

В условиях наметившегося расшатывания выстроенного в 1919 г. баланса сил, прежде всего руками Германии и Японии, в Кремле также искали новые средства обеспечения собствен-

ной национальной безопасности. Так, если в ноябре 1927 г. И. В. Сталин заявлял, что СССР не участвует в Лиге Наций, поскольку правительство «страны рабочих и крестьян» не готово «разделить ответственность за империалистическую политику Лиги»⁵, то в конце 1933 г. позиция СССР была выражена кремлевским вождем уже гораздо менее категорично. Теперь, «несмотря на все колоссальные недостатки Лиги», Сталин не исключал, что Советский Союз поддержит ее, «если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира...»⁶.

Помимо декларируемых альтруистических задач, СССР преследовал, безусловно, совершенно конкретные, прагматические цели государственной политики. Следует перечислить несколько ведущих мотивов, побудивших НКВД в 1930-е гг. обеспечить себе представительство в Женеве. Во-первых, в задачи советской дипломатии входило укрепление данной международной организации и внедрение в сознание европейских стран выгодную СССР идею о пользе «коллективной безопасности» — политики, основанной на заключении региональных пактов взаимопомощи и защиты от агрессии, с участием широкого круга европейских государств (в первую очередь, озабоченных ростом фашизма соседей Германии — Франции и Чехословакии). Наряду с этим в Москве продолжали делать ставку на моральную легализацию большевизма и продвижение коммунистических идей в глубь Европы, отныне оказывающихся мощным противовесом идеологии фашизма. В официальном заявлении советского представителя в Лиге Наций наркома иностранных дел М. М. Литвинова при этом подчеркивалось, что СССР вступает в Лигу с единственной целью всемерно сотрудничать с другими народами в деле сохранения мира. Так, действительно, «интерпретация внешней политики СССР межвоенного периода едва ли возможна без обращения к ее двойственности»⁷.

Суть проблемы вступления СССР в Лигу Наций пятнадцать лет спустя после начала деятельности этой организации была удачно сформулирована Т. Ю. Жуковской. Противоречивость данного шага заключалась, по мнению исследовательницы, в том, что «национальным интересам граждан СССР вступление в Лигу Наций соответствовало практически случайно» и в то же время «именно вступление СССР создавало ситуацию, больше всего

способствовавшую нарушению мирового спокойствия» и европейского баланса сил, так как это была «заявка на изменение системы международных отношений, в которой СССР видел себя в роли лидера», оспаривающего роль «дирижера в европейском концерте»⁸.

Современникам событий и государствам-участникам Лиги Наций в 1934 г. было, однако, куда сложнее, чем историкам в наши дни, разобраться — какие перемены несет с собой появление в Женеве представителей могущественной страны Советов. Далеко не все оценивали намерения внешней политики СССР в столь же радужных и миролюбивых тонах, как декларировалось главой НКИДа. Распространившееся и подогреваемое угрозой осуществления экспансионистских планов фашистов представление о том, что «малые народы живут под защитой советских штыков»⁹, вызывает дополнительный интерес к тому, каково в действительности было отношение отдельных из этих «малых народов», а именно Скандинавских стран и Финляндии, к появлению Советского Союза в качестве постоянного члена в Совете Лиги Наций.

Примечательно также, что как в процедуре вступления, так и исключения СССР из Лиги страны Северной Европы являлись самыми непосредственными фигурантами событий. Вступление происходило под официальным патронажем шведского министра иностранных дел Рикарда Сандлера, назначенного председателем XV Ассамблеи; причиной же исключения из Лиги стала развязанная Советским Союзом война с соседкой Швеции — Финляндией.

Следует заметить, что в течение всего межвоенного двадцатилетия у североευропейских стран имелись в целом достаточно слабые политические и экономические связи с Советским Союзом¹⁰. Коммунистические партии в Скандинавских странах, на фоне организованных и сильных социал-демократов, не представляли собой влиятельной политической силы¹¹. В плане внешней торговли Скандинавия была в основном ориентирована на Запад — на Великобританию и Германию¹². Переговоры о возможности заключения двухсторонних пактов о ненападении, которые вели советские полпреды в период 1926–1933 гг. в Дании, Норвегии и Швеции, не дали результатов¹³.

При этом важно иметь в виду, что, в восприятии советским политическим и военным руководством в 1920–1930-е гг. региона

Северной Европы, по уровню Ботнического залива пролегла достаточно отчетливая граница, отделявшая сравнительно беспроблемные (с точки зрения интересов безопасности СССР) Скандинавские страны от гораздо более «опасной» Финляндии, которая, наряду с Прибалтикой и Польшей, относилась, по мнению Кремля, к группе в целом враждебно настроенных стран-лимитрофов Восточной Европы. Поэтому неудивительно, что в начале 1930-х гг., после того как Финляндия стала в поисках гарантий своей безопасности, искать возможностей подсоединения к группе «мирных скандинавских нейтралов», каковыми зарекомендовали себя в Лиге Наций Швеция, Норвегия и Дания¹⁴, недоверие и отчужденность в советско-скандинавских отношениях усугубились. С середины 1930-х гг. растущая напряженность в отношениях с Финляндией еще ощутимее стала отражаться на советско-скандинавском диалоге, поскольку скандинавы, доброжелательно принимая финнов в качестве новых участников «северного нейтрального сообщества», тем самым, как полагали в Москве, просто глубже втягивались в коварные замыслы финских милитаристов.

За изменениями в советской внешней политике в это время пристально наблюдали и в странах Северной Европы. 6–7 сентября 1934 г. — накануне принятия СССР в ряды Лиги Наций — в Стокгольме состоялась первая в истории специальная конференция четырех министров иностранных дел стран Северной Европы. Зарождение традиции проведения подобных региональных конференций относилось еще к временам Первой мировой войны¹⁵. Однако тогда данные особые «скандинавские совещания» были мерой фактически вынужденной, обусловленной тяжелой обстановкой военного времени. Поэтому с окончанием войны практика проведения региональных конференций была быстро прервана. Что касается Финляндии, то она получила приглашение участвовать в скандинавской конференции впервые именно осенью 1934 г.

Тот факт, что четыре страны Северной Европы приняли решение о проведении собственной, отдельной правительственной конференции именно в канун голосования по вопросу о принятии СССР в Лигу Наций, представляется весьма примечательным. В Женеве представители Скандинавских стран, по сути, с самого начала составляли своеобразную партию или неформальный

северный блок, со свойственным ему корпоративным чувством, общей системой представительства в органах Лиги и взаимной поддержкой на переговорах¹⁶. Столь значимое событие, как вхождение в Лигу Советского Союза (глава шведского внешнеполитического ведомства Р. Сандлер позднее назвал его «важнейшим в области внешней политики за весь 1934 год»¹⁷), требовало тем более подробного обсуждения и выработки согласованной реакции от «северной группировки». Хотя в официальном коммюнике конференции сообщалось, что главной темой обсуждения стали вопросы регионального экономического сотрудничества, центральное место в дискуссии министров северных стран, как свидетельствует протокол конференции, занял всё же именно вопрос о вступлении СССР в Лигу Наций¹⁸.

Данный документ позволяет констатировать, что новость о желании советского правительства присоединиться к общеевропейскому форуму была воспринята северными странами с недоверием и настороженностью — как и вся внешняя политика Москвы последних пятнадцати лет. Скандинавы осознавали, что после выхода из Лиги Наций Германии и Японии Сталин мог сформулировать вполне конкретные задачи для участия СССР в данном международном органе: с одной стороны, использовать Лигу в качестве орудия распространения и пропаганды большевизма (как это делалось в недалеком прошлом на конференции по разоружению), с другой стороны, обеспечить собственную безопасность в случае эвентуального вооруженного конфликта между СССР и наиболее вероятными агрессорами — Германией либо Японией¹⁹. Таким образом, в заверениях Кремля отныне безоговорочно содействовать делу мира и коллективной безопасности политические элиты в Хельсинки, Стокгольме, Копенгагене и Осло усматривали в первую очередь корыстность и недобросовестность намерений советской стороны.

В отношении причин такого, изначально скептического отношения Скандинавских стран к советской внешней политике следует учитывать и еще один немаловажный фактор. Северные страны относили себя к западной капиталистической цивилизации: в качестве достойного образца для подражания и прогрессивного развития здесь, как до, так и после Первой мировой войны, выступала в первую очередь Великобритания. В рамках Лиги Наций дипломатия «блока Скандинавских стран»

также была ориентирована на английскую линию. На этом фоне ситуация во внутривнутриполитической жизни СССР — причем не столько коммунистическая теория, сколько насильственная, репрессивная практика сталинизма, далекая от западных норм демократического консенсуса общества и власти — создавала труднопреодолимый барьер недоверия и к советским внешнеполитическим инициативам. Свою роль играла также объяснимая настороженность малых стран в отношении политики великих держав в целом.

Из всех северных стран наиболее противоречивые чувства вопрос о присутствии СССР в Лиге Наций пробудил в Финляндии. Во-первых, финны — так же, как и скандинавы — вовсе не были заинтересованы в предлагаемой М. М. Литвиновым концепции коллективной безопасности, советская трактовка которой органично включала в себя как ценности всеобщего мира, так и старую «политику союзов» (на последнюю, очевидно, Кремль и делал реальную ставку)²⁰. Малые страны, напротив, стремились уклониться от втягивания в атмосферу противоречий между великими державами. Во-вторых, присутствие СССР в Лиге затрагивало интересы финских националистов, которым в данном случае становилось сложнее решать через нее вопрос о возможности передачи финнам советской (восточной) Карелии и Ингерманландии²¹. Определяющим же фактором в отношении Финляндии к СССР было то, чтобы любыми способами избежать такого положения, которое дало бы право Советскому Союзу, хотя бы и под предлогом выполнения санкций Лиги Наций, направить свои войска в Финляндию²².

В Москве осенью 1934 г. внимательно следили за тем, как реагируют на ситуацию в европейских столицах, в странах Северной Европы руку на пульсе держала советский полпред в Швеции А. М. Коллонтай. За неделю до итогового голосования в Женеве она отмечала, что в целом все три Скандинавские страны настроены благожелательно и обещают содействовать прохождению предложения Франции, однако со стороны финнов имеются затруднения — и именно с целью оказания влияния на Финляндию якобы и проводилась недавняя сентябрьская конференция северных стран. При этом Коллонтай недоумевала, «почему Унден²³ говорил о том, что вхождение Союза в Лигу Наций сопряжено с целым рядом «технических трудностей». Что это означает?...»²⁴.

Ответ на этот вопрос был получен советской стороной буквально через неделю. К удивлению и разочарованию Москвы, северные страны не были в числе тех тридцати государств-участников Лиги Наций, которые 15 сентября 1934 г. пригласили Советский Союз вступить в «женевский клуб». Ссылаясь на свою нейтральность, северные страны приняли решение не подписывать коллективный документ с предложением, обращенным к СССР. Щекотливость ситуации заключалась в том, что противопоставлять свою позицию мировому сообществу и портить отношения с Кремлем Север тоже не собирался. Поскольку просто не поставить подписи под приглашением было равнозначно бойкоту, а обозначить свою позицию было необходимо, финны и скандинавы выступили с собственным заявлением о том, что они намерены голосовать за принятие СССР, когда вопрос будет внесен в повестку дня Ассамблеи Лиги, и с отдельными извещениями, выражающими их благожелательное отношение к вступлению СССР.

Данная заминка не повлияла, впрочем, на исход голосования: 18 сентября 1934 г. СССР был принят в Лигу, при этом швед Р. Сандлер председательствовал на Ассамблее и, в соответствии с протоколом, приветствовал принятие делегации Советского Союза во главе с М. М. Литвиновым. В Женеве по этому поводу острили: «II Интернационал в лице Сандлера приветствует III Интернационал в лице Литвинова»²⁵.

Встреча двух Интернационалов в Женеве была отмечена и другим курьезным моментом. Так, по протоколу Лиги Наций, после принятия Ассамблеей нового члена, председатель Ассамблеи должен громко и отчетливо пригласить новую делегацию в зал заседаний. Когда Сандлер, ожидавший, по-видимому, каких-либо протестов, невнятно, согласно свидетельству А. М. Коллонтай, «пробормотал свое приглашение советской делегации войти в зал и занять свои места, неожиданно раздался четкий и громкий голос Литвинова: “А мы уже здесь, господин председатель”. Это вызвало оглушительные аплодисменты всех и приветствия с разных концов зала»²⁶. Знакомая Коллонтай, председатель Союза шведских писателей М. Шернстед, полагала, что это станет хорошим «уроком сухарю и подхалиму Сандлеру, который все время косит глазами в сторону Англии и не поддерживает Францию»²⁷.

«Женевский эпизод» с сепаратным выступлением скандинавов накануне присоединения СССР не прошел, однако бесследно и впо-

следствии еще не один месяц болезненной темой всплывал в советско-скандинавских переговорах. НКИД отказывался понять, «почему Скандинавские страны не могли дать своих подписей наряду с подписями Франции, Англии и Италии и даже таких стран, которые не имеют с нами нормальных отношений», тем более что «Барту и Бенеш с самого начала рассчитывали на скандинавские подписи»²⁸. А. М. Коллонтай, во многом ответственная за работу на скандинавском направлении, также не находила удовлетворительного объяснения «скверному» поступку скандинавов, отмечая, что «отсутствие подписей скандинавов и Финляндии под общим приглашением — неожиданная пакость» и, «конечно, Москва это учтет»²⁹. Так, поведение северных стран было официально истолковано как однозначно недружелюбное.

В Москве этот завуалированный демарш не забыли и позднее и сделали из него серьезные — и, возможно, чрезмерно мрачные и пессимистические выводы. Он был классифицирован в НКИДе как антисоветские подстрекательства и происки Финляндии, стремившейся занять ведущую роль в скандинавском блоке. Ссылка скандинавов на их традиционную позицию нейтралитета в данном случае прикрывала к тому же с советской точки зрения «малодушную оглядку скандинавской буржуазии» на Германию — ведь в Берлине также могли счесть приглашение СССР вступить в Лигу Наций после того, как сама Германия оттуда вышла, вызывающим актом.

Озвученное советскими дипломатами недовольство Москвы создало любопытную картину — скандинавы сразу пошли на попятную. Случившееся в Женеве вызывало бурю оправдательных заверений, однако в частных беседах с советскими представителями о причинах такого решения скандинавские министры иностранных дел и посланники старались избегать давать прямые ответы. Так, посланник Норвегии в СССР А. Т. Урби уверял, что отказ подписать общее приглашение «в данном случае не имел никакого реального значения, поскольку наша позиция была ясна, но для того чтобы не создать прецедента на будущее, был избран тот образ действия, который и был использован»³⁰. Датчанин Петер Мунк также попытался снять с себя ответственность, намекнув, что «наиболее непримиримую позицию занимали шведы»³¹. Сконфуженный, но, как всегда, велеречивый глава шведского МИДа Р. Сандлер не отрицал, что скандинавское выступление —

«творение шведов», однако продиктовано оно «дружественностью со стороны шведского правительства к СССР, а не обратными чувствами», поскольку лишь в таком компромиссном варианте, посредством сепаратного выступления четырех стран, финны согласились голосовать за вступление СССР³². Примечательно, что финляндская делегация при этом вообще уклонилась от участия в голосовании на Ассамблее Лиги Наций по вопросу о вступлении СССР в эту международную организацию, просто не явившись на решающее заседание 17 сентября³³.

Искренность объяснений, данных скандинавскими дипломатами, была достаточно очевидна, однако руководство НКВД предпочло увидеть ситуацию в мрачных тонах, объяснения Сандлера признать «неудовлетворительными» и «не заслуживающими доверия»³⁴ и продолжать подозревать их в желании сколачивать политический или военный союз между северными странами. Та «военно-нервная обстановка в отношении Севера» в Москве, которая чувствовалась (по выражению премьер-министра Норвегии Ю. Л. Мувинкеля) осенью 1934 г.³⁵, определила тональность дальнейших советско-скандинавских отношений, стимулировав новую советскую кампанию против «северного блока», не утихавшую в последующие полтора года в прессе и дипломатической переписке³⁶.

Одним из главных детонаторов для этой кампании стало, без сомнения, стремительное ухудшение осенью 1934 г. отношений между Хельсинки и Москвой, в которых после принятия СССР в члены Лиги Наций возникла, как и ожидалось, известная напряженность. Советские опасения оправдались: Финляндия публично потребовала, чтобы вопросы, оставшиеся открытыми в 1920-е гг., разрешение которых предполагалось по Тартускому мирному договору, были вынесены на рассмотрение международных органов в Женеве. После того как СССР отверг эту идею, 25 сентября 1934 г. заместитель народного комиссара иностранных дел В. С. Стомоняков заявил послу Финляндии А. Ирье-Коскинену, что «никогда за 9 лет, в течение которых я занимаюсь советско-финляндскими отношениями, состояние этих отношений не было более серьезным»³⁷. Таким образом, очевидно, что позиции Скандинавских стран и Финляндии в данном вопросе строились на различных основах. Эти различия определялись, прежде всего, изначально неидентичной оценкой в западном и восточном

«секторах» стран «северного блока» той степени потенциальной угрозы для их национальной безопасности, которая исходила со стороны СССР.

В целом настороженное отношение стран Северной Европы к вступлению СССР в Лигу Наций было, однако, не столь однозначно негативным, как изображалось советской прессой в 1935 г. Напротив, дипломаты оправдывались, скандинавские газеты осенью 1934 г. пестрели благожелательными откликами, бытующие в скандинавских правительственных кругах предубеждения против намерений советской дипломатии были бездоказательны. Время должно было показать, принесет ли пользу Лиге появление в ее рядах новой великой державы.

Стремительное ухудшение международной обстановки, последовавшее уже в 1935 г., вскоре привело, однако, к тому, что малые страны Северной Европы разочаровались как в намерениях СССР, так и в Лиге Наций как органе урегулирования конфликтов как таковом. Даже в наиболее дружественной из стран Северной Европы Норвегии весной 1935 г. начали высказываться мнения о возврате СССР в его новейшей международной политике, с ее стратегией пактов о взаимной военной поддержке против нарушителей мира, к «политике военных союзов царского правительства» и «необходимости полного отмежевания от этой политики для северных стран»³⁸.

В свою очередь, постепенный отход скандинавов от роли активных и принципиальных миротворцев в Лиге Наций, начавшийся с 1935 г., вызывал бурю едких и хлестких замечаний в советских дипломатических кругах. Так, в конце марта 1935 г., когда Скандинавские страны, представленные в Совете Лиги П. Мунком, предусмотрительно воздержались при голосовании по предложению Франции осудить агрессивную политику Германии, в НКВД посчитали, что социал-демократические кабинеты трех стран «дрянно прячутся» за Данию и недостойно «миндальничают» с Германией, явно нарушающей международные обязательства³⁹.

Однако гораздо большим преступлением против дела мира стала в глазах Москвы т. н. декларация 8-ми, обнародованная 1 июля 1936 г. — за несколько дней до отмены санкций против Италии. В ней малые страны-члены т. н. группы Осло (включая все Скандинавские страны и Финляндию), обнаружившие, что

после провала системы санкций членство в Лиге Наций фактически более не отвечает интересам их национальной безопасности, а даже, напротив, подвергает неожиданному риску,— заявили о том, что они, в изменившихся условиях, не считают себя обязанными соблюдать статью 16 о санкциях Устава Лиги Наций и впредь будут рассматривать свое участие в санкциях в каждом отдельном случае. В действительности, это был знаковый поворот в отношении стран Северной Европы к Лиге Наций. Так выглядело начало необратимого кризиса доверия этих стран к быстро теряющей авторитет организации, подтверждающего их разочарование в концепции коллективной безопасности (той концепции, о безусловной пользе которой продолжал настойчиво заявлять СССР), и, за неимением иных альтернатив, возврата к политике строгого нейтралитета.

Естественно, что между СССР и странами Северной Европы, после их «отречения» от принципов коллективной безопасности, обнаружились еще более существенные расхождения по ряду принципиальных международных вопросов. И хотя в жарких внутривнутриполитических дебатах, продолжавшихся в скандинавском обществе по вопросу о будущем Лиги Наций, многие прогрессивные силы (в особенности левые) стояли на стороне «хороших парней», каковыми пока (на зловещем фоне фашизма) выглядели страны Народного фронта, Великобритания и СССР — чем дальше, тем увереннее возобладала точка зрения циничного большинства. Она строилась на убежденности, что в своей политике великие державы отныне будут руководствоваться — как в Лиге Наций, так вне ее — лишь собственными национальными интересами, поступаясь при этом интересами, а возможно, и территориями малых государств.

Правоту этого положения в целом подтвердило вето Советского Союза, поставившее крест на шведско-финском плане укрепления Аландских островов, что произошло в мае 1939 г. все в той же Женеве. Когда полгода спустя, 4 декабря 1939 г., после начала советско-финляндской войны, в Хельсинки приняли решение вновь обратиться в Женеву в надежде, что Лига поможет урегулировать возникший конфликт мирными средствами, с ее стороны, вместо осторожного дипломатического посредничества, последовало резкое осуждение СССР как агрессора, лишь усугубившее ситуацию⁴⁰. 14 декабря 1939 г. по решению Совета

Лиги Советский Союз был лишен членства в этой организации. На сей раз как прибалтийские, так и скандинавские государства от голосования по «советскому вопросу» воздержались⁴¹.

Голос Скандинавских стран и Финляндии как в процессе принятия, так и исключения СССР из Лиги Наций, безусловно, не был решающим. Однако не был он и маловажным. Военно-стратегические интересы СССР в регионе Балтийского моря побуждали руководство НКВД внимательно, подчас даже ревностно следить за развитием настроений в правительствах стран Северной Европы. Желанным гостем в Лиге Наций СССР мог бы быть, с точки зрения скандинавских нейтралов, в конце 1920-х г. так называемую эру пацифизма, когда вера в арбитраж, разоружение и возможность широкого конструктивного международного сотрудничества еще не была подорвана. Мечта малых стран об истинной универсальности Лиги, с вступлением в ее ряды Советской России, возможно, оказалась бы тогда близка к осуществлению. К 1934 г., когда Япония и Германия уже решительно вычеркнули себя из списка членов этой всемирной организации, насчет возможностей Лиги как действенного инструмента обеспечения мира имелись обоснованные сомнения. При всей резонности мирных инициатив, с которыми советская дипломатия вступила в «женевский клуб», предложенная ею система «коллективной безопасности» на тот момент отвечала уже, прежде всего, интересам отдельных великих держав. Этот неутешительный факт в правительствах стран Северной Европы это хорошо осознавали.

⁴¹ См., к примеру: *Ходнев А. С. Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой политике, 1919–1946: Очерки истории.* Ярославль, 1995; *Жуковская Т. Ю. СССР и Лига Наций: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.* Ростов н/Д, 2005; *Хормаз И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг.* М., 2011.

⁴² Представители стран Северной Европы, по меткому образному замечанию норвежского дипломата Э. Хамбру, выступали в Женеве одновременно в двух противоречивых ипостасях — «мальчика-обличителя (пользуясь образом из знаменитой сказки Г. Х. Андресена о новом платье короля)» и «нянечка для великих держав» (*Götz N. On the origins of "Parliamentary Diplomacy". Scandinavian "Bloc politics" and the delegation policy in the League of Nations // Cooperation and Conflict.* 2005. Vol. 40. N 3. P. 272).

⁴³ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы.* М., 2005. С. 61.

⁴ См.: Чубарьян А. О. Внешнеполитический курс СССР // Зимняя война. 1939–1940. Политическая история. М., 1999. С. 9–22.

⁵ <http://supol.narod.ru/archive/books/Stalin/tom10.htm>.

⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 280.

⁷ Кен О. Н. Советская политика в двух измерениях: страны Центрально-Восточной Европы в дипломатии и военной стратегии СССР, 1925–1939 гг. — (lvn.ru/documents/ken/Sov_for_po_FINAL5 [1].doc).

⁸ Жуковская Т. Ю. СССР и Лига Наций. С. 26.

⁹ Кан А. С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Salmon P. Scandinavia and the Great Powers, 1890–1940. New York, 1997. P. 227–228.

¹² Подробнее см. об этом: Schröter H. Aussenpolitik und Wirtschaftsinteresse. Skandinavien in Kalkül Deutschlands und Grossbritanniens 1918–1939. Frankfurt am Main, 1983. 567 s.

¹³ Salmon P. Op. cit. P. 230–232. С Финляндией, однако, пакт о ненападении был заключен в 1932 г.

¹⁴ См.: Сойкканен Т. Борьба за скандинавскую ориентацию как линия внешней политики Финляндии 1934–1939 гг. // Россия и Финляндия в XX веке: К 80-летию независимости Финляндской Республики: [Сб. материалов ежегод. Рос-Финлянд. гуманитар. чтений / Редкол.: С. Б. Коренева, А. В. Прохоренко]. СПб., 1997. С. 145–170; Steinby T. Då Finland mognade för den nordiska neutraliteten // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1980. Vol. 55. S. 127–154.

¹⁵ Катцова М. А. К проблеме сотрудничества Скандинавских стран в 10–20-е гг. XX века: первый опыт координации дипломатических действий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2009. Вып. 1. С. 78–84.

¹⁶ Катцова М. А. «Скандинавский блок» в Лиге Наций и особенности сотрудничества стран Северной Европы на международной арене в 1920-е гг. // Труды Кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 4. 2010 / Сост. Б. П. Заостровцев. СПб., 2010. С. 109–159; Jones S. J. The Scandinavian States and the League of Nations. New York, 1939. 298 p.; Götz N. “Blue-eyed Angels” at the League of Nations: The Genevese Construction of Norden // Regional Cooperation and International Organizations: The Nordic Model in Transnational Alignment (ed. by N. Götz and H. Haggrén). London, 2009. 25–46.

¹⁷ Кан А. С. Указ. соч. С. 30.

¹⁸ Rikskarkiv, Utrikesdepartementet. HP 20 D. Protokoll av nordiska utrikesministermötet i Stockholm, 6–7.09.1934.

¹⁹ Корунова Е. В. Конференция министров иностранных дел стран Северной Европы в 1930-е гг. Поиски гарантий безопасности // Северная Европа: проблемы истории / Отв. ред. А. А. Комаров, О. В. Чернышева. М., 2011. С. 131.

²⁰ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 79.

²¹ В знак дипломатического поражения Финляндии в день вступления СССР в Лигу Наций, 18 сентября 1934 г., над старым зданием университета в Хельсинки

даже были приспущены флаги Финляндии, Восточной Карелии и Ингерманландии. (Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 120).

²² Вихавайнен Т. Внешняя политика Финляндии // Зимняя война. 1939–1940. Политическая история. С. 52.

²³ Эстен Унден — авторитетный представитель Швеции в Лиги Наций.

²⁴ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940 гг. Т. 2. М., 2001. С. 255.

²⁵ Там же. С. 264–265.

²⁶ Там же. С. 257.

²⁷ Там же. С. 258.

²⁸ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 56–57.

²⁹ Коллонтай А. М. Указ. соч. С. 257.

³⁰ Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сб. документов / Под ред. А. О. Чубарьяна, У. Ристе и др. М., 1997. С. 216.

³¹ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 57.

³² Там же.

³³ Барышников В. Н. Указ. соч. С. 119.

³⁴ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 58.

³⁵ Советско-норвежские отношения. 1917–1955. С. 219.

³⁶ Holtsmark S. G. Enemy Springboard or Benevolent Buffer? Soviet Attitudes to Nordic Cooperation 1920–1955. Oslo: Forsvarstudier, 1992. P. 28–35.

³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 610.

³⁸ Советско-норвежские отношения. 1917–1955. С. 221–223.

³⁹ Коллонтай А. М. Указ. соч. С. 281–282.

⁴⁰ Барышников В. Н. Лига Наций и советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Международные отношения в Новое и Новейшее время: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К. Б. Виноградова. СПб., 2004. Дек. СПб., 2005. С. 310–312.

⁴¹ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии (1809–1995). М., 1998. С. 223.

Б. П. Белозеров

**СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ГРАНИЦА
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (12.03.1940–22.06.1941 гг.):
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ***

12 марта 1940 г. подписанием мирного договора с Финляндией закончилась 105-дневная «зимняя война». Согласно договору, к СССР отошли Карельский перешеек с Выборгом и Выборгский залив с островами, западные и северные побережья Ладожского озера (с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви), ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с городом Куолаярви на севере Финляндии. Финляндии сдавала СССР в аренду на 30 лет полуостров Ханко и прилегающие к нему острова для создания там военно-морской базы, которая должна была прикрыть вход в Финский залив. Советский Союз обязался вывести свои войска из занятой им во время войны области Петсамо, добровольно уступленной советской Россией Финляндии в 1920 г. В результате подписанного договора была укреплена безопасность Ленинграда, Мурманска и Кировской железной дороги, наша северо-западная граница стала проходить в 150 км от Ленинграда¹. В соответствии с договором, обе стороны обязывались «взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся Сторон»².

С установлением новой границы началось ее прикрытие и обустройство. К 5 апреля 1940 г. для ее охраны были сформиро-

* 90-летию известного ученого-историка, участника Великой Отечественной войны, профессора Барышникова Николая Ивановича посвящается.

рованы четыре новых пограничных отряда и два оперативных полка. Вся советско-финская граница обеспечивалась пограничными войсками трех погранокругов: Ленинградского (генерал-лейтенант Степанов Г.), Карело-Финского (генерал-майор Долматов В.) и Мурманского (генерал-майор Синилов К.), а также частью и Прибалтийского (генерал-майор Ракутин К.). Части и подразделения пограничных войск за короткий срок провели значительную работу по освоению новых участков границы, ее инженерно-техническому оборудованию, строительству оборонительных сооружений на заставах и комендатурах, по разработке планов взаимодействия пограничных застав с армейскими подразделениями, дислоцированными вблизи границы на случай военных действий.

К первой половине июня 1941 г. каждая пограничная застава имела хорошо развитую систему оборонительных сооружений и огневых позиций, по всему участку завершилось установление проволочных заграждений. Пограничникам пришлось много потрудиться для оборудования границы в инженерно-техническом отношении. На участке лишь одного Сортавальского (бывшего Петрозаводского) отряда они проложили 25-километровую контрольно-следовую полосу, прорубили 177 километров просек, установили более 60 километров проволочных заграждений в три ряда и поставили 160 пограничных столбов. Аналогично этому трудились бойцы и других пограничных полков. В начале апреля 1940 г. командование пограничных войск Ленинградского округа сообщало в Главное управление пограничных войск НКВД: «Погранотряды закончили выставление застав и комендатур, приняли от частей РККА государственную границу и приступили к несению службы по ее охране на всех участках...»³

Численность застав и пограничных отрядов была доведена до полного штата, а оперативно важные направления усиливались за счет резервных подразделений. Личный состав состоял преимущественно из кадровых пограничников, с большим практическим опытом службы, приобретенным на старой границе, многие бойцы и командиры являлись участниками боевых действий в период «зимней войны»⁴. Особо следует подчеркнуть, что в этот период уже серьезно велась кадровая работа по подготовке командного состава войск. 5 апреля 1941 г. начальником Управления оперативных войск НКВД СССР генерал-лейтенантом Артемьевым П. А.

было утверждено Положение Об управлении оперативных войск СССР. В числе функций возлагавших на эти войска было руководство боевыми операциями войск⁵. Исходя из того, что оперативные войска выступали как прикрытие государственной границы в помощь пограничным заставам, они должны были вместе «держатъ границу» до подхода войск первого эшелона.

Как только пограничные отряды укрепили границу, стало возможным уделять больше внимания обучению личного состава. Оно было перестроено на основе опыта недавних боев. «Зимняя война» 1939–1940 гг. выявила многие слабые стороны в боевой и специальной подготовке личного состава пограничных и оперативных войск, что приводило к неоправданно излишним потерям при выполнении боевых задач. Это касалось общего состояния боевого обучения в войсках, участвовавших в войне с финнами. Глубокий анализ состояния боевой готовности войск Красной Армии и НКВД был дан на совещании командного состава в апреле 1940 г., где нарком обороны потребовал, чтобы обучение войск было приближено к боевой обстановке, чтобы условностям при обучении войск была объявлена решительная борьба.

Особое внимание в этот период уделялось боевой, тактической и специальной подготовке личного состава гарнизонов и застав пограничных и оперативных войск, повышению их огневой выучки и умению действовать при нарушении границы. Причем инспекторские проверки показывали, что в частях многое делалось по улучшению боевого обучения воинов границы⁶. Но одновременно, с усилением боевого обучения войск, командование также ставило вопрос о необходимости овладения иностранными языками и даже указывались конкретные сроки в их изучении⁷.

Военной и специальной подготовкой охватывались все командиры и политработники. Так, для старшего политсостава войск НКВД были организованы 6-месячные курсы переподготовки, где значительное количество часов отводилось боевой, тактической и огневой подготовке. Такие курсы должны были начать свою работу с 1 июня 1941 г. при Новопетергофском военно-политическом училище НКВД им. К. Е. Ворошилова⁸.

К необходимости усиления боевого обучения всех категорий рядового и командного состава пограничных и оперативных частей на советско-финской границе подталкивала постоянно усложняющаяся обстановка в самой Финляндии и милитаризация

ее населения. Граница с Финляндией в 1940 г. после заключения мира «жила» беспокойно, тревожно. Начальник Мурманского пограничного округа генерал-майор К. Синилов, анализируя оперативную обстановку на границе в 1940 г., в отчете о деятельности войск округа указывал: «Реваншистски настроенная военщина распространяет слухи о том, что Советский Союз в недалеком будущем потеряет больше, чем Выборг, и Финляндия в предстоящей войне заберет большую территорию, чем отдала по мирному договору СССР. В новой войне с СССР Финляндии окажут помощь Швеция и Америка. Кроме того, распространяются слухи о том, что Германия после завладения некоторыми территориями на западе начнет войну против СССР, которая будет непродолжительной, быстрой»⁹.

В поступающих советскому командованию сведениях, таким образом, заметна наблюдающаяся в соседней статье общая тенденция к возможному реваншу. Причем, как стало известно уже несколько позже, речь шла не только о возможности вернуть отторгнутые во время «зимней войны» территории, но и значительно их расширить в новой т. н. войне-продолжении. Известный ученый Н. И. Барышников в своей статье «Мифы финской историографии о “войне-продолжении”» рассматривает многие документы, подтверждающие то, что Финляндия в союзе с Германией планировала отторгнуть от Советского Союза значительные территории¹⁰.

Это не могли не замечать и в тревожный период кануна Великой Отечественной войны. Начальник погранвойск НКВД Прибалтийского округа генерал-майор К. Ракутин 14 февраля 1941 г. в докладе НКВД СССР указывал: «После окончания советско-финской войны в Финляндии появилось много различных контрреволюционных и фашистских организаций, которые основной своей целью ставят борьбу против демократии. Одной из таких наиболее влиятельных новых организаций является “Возрождающаяся Финляндия”. Руководитель этой организации и наиболее видные ее члены рекрутировались главным образом из членов партии патриотического народного движения (ПНД или ИКЛ) и членов белоэмигрантской организации, так называемого “Карельского академического общества”, руководителем которого является “вечный студент” доктор Вилхо Хелонян. По существу, за спиной организации “Возрождающаяся Финляндия” стоит

именно это пресловутое “Карельское академическое общество” выражающее откровенно чисто фашистское направление...»¹¹ Подобные сообщения поступали и от других руководителей пограничных войск на Северо-Западе СССР¹². Объективно, тогда во всех докладах начальников погранвойск округов отмечалось, что в Финляндии сильно влияние германского Генерального штаба на всю ее военную организацию.

В целом к весне 1941 г. окончательно определилась такая расстановка сил, при которой Финляндия уже очевидно входила в лагерь противников СССР, а к лету — переговоры между Германией и Финляндией были уже закончены. Наступал период перехода конкретной практической подготовки войск Финляндии к совместной с Германией войне¹³.

С другой стороны, начавшаяся Вторая мировая война наглядно показывала, что в возможном ее расширении будет активно использоваться авиация с выброской воздушных десантов. В этом отношении важную роль должны были сыграть т. н. внутренние войска, которые выполняли задачи по охране железнодорожных сооружений и особо важных промышленных предприятий. В результате исключительное значение приобретала серьезная подготовка личного состава внутренних войск к борьбе с воздушными десантами противника. Это особенно заметно из директивы Главного управления войск НКВД от 19 июня 1941 г.¹⁴ Директивой, в частности, предусматривалось обязательное проведение практических односторонних занятий с обозначенным противником, обратив особое внимание на повышение активности действий, подвижности и выносливости резервных подразделений и сводных отрядов при ведении разведки, преследования, окружения и уничтожения авиадесантных групп¹⁵.

Но здесь неизбежно возникает вопрос: почему в этот сложный период, когда явно обозначилась перспектива гитлеровской агрессии, принимается решение ЦК ВКП (б) и СНК СССР об организации противовоздушной обороны, где «войсковую противовоздушную оборону железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности передать из НКВД в ведение Народного комиссариата обороны СССР»?¹⁶

По истечении времени можно по разному отнестись к этому решению. Во-первых, создание округов (армий) ПВО являлось необходимой мерой в обеспечении безопасности с воздуха

крупных городов, промышленно-культурных центров. Однако, во-вторых, следовало учитывать, что лишение зенитно-артиллерийских частей и подразделений войск НКВД охраняющих и обороняющих важные железнодорожные и промышленные сооружения и объекты, неизбежно привело бы к невозможности противостоять вражеской авиации, его танкам и артиллерийским установкам. Личный состав войск НКВД терял способность к устойчивому удержанию мостов, железнодорожных узлов, промышленных объектов и нес бы большие потери. Именно это и произошло в первые месяцы начавшейся Великой Отечественной войны.

И здесь хочется понять, почему с января и до июня 1941 г. (т. е. за полгода) в полки и дивизии внутренних войск не поступало противоздушных, артиллерийско-минометных вооружений и уже первые налеты вражеских самолетов личный состав гарнизонов встречал оружейно-пулеметным огнем. Тем более задачу охранять и оборонять эти объекты с воздуха с войск никто не снимал.

Следует отметить, что пограничные части на своем вооружении также не имели артиллерии, минометов, танков и другой тяжелой боевой техники. Они были вооружены лишь винтовками и ограниченным числом пулеметов. Видимо, здесь советское командование рассчитывало на прикрытие границы силовыми корпусами и исходило из того, что внезапное нападение противника будет исключено, а его решительному наступлению будет предшествовать либо объявление войны, либо начало военных действий ограничится малыми силами. В этом случае, надо полагать, пограничные заставы могли удержать границу до выдвижения стрелковых корпусов на оборонительные позиции¹⁷. Но сценарий начавшейся войны оказался другой.

Военно-политическая обстановка на советско-финской границе осложнялось с каждым днем. Это выражалось не только в осуществлении достаточно масштабных фортификационных работ, которые проводились вдоль границы с Советским Союзом, но и в весьма частых, чем ранее, тактических учений финских войск в погранполосе. Все это фиксировали советские пограничники¹⁸.

С началом лета 1941 г. напряжение на советско-финской границе еще более усложнилось. Регулярными и систематическими стали нарушение этой границы, которые, очевидно, были вызваны

необходимостью сбора информации о советских военных объектах и которые фиксировались или пресекались советскими пограничными службами¹⁹. Не менее интенсивным была и воздушная разведка, которая также сопровождалась нарушением границы с СССР. Тогда заместитель наркома внутренних дел ежедневно докладывал о полученных сообщениях, о нарушении со стороны Финляндии воздушного пространства²⁰. Всего же с 10 по 19 июня 1941 г. советскую границу пограничными отрядами НКВД было зафиксировано 86 случаев нарушения иностранными самолетами. Из них: со стороны Финляндии — 9, со стороны Германии (Норвегии) — 63 случая²¹. 20 и 21 июня со стороны Финляндии иностранными самолетами были совершены 8 случаев нарушения советской границы. Всего же по всей советской границе за эти 2 дня было совершено 55 нарушений с углублением до 45 км на территорию СССР²².

Проводимая финнами и немцами в приграничной полосе воздушная разведка до 24 июня производилась без применения бомбометания и обстрелов советских пограничных застав и комендатур. С 24 июня налеты авиации стали уже сопровождаться обстрелами и бомбежкой пограничных застав, комендатур, штабов и отрядов частей Красной Армии и железнодорожных станций Мурманской железной дороги. К исходу 26 июня наземные части противника закончили свое сосредоточение по линии государственной границы и начали ее нарушать мелкими диверсионными группами. 29 июня 1941 г. на ряде участков Карело-Финского пограничного округа финны перешли уже к активным наступательным действиям.

Такое тревожное состояние советско-финской границы, как и всей границы СССР, выдвигало вопрос: почему советское руководство не принимало более энергичные и эффективные меры по пресечению финско-германских провокаций на северо-западной границе Советского Союза, да и на всей советской государственной границе? Оценивая общую международную военно-политическую картину, видимо, можно с сожалением отметить: Советский Союз не был готов к активным боевым действиям по предупреждению преддверия крупномасштабной войны, навязываемой Германией.

Нельзя исходить, как поступают некоторые исследователи, заявляя о некоем особом преимуществе Красной Армии, исходя

из общего количества имеющихся танков, самолетов, орудий и т. д. Нужно исходить из их готовности и готовности тех, кто ими управляет. К сожалению, боевая, полевая, огневая и другая выучка тогда еще не стала в Красной Армии основой основ ее боеготовности и боеспособности.

¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 334–335.

² Внешняя политика СССР (1935 — июнь 1941 г.). Т. IV. М., 1946. С. 493–496.

³ Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 184.

⁴ Боевой путь советских пограничных войск. М., 1967. С. 144.

⁵ Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг.: Документы и материалы. М., 1977. С. 510–511.

⁶ Там же. С. 518–519. Однако также еще отмечалось: «В боевой подготовке войск особое внимание уделять отработке: взаимодействию подразделений с приданными и поддерживающими огневыми и техническими средствами борьбы и соседями; постоянной готовности отражать танковую и воздушную атаку противника на походе и во всех видах боя; технике посадки (спешивания) людей на машины; разведки путей для движения мотоколонн и организации службы регулирования; танковым экипажам в совершенстве владеть навыками полевого вождения боевых машин; артиллерии отработать отражение танковой атаки отдельным, хорошо замаскированным орудием» (там же. С. 519).

⁷ В приказе НКВД № 95 от 18 февраля 1941 г. указывалось: «Обязать начальствующий состав, занимающий должности согласно прилагаемому перечню, систематически изучать и овладевать одним из иностранных языков — прежде всего разговорной речью. Иностранные языки в частях, соединениях и округах войск НКВД изучать преимущественно: а) Мурманский — английский, финский; б) Карело-Финский, Ленинградский — английский, финский; ...м) во всех дивизиях, бригадах и главных управлениях — немецкий и английский» (там же. С. 591–592). В приказе строго определялись сроки овладения иностранными языками. Тем, кто изучает уже языки, — 2 года, начинающим — 4 года. Но обязательно предусматривались экзамены. При аттестации начальствующего состава должно указываться состояние и успехи аттестуемого в изучении иностранного языка (там же).

⁸ Там же. С. 596.

⁹ Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. С. 204–205.

¹⁰ См.: *Барышников Н. И.* Мифы в финляндской историографии о «войне-продолжении» // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 201–205.

¹¹ Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. С. 215.

¹² См.: Там же. С. 309. В докладе начальника пограничных войск Карело-Финского округа генерал-майора В. Долматова 1 января 1941 г., в частности, указывалось: «1. Финляндия сохранила в основном армейскую организацию,

имевшую во время войны против Советского Союза и держит под ружьем 6 армейских корпусов, имеющих в своем составе 15 пехотных дивизий общей численностью до 300 тыс. человек. 2. Происходит интенсивный завоз из-за границы вооружений, боеприпасов, материальной части, в особенности самолетов, которые прибывают в Финляндию через порты Петсамо, Хаапаранте и Торино. 3. По плану Генерального штаба финской армии, выработанному после окончания войны, осуществляется ускоренное военное строительство по созданию нового главного оборонительного рубежа, проходящего от Финского залива по линии государственной границы СССР и заканчивающегося на севере у г. Улеаборга. На военно-инженерных работах заняты не только армейские части, но также мобилизована значительная часть гражданского населения и все члены шюцковских организаций. 4. Отмечено всемерное разжигание реваншистских идей и воспитание всего населения страны в духе ненависти к Советскому Союзу».

¹³ *Барышников В. Н.* Советско-финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. С. 220.

¹⁴ В директиве конкретно указывалось: «1. Всем частям и подразделениям, особенно резервным подразделениям и сводным отрядам, изучить тактику воздушных десантов и способы борьбы с ними. 2. Командирам соединений лично провести занятия с командирами частей, а последним с начальствующим составом подразделений по темам: а) ликвидация диверсионной авиадесантной группы противника на подступах к охраняемому объекту во взаимодействии с гарнизонами (караулами) и бронепоездными подразделениями; б) организация обороны охраняемого объекта и отражение нападения крупной диверсионной авиадесантной группы противника» (Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. С. 526–527).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Конкретно в директиве от 27 января 1941 г. указывалось, что наряду с переподчинением системы противовоздушной обороны, также требовалось «командирам соединений войск НКВД по охране железнодорожных сооружений передать, а военным советам округов (армий) принять к 1 февраля 1941 г. по прилагаемому перечню личный состав, материальную часть, жилые и служебные помещения, инвентарь зенитно-артиллерийских и зенитно-пулеметных частей и подразделений, дислоцируемых в пределах округа (армии). Прием и передачу оформить соответствующими актами», а также «сократить общую численность войск НКВД по охране железнодорожных сооружений на 8000 единиц, соответственно увеличив общую численность зенитных войск НКО СССР» (Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. С. 507).

¹⁷ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000. С. 222.

¹⁸ См.: Пограничные войска ССР. 1939 — июнь 1941. С. 184–185, 195.

¹⁹ Так, 16 июня 1941 г. пограничный наряд на Карельском перешейке в районе города Энсо (Светогорск) обнаружил двух нарушителей границы, пришедших из Финляндии. Попытка их задержать не удалась, они скрылись в лесу. Розыск и преследование их продолжалось более суток, розыскная собака не могла взять след. Ибо обувь нарушителей была смазана химическим составом. Пограничники

все же вышли на них, завязалась перестрелка, где один из нарушителей был убит, а другой был взят в плен (Там же. С. 218).

18 июня 1941 г. заместитель наркома внутренних дел И. И. Масленников доносил наркому: «...Во время стоянки финского парохода "Сатолунте" в морском канале ленинградского торгового порта 17 июня в 12:00 первый штурман этого парохода произвел фотографирование проходившего нашего эсминца "Смелый". На требование младшего лейтенанта Вакеева сдать фотоаппарат, штурман выбросил его в морской канал... На допросе задержанный заявил, что он выполнял задание какого-то неизвестного и сумел заснять две советские подводные лодки». (Там же. С. 219.)

²⁰ Советскому руководству, в частности, сообщалось, что 18 июня в 12:30 финский двухмоторный самолет на высоте 3000 метров нарушил границу СССР в 45 км северо-восточнее Куолаярви (Карело-Финской ССР). Самолет был безрезультатно обстрелян из станкового и ручного пулеметов пограничниками. В тот же день в 20:28 такой же самолет нарушил границу СССР в 30 км юго-западнее селения Титовка (Полярный район Мурманской области). Углубившись над нашей территорией до 80 км он в 21:06 улетел обратно в Финляндию. В целом, по данным пограничников 18 июня самолеты четыре раза нарушали границу с СССР с территории Финляндии (Там же).

Подобные сведения поступали в Москву и 19 июня 1941 г. Тогда также четыре раза до 15 иностранных самолетов нарушали воздушную границу. Причем, как сообщалось, самолеты, углубляясь на советскую территорию до 110 км на высоте от 500 до 8000 метров (Там же. С. 755).

20 июня докладывалось, что 20-го, в 11:20, финляндский двухмоторный самолет на высоте 600 м нарушил границу СССР в 54 км северо-западнее селения Рестикент (Мурманская область). В 11:43 этого же дня на высоте 1000 м вторично этот самолет в 80 км северо-западнее Мурманска нарушил границу в северо-восточном направлении. В 13:07 финляндский одноместный самолет нарушил границу СССР в 25 км юго-западнее селений Титовка — Река и возвратился в Финляндию. В 18:07 в этот же день финляндский самолет на высоте 4000 м нарушил границу Союза ССР в 90 км северо-западнее селения Оланга (Карело-Финское ССР), углубившись в нашу территорию до 15 км и пролетев до границы в юго-восточном направлении 25 км. Этот же самолет тем же курсом улетел обратно в Финляндию (Там же. С. 220–221).

²¹ Там же. С. 755–756.

²² Там же. С. 756.

С. Г. Веригин

**ФИНСКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ
В 1941–1944 гг. ***

22 июня 1941 г. войска нацистской Германии и ее союзников напали на СССР. Военные действия на севере СССР начались 29 июня 1941 г. с переходом в наступление немецкой армии «Норвегия» (с середины января 1942 г. переименованной в армию «Лапландия», а с середины июля 1942 г. — в 20-ю горную армию), в составе которой насчитывалось 4 немецкие и 2 финские дивизии. На Севере немецкие войска наносили главный удар на Мурманск, а также развернули наступательные бои на севере Карелии (на Кестеньгском и Кандалакшском направлении).

В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. финские войска — союзники фашистской Германии — вторглись на территорию СССР в приграничных районах Карелии. Финская армия развернула наступление одновременно на сортавальском, олонецком и петрозаводском направлениях. В августе 1941 г. были захвачены города Сортавала, Выборг, Кексгольм, а также значительный ряд населенных пунктов Карело-Финской ССР. 5 сентября был захвачен Олонец, 1 октября — Петрозаводск. 5 октября советские войска оставили Медвежегорск. К концу декабря 1941 г. противник был остановлен на рубеже от южного участка Беломоро-Балтийского канала

* Статья подготовлена в рамках выполнения «Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 годы» (мероприятия «Института североευропейских исследований ПетрГУ», проекта «Научно-образовательного центра по изучению и использованию историко-культурного наследия Европейского Севера»).

до станции Масельская и западнее Кировской железной дороги по линии Ругозеро–Ухта–Кестеньга–Алакүртти–Мурманск. Эта линия фронта оставалась неизменной до июня 1944 г., момента наступления советских войск на Севере. Финским и германским войскам противостояли войска Северного, а с августа 1941 г. — Карельского фронта.

Наряду с ожесточенной борьбой на полях сражений между противоборствующими сторонами развернулась небывалая по масштабам «тайная война». Одновременно с войсками вермахта, против Советского Союза были брошены наиболее опытные силы разведывательно-подрывного аппарата гитлеровского рейха и его союзников. По расчетам противника, этот разветвленный квалифицированный аппарат должен был с помощью шпионажа, диверсий, террора и провокационных акций ослабить боевую мощь Красной Армии, подорвать морально-политическое единство народов СССР, дезорганизовать советский тыл.

К началу вступления Финляндии в войну с СССР на стороне фашистской Германии страна располагала развитыми разведывательными и контрразведывательными органами. Разведку против СССР вело Управление военной разведки (разведывательный, иностранный и контрразведывательный отделы) и ее периферийные органы — разведывательные отделения в Лаппеенранте (ленинградское направление), Йозенсуу (петрозаводское направление), Каяни (беломорское направление) и Рованиеми (мурманское направление). В годы войны Управление возглавляли полковники Ларс Меландер (1937–1942) и Аладар Паасонен (1942–1944).

В условиях позиционной войны для решения своих задач финскому военно-политическому руководству постоянно требовались новые сведения о Красной Армии и ее планах. Одним из способов получения необходимой информации было использование разведки. Однако ведение войсковой разведки в советской прифронтовой полосе не обеспечивало получение необходимых сведений, возможности технической и легальной разведки были ограничены, а финская агентурная разведка оказалась неготовой к решению задач в новых условиях.

Рассчитывая на быструю победу, финская военная разведка не создавала сеть разведывательных школ, которые должны были заниматься широкомасштабной подготовкой агентуры.

Столкнувшись с нехваткой информации о противнике после начала позиционной войны, она начала испытывать острый недостаток агентурных кадров, что и стало одной из основных причин создания разведывательных школ по подготовке разведчиков, радистов и диверсантов. При их создании финнам пришлось начинать фактически с нуля, они столкнулись с большими проблемами, связанными с отсутствием у финской стороны практического опыта по широкомасштабной подготовке агентуры.

Для устранения недостатков и своевременного получения данных о противнике финская агентурная разведка была реорганизована. Ее деятельность в период войны можно условно разделить на 4 направления: агентурная разведка разведывательного отдела Управления военной разведки Главной Ставки, который во время войны сосредоточил в своих руках подготовку агентуры и заброску ее в тыл СССР; агентурная разведка территориальных разведотделений, которые в указанный период занимались допросами военнопленных, перебежчиков и подготовкой агентуры; агентурная разведка разведотдела, направленная на Прибалтику, для чего создали отдел № 5; агентурная разведка разведотдела, направленная на сбор сведений в отношении находившихся в Финляндии германских войск¹. Для руководства и координации всей агентурной разведкой в структуре Управления военной разведки был создан специальный секретный отдел «С» (S-toimisto — S = salainen), который подчинялся начальнику разведки².

На северо-западе России для финской агентурной разведки были характерны первые два направления, что проявилось в особенностях подбора и подготовки агентуры в разведывательных школах и заброске ее в советский тыл. Для этого в конце 1941-го — начале 1942 г. на территории Финляндии и оккупированной Карелии финская и германская разведки создали 6 разведывательных школ: в Петрозаводске и Рованиеми (по 2 школы), Суомуссалми и Медвежегорске. Для сбора информации обобщающий немецкий разведывательный опыт осенью 1941 г. начальник военной разведки полковник Л. Меландер выезжал в Таллинн, где находилась германская разведшкола, а через год начальник Петрозаводской разведшколы Р. Раски выезжал в Прагу с аналогичным заданием.

При этом следует заметить, что Петрозаводская школа финской разведки была самой крупной ее разведшколой. Ее создали

в Петрозаводске в конце 1941 г. Опасаясь диверсионных операций подразделений советских спецслужб, в марте 1943 г. разведшкола из Петрозаводска была переведена в Пряжинский район Карелии и размещена в деревнях Минола, Уялега и Каменный Наволок на берегу оз. Шотозера. Затем, в ноябре 1943 г., ее перевели в Финляндию, где она работала с определенными перерывами в районе Роуколахти, Савитайпале до июля 1944 г. Всего, по разным данным, в школе было подготовлено от 80 до 300 агентов³.

Также еще существовала Петрозаводская разведшкола финской военной контрразведки. Она начала действовать в конце 1942 г., но просуществовала недолго. В школе подготовили около 15 агентов.

В период войны в оккупированном финнами Медвежьегорске была также создана Разведывательная школа при 2-м отделении финской военной полиции. Характерным отличием этой разведшколы от других было то, что все курсанты этой школы содержались в лагере военнопленных на общих основаниях, их под конвоем из лагеря водили в разведшколу на занятия под видом направления на работу⁴.

Разведывательные задачи забрасываемой агентуре ставил разведывательный отдел Главной Ставки. Они включали: сбор сведений военного характера и данных о состоянии промышленных предприятий, работающих на оборону, а также о железнодорожном, шоссе и водном транспорте; сбор данных о политико-моральном состоянии Красной Армии и населения советского тыла; выявление тактических и стратегических планов командования Красной Армии и др. Кроме того, финская разведка готовили агентуру для внедрения в действующую Красную Армию для сбора разведданных.

Агентура направлялась в ближний и глубокий тыл Карельского и Ленинградского фронтов: в район Беломорска, Сегежи, Пудож, Мурманска, Кандалакши. Подготовленные этой школой «специалисты» направлялись еще на контролируруемую советскими войсками Ленинградскую, Архангельскую, Мурманскую и Вологодскую области⁵.

Начальниками разведшкол были опытные финские разведчики: Р. Раски, Ю. Палко (Поляков), П. Мартина, Х. Паатсало и др., работавшие в финских спецслужбах еще с 1920-х гг.

В начале войны в Петрозаводской разведшколе было более 10 преподавателей, бывших сотрудников т. н. отдела Раски —

временного отдела допросов военнопленных Управления военной разведки, который был создан в первые дни войны. В частности, здесь работали Б. Карппела (Карпов), В. Мармо (Форсблом), И. Вахрос (Вахромеев). Все они были выходцами из России, покинувшими страну после 1917 г. Позже к ним присоединился еще и белоэмигрант П. Соколов.

Начиная со второй половины 1942 г. преподаватели набирались еще из числа советских военнопленных — офицеров РККА. Так, Владимиров — бывший майор — занимался вербовкой агентуры среди военнопленных. В 1943 г. русским начальником финской разведшколы был назначен бывший лейтенант РККА Шулгин. Тогда же преподавателем тактики РККА в школе стал бывший советский офицер Сердюков, а преподавал т. н. спецдисциплины — Ландыше, который читал лекции по теме «Методы работы советской контрразведки».

Все финские разведывательные школы комплектовались исключительно из советских военнопленных, находившихся в концлагерях Финляндии. При подборе курсантов в разведшколы финская разведка использовала крайне тяжелое положение в лагерях, хотя были и добровольцы. Тем не менее для многих курсантов учеба в разведшколе и дальнейшая заброска их в тыл РККА являлась лишь одним из способов выживания в сложнейших условиях войны, а также возможностью вернуться на Родину и передать советскому военному командованию информацию о деятельности разведшкол.

В разведшколах были представители многих регионов СССР. Возраст курсантов колебался от 19 до 40 лет. Предпочтение отдавалось лицам, которые были обижены советской властью. Идейных противников советской власти было немного. Одно из главных требований для курсантов — хорошее здоровье⁶.

В период обучения курсанты постоянно подвергались «идеологической обработке». Как правило, еженедельно для них проводился лекционный обзор военных действий на советско-германском фронте, где много внимания уделялось «успехам» германских и финских войск, демонстрировались кинофильмы, восхваляющие «непобедимость» германской и финской армий, т. е. внушалась уверенность в «скорой и неизбежной победе» германских войск и «поражение» Советского Союза. Курсанты регулярно снабжались пропагандистской периодической литературой,

в частности газетой «Северное слово», издававшейся ВУВК на русском языке. Кроме того, в 1942 г. специально для Петрозаводской разведшколы начали издавать журнал «За новую Русь».

Важным обязательством, которое давалось курсантом, была его подписка о сотрудничестве с финской разведкой. В ней говорилось, что поступивший в школу человек обязуется работать в военной разведке в пользу Финляндии против Советского Союза до полного его разгрома, соблюдать конспирацию, не собирать сведений, касающихся финской разведки, не выявлять его начальствующего состава, не искать связи с гражданским и военным населением. Причем подписывался этот документ псевдонимом, а в скобках раскрывалась настоящая фамилия агента.

Были некоторые особенности в составе курсантов финских разведшкол. В Петрозаводской разведшколе национальность курсантов не играла особой роли: финно-угорский фактор практически отсутствовал, в разведшколе преобладали лица славянской национальности. А вот Медвежьегорская разведшкола продолжала традиции, заложенные финской разведкой еще в 1920-е гг., по подбору агенты: привлекать к сотрудничеству лиц родственных национальностей. Так, разведподготовку с конца сентября 1942 г. по февраль 1943 г. здесь получили 11 человек, из них 4 уроженцы Карелии (Ремшу, Зайцев, Петров, Ткач)⁷.

Во всех школах финской разведки агентуру готовили по двум направлениям: разведчиков и разведчиков-радистов. Однако обучение их обычно проходило совместно. Срок подготовки составлял от 2 до 8 месяцев. На занятиях изучали радио, шифровальное и подрывное дело, топографию, способы ведения разведки, структуру Красной Армии и ее вооружение, органов НКВД, осуществляли стрелковую и строевую подготовку. Причем теоретическую часть занятий обучающиеся проходили в классах, а практические навыки отрабатывали в естественных условиях, приближенных к предполагаемой будущей работе⁸.

После завершения обучения подготовленного агентурного сотрудника перебрасывали в тыл СССР. Обычно он направлялся в составе группы от 2 до 3 человек, снабженных рацией и соответствующими документами. В зависимости от места дислокации разведшкол и линии фронта переброска этих групп осуществлялась воздушным или сухопутным путем и лишь изредка водным. Иногда разведгруппу направляли в советский тыл прямо через

линию фронта пешим строем, под видом бежавших из финских лагерей военнопленных.

Для выполнения задания финская разведка отводила разведчикам 12–14 дней, а в отдельных случаях срок выполнения задания увеличивался до 1 месяца. По истечении указанного срока разведчик должен возвращаться обратно, при этом финны настаивали на возвращении агентурной группы, даже если задание выполнено на 5 % или вовсе не выполнено.

Финские разведчики забрасывались, прежде всего, под видом военнослужащих-бойцов или командиров Красной Армии. Поэтому при их экипировке, прежде всего, предусматривалось то, чтобы разведчики не отличались от советских военнослужащих. Естественно, что здесь стремились добиться того, чтобы обмундирование «агента» соответствовало форме, принятой в частях Красной армии. Кроме того, подготовленный разведчик получал оружие, положенное ему по табелю, соответствующему советским воинским категориям, и крупные суммы денег для собственного проживания и с целью выдачи вознаграждения советским гражданам, которых ему бы удавалось привлечь для его шпионской работы.

Для связи с разведшколой финская разведка отработывала два способа связи. Во-первых, личное возвращение агента через линию фронта в распоряжение финских частей с собранными разведанными. Во-вторых, широко использовалась радиосвязь.

Однако подобная система подготовки по разведывательной деятельности на территории СССР в финских спецшколах, естественно, становилась рано или поздно известна советским органам контрразведки. При этом основная тяжесть борьбы с этим на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны легла на Управления 3-х отделов Народного комиссариата обороны и 3-х отделов Военно-Морского Флота (позже Управления Контрразведки «Смерш») Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов, Балтийского и Северных флотов, а также контрразведку НКВД (позже НКГБ), КФССР и Управления НКВД (НКГБ) СССР по Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областям. Советские органы безопасности здесь стремились к максимальной локализации разведывательной деятельности противника. Осуществлявшиеся контрразведкой мероприятия сводились к двум основным и хорошо отработанным

направлениям: *во-первых*, внедрение своих разведчиков и агентов в разведывательные школы; *во-вторых*, вообще ликвидация или уничтожение разведывательных школ противника. При этом все действия проводились параллельно и одновременно.

В начале 1942 г., после провала гитлеровского блицкрига, в целях усиления разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника НКВД СССР принял меры по перестройке зафронтной работы органов безопасности. Приказом наркома от 18 января 1942 г. для проведения специальной работы в тылу врага было организовано 4-е управление (руководитель — П. А. Судоплатов). 1 июня 1942 г. было утверждено новое положение о 4-х отделах территориальных органов безопасности, перед которыми ставились в том числе и задача по внедрению резидентов в разведывательные и административные органы противника на оккупированной территории и подготовка «маршрутников»⁹.

После этого советская контрразведка предпринимала значительные усилия по проникновению своих представителей в финские разведшколы. В марте 1942 г. сотрудники Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта смогли внедрить в Косалмский разведывательный пункт финской разведки Степана Дмитриевича Гуменюка, который более двух лет успешно работал на советские спецслужбы в финской разведке. Благодаря его успешной деятельности органы безопасности получили добротную информацию о Петрозаводской разведшколе, его сотрудниках, курсантах, что способствовало аресту многих из заброшенных финских резидентов¹⁰.

Советские разведчики внедрялись и в другие разведшколы. В результате эффективность контрразведки резко возросла. Первые задержания выпускников финских разведшкол в Карелии относятся к концу июня — началу июля 1942 г. Начиная же с августа 1942 г. задержания в Карелии, Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областях стали носить массовый характер, многие финские разведчики сами приходили на советскую сторону, что говорило о весьма результативной работе органов госбезопасности¹¹.

Особенно эффективно советская контрразведка действовала с начала 1943 г. Ярким показателем этого стало то, что когда подготовленные финнами с сентября 1942 г. по январь 1943 г.

31 выпускника были в январе заброшены в советский тыл, то они практически все были задержаны¹². Более того, внедрение в разведшколу советских специалистов и аресты финских агентов позволили карельской контрразведке уже к июлю 1943 г. получить информацию на 64 агента Петрозаводской разведшколы. Были получены их биографические данные, псевдонимы, даты заброски и характер заданий. Была также получена информация о руководителях, преподавателях и курсантах других разведшкол противника, а также формах и методах работы германской и финской агентурных разведок.

Но одним из весьма важных направлений в деятельности территориальных органов НКВД СССР являлись также мероприятия по ликвидации или уничтожению финских разведывательных школ. Впервые вопрос об уничтожении Петрозаводской школы разведки официально обсуждался в конце сентября 1942 г. Именно тогда 4-й отдел НКВД КФССР совместно с ЦК КП (б) КФССР разработал «План проведения специальных мероприятий по “Т” (террор) и “Д” (диверсии) на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 г.». Вторым пунктом плана был предусмотрен «Разгром школы разведчиков в г. Петрозаводске в районе лесного техникума». Для этого 4-й отдел НКВД КФССР к 15 октября 1942 г. планировал подготовить разведывательно-диверсионную группу численностью 25 бойцов для заброски их в район Петрозаводска средствами Онежской военной флотилии. 27 сентября 1942 г. план был согласован с наркомом внутренних дел КФССР М. И. Баскаковым и 2 октября 1942 г. утвержден членом Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприяновым¹³.

Однако по неизвестным пока причинам план НКВД КФССР не был осуществлен. Можно лишь предположить, что в дело вмешалось 4-е управление НКВД-НКГБ СССР, которым руководил П. А. Судоплатов. Видимо, управление посчитало, что данный вопрос надо решать на более высоком уровне и само проявило желание принять участие в разгроме Петрозаводской школы финской разведки.

Подтверждает это предположение то, что 25 октября 1942 г. по указанию П. А. Судоплатова заместитель начальника 4-го управления НКВД СССР Н. И. Эйтингон потребовал руководство НКВД республики в кратчайший срок выслать все материалы о финской разведывательной школе в Петрозаводске в это

управление. Конкретно речь шла об определенных сведениях, раскрывающих систему охраны этой школы, а также подробного плана ее помещений и всей прилегающей к ней местности¹⁴. После изучения полученных документов в конце 1942 г. был сформирован спецотряд «Суоми» (командир — капитан П. Б. Борисов), который организационно должен был входить в состав отдельного мотострелкового батальона особого назначения 4-го управления НКВД СССР.

5 февраля 1942 г. П. А. Судоплатов отправил шифrogramму на имя наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова, в которой говорилось: «Направляем Вам отряд капитана т. Борисова в составе 9 человек, которому поручено произвести отбор 60 бойцов из личного состава, находящегося в Вашем распоряжении спецотряда, для последующего зачисления в состав бригады особого назначения. Считаем целесообразным использовать его для проведения операции по разгрому финской школы разведчиков, находящейся в г. Петрозаводске. Прошу оказать необходимое содействие капитану Борисову в выполнении возложенных на него задач»¹⁵.

Через несколько дней — 9 февраля 1943 г. начальник 4-го отдела НКВД КФССР старший лейтенант госбезопасности Изотов уже дожил Судоплатову: «Направляю Вам список бойцов сформированного спецотряда в количестве 46 человек для зачисления в штат бригады. Прошу зачислить бойцов на все виды довольствия и выслать аттестат на указанное количество бойцов»¹⁶. В конце марта 1943 г. отряд был окончательно сформирован и передан в оперативное подчинение 4-му отделу НКВД КФССР и пополнен бойцами местного спецотряда.

Однако следует отметить, что окончательное формирование отряда затянулось на полгода, что было связано с доукомплектованием спецотряда бойцами местной спецшколы из числа советских финнов и карел, хорошо владеющих финским языком. С этой целью весной 1943 г. оперработники 4-го отдела НКВД КФССР выезжали в Челябинск для подбора кадров из молодых финнов, эвакуированных (фактически насильственно депортированных) из Карелии в 1941 г., которых предполагалось использовать в составе спецотряда отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) 4-го управления НКВД СССР.

О боевых действиях отряда «Суоми», направленного Судоплатовым в Карелию для ликвидации Петрозаводской школы

финской разведки, у карельских исследователей нет единого мнения. Так, С. С. Авдеев весьма невысоко оценивает результаты его деятельности. Он пишет: «Целью создания отряда было проведение специальных операций по финским разведорганам. Однако формирование отряда затянулось на полгода, его бойцы вместо боевой подготовки занимались строительством жилого дома НКВД в г. Беломорске и лишь в сентябре 1943 г. приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе станции Илемсельга. В результате непродуманных вариантов отхода (рация не работала), при постоянном преследовании противником, преодолев пешком порядком в течение двух недель 360 км, отряд вышел в Беломорск»¹⁷.

Несколько иную позицию занимает Э. П. Лайдинен. Он отмечает: «После формирования отряд Борисова дважды направлялся в тыл противника для проведения диверсий среди финских войск и оба раза успешно выполнил задания. Так, в сентябре 1943 г. бойцы спецотряда “Суоми” приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе ст. Илемсельга (Кондопожский район)»¹⁸.

Однако объективно следует учитывать, что отряд «Суоми» так и не был использован для своего прямого назначения — уничтожения Петрозаводской разведшколы. Дело в том, что в ноябре 1943 г. его перевели в Москву¹⁹. Время для проведения операции было упущено. Более того, по мнению финляндских исследователей, к концу 1942 г. финская разведка получила данные о намерениях НКВД КФССР по уничтожению разведывательной школы и в марте 1943 г. Петрозаводская разведшкола была переведена в район озера Шотозеро (Пряжинский район Карелии). Здесь она функционировала несколько месяцев и осенью 1943 г. она была передислоцирована на территорию Финляндии в район Руоколахти²⁰.

Но задачу по уничтожению Петрозаводской разведшколы пытался НКВД Карелии решить и собственными силами. Его 4-й отдел в течение 1942–1944 гг. направил в тыл финских войск несколько подготовленных разведывательно-диверсионных групп. Однако эта деятельность не увенчалась успехом. Так, 26 октября 1943 г. в оккупированный Прионежский район катерами Онежской флотилии была заброшена агентурная группа «Виктория» в составе В. Л. Попова, К. М. Поташева и А. И. Макушевой с за-

дачей устроиться на нелегальное проживание на период зимы 1943–1944 гг. у своих родственников и, используя связи, проникнуть в Петрозаводск, проводя разведку деятельности Петрозаводской разведшколы. Группа не выполнила задание: Попов сдался в плен, позднее были задержаны и другие члены группы²¹. 25 октября 1943 г. в Шелтозерский район забросили агентурную группу «Соратники» в составе агента «Кампайлу» и радиста «Зайцева». Перед группой была поставлена аналогичная задача. Однако эта группа вернулась обратно через три дня — 28 октября 1943 г., так и не выполнив задание²².

В связи с переводом Петрозаводской разведшколы на территорию оккупированного Пряжинского района уже 2 ноября 1943 г. в указанный район с задачей организации нелегальной резидентуры, выявления практической деятельности и кадров Петрозаводской разведшколы, а также вербовки агентуры из ее окружения была заброшена еще агентурная группа «Кама» в составе К. В. Манзырева, С. А. Вавулова и Е. М. Сергеевой. Из-за предательства С. В. Вавулова группа не выполнила задание. Манзырев и Сергеева были убиты в перестрелке с финнами, а Вавулов после войны был осужден советским судом²³.

10 марта 1944 г. туда же с аналогичной задачей была выброшена агентурная группа «Приятели». Как стало известно после освобождения Петрозаводска, группа провалилась и разведчики были арестованы. С 30 марта по 21 июня 1944 г. радист группы «Кедровский» работал под диктовку противника, сообщая в НКГБ КФССР дезинформацию о деятельности Петрозаводской разведшколы. Таким образом, ликвидировать Петрозаводскую разведшколу не удалось.

Тем не менее, несмотря на отдельные провалы и неудачи, органы безопасности Северо-Западного региона СССР успешно противодействовали разведкам противника. Финские и германские разведывательные школы на Севере забрасывали агентуру в тыл советских войск в течение всей войны. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за период 1941–1945 гг., направленном во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ СССР 29 августа 1945 г., отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей Красной Армии на Карельском фронте было задержано 129 агентов финской разведки, окончивших разведывательные школы²⁴.

Однако следует отметить, что в финских и германских разведшколах было подготовлено и заброшено в советский тыл значительно больше агентуры, чем было задержано советскими разведорганами. Так, по данным финского журналиста Ю. Рислакки, в 1941–1944 гг. финская разведка забросила в тыл Красной Армии до 500 агентов, из которых половину составляли советские граждане²⁵. Их розыск продолжался и после окончания Великой Отечественной войны как в СССР, так и за рубежом, в результате розыскных мероприятий практически все резиденты были арестованы.

В целом можно сделать вывод, что, благодаря активности советской контрразведки, большинство мероприятия финской и германской разведок на Северо-Западе СССР были сорваны: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу советских войск, переброшенная за линию фронта агентура ограничивалась лишь сбором информации визуальным путем.

Изучение проблемы «тайной войны» советских и финских специальных служб в военный период, которое только сейчас становится возможным на основе рассекреченных документов российских ведомственных архивов, позволит лучше понять и осмыслить характер войны СССР с союзницей Германии Финляндией в 1941–1944 гг.

¹ *Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945.* Helsinki, 1989. S. 181.

² *Ibid.* S. 181.

³ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (далее Архив УФСБ РФ по РК). ФЛД. Д. 25. Т. 1–4; *Heiskanen R.* Op. cit. S. 182–183; *Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa.* Helsinki, 1982. S. 250.

⁴ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 21. Л. 2, 5, 8.

⁵ Там же. Д. 22. С. 35; Д. 25. Т. 1–3 — материалы; Д. 29. Т. 1. Л. 200; Д. 32. С. 8; *Хлобутов О.* Финские командос в советском тылу // *Новости разведки и контрразведки.* № 13–14. 2000. С. 15; *Heiskanen R.* Op. cit. S. 182.

⁶ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 21, 22, 25, 32.

⁷ Там же. Д. 21. Л. 8.

⁸ См.: Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД, Д. 21, 22, 25. Т. 1–3; Д. 32. Л. 5; *Хлобутов О.* Спецназ Суоми против Красной Армии // *Независимое военное обозрение.* № 31, 2000. С. 5; он же: Финские командос в советском тылу // *Новости разведки и контрразведки.* № 13–14. 2000. С. 15. *Ямпольский В.* Финны — «агрессоры или освободители?». Из истории разведывательно-диверсионной деятельности финских спецслужб в годы Второй мировой войны // *Карелия.* № 40, 20–22.06.1994.

⁹ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 г. М., 2001. С. 259–260.

¹⁰ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 287. Оп. 2. Д. 10. Л. 20; Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. Л. 8–10.

¹¹ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 4, 78–133, 239–243, 375. Так, во второй половине августа — начале сентября 1942 г. Петрозаводская разведшкола забросила в Архангельскую, Вологодскую, Ленинградскую области и Беломорск 12 агентов (6 агентурных пар), однако никто из них не выполнил задания. Практически сразу же после заброски «с повинной» в органы НКВД явились 7 человек. 4 агента были задержаны вначале сентября 1942 г., и только одного — Потапова — арестовали 8 января 1943 г. в Москве при очередном призыве в ряды Советской армии. При этом задания финской разведки он не выполнил и выполнять не собирался.

¹² Там же. Л. 121, 126–128.

¹³ Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939–1944 гг. (Рукопись). Петрозаводск, 2009. С. 156–157.

¹⁴ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 157.

¹⁵ Там же. Литер. дело 10. Т. 1. Ч. 2. Л. 77.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Авдеев С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.) / Науч. ред.: Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 11; Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 10. Л. 37, 59, 78.

¹⁸ Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии в 1939–1944 гг. С. 157.

¹⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 10. Т. 1. Ч. 1. Л. 37, 59, 78; ФЛД. Д. 10. Т. 1. Ч. 2. Л. 5; Веригин С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 128; Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149.

²⁰ Heiskanen R. Op. cit. S. 182; Rislakki J. Erittäin salainen. Op. cit. S. 250.

²¹ Архив УФСБ. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.

²² Там же. Ф. КРО. Оп. 1. П. 95. С. 2.

²³ Там же. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 21.

²⁴ Там же. Ф. Секретариат. Оп. 1. П. 120. С. 28.

²⁵ Rislakki J. Op. cit. S. 249.

В. Г. Макуров

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ФИННАМИ
ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В 1941–1944 гг.**

К концу 1941 г. более половины всей территории Карело-Финской ССР оказалась оккупированной финскими и немецкими войсками, которые вводили собственные порядки в устройстве жизни населения. Еще накануне войны, 16 июня 1941 г., в Финляндии распространилась специально подготовленная записка «Планы некоторых мероприятий в Восточной Карелии». На ее основе разрабатывались конкретные вопросы и основные направления оккупационной политики. Суть ее сводилась к тому, что Восточная Карелия якобы исторически принадлежала Финляндии и поэтому должна находиться в ее составе. Заказанное президентом Р. Рюти специальное исследование об этом было напечатано осенью 1941 г. в Берлине под названием «Жизненное пространство Финляндии»¹. Агрессивные намерения финских правящих кругов нашли свое отражение и в официальных документах, в частности в приказах главнокомандующего финской армии маршала К. Г. Э. Маннергейма. А одна из ведущих газет страны «Карьяла» писала, что Финляндия «имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уж о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря». Таким образом, участие страны в войне оправдывалось, во-первых, целью борьбы с советской властью и, во-вторых, необходимостью освобождения родственных народов и присоединения их территории к Финляндии².

Принятые Ставкой Маннергейма правила публикации сведений о Восточной Карелии и ведущейся войне также во многом раскрывают государственную, национальную и военную политику

Финляндии того времени и ее оккупационной администрации. Согласно этим правилам, например, следовало говорить только об «освобождении» Восточной Карелии (а не о ее завоевании, как было на самом деле) и что якобы карелы сами просили о своем освобождении. Рекомендовалось повсеместно подчеркивать, что Восточная Карелия — это земля карелов, что у русских здесь нет никаких «корней» и что эта территория имеет большое значение для обороны, защиты и независимости Финляндии. Следовало говорить не о народе, а о населении Восточной Карелии, не о карельском языке, а о его «диалекте» (то есть диалекте финского языка). О местном населении рекомендовалось писать доброжелательно: «Говоря о господствующей в Восточной Карелии отсталости, следует подчеркивать, что виноват в этом советский строй, а не население, которому, напротив, нужно отдать должное в том, что оно в трудных условиях сохранило свою национальность и обладает природной смысленностью и талантом. Необходимо подчеркивать, что теперь мы хотим поднять население Восточной Карелии на уровень, соответствующий этим замечательным качествам». Все публикации и новости о жизни Восточной Карелии должны были получить предварительное одобрение соответствующих финских органов — отдела цензуры Ставки или штаба Военного управления Восточной Карелии³.

15 июля 1941 г. маршал Маннергейм отдал приказ об организации управления на оккупированной территории — Военного управления Восточной Карелии (ВУВК). Руководитель ВУВК подполковник В. Котилайнен в тот же день выпустил обращение к гражданам захваченных районов КФСР, в котором объявил, что он принял на себя командование оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей. В каждом районе назначался начальник, которому принадлежала вся власть на местах. В перечне требований из восьми пунктов местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 21 до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги и необоснованные сведения; предлагалось гражданскому населению продолжать свою обычную работу и представить описание своего имущества, а оставшимся советским солдатам немедленно сложить оружие и сдаться в плен. За нарушение данных требований могла последовать смертная казнь⁴.

Основные направления работы оккупационного финского Военного управления Восточной Карелии нашли отражение в его структуре, представленной целым рядом отделов: командным, противовоздушной обороны, административным, полицейским, надзора, экономическим, интендантским, ветеринарным, просветительским, социальным, разведки, медицинским. Штат управления насчитывал: офицеров и военнослужащих — 470 человек, младших офицеров — 364, мужчин и юношей — 488, личный состав ПВО — 1081, женщин — 514, всего — 2917 человек⁵. Штаб ВУВК находился сначала в Йюэнсуу (Финляндия), а затем — в Петрозаводске. Территория, подчиненная Военному управлению Восточной Карелии, была разделена на 3 округа (Олонецкий, Масельгский и Беломорский), каждый из которых делился на районы, а они в свою очередь — на более мелкие административные единицы — участки (несколько населенных пунктов). Окружные, районные и местные начальники управляли всей административной и хозяйственной жизнью на своих территориях. Кроме того, в крупных деревнях назначались старосты для надзора за населением, организации необходимых мероприятий и т. п. На службу в оккупационные органы подбирались, как правило, «заинтересованные» в делах Восточной Карелии лица, имевшие военную подготовку и опыт административной работы. При аппарате ВУВК имелась совещательная комиссия из 12 человек, в которую входили «благонадежные лица из восточных карелов», ушедших в Финляндию после революции 1917 г. Предполагалось, что эта комиссия придаст «местный колорит» созданному управлению, однако, не имея никаких прав, она не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на принятие важных решений.

Всего на оккупированной части Карело-Финской ССР насчитывалось около 85 тыс. местных жителей, считая и перемещенных из Ленинградской области. Для усиления контроля и наблюдения за ними оккупационные власти провели подробную перепись населения. В каждом крупном селе имелся полицейский участок, за нарушение установленного режима (нахождение на улице во время комендантского часа, пребывание в доме постороннего лица, выход за пределы постоянного места жительства без специального пропуска и т. п.) предусматривались различные меры наказания вплоть до расстрела. В специальных лагерях (концентрационных, переселенческих, трудовых) были заключены около^{1/3} всего населения. Только в Петрозаводске имелось 6 лагерей, в которых со-

держались свыше 20 тыс. человек. По разным данным, следствием тяжелых лагерных условий жизни (непосильных работ, голода, массовых эпидемических болезней), а также расстрелов явилась гибель от 4000 до 7000 человек⁶.

Особой сферой деятельности оккупационной администрации являлись «просвещение и воспитание национального населения». У карелов следовало формировать «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию». На разного рода просветительских мероприятиях следовало говорить о незначительных успехах СССР и деятельности ВУВК на благо населения, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Важнейшими каналами просветительской работы являлись газета и радио: «Вапаа Карьяла» («Свободная Карелия») и Аунуксен радио (Радио Олонца). 5 января 1942 г. было обнародовано постановление об основах народной школы в Восточной Карелии. Языком обучения во всех школах становился финский. По этой причине дети «ненациональных» родителей оставались за бортом народной школы вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. работали 53 школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них числились 8393 ученика-«национала», и, кроме того, в 13 школах учились около 3000 русских детей. Особенно большое внимание в учебных планах уделялось мировоззренческим предметам (история, география, финский язык, религия), создавались специальные учебники, в которых доминировали финские национальные мотивы⁷.

Составной частью политики финнизации на оккупированной территории являлось переименование населенных пунктов, улиц, имен и фамилий местных жителей. Так, уже 16 сентября 1941 г. окружные начальники получили предписание ВУВК о приведении к единообразию названий населенных пунктов на оккупированной территории. В нем, в частности, подчеркивалось: «Следует брать употребляемые местными жителями названия населенных пунктов, если они являются финскими. Группу деревень, построенных близко друг от друга, следует считать одной деревней. Предложения по переименованию русских названий деревень на финские с резолюцией окружного начальника следует посылать нам». Тогда же в районы были направлены рекомендательные списки для переименования улиц и населенных пунктов Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев предшествующих «племенных войн», а также

имена карельских и финских «племенных» героев, или же имена героев Калевалы. Так, Петрозаводск стал называться Аанислинна (Крепость на Онего), Олонец — Аунуслинна (Крепость Олонии). Переименование улиц Петрозаводска произошло в начале 1943 г. Финская газета «Вапаа Карьяла» писала в этой связи: «Впервые за время своего существования Петрозаводск получает национальные финские названия улиц. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему, как важнейшему населенному пункту Восточной Карелии, и подобает иметь. Лицо города все более становится финским...»⁸

Таким образом, установленный финскими военными властями режим на захваченной территории Карело-Финской ССР представлял собой продуманную систему мер (экономических, идеологических, просветительских, политических), которая во многом определялась национальными факторами. Отправной момент оккупационной политики заключался в том, что родственных финнам людей по национальной принадлежности («соплеменников» — карелов, финнов, вепсов, ингерманландцев, составлявших 50 % местных жителей) необходимо «освободить» как будущих граждан «великой Финляндии». Реализация такой политики на практике выразилась в разделении жителей Восточной (Советской) Карелии на две основные группы: «национальное и ненациональное», или привилегированное и непривилегированное во всех отношениях население. Первая группа людей лучше обеспечивалась социальными благами (зарплатой, продовольственными и промышленными товарами, медицинским обслуживанием и т. д.), для них организовывались специальные народные школы и курсы по месту жительства и в Финляндии, проводилась активная идеологическая и просветительская работа. Вторая группа, в основном русские, находилась в худших условиях, и именно они, прежде всего, помещались в концентрационные (трудовые) лагеря с целью дальнейшего перемещения после предполагавшейся победы в войне Германии и ее союзников.

О конкретных результатах оккупационной национальной политики в Карелии, отношении к ней местного населения в определенной степени можно судить по событиям на заключительном этапе военных действий на Севере: начавшемся здесь летом 1944 г. наступлении советских войск, уходе финнов и эвакуации с ними местных жителей, которая, по утверждениям финских военных властей, осуществлялась на добровольной основе.

На оккупированной территории Карелии, по данным финских источников, к лету 1944 г. оставалось всего 83541 человек местного населения, из них 68453 человека проживали в населенных пунктах, 14926 человек — в переселенческих лагерях и 162 человека — в концентрационных лагерях. Около половины местных жителей — 41803 человека — относились к «родственным» финнам народам (карелы, финны, вепсы, ингерманландцы и др.). Согласно подробному отчету финских военных властей по эвакуации, всего из населения Восточной Карелии переселились в Финляндию 2799 человек, или 3,35 %. Из них родственное финнам население составляло 2196 человек. Таким образом, в целом число переселившихся (эвакуировавшихся) жителей Карелии в Финляндию оказалось незначительным. Следует учесть, что для некоторых эвакуация была неизбежной, в частности для тех, кто находился на службе у финнов. Многие переселившиеся состояли в браке с финнами и уже являлись гражданами Финляндии⁹.

¹ *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallimossa 1941–1944. Helsinki, 1982. S. 61–63; *Сентеля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 гг. // Север. 1995. № 4–5. С. 99.

² *Puhtain asein.* Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918–1944. Helsinki, 1970. S. 120; Suomen historian dokumentteja. 2. Helsinki, 1970. S. 420; *Salaiset keskustelut.* Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939–1944. Lahti, 1967. S. 99.

³ По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 264–266.

⁴ Sota-arkisto (SA). 2870/1.

⁵ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 16. Л. 6. По обе стороны Карельского фронта. С. 153–175.

⁶ *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsinki, 1989. S. 132–133; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 176.

⁷ *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 81; Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы социальной экономики и политики. 60-е годы XIX–XX вв.: Сборник научных статей. Петрозаводск, 1995. С. 103–104.

⁸ НА РК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 7; *Vapaa Karjala.* 1943.12.02; По обе стороны Карельского фронта. С. 102, 312–314.

⁹ По обе стороны Карельского фронта. С. 541–553; XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.: Петрозаводск, 1997. С. 31–32.

Е. О. Дубинко-Гуща

**ВКЛАД В РЕШЕНИЕ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДАНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.**

В 2012 г. исполнилось 50 лет с момента создания Датского агентства по оказанию помощи развивающимся странам (ДАНИДА). За время своего существования ДАНИДА являлось важным инструментом продвижения датских внешнеполитических интересов и ценностей в странах третьего мира, способствуя поддержанию положительного имиджа и высокого авторитета Дании на международной арене.

Международная политика помощи развивающимся странам ведет свое начало от созданной в 1949 г. в рамках ООН специальной расширенной программы технической помощи (ЕРТА) и учрежденного в 1958 г. Специального фонда ООН, на основе которых в 1965 г. была образована Программа развития ООН (ПРООН). С самого начала вклад Дании в обе организации был одним из самых больших среди всех стран-участниц не только в расчете на душу населения, но и в абсолютном соотношении¹.

Согласно резолюции 1715 (XVI) от 19 декабря 1961 г. Генеральной Ассамблеи ООН, 1960–1970 гг. были объявлены «Декадой развития»². Это послужило стимулом для принятия новых программ помощи развивающимся странам. Датское руководство определило отношения между богатыми и бедными государствами в 1960-е гг. главной международной проблемой того времени и поручило специально созданному в 1961 г. парламентскому комитету разработать предложения по организации и расширению оказания помощи развивающимся странам.

В 1962 г. фолькетинг принял Закон, который заложил основы политики Дании в этом направлении. В этом же году было создано агентство по оказанию помощи развивающимся странам, позднее получившее название ДАНИДА, и тогда же была запущена первая программа двусторонней помощи развивающимся странам.

Принятие Закона 1962 г. значительно расширило возможности двустороннего сотрудничества Дании, которая прежде могла оказывать только многостороннюю помощь через созданные в рамках ООН организации³. Расширению внешнеполитических возможностей Дании в отношении развивающихся стран во многом способствовала начавшаяся в 1960-е гг. разрядка международной напряженности.

В связи с актуализацией потребности оказания помощи странам, вышедшим из колониальной зависимости в 1960 г. в рамках Организации экономического сотрудничества и развития был создан Комитет по содействию развитию (КСР ОЭСР), основной целью которого являлась координация усилий и проведение консультаций между государствами-донора. В результате КСР стал одной из первых дискуссионных платформ по содействию международному развитию, к которому Дания присоединилась в 1963 г.

В октябре 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила второе Десятилетие развития, приняв резолюцию 2626, согласно которой «Каждая экономически развитая страна будет увеличивать свою официальную помощь на цели развития (ОПР) развивающимся странам и приложит все усилия для достижения минимума нетто в размере 0,7 % от их валового национального продукта по рыночным ценам к середине Десятилетия»⁴.

Определение ОПР было принято КСР ОЭСР в 1972 г., согласно которому ОПР ставит своей целью продвижение экономического развития и благосостояния развивающихся стран и носит льготный характер, который предполагает наличие в помощи грант-элемента в размере не менее 25 % (при расчете по фиксированной ставке дисконтирования в 10 %)⁵.

Официально Дания заявила о своем намерении достичь поставленной цели о выделении ОПР в размере 0,7 % от своего ВВП на конференции ЮНКТАД в 1972 г., однако при этом не обязываясь выполнить ее к какому-то определенному сроку⁶.

Еще в середине 1960-х гг. Дания относилась к числу развитых государств, оказывающих наименьшую помощь в целях развития,

что послужило поводом для внутривластного давления. Так, в 1962 г. доля помощи развивающимся странам составляла лишь 0,08 % от ВВП Дании⁷. Однако к концу 1970-х гг. данная ситуация кардинально изменилась, и Дания стала четвертым после Швеции, Нидерландов и Норвегии государством, достигшим поставленной ООН цели о выделении ОПР в размере 0,7 % от ВВП в 1978 г.⁸ Это позволило войти в «эксклюзивный клуб» государств-доноров, выполняющих поставленную ООН цель.

Главные цели политики Дании по оказанию помощи развивающимся странам были определены в отчете КСР ОЭСР за 1979 г.:

1. Выполнение поставленной ООН цели о выделении 0,7 % от ВВП на помощь развивающимся странам.

2. Равномерное распределение многосторонней и двусторонней помощи таким образом, чтобы в рамках последней распределение безвозмездной помощи и займов с элементом грантов было как можно более равномерным и в высшей степени привязано к закупкам в Дании.

3. Оказание помощи не должно иметь политических условий.

4. Помощь должна соответствовать пожеланиям и приоритетам, сформулированным в программах развития стран-получателей.

5. Особое внимание следует уделять помощи наиболее бедным группам населения развивающихся стран согласно стратегии удовлетворения основных потребностей⁹.

Соотношение многосторонней и двусторонней помощи в общем объеме ОПР с самого начала являлось дискуссионным вопросом во внешней политике Дании, о чем свидетельствуют отчеты специально созданных комитетов фолькетинга.

На протяжении 1960–1980-х гг. значительная часть оказываемой Данией помощи была многосторонней, что являлось общей для стран Северной Европы тенденцией. По сравнению с такими странами, как США, Великобритания и Франция, в которых доля многосторонней помощи от общего объема помощи развивающимся странам не превышала 10 %, многосторонняя помощь в Дании, Норвегии и Швеции превышала 45 % от общего объема помощи¹⁰. Относительно равное соотношение многосторонней и двусторонней помощи Дании сохранялось на протяжении 1970 — начала 1980-х гг.

Одна из причин, по которой Скандинавские страны предпочитали многостороннюю помощь двусторонней, заключалась

в том, что значительный вклад в международные организации способствовал повышению авторитета, выделяя их на фоне крупных государств. Это также должно было послужить стимулом для других участников к повышению своих расходов на оказание помощи развивающимся странам, а значит, средством оказания влияния на международной арене. Дания как малое государство традиционно отводила многостороннему сотрудничеству большую роль в своей внешней политике. В этой связи ООН придавалась высокая приоритетность как форуму сотрудничества между нациями.

Одним из приоритетных направлений многосторонней помощи Дании являлась ПРООН. В 1970 г. на страны Северной Европы приходилось 20 % всей помощи в рамках ПРООН¹¹. В 1975 г. на Данию приходилось 11,5 % от всей выделяемой в рамках ПРООН помощи, однако к 1981 г. эта цифра сократилась почти вдвое, составив 6 %¹².

Данная тенденция отчасти объясняется появлением и растущей конкуренцией со стороны других организаций, в частности ФАО, МОТ и ВОЗ. Вступление Дании в Европейские сообщества в 1973 г. также оказало заметное влияние на перераспределение многосторонней помощи в целях развития. Так, доля ЕС в общем объеме выделяемой помощи с 1973 по 1981 г. выросла до 18 %¹³.

Приоритетными направлениями двусторонней помощи Дании с середины 1960-х гг. были 9 государств: Индия, Пакистан, Таиланд, Танзания, Кения, Уганда, Замбия, Малави и Гана. Ситуация изменилась в 1970-е гг., когда количество государств-получателей сократилось до четырех: Индия, Танзания, Кения и Бангладеш. Это географическое распределение сохранялось до 1988 г.

Одновременно в 1970-е гг. наблюдается тенденция к большей концентрации помощи на беднейших слоях населения развивающихся стран. Данная тема была в центре внимания после выступления в 1972 г. тогдашнего главы Всемирного банка Р. Макнамары, в котором отмечалось, что лишь 40–50 % беднейших слоев населения развивающихся стран получают необходимую помощь¹⁴. Таким образом, в 1970-е гг. основным приоритетом помощи развивающимся странам становится улучшение условий жизни наиболее уязвимых слоев населения, в первую очередь женщин.

С начала реализации первых программ уровень бедности являлся руководящим принципом Дании в выборе приоритетных

направлений для оказания помощи в целях развития. Дания была заинтересована в экономическом и социальном прогрессе развивающихся стран, поскольку он должен был способствовать развитию мировой экономики, а также расширению возможностей самой Дании. Таким образом, уменьшение разрыва между богатыми и бедными государствами рассматривалось в качестве одной из приоритетных задач внешней политики Дании до начала 1990-х гг.

Главная задача оказания помощи развивающимся странам сформулирована в Законе «О международном сотрудничестве в целях развития», где говорится, что «посредством сотрудничества с правительствами и администрацией развивающихся стран поддерживать их усилия по достижению экономического роста, а значит, способствовать их социальному прогрессу и политической независимости в соответствии с Уставом, целями и основополагающими принципами ООН, а также при помощи сотрудничества в области культуры способствовать продвижению всеобщего взаимопонимания и солидарности»¹⁵.

Помощь развивающимся странам также рассматривалась в качестве одного из инструментов поддержания международной безопасности. Наиболее четко данная позиция была выражена министром иностранных дел Дании в его обращении к парламенту 22 мая 1980 г.: «Главная угроза безопасности и стабильности в мире не является военной по своей природе. Ее истоками являются огромные экономические, социальные, культурные и религиозные проблемы, с которыми сталкиваются страны третьего и четвертого мира. Иногда Данию критикуют за низкие расходы на оборону. Можно возразить, что есть связь между расходами на оборону и расходами на помощь развивающимся странам. Расходы на оборону и расходы на помощь развивающимся странам являются вкладом в создание мира на Земле и продвижение нашей безопасности... Дания может подчеркнуть, что ее вклад в развивающиеся страны по отношению к ВВП в два раза превышает средний уровень стран ОЭСР»¹⁶.

Расширение понятия безопасности за счет угроз невоенного характера не является новым подходом в международных отношениях. Впервые интерпретацию «развития в безопасности» применил Р. Макнамара по отношению к экономической помощи США после Второй мировой войны. В контексте внешней поли-

тики Дании использование данной трактовки было обусловлено критикой со стороны членов НАТО в отношении Дании, выделявшей недостаточно средств на общую оборону и тем не менее получавшую выгоды от участия в альянсе наравне с другими участниками. Когда в 1978 г. НАТО приняла решение, согласно которому странам было рекомендовано повысить свои бюджеты на оборону до 3 %, правительство Дании приняло официальную оговорку, получившую название «нулевое решение». С одной стороны, этот шаг был нацелен на внутреннюю аудиторию, с другой стороны — Дания заслужила одобрение со стороны Советского Союза.

Проблемы устойчивого развития находились в центре внимания ООН с момента учреждения в 1983 г. Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (ВКОСР). Результатом работы комиссии стала разработка в 1987 г. доклада председателя ВКОСР Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее», в котором подчеркивается взаимосвязь экономического роста и проблем окружающей среды¹⁷. *Устойчивое развитие* является развитием, которое удовлетворяет потребности настоящего времени и при этом не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности¹⁸. «Предпосылками удовлетворения основных потребностей является не только новая эра экономического роста всех стран, большая часть которых относится к категории бедных, но и гарантия того, что бедные страны получают причитающуюся им долю ресурсов, необходимых для поддержания этого роста»¹⁹.

Доклад председателя ВКОСР способствовал широкому консенсусу среди политических партий Дании о необходимости включения тематики устойчивого развития в политику оказания помощи развивающимся странам. Это нашло отражение в утвержденной фолькетингом Программе действий ДАНИДА 1988 г., согласно которой окружающая среда должна рассматриваться как сквозной, а не секторальный вопрос помощи в целях развития, который не сводится лишь к усилиям по охране природы²⁰.

В указанной Программе были также изложены принципы оказания помощи развивающимся странам. Кроме того, большинство в Комитете по внешней политике, состоявшее из социал-демократов, Консервативной народной партии, Либерал-демократической партии Венстре, Социал-либеральной и Христианской народной

партий, в отчете № 4 от 23 мая 1989 г. перечислили критерии, положенные в основу выбора двусторонних программ сотрудничества, отвечавшие общей цели этого направления датской внешней политики²¹. Помимо уровня бедности были добавлены такие критерии, как возможность продвижения устойчивого развития и экологической ответственности, уважение прав человека в соответствии с международными стандартами, гарантии участия женщин в процессе развития и др.

Тогда же было принято решение о сосредоточении помощи на 20–25 странах-партнерах вместо прежних 60 на ближайшее десятилетие. Дело в том, что помимо двусторонних программ Дания направляла различным государствам временную помощь в переходные периоды (например, Намибии, Афганистану, Монголии, Эфиопии, Камбодже); более 20 государств получали помощь через неправительственные организации Дании.

Фолькетинг подтвердил приверженность принципу о равномерном распределении многосторонней и двусторонней помощи на заседании 20 февраля 1992 г. Таким образом, в 1992 г. объем двусторонней помощи составил 48,67 %, многосторонней помощи — 46,77 %; оставшуюся часть составили административные расходы. С 1989 г. двусторонняя помощь была полностью безвозмездной²².

В 1992 г. программы помощи охватывали 14 стран-партнеров (Бангладеш, Бенин, Бутан, Египет, Гана, Индия, Кения, Мозамбик, Непал, Танзания, Таиланд, Уганда, Замбия и Зимбабве), на которые приходилось более половины всего объема двусторонней помощи. При этом 40 % от всей двусторонней помощи должно направляться наименее обеспеченным группам населения в наименее развитых странах (согласно принятой классификации ООН, к ним относятся страны, в которых годовой доход на душу населения составляет менее 576 дол. США)²³.

Многосторонняя помощь распределяется в виде добровольных вкладов в программы развития ООН (30 %), банки и фонды развития (16 %), программы ЕС (15 %) и продовольственные программы (6 %). Критерии распределения помощи по различным организациям включают в себя роль организации во внешней политике Дании в целом, возможности Дании оказать влияние на политику организации, возможности получения поставок датскими компаниями и др.²⁴

К 1993 г. ОПР Дании достигла 1 % от ВВП. Для сравнения: средний показатель ОПР среди западных государств в 1991 г. составлял 0,33 %²⁵.

Таким образом, можно выделить следующие основные тенденции в датской политике помощи развивающимся странам в конце 1980-х – начале 1990-х гг.:

1. Бедность как главный критерий отбора стран для участия в двусторонних программах сотрудничества.

2. Концентрация помощи на меньшем количестве стран.

3. Акцент на взаимосвязи экономического роста и проблемы нехватки природных ресурсов (устойчивое развитие).

В связи со сменой правительства и окончанием «политики оговорок» в конце 1980-х гг. был взят курс на проведение политики «активного интернационализма», означавшей превращение Дании из «потребителя» в области безопасности в ее «производителя»²⁶. Понятие «коллективная безопасность», предложенное комиссией У. Пальме в 1982 г. и связанное с необходимостью нераспространения ядерного оружия и прекращением гонки вооружений, также претерпело значительные изменения во внешней политике Дании. Дания избегала формулировки «коллективная безопасность» в официальных документах, поскольку она могла вызвать недовольство США. В частности, в отчете МИД Дании 1986 г. о внешней политике и безопасности, известном как «отчет Дювига», сказано, что создание безъядерной зоны в Северной Европе может иметь нежелательные последствия для внешней политики Дании²⁷.

Одним из проявлений внешнеполитической активности Дании после окончания холодной войны стало расширенное использование военных средств для поддержания международного мира и стабильности. С 1993 г. Дания приняла участие как в операциях по поддержанию мира, так и в миротворческих операциях. Относительно большой вклад Дания внесла в бывшей Югославии — более 1300 солдат в 1993 г.; принимала участие в большом количестве т. н. гуманитарных интервенций, например в Албании в 1997 г., когда Дания была председателем ОБСЕ и направила 61 солдата²⁸.

В свете новой ситуации, сложившейся в связи с распадом биполярной системы, приверженность Дании традиционным принципам участия в разрешении международных конфликтов

только при наличии мандата ООН заметно ослабла к началу 2000-х гг. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, влияние системных изменений в международных отношениях на трансформацию самой ООН. В 1991 г. Дания вместе с другими странами Северной Европы приняла активное участие в разработке доклада "Shaping the peace: The United Nations in the 1990 s", который был использован Генеральным секретарем ООН Бутросом Бутросом-Гали в докладе о будущей роли ООН в области безопасности «Повестка дня для мира», опубликованном в 1992 г.²⁹ Этот документ озаменовал период, когда помощь в развитии стала рассматриваться как средство предотвращения или управления вооруженными конфликтами — значит, для продвижения всеобщей безопасности, — а не просто как средство экономического роста.

Важной составляющей внешней политики Дании с начала 1990-х гг. стала помощь странам Восточной Европы как новое направление политики оказания помощи. В 1993 г. общий объем помощи странам Восточной Европы составил 2 млрд крон. Основными направлениями явились охрана окружающей среды и развитие транспорта. Первые инициативы Дании были выдвинуты в 1989 г. и касались гуманитарной помощи, организации совместных предприятий и технической и образовательной помощи странам Восточной Европы.

Позднее к политике помощи добавилось еще одно измерение — гуманитарное. Как отметил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, «медленно, но верно получает развитие международная норма, направленная против жесткого подавления меньшинств. Эта норма становится выше понятия суверенитета»³⁰. Дело в том, что только 3 из 82 вооруженных конфликтов в 1989–1992 гг. имели место между государствами³¹. Это в значительной степени актуализировало вопросы суверенитета и возможностей вмешательства во внутренние конфликты других государств с целью защиты прав национальных меньшинств и прав человека. В связи с этим исследователи отмечают «гуманитарный поворот» в международной политике безопасности, согласно которому условием мира и стабильности являются такие общечеловеческие ценности, как свобода, демократия и соблюдение прав человека³².

Эти изменения нашли отражение в концепции внешней политики Дании 1993 г., согласно которой соблюдение прав

человека и демократических принципов относится к проблемам, переходящим границы отдельного государства. «Сегодня, когда границы утратили большую часть своего значения и отдельные общества теснее привязываются друг к другу, <...> нарушения прав человека не могут рассматриваться как внутреннее дело государства. Это касается всего международного сообщества»³³. Межэтнические конфликты создают большие потоки беженцев и могут оказывать дестабилизирующее влияние на соседние государства или целый регион. Таким образом, «государства имеют законный интерес вмешиваться в некоторые «внутренние» дела друг друга. В крайней форме это может происходить с помощью применения силы, о чем свидетельствуют гуманитарные интервенции, проведенные ООН в трех частях света за последние несколько лет»³⁴.

Понятие всеобщей безопасности впервые выделяется в концепции 1993 г. в качестве одной из приоритетных сфер реализации внешней политики в глобальном измерении наряду с демократией и правами человека, экономическим и социальным развитием и защитой окружающей среды³⁵. Данные сферы рассматриваются как универсальные для всего международного сообщества и отражают глобальный взгляд правительства Дании на международные отношения в рамках постбиполярной системы международных отношений.

На практике эти изменения выразились в значительном увеличении гуманитарной помощи Дании. К отчисляемому 1 % от ВВП в 1993 г. было решено добавить еще 0,5 % на помощь в ликвидации катастроф. Таким образом, Дания сразу же выразила приверженность международной повестке дня, заданной на конференции ООН по климату в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Поскольку эти средства рассматривались как расходы на «мягкую безопасность», их было решено перераспределить из оборонного бюджета. При этом под ликвидацией катастроф было также решено понимать помощь беженцам. В июне 1993 г. Министерство финансов Дании опубликовало отчет «Международные усилия Дании», согласно которому расходы по оказанию гуманитарной помощи с 1988 по 1993 г. выросли в два раза — с 8 млрд крон до 15 млрд крон³⁶. Таким образом, впервые расходы на «мягкую безопасность» превысили расходы на «жесткую безопасность», т. е. военные расходы³⁷.

В марте 1994 г. правительство приняло официальный документ под названием «Мир в развитии — стратегия политики Дании по оказанию помощи развивающимся странам до 2000 г.», известный также как «Стратегия 2000»³⁸. На основе этого документа МИД Дании в 1996 г. подготовило «План для активной многосторонней политики», касавшийся борьбы с бедностью, оказания гуманитарной помощи развивающимся странам, деятельности в международных организациях, в том числе под эгидой ООН и ЕС, для увеличения всесторонней международной помощи³⁹.

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. правительство Дании главную роль в операциях по поддержанию мира и безопасности отводило ООН. Данная ситуация претерпела изменения на фоне неэффективности в разрешении конфликтов в Сомали, Боснии и Руанде. Одной из причин стало перенапряжение ресурсов ООН в силу возросшего числа межэтнических конфликтов, требовавших не только военных, но также значительных гуманитарных и гражданских ресурсов для гарантии стабильности после окончания военных действий. В период с 1988 по 1993 г. на ООН было возложено проведение 23 новых миротворческих операций⁴⁰. В 1995 г. Бутрос Бутрос-Гали был вынужден признать, что возможности ООН в продвижении мира были весьма ограничены и что подобные операции следует возложить на добровольные коалиции, действующие согласно мандату ООН.

Во-вторых, важным фактором в трансформации гуманитарной политики Дании стало доминирование США в Совете Безопасности ООН после окончания холодной войны. Это позволило Дании проводить активную политику по продвижению норм и ценностей, опираясь на резолюции Совета Безопасности ООН, что нашло отражение в ряде конкретных международных инициатив и гуманитарных интервенций. В гуманитарную политику был постепенно внедрен военный элемент. Например, Дания вместе с другими государствами поддержала создание региональных сил по поддержанию мира в Хараре, Зимбабве в 1997 г. В 1997 г. Дания также создала многонациональную бригаду для быстрого развертывания в конфликтных ситуациях, базирующуюся в Дании, но находящуюся в распоряжении Генерального секретаря ООН.

Тенденция к ослаблению значимости суверенитета, появившаяся в гуманитарной политике Дании после окончания холодной войны, усилилась в связи с приходом к власти либерал-консервативного правительства в 2001 г. В докладе правительства «О соображениях безопасности в датской политике обороны», опубликованном в 2003 г., выделяются новые угрозы безопасности, имеющие трансграничный характер⁴¹. При этом подчеркивается, что географический фактор более не играет столь важной роли в определении угроз, уступая место новым вызовам, которые несут в себе глобализация, международные потоки капиталов и людей. Основные угрозы исходят преимущественно от негосударственных объединений, таких как радикальные группы и террористические сети, которые зачастую не ограничиваются географическими границами и являются асимметричными, динамичными и непредсказуемыми.

Одновременно усиливается и гуманитарный поворот в понимании безопасности. Это нашло отражение в ценностном подходе к гуманитарной политике, согласно которому в качестве условия мира и стабильности выделяются свобода и неприкосновенность не только государства, но в первую очередь индивида. Данный подход характерен не только для внешней политики Дании, но является следствием распространенной в последнее время в международном праве тенденции, согласно которой классическое понятие суверенитета дополняется нормой о том, что «легитимная практика суверенитета предполагает уважение прав человека и принципа репрезентативности»⁴².

Либерал-демократические ценности, положенные в основу внешней политики Дании, также стали критерием эффективности гуманитарной помощи. В концепции внешней политики 2003 г. сказано, что «личная безопасность и экономические и политические свободы являются предпосылками устойчивого развития, которое несет в себе стабильность и прогресс»⁴³.

Выражая опасения относительно ослабления ООН, Дания выступает за концентрированность на тех сферах, в которых ООН обладает уникальным опытом. Это в первую очередь операции по поддержанию мира и помощь в восстановлении в постконфликтных ситуациях, соблюдение норм международного права и прав человека, проблемы развития, включающие такие области,

как защита окружающей среды, борьба с бедностью, улучшение положения женщин, борьба с ВИЧ/СПИДом.

Новая стратегия Дании в отношении политики развития включает в себя 5 приоритетных направлений, которые в целом отражают изменения в концепции внешней политики Дании, принятой в 2003 г. Так, свобода, демократия и права человека выделяются в качестве ценностей, имеющих решающее значение для социального и экономического прогресса и процветания в долгосрочной перспективе. Условием роста и занятости называется частная инициатива и развитие частного сектора. Помимо указанных сфер приоритетными направлениями политики развития Дании являются равенство и расширение возможностей женщин и детей, достижение стабильности в хрупких государствах, преимущественно на Африканском континенте, борьба с проблемами климата и защита окружающей среды⁴⁴.

Частью новой стратегии Дании в отношении помощи развивающимся странам стала большая концентрация усилий на меньшем количестве стран. Это предусматривает, что число стран будет постепенно сокращено с 26 до 15. Сокращение, в частности, коснется Никарагуа, Замбии, Бенина, Камбоджи, Боливии, Вьетнама, Бутана. Эти страны, по мнению правительства Дании, уже встали на путь позитивного экономического развития.

Таким образом, ключевыми словами в предоставлении помощи развивающимся странам стали сфокусированность и повышение эффективности. В результате число государств-получателей гуманитарной помощи сократилось до 13 стран. Одновременно Дания сократила многостороннюю помощь в рамках ЮНЕСКО, МОТ и ЮНИДО. Больше внимания стало уделяться политической составляющей гуманитарной помощи, в отличие от принципа невмешательства в приоритеты государства-получателя, которого Дания придерживалась в годы холодной войны.

Дания четыре раза была избрана в Совет Безопасности ООН: в 1953–1954, 1967–1968, 1985–1986 и 2005–2006 гг. Дании принадлежала инициатива по созданию в рамках Организации Объединенных Наций многонациональной бригады «Ширбриг» со штаб-квартирой в Копенгагене. Задачей бригады являлось быстрое разворачивание вооруженных сил по специальному распоряжению Совета Безопасности ООН для принятия участия в миротворческих операциях.

С 1948 по 2011 г. 95 тыс. датских солдат приняли участие в международных военных операциях⁴⁵. По оценкам международной независимой организации «DARA», Дания заняла 1-е место как лучший гуманитарный донор в мире в 2010 г.⁴⁶ Критерии оценки включали приспособление гуманитарной помощи к нуждам населения государства-получателя, помощь в развитии способностей у местного населения по избежанию подобных конфликтов в будущем, соблюдение государством-донором международных гуманитарных стандартов и норм.

Однако если ранее участие Дании в военных столкновениях сводилось к помощи в гуманитарных катастрофах и ликвидации конфликтов, то с 2000 г. военные операции с участием Дании были в гораздо большей степени направлены на ликвидацию прямого противника. Другими словами, Дания стала двигаться по направлению к тому, чтобы стать «стратегическим актором/участником» международных конфликтов.

Одной из сфер наиболее активного участия Дании в ООН является борьба с международным терроризмом, что было одним из главных направлений деятельности Дании в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН в 2005–2006 гг.

Приоритетными региональными направлениями гуманитарной помощи Дании на современном этапе является помощь Афганистану, Пакистану, Ираку, Палестине, государствам Африки, а также борьба с пиратством.

Анализируя участие Дании в ООН и эволюцию гуманитарной помощи Дании, можно сделать следующие выводы. Гуманитарная политика и ранее рассматривалась в качестве инструмента «мягкой безопасности». Однако изменения на международной арене, связанные с тенденциями не только интеграции, но и дезинтеграции и изменением характера угроз безопасности привнесли новые элементы в политику оказания помощи развивающимся странам. В силу возрастания угроз негосударственного характера существенному пересмотру подверглось понятие суверенитета и возможностей вмешательства во внутренние дела других государств. Это привело к расширенному применению военных инструментов внешней политики. Вместе с тем руководство Дании признавало важность гражданской составляющей в урегулировании постконфликтных ситуаций и поддержании мира, что нашло выражение в ряде соответствующих гуманитарных программ.

Характерной чертой политики в отношении стран третьего мира стало появление комплексного подхода, подразумевающего сочетание военных и гражданских средств для оказания помощи «хрупким государствам». При этом одним из критериев оказания помощи стало проявление приверженности демократическим принципам и правам человека. Это является существенным дополнением к прежней политике, в центре которой находилась борьба с бедностью как главное условие мира и процветания. Таким образом, в силу следования ценностному подходу во внешней политике гуманитарная политика Дании приобрела более политизированный характер.

¹ Betænkning om Danmarks samarbejde med udviklingslandene № 565. København, 1970. S. 65.

² Декада развития Организации Объединенных Наций: программа международного экономического сотрудничества, 19 дек. 1961 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/170/09/IMG/NR017009.pdf?OpenElement>. Дата доступа: 03.04.2012.

³ Betænkning N 565. Op. cit. S. 55.

⁴ Международная стратегия развития на второе Десятилетие развития Организации Объединенных Наций: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2626, 24 окт. 1970 г. [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/55/IMG/NR035155.pdf?OpenElement>. Дата доступа: 03.04.2012. С. 53.

⁵ DAC in dates. The history of OECD's development assistance committee [Electronic resource]. Paris, 2006. Mode of access: <http://www.oecd.org/dataoecd/3/38/1896808.pdf>. Date of access: 03.04.2012. P. 16.

⁶ Betænkning om principperne for den danske bistand til udviklingslandene № 958. København, 1982. S. 66.

⁷ Danmarks internationale indsats: rapp. fra et tværministerielt udvalg. København, 1993. S. 69.

⁸ *Führer H.* The story of official development assistance: a history of the development assistance committee and the development co-operation directorate in dates, names and figures. [Electronic resource]. Paris, 1996. Mode of access: <http://www.oecd.org/dataoecd/3/39/1896816.pdf>. Date of access: 03.04.2012. P. 26.

⁹ Betænkning N 958. Op. cit. S. 66.

¹⁰ Ibid. N 565. Op. cit. S. 54.

¹¹ Ibid. S. 55.

¹² Ibid. N 958. Op. cit. S. 86.

¹³ Ibid. S. 67.

¹⁴ Ibid. S. 71.

¹⁵ Bekendtgørelse af Lov om internationalt udviklingssamarbejde: udenrigsministeriet, den 10. juli 1998 // Retsinformation [Elektronisk ressource]. Adgang-tilstand: <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=87734>. Dato for adgang: 05.05.2010.

¹⁶ Dansk Udenrigspolitik Årbog 1980. C. Thune (red.) København, 1981. S. 178–179.

¹⁷ Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды: Докл. всемир. комис. по вопр. окружающей среды и развития: Организация Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея А/42/427, 4 авг. 1987 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N87/184/69/PDF/N8718469.pdf?OpenElement>. Дата доступа: 04.04.2012. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Strategisk planlægning: Danidas handlingsplan. København, 1988. S. 3.

²¹ Danmarks internationale indsats. S. 72.

²² Ibid. S. 72, 76, 78.

²³ Ibid. S. 80.

²⁴ Ibid. S. 83.

²⁵ Ibid. S. 69–70.

²⁶ Heurlin B. Nye prioriteringer i dansk udenrigspolitik // Dansk udenrigspolitik Årbog, 1993. København, 1994. S. 31.

²⁷ Dyvig-rapporten: Danmarks sikkerhedspolitiske situation i 1980'erne med kommentarer og debat. København, 1985. S. 37.

²⁸ Holm H. H. Fra aktiv internationalisme til aktiv værdipolitik: Danmarks nye udenrigspolitik // Politiske processer og strukturer i det 21. århundrede: 12 essays i anledning af Forlaget Polit. Studiers 25 års jubilæum / red. M. Kelstrup, O. K. Pedersen, I. D. Petersen. København, 2004. S. 541.

²⁹ Boutros-Ghali B. An agenda for peace: preventive diplomacy, peacemaking and peace-keeping [Electronic resource]: rep. of the Secretary-Gen. pursuant to the statement adopted by the summit meet. of the Security Council on 31 Jan. 1992/United Nations. New York, 1992. Mode of access: <http://www.un.org/Docs/SG/agpeace.html>. Date of access: 01.04.2012

³⁰ Nørgaard K. Internationale operationer i focus. København, 2006. S. 11.

³¹ Dansk og europæisk sikkerhed. København, 1995. S. 81.

³² Nørgaard K. Op. cit. S. 11.

³³ Principper og perspektiver i dansk udenrigspolitik: fælles sikkerhed, demokrati og menneskerettigheder, økonomisk og social udvikling, miljø. Principper og perspektiver i dansk udenrigspolitik: dansk udenrigspolitik på vej mod år 2000. København, 1993. S. 7.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. S. 8.

³⁶ Danmarks internationale indsats.

³⁷ Heurlin B. Nye prioriteringer i dansk udenrigspolitik. S. 44.

³⁸ En verden i udvikling: strategi for dansk udviklingspolitik frem mod år 2000. København, 1994.

³⁹ Handlingsplan for aktiv multilateralisme. København, 1996.

⁴⁰ International organisations: their role in conflict management. Copenhagen, 2009. P. 28.

⁴¹ *Bruun H. H.* De sikkerhedspolitiske vilkår for dansk forsvarspolitik. København, 2003.

⁴² *Nørgaard K.* Op. cit. S. 21.

⁴³ A changing world. The government's vision for new priorities in Denmark's foreign policy. Copenhagen, 2003. P. 27.

⁴⁴ FN'S 65. Generalforsamling 2010: instruktion for den danske delegation [Elektronisk ressource]. København, 2010. Adgang-tilstand: <http://um.dk/da/~media/UM/Danish-site/Documents/Politik-og-diplomati/International-politik/FNs65generalforsamling.ashx#page7>. Dato for adgang: 08.02.2012. S. 5.

⁴⁵ *Halskov L.* Stormagtsdrømmene er forbi // Politikken. 2011. 2 Oct. S. 3.

⁴⁶ Danmarks deltagelse i det internationale udviklingssamarbejde 2010. S. 12.

В. И. Фокин

НОРВЕЖСКО-РОССИЙСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ (СЕРЕДИНА XX — НАЧАЛО XXI в.)

Взаимоотношения России и Норвегии могут стать примером добрососедства: за всю историю дипломатических отношений между странами ни разу не было вооруженных конфликтов. Традиции дружбы народов наших стран имеют глубокие исторические корни. Общество дружбы с Советской Россией было создано в Норвегии в 1918 г. при участии выдающегося норвежского исследователя Арктики и гуманиста Фритьофа Нансена. Оно прекратило свое существование в 1930 г. в связи с резко отрицательным отношением его членов к политике коллективизации, которая активно проводилась в СССР в то время. Улучшению же в 1933 г. советско-норвежских отношений способствовало создание Общества культурного сближения с СССР в Норвегии. Многие сделала для создания общества и его активной деятельности секретарь этого общества К. Ханстеен. Среди членов общества были видный ученый-экономист У. Кольбьерсон, писательница Р. Хаген, художник-антифашист Х. Серенсен, многие члены группы «Мут даг», объединявшей представителей левой интеллигенции Норвегии¹. Членом общества был президент Академии наук Норвегии, историк и общественный деятель Х. Кут². Норвежское общество культурного сближения представляло весьма значительные круги общественности и располагало немалыми возможностями, хотя не смогло обеспечить активного противостояния фашистской угрозе даже тогда, когда Х. Кут стал министром иностранных дел Норвегии. Следуя в фарватере политики умиротворения

фашистских агрессоров, проводившейся Англией и Францией, Норвегия пришла к национальной катастрофе 1940 г.

Решающий вклад СССР в победу антигитлеровской коалиции и роль Советской армии в освобождении норвежского заполярья вызвали у народа Норвегии глубокую признательность и рост авторитета СССР в общественном сознании³. В 1945 г. было создано общество «Норвегия — СССР»⁴. За короткий период такие общества возникли во многих городах страны, в конце июня 1945 г. было учреждено центральное правление общества, в организации которого приняли участие премьер-министр Э. Герхардсен, министр иностранных дел Т. Ли, ректор университета в Осло Д. Сейп и другие видные государственные и общественные деятели. Вывод советских войск из Финмарка в сентябре, проводы бывших военнопленных состоялись в обстановке манифестаций дружбы и признательности норвежцев советской армии-освободительнице. По всей Норвегии в 1945 г. была торжественно отмечена 28-я годовщина Октябрьской революции. Норвежцы оказывали самый радушный прием советским военным, профсоюзным делегациям, представителям науки и культуры, посещавших Норвегию⁵. В марте 1948 г. общество «Норвегия — СССР» имело 17 отделений, в которых состояло 26 тыс. индивидуальных и коллективных членов. Среди них было 46 рабочих и профсоюзных организаций, объединявших 20 тыс. человек.

Впервые после войны делегация норвежских деятелей культуры посетила СССР в 1947 г. В нее входили представители общества «Норвегия — СССР»: журналисты, композитор, архитектор и др. Путевые впечатления членов делегации были опубликованы в книге «Из Ленинграда в Армению», название которой дает представление о маршруте поездки. Одним из авторов публикации был выдающийся норвежский писатель Юхан Борген. В 50–60-е гг. он был редактором одного из ведущих литературных и общественно-политических журналов «Виндуэт»⁶.

В 40-е гг. руководители Норвегии заявляли о намерении оставаться вне блоков, служить связующим звеном, по излюбленному выражению северных политиков тех лет, «мостом» между бывшими союзными державами Запада и Востока. Однако, как страна, издавна ориентировавшаяся на англосаксонский мир, имевшая социально однородную общественно-политическую систему, Норвегия была по-прежнему тесно связана с Западом и зависела

от него. Поэтому, когда перед ней была поставлена проблема выбора, решение было неизбежно предсказуемым, хотя форма решения выбора могла бы быть не столь очевидной: некоторые страны региона предпочли нейтральный статус, сохраняя свою связь с западной цивилизацией. Поворот во внешней политике Норвегии был закреплен на съезде правящей Норвежской рабочей партии в феврале 1949 г. Выступавший на съезде с большим докладом министр иностранных дел Норвегии Х. Ланге говорил: «Правительство пришло к выводу, что Советский Союз не примет против нас или любого другого государства каких-либо шагов, ведущих, по его мнению, к новой всеобщей войне. Именно потому, что мы оцениваем позицию Советского правительства таким образом, мы убеждены, что солидарность, закрепленная в договоре с великими демократиями Запада, даст нам наибольшую степень безопасности, достижимую в этом несовершенном мире»⁷.

Такая позиция норвежского руководства носила явно недружественный характер по отношению к СССР. Она ничем не была спровоцирована со стороны советского государства; более того, правительство Норвегии сознавало, что поступает так в ущерб безопасности СССР, понимая, что советская сторона все равно будет проводить взвешенную политику. Тем самым оно провоцировало рост напряженности в евроарктическом регионе. Целью такой безответственной с точки зрения поддержания международного мира политики было эгоистическое стремление получить выгоды от сближения с США, становясь военно-политическим клиентом западной сверхдержавы.

Общественность Норвегии не могла не понимать этого, что делало политику правительства крайне не популярной. Широкие слои норвежского общества выступали против милитаризации страны, против размещения на ее территории атомного оружия. Норвежский национальный комитет защиты мира был основан в 1950 г. Однако окончательно массовая демократическая организация сторонников мира Норвегии сложилась лишь к концу 50-х гг. XX века. Тем не менее уже в феврале 1955 г. министр иностранных дел страны Х. Ланге, выступая в Стокгольме, вынужден был признать, что норвежское общественное мнение не только осуждает, но и оказывает сопротивление участию страны в НАТО⁸. Движение в защиту мира, которое первоначально подерживалось только коммунистами, теперь приобрело широкую

общественно-социальную основу. Массовость и энергия движения сторонников мира особенно ярко проявились в выступлениях против милитаризации Западной Германии и ее реваншистской внешней политики. Визит в Осло в октябре 1957 г. бывшего гитлеровского генерала и командующего бундесвером Х. Шпейделя вызвал в Норвегии взрыв возмущения. В адрес правительства поступили многочисленные резолюции протеста от различных общественных и профсоюзных организаций. В знак протеста, во время встречи Х. Шпейделя в столичном аэропорту, работники крупнейших предприятий Осло прекратили работу.

В сентябре 1958 г. в Осло состоялась конференция, в которой приняли участие представители 35 профсоюзных объединений, 9 пацифистских и 10 политических организаций. Активным участником антивоенного движения было общество «Норвегия — СССР». Конференция призвала к прекращению испытаний ядерного оружия и возобновлению переговоров по всеобщему и полному разоружению с целью добиться всеобщего контролируемого разоружения, к защите политических, социальных и экономических прав человека. Это воззвание было широко обсуждено на многочисленных собраниях общественности и получило поддержку в общей сложности 100 тыс. человек⁹.

Наиболее крупным антимилитаристским выступлением 50-х гг. явился «пасхальный бунт» весной 1958 г. Он начался с опубликования Обращения Социалистического союза студентов к правительству с требованием норвежского «вето» в НАТО на реализацию планов ядерного вооружения бундесвера. Обращение получило поддержку не только левого оппозиционного крыла Норвежской рабочей партии, ее молодежного союза, но и широких кругов партийного и профсоюзного актива, части парламентариев НРП: 45 депутатов стортинга подписали резолюцию протеста против ядерного вооружения ФРГ в рамках НАТО. Руководству правящей партии лишь с большим трудом удалось вновь подчинить фракцию своему контролю¹⁰. Ради сохранения внутривластного единства правящие круги Норвегии пошли на беспрецедентные шаги по манипулированию общественным сознанием в стране, чтобы изменить общественные настроения в пользу атлантической солидарности.

В связи с этими событиями необходимо отметить, что сомнительными выглядят утверждения некоторых исследователей

о быстром падении авторитета СССР в норвежском общественном мнении после окончания Второй мировой войны¹¹. Советская внешняя политика всегда пользовалась широкой общественной поддержкой тогда, когда эта политика была прямо направлена на обеспечение международной безопасности, против развязывания новой войны. Но во второй половине 50-х гг. в этой политике появилось, хотя и поверхностное, но существенное противоречие с точки зрения демократической общественности. Мировое общественное мнение, как известно, опирается на идеалистическое представление о том, что мировой порядок должен быть основан на принципах, провозглашенных ООН. В действительности в период холодной войны мир поддерживался на основе баланса сил между двумя военно-политическими группировками во главе со сверхдержавами.

Сама возможность реализации принципов международной безопасности и мирового порядка покоилась на поддержании этого баланса и угрозы взаимного уничтожения. Поэтому государства-патроны весьма болезненно относились к угрозе ослабления позиций своих группировок. В 1956 г. СССР ради сохранения единства социалистического блока не остановился перед необходимостью силового вмешательства в события в Венгрии.

Эти обстоятельства не всегда учитывались международной, в том числе норвежской, общественностью. Общественное мнение негативно относилось к любому применению силы в международных делах, а советское руководство считало, что обеспечивает необходимый баланс сил, гарантирующий мир от сползания к ядерной катастрофе. В условиях информационных войн такого рода различия в представлениях активно использовались противниками в информационных войнах, раздувавшие ситуацию «промыывания мозгов» до состояния общественной истерии. Все это не способствовало улучшению отношений между странами.

Так произошло и в данном случае. Норвежское общественное мнение было возмущено вторжением советских войск в Венгрию. Летом 1959 г. советская сторона вынуждена была отказаться от первого официального визита в Норвегию Председателя Совета Министров СССР на фоне яростной антисоветской пропаганды в норвежской прессе, призванной оправдать создание НАТО и вступление в него ФРГ. В общественном сознании норвежцев правительство наконец-то смогло взять реванш за непопулярную

политику в отношении Организации Североатлантического договора. Это было серьезным ударом по политике, направленной на ослабление военно-политического союза во главе с США. Представляется, что именно во второй половине 50-х гг. был утрачен положительный имидж внешней политики СССР в общественном мнении Норвегии.

В 60–80-е гг. XX в. гуманитарные связи Норвегии и СССР развивались стабильно. Широкий отклик в Норвегии получила поездка в СССР в 1966 г. известного в Скандинавии автора документальных фильмов о животном мире Норвегии, писателя-натуралиста, страстного поборника охраны природы Альберта Увесена. Под впечатлением увиденного в СССР он вступил в общество дружбы с СССР, выступал перед норвежской публикой с рассказами о поездке, о природе нашей обширной страны о системе природных заповедников и охраняемых природных зон, тепло отзывался о встречах с советскими людьми, об общественной дискуссии по вопросам защиты природы в СССР¹².

В эти годы в наших странах существовали устойчивые группы деятелей науки и культуры, журналистов и общественных деятелей, выступавших за улучшение отношений на государственном уровне. Иногда их влияние на общественное мнение возрастало, приобретая масштабы массовых акций, как это было во время вьетнамской войны или борьбы против «стратегических инициатив» Рональда Рейгана, испугавших общественность Европы.

Но в целом следует признать, что в общественном сознании норвежцев отношениям с СССР никогда не придавалось решающего значения в борьбе за сохранение мира. К тому же регулярные военные маневры НАТО на территории Норвегии или прилегающих морских акваториях постоянно накаляли обстановку, а ответные меры СССР использовались в качестве информационных поводов для раздувания антисоветских истерий в норвежских СМИ. Это не способствовало благоприятным условиям взаимодействия общественности двух стран в борьбе за мир и культурное взаимодействие.

Окончание холодной войны и крах СССР — всё это не могло не повлиять на общественность Норвегии. Россия еще более ушла на периферию общественного сознания норвежцев. Всё происходившее в нашей стране в 90-е гг., несмотря на декларирование демократических лозунгов, вело к дискредитации

России в глазах норвежцев. Сторонники норвежско-российского культурного сотрудничества были обескуражены и дезориентированы. Общество «Норвегия — СССР» в начале 90-х гг. было преобразовано в общество «Норвегия — СНГ», но его деятельность не получила развития. Интерес к сотрудничеству с Россией на базе культуры в Норвегии сегодня проявляют лишь наши бывшие соотечественники.

Однако политический диалог между двумя странами находится на весьма высоком уровне. Одним из последних значимых событий стал государственный визит в Норвегию президента Российской Федерации в апреле 2010 г., когда было подписано совместное с премьер-министром Норвегии заявление, определившее основные направления диалога и взаимодействия по двусторонней, региональной и международной повестке дня. Была решена и давняя территориальная проблема в результате заключения Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане¹³. Норвежский капитал участвует в деятельности более чем 120 российских компаний (особенно в Мурманской, Архангельской областях, а также республиках Коми и Карелия)¹⁴.

Тем не менее в Норвегии до сих пор нет Российского центра науки и культуры, и поэтому культурные связи реализуются в этой стране с помощью посольства Российской Федерации. Оно, в частности, регулярно проводит различные мероприятия в сфере культуры. Однако самыми значимыми являются российско-норвежские культурные форумы, учрежденные Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры Норвегии¹⁵. Первый же форум, организованный в 2010 г. в Архангельске, собрал большое число официальных представителей и творческих коллективов: представители МИД России и Норвегии, Министерств культуры РФ и Королевства Норвегия, Архангельской и Мурманской областей, Республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа, губерний Нурдланн, Тромс, Финнмарк, Норвежского культурного совета¹⁶. Россию представляли всемирно известные коллективы, например, «Солисты Москвы» под руководством Ю. Башмета, «Терем Квартет» и молодые артисты¹⁷.

В современной Норвегии легально проживает около 11 тыс. русских, около тысячи — украинцев. Примерно половина из них

имеет норвежское гражданство. В статистику иностранных граждан не входят бывшие граждане СССР, получившие норвежское гражданство. Норвежское законодательство позволяет иметь несколько гражданств, поэтому большинство российских граждан воспользовались этим законом. Предположительно 95 % россиян, получивших норвежское гражданство после 1991 г., сохранили и российское гражданство. Демографическая ситуация в этой северной стране такова, что ощущается дефицит женщин, поэтому примерно 90 % русскоязычных иммигрантов в Норвегии находятся в смешанных браках. Для них характерен высокий уровень адаптации в норвежское общество. Среди детей от смешанных браков в Норвегии примерно половина сохраняет знание русского языка и культурные традиции, третье поколение от браков с русскими иммигрантами, как правило, уже окончательно ассимилирует в норвежское общество.

В Норвегии имеется неполная средняя школа при посольстве Российской Федерации, которую могут посещать дети русскоговорящих иммигрантов на коммерческой основе. В 2003 г. в Осло появилась субботняя школа по обучению русскому языку детей дошкольного возраста при Норвежско-русском обществе и частная воскресная Культурная школа по обучению русскому языку детей дошкольного и младшего школьного возраста. Занятия проводятся для детей и подростков от 4 до 18 лет. Для младших детей занятия проводят по субботам и воскресеньям, для старших — в вечернее время по будням преподают математику, русский язык и литературу, норвежский язык. С ними занимаются 10 опытных учителей с высшим образованием. Количество учеников в них постепенно увеличивается и достигает 100 учеников в год. При школе проводятся международные педагогические семинары¹⁸. Но, разумеется, это не идет ни в какое сравнение с теми возможностями, которые предоставляют в рамках общественно-государственных программ правительства Великобритании, Франции и ФРГ по изучению языков и получению полного среднего образования на них гражданам Норвегии. К тому же эти образовательные программы поддерживаются программами приглашения студентов для продолжения образования.

В Норвегии создано несколько самостоятельных организаций, отражающих стремление жителей страны развивать связи с Россией, изучать ее культуру. Это — Норвежско-русское общество в Осло,

руссоязычное общество «Калина» (Вестфолл), культурно-историческое общество «Русский дом» (Берген), руссоязычное культурологическое общество «Тройка» и общество «Ругаланд — Новгород» (Ставангер), русское общество «Сказка» (Тронхейм), Норвежско-русское общество в Тромсё, Общество русских в Киркенесе¹⁹.

Норвежско-русское общество в Осло существует с 1990 г. Оно организует концерты, лекции, устраивает новогоднюю елку для детей и их родителей, организует традиционные для России праздники: Масленицу, Женский день — 8 Марта. При Обществе создан русский детский хор, открыта музыкально-хореографическая студия для детей, студия изобразительного искусства и музыкальная студия. В обществе состоит около 80 человек. Возглавляет Общество президент Айвин Рейерсен, владелец фирмы «Татьяна Рейерсен», которая занимается оформлением российских виз и загранпаспортов в Норвегии. Вице-президентом Общества является Татьяна Владимировна Рейерсен, директор и основатель центра русского языка и литературы в Осло, член Координационного совета соотечественников в Норвегии, член Правления Европейского русского альянса.

Общество «Тройка» в Ставангере проводит мероприятия семейного отдыха. Например, «Веселые старты» на свежем воздухе в форме известной по передачам «Папа, мама и я — спортивная семья» Ленинградского телевидения 70–80-х гг. Создана группа развития детей дошкольного возраста. Совместно с обществом «Ругаланд — Новгород» организуются русско-норвежские встречи в парке Rogaland Arboret, и периодически организуются путешествия «по следам викингов» в Великий Новгород, и проводятся там фестивали совместно с местными реконструкторами древнерусской старины.

Общество «Сказка» в Тронхейме создало детский и женский клубы, любительский хор, российскую фильмотеку и еженедельно устраивает дружеские чаепития²⁰.

В Норвегии нерегулярно на общественных началах выходит газета «Русский бульвар», а Русская православная церковь издает раз в квартал журнал для своих прихожан «Русская лепта». Также в Норвегии имеется руссоязычный информационный ресурс, размещающий материалы из основных норвежских газет и журналов²¹. Норвежско-русский культурный центр начал издание журнала для русскоговорящих «Соотечественник», вы-

ходящий 4 раза в год. Авторы журнала пытаются охватить самые разные области как жизни русской диаспоры в Норвегии, так и жизни в самой Норвегии. Основной целью журнала является рассказ на русском и частично на норвежском языках о всесторонних связях России и Норвегии, о событиях, происходящих в жизни двух стран²². Редколлегия стремится поддерживать качество и содержательность публикуемых материалов на высоком профессиональном уровне. Предполагается в дальнейшем расширить удельный вес материалов на норвежском языке (сейчас они занимают примерно треть журнального пространства). По мнению редколлегии, это необходимо потому, что в последние годы в Норвегии растет число смешанных браков и появление двуязычных семей. И конечно, дети, рождающиеся в этих семьях, должны воспитываться не только на уважении к культуре и языку страны своих родителей, но и к культуре и языку страны, где они родились и живут. Другая причина увеличения в журнале публикаций на норвежском языке — возрастание интереса к России среди норвежцев, связанных с нашей страной деловыми контактами. Одновременно русскоязычный специалист, работающий в Норвегии, должен не только владеть языком страны пребывания, но и знать и уважать ее культуру, историю и традиции. Такая политика журнала имеет свое разумное обоснование и благоприятную перспективу развития, т. к. делает журнал не только событием в жизни русскоязычной общины в стране, но и явлением общественной жизни Норвегии в целом. По существу создана стартовая позиция для возрождения полноценного норвежско-российского общества. А в 2012 г. журнал начал новый международный проект «Соотечественник в Скандинавии», который мог бы привлечь внимание читателей не только в Норвегии, но и в Дании, и в Исландии.

За последние двадцать лет в российско-норвежских отношениях произошли значительные изменения: их можно обозначить как переход от государственной поддержки общественных связей к частной инициативе. Сегодня норвежско-русские общества исполняют роль общественных организаций, выполняющих задачи обеспечения культурных запросов наших бывших соотечественников. Эти общества сегодня нельзя рассматривать как организации, влияющие на формирование общественного мнения Норвегии относительно России для поддержания добрососед-

ских отношений двух стран. Между тем в современных условиях значение благоприятных условий для сотрудничества Норвегии и России значительно возрастает. Освоение Арктики всегда было благодатным предметом сотрудничества для нас. Однако сегодня Норвегия, опираясь на НАТО и ЕС, пытается использовать элементы «силовой дипломатии» в отношении Российской Федерации. Достаточно вспомнить недавний план создания «Северного НАТО»²³. Безусловно, такая дипломатия обречена на провал. Россия даже сегодня в состоянии противостоять любому внешнему диктату. Но такая политика норвежского правительства не способствует плодотворному взаимовыгодному сотрудничеству в Арктике, что не соответствует коренным интересам народов наших стран. Более того, такая политика не соответствует тому уровню ответственности, который возлагает на себя Норвегия в решении стратегических вопросов международного сотрудничества в Арктике и в усиливающейся роли в обеспечении международной стабильности таких влиятельных международных объединений, как НАТО и ЕС. Члены таких организаций должны чувствовать свою особую ответственность за судьбы мира, а не стремиться с их помощью реализовывать свои сугубо эгоистические интересы, угрожая международной безопасности.

К сожалению, приходится констатировать, что не все политические силы страны готовы к этому новому уровню ответственности. Не готова к этому, очевидно, и общественность Норвегии. В связи с этим хочется надеяться, что норвежско-русские общества со временем смогут занять достойное место в системе институтов норвежского общества и создадут благоприятные условия для добрососедских отношений наших стран. Во всяком случае, это соответствовало бы традициям норвежско-русской дружбы.

¹ Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 43. Л. 8.

² Там же. Д. 429. Л. 6.

³ Рогинский В. В. Образ Советского Союза в странах Северной Европы в 1945 году // Вестник МГИМО-университета. 2011. № 1. С. 173–179.

⁴ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 24. Д. 24. Л. 52.

⁵ Подробнее см.: Подоплёкин А. О. Советско-норвежские отношения и трансформация внешней политики Норвегии в 1939–1955 гг.: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2006.

⁶ Универсальный социальный сервис для всех читателей «Лайвлибе» // www.livelib.ru. Дата обращения 10.10.2012.

⁷ История Норвегии. М., 1980. С. 446, 463.

⁸ Там же. С. 476.

⁹ Там же.

¹⁰ Универсальный социальный сервис для всех читателей «Лайвлибе».

¹¹ *Рогинский В. В.* Образ Советского Союза в странах Северной Европы в 1945 году. С. 173–179.

¹² История Норвегии. С. 189.

¹³ Российско-норвежские отношения. Политика // <http://www.norway.mid.ru/ru/gn-politics.html>>. Дата обращения 5.05.2012.

¹⁴ *Эгеберг Э.* Норвегия и Россия // http://www.norge.ru/nor_rus_dialog/>. Дата обращения 3.04.2012.

¹⁵ Российско-норвежский план действий по сотрудничеству в области культуры на Крайнем Севере // <http://mkrf.ru/activity/international/detail.php?ID=84917>>. Дата обращения 10.10.2010.

¹⁶ *Деминцев И.* Первый российско-норвежский культурный форум соберет более 500 участников // <http://www.dvinaland.ru/prcenter/release/14119/>>. Дата обращения 10.10.2010.

¹⁷ О втором Российско-Норвежском культурном форуме // http://www.norway.mid.ru/ru/press_11_011.html>. Дата обращения 10.10.2010.

¹⁸ Международный совет российских соотечественников. Ассоциированный статус при Департаменте общественной информации ООН // <http://www.msrs.ru/news/7841.html>. Дата обращения 30.01.2012.

¹⁹ Русский бульвар. 2004. № 6. 22 мая.

²⁰ Там же.

²¹ См.: www.russisk.org.

²² Культурно-просветительский журнал «Соотечественник в Скандинавии» // <http://landsmann.no/>>. Дата обращения 15.05.2012.

²³ Подробнее см.: *Фокин В. И.* Северная Европа и новый мировой порядок // Санкт-Петербург и страны Северной Европы // Материалы Тринадцатой ежегодной международной конференции (5–7 апреля 2011 г.) СПб., 2012.

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

А. А. Бландов

СЛУЖБА ДУХОВЕНСТВА НА БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

История флотского духовенства в России не была обделена вниманием историков и на протяжении последних полутора столетий неоднократно становилась предметом специальных исследований. К этой теме обращались как дореволюционные, так и некоторые современные авторы¹. Однако многие аспекты истории духовенства во флоте все еще остаются недостаточно изученными. К числу таковых относится проблема появления священников на военных судах.

Стоит признать, что определить точную дату назначения первого священнослужителя во флот пока не представляется возможным. Священники указываются уже в расписании экипажей галер и бригантин 1704 г.² Есть мнение, что это расписание было составлено шутбенахтом И. Ф. Боцисом на основе венецианского прототипа³. Действительно, весьма вероятно, что иностранный опыт учитывался при создании института флотского духовенства в России, но он едва ли был определяющим. Необходимость введения священнослужителей в штаты военных судов назрела в российском флоте сама собой.

На протяжении всего XVIII в. абсолютное большинство российских флотских офицеров и матросов исповедовали православие, что было связано с высокой долей русских в национальном составе военнослужащих. Если до начала Северной войны, как показал П. А. Кротов, уроженцев России во флоте было немного, то уже в 1708 г. русскими были 96 % рядовых⁴. С увеличением числен-

ности корабельных экипажей и продолжительности морских плаваний, а также с ростом смертности на море в военное время священники, которые могли бы совершать таинства и требы, становились во флоте все более востребованными. Современники объясняли острую необходимость нахождения священнослужителя на судне страхом православного христианина умереть без причащения и исповеди.

Однако вопреки попыткам ряда авторов удревнить историю института флотского духовенства в России, источники не позволяют говорить о присутствии священнослужителей на военных судах в первые годы Северной войны. Упомянутое выше расписание 1704 г., по-видимому, так и осталось лишь на бумаге. Самый ранний из обнаруженных в архивах документов о направлении представителей Церкви на корабли датируется 1708 г., когда «на вечное житие» во флот был определен священник московского храма Власия, что в Конюшенной слободе, Гавриил Петров⁵. Этот факт ранее не был известен историкам, и некоторые из них необоснованно называли первым флотским священнослужителем Иоанна Антонова⁶, относительно которого долгое время было известно лишь то, что в 1710 г. он был направлен из Москвы в Санкт-Петербург к адмиралу Ф. М. Апраксину⁷. В распоряжении историков не имелось никаких данных, доказывавших, что названный священник служил именно на кораблях⁸. Лишь недавно в архиве был обнаружен датированный сентябрем 1710 г. указ о посылке в Санкт-Петербург иерея Иоанна Антонова, чтобы быть ему «в морском флоте для управления всяких треб и церковных таинств в споможение вдовому священнику Гавриилу Петрову»⁹.

Начиная с 1710 г. в источниках все чаще встречаются сведения о пребывании на судах священнослужителей. Так, в октябре 1715 г. во флот был назначен петербургский священник Карп Григорьев¹⁰, а с 1716 г. в течение четырех кампаний на кораблях служил Выборгский поп Герасим Васильев¹¹. Начался и процесс законодательного оформления службы флотского духовенства — вышли указы о ежедневном совершении богослужений на судах (1714, 1716)¹² и о выдаче жалованья белым священникам на кораблях (1716)¹³.

Однако до этого времени назначения во флот представителей духовенства еще носили случайный характер, и общее число

флотских священников было невелико. Только в 1718 г. вышел указ Петра I об отправке на корабли сразу 39 священнослужителей¹⁴. Названный документ, который, кстати, в литературе всегда датируется неверно (апрелем 1717 г. вместо апреля 1718 г.), возлагал всю ответственность за комплектование флота духовенством на учрежденный вблизи Санкт-Петербурга Александро-Невский монастырь. Его архимандрит Феодосий Яновский в том же 1718 г. приказал, чтобы в обитель для отправления на корабли отовсюду приводили «безместных» попов. Кроме того, в Новгородскую, Псковскую и Тверскую епархии были отосланы приказы о немедленной отправке в Санкт-Петербург 30 приходских священников¹⁵. Эти указания по крайней мере отчасти были выполнены. По архивным документам удастся установить имена и судьбы целого ряда священнослужителей, оказавшихся во флоте в 1718 г. Некоторые из них по незнанию выезжали к месту службы со своими семьями¹⁶, чего впоследствии никогда не случалось.

Вскоре стало понятно, что отрывать священников от их постоянной службы в приходских церквях нецелесообразно. Кроме того, имели место случаи побегов. Так, с корабля «Ревель» бежал священник Георгий Ефимьев «и с собою снес книги, данные на объявленный корабль для отправления службы»¹⁷. В силу сказанного уже в 1719 г. было принято решение назначать во флот не белое, а черное духовенство, а именно иеромонахов, то есть монахов в сане священника, которые могли самостоятельно совершать церковные таинства. Между тем, несмотря на утверждения некоторых историков, соответствующий указ Петра I до сих пор не обнаружен. Известно лишь, что 3 апреля 1719 г. архимандрит Феодосий повелел вызвать в Петербург для отправления на корабли 40 иеромонахов и иеродиакон¹⁸. Как видно, Александро-Невский монастырь продолжил заниматься определением духовенства во флот. Он не утратил эту функцию и после учреждения в 1721 г. Святейшего Синода. Ежегодно монастырь должен был отправлять несколько десятков иеромонахов на корабли, а также несколько человек на вакантные архиерейские должности в епархиях. В связи с этим в обители постоянно приходилось запрашивать новых монахов, и с назначением священнослужителей во флот периодически возникали определенные трудности, которые поначалу пытались решить за счет все тех же белых священников. По данным И. Г. Дурова,

в 1720-х гг. обычным явлением был недокомплект флота духовенством¹⁹. Случалось все же, что иеромонахи сами изъявляли желание служить на море. Например, в 1721 г. уволенный из Ростовского архиерейского дома иеромонах Иона Медведев обратился в Синод с прошением поместить его в братство Александро-Невского монастыря «для посылки к служению в морской флот»²⁰.

В литературе господствует точка зрения, что корабли комплектовались самыми лучшими клириками. Впрочем, иногда священнослужители попадали во флот и в качестве наказания, хотя таких случаев известно немного. Так, вместо штрафа на бессменную службу в морской флот был определен Павел Бартеков, бежавший своевольно из математических школ и принявший постриг в Ниловой пустыни²¹.

Порядок прохождения иеромонахами службы во флоте сформировался уже при Петре I. До начала кампаний по согласованию Александро-Невского монастыря и Адмиралтейской коллегии определялось будущее местопребывания (то есть корабль) каждого конкретного священнослужителя. Иногда, правда, один иеромонах мог назначаться сразу на несколько судов. Например, в 1719 г. на три бомбардирских корабля и два прама был определен Антоний Патриарш²². Обычно иеромонахи находились на судах только во время навигации²³, а осенью возвращались в Александро-Невский монастырь, чтобы весной снова отправиться в море. Таким образом Иаков Данилевский отслужил во флоте 6 кампаний, Иона Казанский — 8, а Тихон Кирилловский — 9.

За свою службу священнослужители, естественно, получали материальное вознаграждение. Белым священникам «в бытность на корабле» полагалось по 5 рублей в месяц, а «на сухом пути» — по 3 рубля²⁴. Жалованье иеромонахов было в два раза больше²⁵, но также оставалось весьма скромным. Мало известно про провиантское обеспечение флотских священнослужителей. И. Г. Дуров утверждает, что оно было «специфическим» и, стало быть, отличалось от офицерского²⁶. Каждому иеромонаху предоставлялись отдельная каюта на корабле, юнга, а иногда даже собственная шлюпка²⁷. В целом священнослужители находились на особом положении во флоте. По крайней мере, это старались утвердить законодательно. Их права и обязанности фиксировались специальными инструкциями, самая ранняя

из которых была нами обнаружена в приказе блюстителя патриаршего престола митрополита Стефана о посылке во флот попа Гавриила в 1708 г.²⁸

Позже назначавшимся на корабли священнослужителям выдавались составленные архимандритом Феодосием и напечатанные в мае 1719 г. «пункты» о том, что «иеромонахам, при флоте российском корабельном обретающимся, надлежит исполнять»²⁹. Часто в литературе эти пункты датируются 1721 г., хотя уже в XIX в. было доказано, что существовали оба издания, но первое из них сохранилось лишь в одном экземпляре³⁰. Основные положения названных пунктов были подтверждены Морским уставом 1720 г.³¹

Для непосредственного контроля над корабельными священниками еще во время Северной войны утвердилась практика назначать в Ревель так называемого обер-иеромонаха, или главного священника, подчинявшегося командующему флоту. По мнению большинства исследователей, самым первым обер-иеромонахом стал известный проповедник, бывший префект московской Славяно-греко-латинской академии, Гавриил Бужинский. Впрочем, о времени его назначения на эту должность существуют различные точки зрения. В литературе встречаются даты в диапазоне от 1714 г. до 1719 г. Как показывают архивные документы, наиболее близки к истине те авторы, которые называют 1718 г. Действительно, в июле 1718 г. в письме Гавриилу Ф. М. Апраксин писал: «Его Царского Величества повелением определены Вы с нами быть во флоте, и всем священникам, которые на кораблях, повелено быть в Вашем надсмотрении»³². Возможно, впрочем, что Бужинский тогда еще не имел звания обер-иеромонаха, впервые в этой должности он упоминается весной 1719 г.³³

Большую часть времени Гавриил находился в Санкт-Петербурге и только летом бывал в Ревеле и Кронштадте, а непосредственно в морском походе, видимо, участвовал лишь однажды, в 1719 г. Поэтому почти сразу для наблюдения над остававшимися зимой в Ревеле священнослужителями было решено назначать особого «начальствующего иеромонаха». Первым из них в конце 1720 г. стал бывший учитель Московской академии, а впоследствии Киевский митрополит Рафаил Заборовский³⁴. Он исполнял обязанности Гавриила и напрямую ему подчинялся, а в марте 1721 г. вовсе занял его должность³⁵. В 1720 г. так называемый

«первенствующий иеромонах» появился на Котлине. Кроме того, с 1719 г. в течение трех лет особый обер-иеромонах находился при Финляндском корпусе и галерном флоте в Або.

Описанная система управления флотским духовенством, так же как и принципы комплектования флота священнослужителями и порядок прохождения ими службы на кораблях и в портах, сложились в последние годы Северной войны. Они начали меняться во второй четверти XVIII в., а полностью институт флотского духовенства был реформирован лишь в самом начале следующего XIX столетия.

¹ См.: *Ивашко М. И.* Военное и морское духовенство России (XVIII–начало XX в.): Историографическое исследование. М., 2005.

² Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 5.

³ *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Н. Новгород, 2002. С. 264, 611.

⁴ *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом: Дис. ... докт. ист. наук. Ч. II. СПб., 1999. С. 558.

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 28. Ч. I. Л. 409.

⁶ *Новиков В.* Флотский батюшка // Наука и религия. 1996. № 7. С. 13; *Иванов С. М., Супрун В. И.* Плавающие храмы России. История флотского духовенства. Волгоград, 2006. С. 16.

⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее — ОАСС). Т. II. Ч. I: (1722 г.). СПб., 1879. Стб. 705; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 2. Д. 510. Л. 9.

⁸ *Смирнов А.* История флотского духовенства. Ч. 1: История флотского духовенства в царствование Петра Великого. Пг., 1914. С. 6.

⁹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 58. Л. 122.

¹⁰ РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1715 г. Д. 59. Л. 6 об.; Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого (далее — ОААНЛ). Т. I: 1713–1716 годы. СПб., 1903. Стб. 693.

¹¹ ОААНЛ. Т. 3: 1720–1721 годы. Пг., 1916. Стб. 59–60; РГИА. Ф. 815. Оп. 4. 1720 г. Д. 31. Л. 1, 4.

¹² Описание изданий гражданской печати. 1708–январь 1725 г. / Сост. Г. А. Быкова и А. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 155; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 108.

¹³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 174. Л. 13; ОАСС. Т. XV: (1735 г.). СПб., 1907. Стб. 311.

¹⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 2. 1718 г. Д. 39. Л. 1.

- ¹⁵ Там же. Л. 1, 3–3 об.; ОААНЛ. Т. 2: 1717–1719 годы. СПб., 1911. Стб. 454–455.
- ¹⁶ РГАВМФ. Ф. 950. Оп. 1. Д. 2. Л. 82 об.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 2. 1719 г. Д. 50. Л. 1; ОААНЛ. Т. 2. Стб. 930.
- ¹⁸ ОААНЛ. Т. 2. Стб. 986–987.
- ¹⁹ *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота... С. 265, 267–268.
- ²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 186. Л. 1^б; ОАСС. Т. I: (1542–1721). СПб., 1868. Стб. 187.
- ²¹ ОАСС. Т. V: (1725 г.). СПб., 1897. Стб. 159.
- ²² ОААНЛ. Т. 2. Стб. 949.
- ²³ По указу 1720 г. лишь одна треть флотских священнослужителей оставалась на зиму в портах (РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1720 г. Д. 11. Л. 314).
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 174. Л. 13; ОАСС. Т. XV: (1735 г.). Стб. 311.
- ²⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб., 1867. С. 380; РГАВМФ. Ф. 950. Оп. 1. Д. 2. Л. 109–109 об.
- ²⁶ *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота... С. 29.
- ²⁷ ОААНЛ. Т. 2. Стб. 952–953; ОАСС. Т. V. Стб. 602–603; РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 369. Л. 1–1 об.
- ²⁸ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 22. Ч. II. Л. 313–313 об.
- ²⁹ РГИА. Ф. 815. Оп. 2. 1719 г. Д. 53. Л. 10–11 об; ОААНЛ. Т. 2. Стб. 952–954.
- ³⁰ *Пекарский П. [П.]*. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. СПб., 1862. С. 456.
- ³¹ Книга Устав Морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. М., 1993. Кн. 2. Гл. 9. С. 75–76; Кн. 4. Гл. 1. С. 91–95.
- ³² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 255. Л. 151.
- ³³ Там же. Ф. 212. Оп. 11. 1719 г. Д. 8. Л. 26 об., 29 об.; РГИА. Ф. 815. Оп. 2. 1719 г. Д. 53. Л. 2 об., 3 об.; ОААНЛ. Т. 2. Стб. 949.
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1720 г. Д. 43. Л. 20.
- ³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 155. Л. 1^б–3; ОАСС. Т. I. Стб. 140–141.

А. А. Лебедев

**БАЛТИЙСКИЙ ПАРУСНЫЙ ФЛОТ
В РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙНАХ
XVIII — НАЧАЛА XIX в.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ**

В последнее время вокруг действий Балтийского парусного флота в русско-шведских конфликтах XVIII — начала XIX в. в очередной раз вспыхнула острая полемика на предмет его эффективности¹. Будучи явлением, самим по себе весьма полезным, к сожалению, в конкретном случае, она, на наш взгляд, приобрела скорее негативный характер. Уйдя в область отдельных сюжетов, да еще и строясь в основном на принципе разбора лишь конкретных персоналий², она в итоге вылилась в отрицание не только достигнутых результатов³, но даже и вообще полезности для России корабельных сил Балтийского флота⁴.

С другой стороны, в историографии советского периода налицо не менее односторонние попытки описать действия Балтийского парусного флота даже без каких-либо признаков критики⁵.

Обобщив накопленный в отечественной историографии материал, попробуем представить максимально беспристрастный ответ на вопросы о роли Балтийского парусного флота в русско-шведском противостоянии XVIII — начала XIX в., и о ключевых причинах постигших русский флот неудач.

Начнем с достижений. Сразу же следует отметить, что во всех четырех русско-шведских конфликтах указанного времени (Северная война, войны 1741–1743 гг., 1788–1790 гг., 1808–1809 гг.), Балтийский флот выполнил как минимум одну, но очень важную задачу. Он обеспечил устойчивость обороны

Санкт-Петербурга с моря, причем в трех случаях (1704–1705 гг., 1788 г., 1790 г.) и вовсе напрямую защитил столицу России от шведского флота⁶. Если же учесть, что Санкт-Петербург являлся не только столицей, но и центром судостроения, военной промышленности, также главной базой Балтийского флота, то, думается, уже этим последний выполнил более чем значимую функцию.

Имелись у Балтийского флота и другие стратегические успехи. Первым из них следует назвать трехкратное прямое влияние на победное окончание русско-шведских войн. Так, в ходе Северной войны именно массированные удары гребного флота в 1719–1721 гг. по территории Швеции, обеспеченные с моря поддержкой корабельных эскадр, склонили шведское правительство к столь важному и выгодному для России Ништадтскому мирному договору⁷.

В войне 1741–1743 гг. Балтийский флот, добившись в кампании 1743 г. в ходе противостояния у мыса Гангут отхода шведской эскадры и прохода русского гребного флота к Аландским островам, вновь обеспечил появление у Стокгольма желания к скорейшему завершению данного конфликта⁸.

Наконец, в войне 1788–1790 гг. при всей неоднозначности итогов Выборгского морского сражения 1790 г., именно победа в нем, обернувшаяся для шведов огромными потерями, а также блокадой остатков их флота в Свеаборге подтолкнула Густава III к окончанию войны. Не зря в англоязычной литературе Выборгское сражение даже было названо «Графальгаром Балтики»⁹.

Далее следует обратить внимание на тот факт, что в ходе трех из четырех конфликтов (Северная война, войны 1741–1743 гг., 1788–1790 гг.) Балтийский парусный флот значительную часть времени обеспечивал безопасность приморского фланга русской армии в Финляндии, что в немалой степени способствовало конечным успехам там русских войск¹⁰.

Балтийский парусный флот продемонстрировал успехи в крейсерской войне против шведской торговли. Правда, это произошло всего лишь один раз — в ходе Северной войны 1700–1721 гг.¹¹ Впрочем, был еще один эпизод — успешные действия коттера «Меркурий» под командованием Р. В. Кроуна в 1789 г. Однако он, увы, так и остался эпизодом, практически не повлияв на ход Русско-шведской войны 1788–1790 гг.

Стоит вспомнить и о победах Балтийского флота в морских сражениях со шведским флотом. В семи произошедших сражениях (у Эзеля в 1719 г., у Гангута в 1743 г., у Гогланда в 1788 г., у Эланда в 1789 г., у Ревеля, Красной Горки и в Выборгском заливе в 1790 г.) балтийские корабельные эскадры не терпели поражений. Более того, достигнутое по их итогам соотношение потерь выглядит однозначно не в пользу шведского флота. О этом свидетельствует следующее соотношение: на один потерянный русскими в сражениях парусных флотов 1700–1809 гг. линейный корабль приходится утрата шведами 11 линейных кораблей, 4 фрегатов, 55 прочих судов.

Балтийский флот не просто одерживал победы. В ходе трех из указанных столкновений он еще и продемонстрировал весьма высокий уровень тактического мастерства. Так, в ходе Эзельского сражения 1719 г. эскадра Н. А. Сенявина продемонстрировала весь набор элементов творческого ведения боя, включая постановку противника «в два огня», активное использование продольного огня, попытки применения абордажа, предоставление флагманом права на инициативу командирам своих кораблей¹².

Еще в двух сражениях — Ревельском (1790) и Красногорском (1790) — были показаны два успешных тактических варианта оборонительных действий в морском сражении (правда, не малую роль в этом успехе сыграли ошибки шведов, однако это не снимает важности произошедшего). В частности, в ходе Ревельского морского сражения русская эскадра продемонстрировала великолепный пример позиционной обороны на месте якорной стоянки, а в Красногорском — пример отражения попыток обхода своей линии посредством активного использования второй линии фрегатов¹³.

Теперь обратимся к проблемам. Первая и самая серьезная из них — хронически проявлявшаяся в действиях Балтийского парусного флота крайняя осторожность, немало поспособствовавшая затягиванию конфликтов. Начало этой тенденции связывают уже с Северной войной, в которой ряд авторов, стремясь доказать свою правоту (читай: ненужность парусного флота), выдвигают против последнего даже следующие «обвинения»: 1. Малое число данных сражений и взятых трофеев¹⁴; 2. Неудовлетворительный результат действий в кампаниях 1713–1714 гг.¹⁵; 3. Снижение активности после появления

на Балтике английского флота, включая отказ от организации высадки большой армии в Швеции¹⁶; 4. Неспособность обеспечить полную безопасность своих коммуникаций даже в конце Северной войны¹⁷. Кроме того, М. Меньшиков в начале XX в. выдвинул и вовсе «разгромный» тезис. «Имей мы хорошую эскадру при Петре, — писал он, в частности, — не понадобилась бы и Полтавская битва. Мы не допустили бы высадки под Нарвой и вместо двадцатилетней войны с ее неисчислимыми жертвами решили бы дело в два часа... »¹⁸

Что на это можно сказать? Два момента. С одной стороны, совершенно очевидно, что целый ряд из представленных обвинений выглядит, мягко сказать, странно. В частности, количество столкновений с противником, как известно, определяется в том числе и желанием этого самого противника сражаться, а конечный итог действий флота оценивается отнюдь не только по числу трофеев. Вполне очевидно и то, что в начале Северной войны Россия просто не могла иметь «хорошей эскадры», поскольку у нее даже выхода-то к Балтийскому морю не было. Да и создание сильного флота — процесс совсем не одномоментный!

Однако, с другой стороны, не менее очевидно и иное. Во-первых, в кампаниях 1713–1714 гг. Балтийский парусный флот не только упустил несколько хороших шансов разбить шведов, но и оставался «зрителем» во время противостояния у мыса Гангут. Во-вторых, его весьма грозный в численном выражении корабельный состав в 1714–1721 гг. имел явно бóльшие возможности по сравнению с реальным применением¹⁹. Во всяком случае, в целом ряде эпизодов кампаний 1714–1720 гг., на наш взгляд, совершенно четко просматривается желание Петра I по возможности избежать риска применения главных сил²⁰.

Далее объявленная тенденция лишь нарастала. В войне 1741–1743 гг. в кампанию 1741 г. Балтийский флот совсем не вышел в море. В 1742 г. он действовал настолько вяло, что русская армия в Финляндии осталась совершенно без поддержки с моря и лишь благодаря еще более пассивному действию шведов не столкнулась от этого с серьезными проблемами²¹. Лишь в 1743 г. активность Балтийского флота России приобрела более или менее приемлемый характер.

На грани допустимой пассивности действовал Балтийский парусный флот и в войне 1788–1790 гг., предоставив шведам слиш-

ком много «бонусов»: от возможности спасения своей эскадры из блокированного Свеаборга в 1788 г. до отсутствия необходимости думать о защите своих берегов и коммуникаций.

Наконец, в войне 1808–1809 гг. Балтийский парусный флот и вовсе ограничился лишь одним выходом в море (в августе 1808 г.), притом неудачным. Только встречи со шведской эскадрой, усиленной двумя английскими линейными кораблями (всего 7 линейных кораблей, 6 фрегатов), оказалось достаточно, чтобы Кронштадтская эскадра (9 линейных кораблей, 7 фрегатов) начала отступать, причем отступление быстро приобрело характер бегства²².

Очевидным недостатком можно назвать и практически полное отсутствие в войнах 1741–1809 гг. сколько-нибудь серьезной крейсерской войны против шведского мореходства²³ при явной полезности подобных действий, подтвержденных опытом Северной войны 1700–1721 гг.

Несмотря на отмеченные выше успехи, имелись проблемы у Балтийского парусного флота и в сфере тактического мастерства, особенно в столкновениях, где он выступал в качестве наступающей стороны. В частности, за исключением Эзельского боя, его действия в них раз за разом оказывались шаблонны. При Гангуте (1743), Гогланде (1788) и Эланде (1789) это неизменно оборачивалось невыразительными ничьими. Еще хуже обстояло дело с попытками догнать отряды шведских кораблей: за исключением все того же Эзельского боя, три остальные попытки (в июле 1713 г. у Гельсингфорса, в июне 1714 и в мае 1743 гг. у Ревеля²⁴) и вовсе провалились, в том числе в силу проблем с тактическим мастерством²⁵.

С «оборонительными» сражениями дела обстояли лучше, хотя и здесь не обошлось без явных промахов. Например, только в Выборгском сражении 1790 г. можно заметить как минимум несколько подобных примеров. Это почти полное бездействие в период явно затянувшейся блокады, позволившее шведам прийти в себя после предыдущих неудач, явно запоздалое направление помощи отряду И. А. Повалишина, мимо которого прорывались главные силы шведского флота, слишком позднее начало общего преследования вырвавшегося противника, отсутствие тактического резерва у В. Я. Чичагова, неправильность расположения кораблей отряда И. А. Повалишина, ошибочность

избранного последним варианта ведения огня по прорывающимся шведам²⁶.

В общем, проблем у Балтийского парусного флота, как видим, также хватало, что вполне справедливо рождает вопрос о их причинах. Часть исследователей (Н. В. Новиков, Г. А. Гребенщикова, Э. Б. Созаев, С. П. Махов) пошла по простому пути и не утруждая себя задачей всестороннего анализа ситуации предпочла ответить на него посредством обвинения исключительно того или иного командующего. Особенно отличилась на этом пути Г. А. Гребенщикова, которая ради подтверждения данной позиции пошла даже на откровенное извращение фактов. Она не только отделила В. Я. Чичагова от достигнутых под его командованием успехов, но и превратила «ничейное» Эландское сражение в поражение. Историк при этом отметила, что правительство Екатерины II создало для победы все условия, обеспечив флотоводца «кораблями с прекрасными боевыми возможностями», но он «не реализовал свои преимущества»²⁷.

Даже поверхностное знакомство с опубликованными источниками однозначно показывает гораздо более сложную картину в связи с наличием у Балтийского парусного флота ряда серьезных проблем, по существу делавших отмеченные неудачи и промахи лишь их логическим следствием. Вот лишь наиболее важные из них, снабженные для удобства примерами их влияния.

Во-первых, это хронический недостаток как подготовленных моряков, так и личного состава в целом²⁸. Значение этой проблемы понятно и без комментариев, однако то, о чем писал С. К. Грейг, отправлявшийся с Кронштадтской эскадрой на защиту Санкт-Петербурга от шведского флота в конце июня 1788 г. не может не поражать: «...сегодня пошел я с рейда с военными кораблями и спустился до Красной Горки, где, в ожидании не совсем готовых еще готовых транспортных судов, займусь обучением команд, из которых, как В. С. известно, почти половина рекрут (курсив наш. — А. Л.)...»²⁹.

Во-вторых, это хронический недостаток боеспособных кораблей и неудовлетворительное состояние числившихся таковыми. Первый тезис прекрасно иллюстрирует нижеприведенная таблица, посвященная числовому измерению боеспособных кораблей Балтийского флота в 1741–1809 гг.

Таблица 1

Корабельный состав Балтийского флота в войнах 1741–1809 гг.³⁰

П/п.	Линейные корабли	Фрегаты
<i>Русско-шведская война 1741–1743 гг.</i>		
Положено по штату (1732)	27	6
Реально в строю в 1741 г.	14 ³¹	3
Реально в строю в 1742 г.	13	3
Реально в строю в 1743 г.	15	2
<i>Русско-шведская война 1788–1790 гг.</i>		
Положено по штату мирного/военного времени (1782)	40/48	12/16
Реально в строю в 1788 г.	20	8
Назначены в запас С. К. Грейгу, но требовали времени для подготовки	4	3
<i>Русско-шведская война 1808–1809 гг.</i>		
Положено по штату (1803)	27	16
Реально в строю в 1808 г.	9	7
Реально в строю в 1809 г.	9	8

Глядя на таблицу, становится очевидным еще один мотив нарастающей осторожности флагманов Балтийского флота. С одной стороны, слишком высокой была цена каждой боееспособной единицы, с другой — последние, вопреки всем принимаемым штатам практически ни разу не смогли обеспечить Балтийскому парусному флоту численного превосходства над противником. Это при том, что, судя по всему, еще со времени Петра I существовала установка о необходимости для проведения атак шведских эскадр превосходства над ними как минимум на трети!³²

Впрочем, не меньшее влияние на означенную линию поведения флагманов оказывало и техническое состояние представленных в таблице кораблей. За примерами далеко ходить не надо, достаточно лишь вспомнить события погони эскадры Я. С. Барша за шведским отрядом в районе Ревеля в мае 1743 г.³³, или эпизоды Эландского и Красногорского сражений 1789–1790 гг., в которых

русские моряки страдали больше от разрыва собственных пушек, чем от попаданий шведских ядер³⁴.

В-третьих, это недостатки в системе управления, по существу связывавшие руки командующих эскадрами. Во-первых, речь идет о господствовавшей обязанности флагмана едва не по любому поводу собирать консилиумы (советы). Этот порядок господствовал вплоть до конца XVIII в. Консилиумы не только отнимали время, но нередко делали вообще не возможным выполнение того или иного решения³⁵. Во-вторых, следует назвать привычку расписывать из Санкт-Петербурга буквально каждый шаг своих командующих, причем еще и посредством противоречивых инструкций.

Так, в ходе кампании 1743 г. командующий Балтийским флотом Н. Ф. Головин одновременно получил две следующие высочайшие инструкции. В первой из них говорилось: «Ежели неприятельский флот заступит дорогу нашему галерному флоту у Гангута, то с помощью Божьей в бой вступить и одного от Гангута отбить и учинить галерному флоту свободный проход». Во второй — оговаривалось право командующего вступить в бой только «смотря по мере силы своей и неприятельской»³⁶.

Во время войны 1788–1790 гг. дошло и вовсе до курьезной ситуации, когда в 1790 г. понадобился специальный рескрипт Екатерины II В. Я. Чичагову на право использования брандскугелей!³⁷

В-четвертых, это неудачная организация Санкт-Петербургом кадровой морской политики. Ее недостатками было регулярное выдвижение на высшие должности весьма посредственных руководителей (в 1741–1743 гг. З. Д. Мишукова и Н. Ф. Головина, в 1808–1809 гг. — П. В. Чичагова и П. И. Ханькова) и распространение в офицерской среде столь опасных тенденций, как инертность и недобросовестное выполнение служебных обязанностей³⁸, прямым следствием которых являлись снижение уровня боевой подготовки, высокая аварийность, открытые случаи формального выполнения приказов, а то и невыполнения их вовсе³⁹.

Масштабы проблемы были настолько велики, что сетования на ее негативное влияние довольно широко встречаются в свидетельствах современников. Вот, к примеру, выдержка из донесения командовавшего Кронштадтской эскадрой Н. Ф. Головина

от 25 мая 1743 г.: «...того для чтобы не учинением над тем поиска и упущением ныне способного случая мне яко главному командиру не причтено было в нерадении и к слабому поступку, ибо по силе генерального регламента вижу себя принужденна ныне с большею частию голосов и не малым сожалением быть согласну»⁴⁰. А вот слова Дж. Тревенина: «...в Англии, даже в самых критических случаях, командир может рассчитывать на содействие и помощь своих офицеров. Здесь, не имея ни способных лейтенантов, ни надежных штурманов, ни даже сведущих боцманматов, командир должен надеяться на самого себя. Он должен работать за всех... Когда же постигнет его несчастье, он может быть уверен, что не только все его русские сослуживцы обрадуются его падению... но даже его однокорабельщики пристанут своими голосами к общему крику обвинения его в том, что, вероятно, случилось от их невежества и нерадения»⁴¹.

Да, что там мнения командиров и флагманов! Даже представители высшей власти периодически жаловались на кадровый голод!⁴²

Наконец, в-пятых, это отсутствие после Петра I у высшей власти заранее продуманной стратегии использования Балтийского флота. В ходе конфликтов 1741–1809 гг. это не только приводило к опозданию, но и отказу от использования наиболее эффективных вариантов действий (в первую очередь в виде создания прямой угрозы шведским берегам или, по крайней мере, нарушения ее морских коммуникаций). Иногда это и вовсе оборачивалось открытым игнорированием данного флота при подготовке к войне. Наиболее яркий пример последнего — Русско-шведская война 1808–1809 гг., которую планировали провести совсем без помощи Балтийского парусного флота. Когда же дела пошли по незапланированному сценарию, против его использования выступил сам морской министр П. В. Чичагов!⁴³

Какие же заключения следует сделать?

Во-первых, обеспечив во всех четырех военных конфликтах надежность защиты Санкт-Петербурга и в трех из них оказав самое прямое влияние на положительный для России их исход, уже одним этим Балтийский флот принес Российскому государству огромную пользу. Кроме того, российский флот не проиграл ни одного прямого столкновения со шведским флотом, причем соотношение боевых потерь линейных кораблей составило в них 11 к 1 в пользу русских. В общем, все разговоры о ненужности для России военно-морского

флота, о его бессмысленной дороговизне для государства, на наш взгляд, не отражают реальности прошлого.

Во-вторых, имели место в деятельности Балтийского флота и серьезные промахи. В частности, как минимум в трех из четырех русско-шведских войн Балтийский флот оказался не в состоянии реализовать очень многие из своих возможностей. Главное, что он так и не превратился в средство, во все времена считавшееся одним из знаковых преимуществ военно-морских сил — средство «быстрого подавления». Более того, в каждой следующей войне он вообще все меньше и меньше выступал как «оружие наступления», что негативно сказалось и на сроках, и на стоимости войн, в которых он участвовал⁴⁴.

В-третьих, при безусловном влиянии на указанные неудачи фактора личностных особенностей флагманов, первопричиной большинства из них являются все-таки представленные выше явно не нормальные условия, в которых существовал Балтийский парусный флот. Условия, которые, обеспечивая господство «инертной массы» начальников, в то же время требовали для их преодоления личностей исключительно выдающихся. Наконец, это условия, за формирование которых несли ответственность и высшие руководители страны, и весь офицерский корпус русского флота⁴⁵.

¹ Первая волна дискуссии связана с критическими трудами В. Ф. Головачева «Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Кампания 1788 г.» (СПб., 1870) и Н. В. Новикова «Шведская война 1788–1790 гг.» (История русской армии и флота. М., 1912. Вып. 8).

² См.: Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007; Созаев Э. Б., Махов С. П. Все переломные сражения парусного флота. От Великой Армады до Трафальгара. М., 2012.

³ См.: названный труд Г. А. Гребенщиковой и книгу В. А. Красикова «Северная война или блицкриг по-русски» (М., 2010).

⁴ См. статью Ю. Кирпичева «Линкоры русского флота» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugozormagazine.com/show/Linkori.550.html>).

⁵ См.: Морской Атлас. М., 1959. Т. 3. Ч. 1: Описания к картам; Дважды краснотнаменный Балтийский флот. М., 1969.

⁶ Кротов П. А. Российский флот как фактор противостояния шведской морской силе на Балтике (1703–1721 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 187; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 261; Грибовский В. Ю. Выборгское морское сражение

1790 г. Трафальгар Балтики. СПб., 2011. С. 86; *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. СПб., 1849. Т. 2: Описание Финляндской войны в 1808–1809 гг. С. 318–319.

⁷ *Кротов П. А.* Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 324; Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1: Описание к картам. С. 200–201, 224–228.

⁸ На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов. СПб., 2003. С. 108.

⁹ *Грибовский В. Ю.* Выборгское морское сражение 1790 г. Трафальгар Балтики. С. 3.

¹⁰ *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 гг. Львов, 2000. С. 14; *Грибовский В. Ю.* Выборгское морское сражение 1790 г. Трафальгар Балтики. С. 44; Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 130–136; Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1: Описание к картам. С. 334–336.

¹¹ *Кротов П. А.* Создание линейного флота на Балтике при Петре I. С. 324; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 300–302, 306–308, 311, 312, 315–319, 329–331, 334, 335, 343; *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. СПб., 1890. Ч. 1. С. 514; История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 200.

¹² История военно-морского искусства. М., 1953. Т. 1 С. 179–180; *Кротов П. А.* Эзельское морское сражение 1719 г. в свете новых данных // «Морским судам быть...». Воронеж, 1996. С. 57–72.

¹³ *Скрицкий Н. В.* Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом. М., 2002. С. 242; *Лебедев А. А. В. Я.* Чичагов и его роль в истории русского парусного флота // Гангут. 2011. № 63. С. 48–49.

¹⁴ *Красиков В. А.* Северная война или блицкриг по-русски. С. 174; *Кирпичев Ю.* Линкоры русского флота.

¹⁵ *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 383; Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1: Описания к картам. С. 220–221; *Красиков В. А.* Северная война или блицкриг по-русски. С. 145–153.

¹⁶ *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I // *Тарле Е. В.* Избранные сочинения в IV томах. Ростов-на-Дону, 1994. Т. III. С. 605; *Кудзеев Л. В.* Десантные операции отряда П. П. Ласси на берегах Швеции в 1719 и 1721 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2010. Ч. I. С. 396; *Красиков В. А.* Северная война, или Блицкриг по-русски. С. 166.

¹⁷ *Красиков В. А.* Северная война, или Блицкриг по-русски. С. 171.

¹⁸ Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота / 2-е изд. М., 1999. С. 447.

¹⁹ Так, в 1714 г. Балтийский парусный флот обладал 16 линейными кораблями, в 1716 г. — 15, в 1719 г. — 21. Для сравнения шведы в 1714 г. имели 17 действующих линейных кораблей, в 1720 г. — 11.

²⁰ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1829. Ч. I. С. 264–265; Материалы для истории русского флота (далее — МИРФ). СПб., 1865. Ч. 2. С. 552; Записки о России при Петре I, извлеченные

из бумаг графа Бассевича. М., 1866. С. 85; *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. С. 354; *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. С. 561, 605; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 155.

²¹ *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 гг. С. 14.

²² *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. С. 196–199; Боевая летопись русского флота. С. 185–186.

²³ См. о действиях флота в 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. (МИРФ. СПб., 1882. Ч. 9; 1890. Ч. 13; 1893. Ч. 14).

²⁴ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1997. С. 42–43; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 393, 404–406, 421–422, Ч. 9. С. 284; «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша // Труды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. Вып. 2. С. 17–18. Весьма показательно, что точно так же провалилась и попытка погони отряда Г. А. Спиридова за турками в июне 1770 г., когда последний пытался во что бы то ни стало действовать исключительно общими силами.

²⁵ В частности, в столкновениях 1713–1714 гг. даже незначительные изменения обстановки сразу же приводили преследовавшие шведов русские отряды в замешательство и в конечном счете к срыву погонь. Во время же погони 1743 г. причиной отказа от нее и вовсе стало сложившееся в ходе нее равенство сил обоих отрядов, вызванное отставанием нескольких русских кораблей! Интересно, что консилиа командиров русской эскадры с самого начала рассматривала возможность атаки шведов лишь при значительном численном превосходстве («...и по консилию положили: осмотрев обстоятельно величину кораблей, и ежели будут видимы противу наших кораблей 4 или 5 (против 7, имевшихся у Я. С. Барша. — *Авт.*), а остальные фрегаты, то с Божию помощью атаковать, а буде более числом и силами превосходить будут наших, то иметь ретираду до Наргина»).

²⁶ *Лебедев А. А. В. Я.* Чичагов и его роль в истории русского парусного флота // Гангут. № 64. С. 22–23.

²⁷ *Гребенщикова Г. А.* 1. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2012. Т. I. С. 266; 2. Судьба шведского фрегата «Venus» // Гангут. 2008. № 48. С. 56; 3. Балтийский парусный флот в период правления Екатерины II. С. 625.

²⁸ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 43, 118; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 268; Ч. 9. С. 4–5, 106, 139; «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша // Труды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3. С. 9; *Головазов В. Ф.* Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Кампания 1788 г. С. 9–11; *Грибовский В. Ю.* Выборгское морское сражение 1790 г. Трафальгар Балтики. С. 64; *Гребенщикова Г. А.* Балтийский парусный флот в период правления Екатерины II. С. 614, 633.

²⁹ МИРФ. Ч. 13. С. 270.

³⁰ МИРФ. Ч. 9. С. 53–54, 173–174, 327–329; *Головазов В. Ф.* Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Кампания 1788 г. С. 7–8; Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 44. № 21038. С. 11; *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. С. 87, 318–319.

³¹ Кораблей не просто не хватало вообще, недоставало кораблей сильных рангов. В частности, вместо положенных по штату 480-, 1666-и 754-пушечных

кораблей в составе флота находились один 70-, шесть 66- и семь 54-пушечных кораблей.

³² Anderson R. C. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522–1850. L., 1910. P. 126; Кирхгоф Г. Влияние морской силы в Балтийском море на историю Прибалтийских государств в XVII и XVIII столетиях. СПб., 1908. С. 380.

³³ МИРФ. Ч. 9. С. 283–284. В частности, в донесении Я. С. Барша значилось: «...и видя два корабля в повреждении и, как возможно видимо быть, силою неприятельские корабли нас уповательно превосходили, за повреждением показанных кораблей, да и в корабле «Астрахань» немалая течь появилась до 30^{1/2} дюймов... и тако неприятеля оставили и возвратились...»

³⁴ Например, на линейном корабле «Дерись» в Эландском сражении «от разрыву пушек палубы и внутренние части столь много разломаны, что не токмо в действие против неприятеля не способен, но и держаться в море едва может настолько, чтоб препроводить его обратно в порты...» (Чигагов П. В. Записки. М., 2002. С. 318).

³⁵ Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота/2-е изд. Л., 1939. С. 83; МИРФ. Ч. 9. С. 285–307. В частности, когда командующий Кронштадтской эскадрой Н. Ф. Головин после обнаружения шведского флота в конце мая 1743 г. у мыса Гангут, предложил «поиск над неприятелем учинить», консилиум командиров с перевесом в один голос (14 против 13) отклонил эту инициативу, как противоречащую предписанию Санкт-Петербурга добиться обеспечения прохода галерному флоту в связи с отсутствием оного (МИРФ. Ч. 9. С. 289–290).

³⁶ Перовский Е. П. Противостояние (Гангут, 1743 год) // Гангут. 1992. № 4. С. 6.

³⁷ Чигагов П. В. Записки. С. 484–485.

³⁸ Свидетельств об этом достаточно у современников (Н. Ф. Головин, Дж. Эльфинстон, С. К. Грейг, В. М. Головин). Соответствующие наблюдения имеются и у исследователей (Ф. Ф. Веселаго, А. М. Зайончковский, Е. М. Лупанова).

³⁹ Достаточно вспомнить неучастие в бою трех линейных кораблей в Гогландском сражении 1788 г., поведение командиров кораблей «Иоанн Богослов» и «Константин» в Красногорском и Выборгском сражениях 1790 г., неисполнение приказов П. И. Ханыкова по оказанию помощи линейному кораблю «Всеволод» в 1808 г.

⁴⁰ МИРФ. Ч. 9. С. 290.

⁴¹ [Пенроз Дж.] Джеймс Тревенин, служивший в русском флоте капитаном // Морской сборник. 1859. № 9. С. 137.

⁴² Чигагов П. В. Записки. С. 400–401.

⁴³ Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910. С. 197.

⁴⁴ Так, Северная война 1700–1721 гг. стоила стране жизни около 120 тыс. человек. Войны 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. унесли порядка 20 тыс. жизней и, наконец, война 1808–1809 гг. обошлась в 7 тыс. убитых и раненых (Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб., 1994. С. 56, 58, 92).

⁴⁵ См.: Лебедев А. А. «А как военное время наступило, то и... матросы... обучение получают»: проблемы боевой подготовки русского парусного флота на Балтике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Тринадцатой ежегодной научной конференции (5–7 апреля 2011 г.). СПб., 2012.

Н. Р. Славнитский

**ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КРОНШТАДА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Первым комендантом форта Кроншлот стал полковник Т. И. Трейден, назначенный на эту должность в первых числах мая 1704 г. 3 мая он получил инструкцию¹, составленную царем, в которой в первую очередь отмечалось: «Содержать сию ситадель, с Божьей помощью, аще случится, до последнего человека. И когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так стрелять, чтобы по выстрелении последней, первая паки была готова и чтоб ядер даром не терять». При этом в данном документе основное внимание уделялось порядку встречи и прохода нейтральных кораблей (которые, однако, предписывалось тщательно осматривать и пропускать лишь после того, как офицер, посланный на него с Кроншлота, мог убедиться, что на нем не спрятались неприятельские солдаты). Следовало также остерегаться неприятельских брандеров. Именно дата составления инструкции позволяет предположить, что Т. И. Трейден был назначен комендантом форта в первых числах мая (возможно, 3 мая). Его полк и составил гарнизон цитадели (следует иметь в виду, что весь полк вряд ли мог разместиться в форте; скорее всего, часть людей находилась на близлежащем острове Котлине).

Кроме того, большую роль в управлении Котлином в первом десятилетии играл К. И. Крюйс. Настоящее имя этого норвежского моряка, родившегося в 1655 г., — Нильс Ульсен. Известность он приобрел, находясь на службе в голландском флоте (именно там

он изменил свое имя), а в 1698 г. был принят на русскую службу в чине вице-адмирала. Первоначально он находился на воронежских верфях, с 1702 г. занимался организацией кораблестроения в Архангельске, а в начале 1704 г. появился на Балтике. Занимаясь здесь организацией российских морских сил, он много сделал и для строительства укреплений Кронштадта, а в 1704–1705 гг. руководил его обороной от шведов. По его инициативе в ходе боев было возведено еще несколько батарей на острове Котлин: две батареи Толбухина, Ивановская и Лесная, которые были вооружены 62 орудиями.

При изучении документов, связанных с обороной Кроншлота в 1705 г., бросается в глаза, что всю переписку К. И. Крюйс вел только с Санкт-Петербургским обер-комендантом Р. В. Брюсом; Т. И. Трейден с вышестоящим начальством практически не сносился. Единственный известный нам документ за подписью Т. И. Трейдена — это его донесение губернатору А. Д. Меншикову от 7 октября 1704 г., где сообщалось о появлении под Кроншлотом неприятельского флота, состоявшего из 24 судов². Можно также отметить и донесение Р. В. Брюса губернатору летом того же года — там сообщалось о появлении шведского флота со ссылкой на донесение Т. И. Трейдена обер-коменданту³. Видимо, в 1704 г. комендант Кроншлота являлся основным лицом в деле обороны Санкт-Петербурга с моря, а вот с 1705 г. всем по сути дела руководил уже К. И. Крюйс. Причины этого понятны — комендант форта в складывавшейся ситуации (и особенно при появлении шведского флота) выполнял довольно ограниченные задачи. Он же, по всей видимости, осуществлял фактическое руководство в Кронштадте вплоть до своей опалы в 1712 г.

Гарнизонные полки после 1710 г., по мнению А. В. Шелова, хотя и не несли полевой походной службы, зато постоянно ходили в море на бригантинах и шлюпках, перевозя то к Выборгу, то к Гельсингфорсу фураж и провиант, которого требовалось немало. Так, например, весной 1712 г. было заготовлено 63000 четвертей овса и 1115000 пудов сена, а в июле адмирал Ф. М. Апраксин приказал поставить на Котлин 15000 четвертей муки. Транспортировки эти сопряжены были с опасностью, так как шведские корабли появлялись даже в виду Кроншлота⁴.

Комендантом Кроншлота Т. И. Трейден оставался до конца 1708 г. (в декабре 1708 г. Ф. М. Апраксин запрашивал Петра I: «Комендантом в Кроншлоте был полковник Трейден с полком; ныне оному повелено быть в главной армии, а до указу та крепость поручена полу-

полковнику Островскому; ныне в той крепости комендантом кому быть?»⁵ В 1710 г. комендантом Котлина был назначен бригадир В. И. Порошин. В Кроншлот, вместо переведенного Т. И. Трейдена, был назначен полковник Ф. С. Толбухин, а в крепость Святого Александра — полковник П. И. Островский. Оба последних коменданта подчинялись В. И. Порошину, подчиненному, в свою очередь, петербургскому обер-коменданту генерал-майору Р. В. Брюсу⁶.

Вообще Роман Вилимович во втором десятилетии XVIII в. оказался тесно связан с Кроншлотом. В частности, весной 1711 г. под его руководством проходило восстановление укреплений, пострадавших во время наводнения, и тогда же он вместе с капитаном Э. Лейном осматривал место для будущей пристани⁷. В следующем году, когда Р. В. Брюс находился в финляндском походе, военными постройками на острове занимался К. И. Крюйс⁸, а после возвращения обер-коменданта из Финляндии, он в основном сосредоточился на возведении новых укреплений и пристаней на Котлине (при этом еще в 1713 г. он же занимался и заготовкой артиллерии⁹, но это, возможно, было связано с деятельностью корпуса Ф. М. Апраксина).

Возможно, эта деятельность оказалась вынужденной. Дело в том, что еще в 1712 г., в связи с отправлением Р. В. Брюса в действующую армию, комендантом Санкт-Петербурга был назначен М. О. Чемесов¹⁰, являвшийся с 1706 г. плац-майором Санкт-Петербургской крепости. Кроме того, с 1715 г. в столичном городе практически постоянно находился его губернатор А. Д. Меншиков. В «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова» в основном упоминается М. О. Чемесов, регулярно приезжавший с докладами к светлейшему князю (при этом в его ведении была не только крепость, но и городские дела), а после его смерти в декабре 1717 г. (17 декабря он был погребен «в городе»¹¹) комендантом был назначен Я. Х. Бахмиотов, который также часто появлялся у А. Д. Меншикова. Р. В. Брюс же практически не упоминается. С чем это связано, сказать трудно, можно лишь высказать предположение, что в период отсутствия Романа Вилимовича в управлении Санкт-Петербургом сложилась новая команда, в которой он оказался ненужным.

Однако оперативное управление частями, находившимися на Котлине, все же осуществлял В. И. Порошин — по крайней мере, в отсутствие Р. В. Брюса. В частности, в апреле 1717 г. обер-комендант писал Василию Ивановичу: «Понеже ради всякого случая отправлены отсюда в команду вашу на Котлин остров и в Кроншлот

ко артиллерии на время артиллерийский майор Витвор со артиллерийскими офицеры и служители, о которых подлинно изволите наведатся от него и велено ему майору быть у вашей милости в послушании, также послан отсюда на Котлин остров майор и инженер Лепинан... также и я отсюда чаю вскоре туда поеду»¹². Отметим здесь, что майор М. Витверт в то же время отчитывался о сделанной работе и своему непосредственному руководителю — Якову Вилимовичу Брюсу¹³, а в ведении генерал-фельдцейхмейстера оставалось снабжение кронштадтской артиллерии необходимыми припасами. В мае того же года он писал названному майору: «По требованию вашему на Котлин остров в добавку артиллерийских припасов приказал я к вам отправлять, а что определено, о том к вам роспись прислана будет, как оные отсюда отправятся. А иные надлежит вам тамо готовить, ибо бомбардиры почитай все с вами... а имянно велел тамо зделать картечи 48-, 24-, 10-, 2-фунтовых.

Пороха не приказал я ничего отправлять для того, что будет когда оной нужда случитца, то возможно в то время пороха к вам отсюда послать.

Ядер пушечных приказано отправить по половине всех рук понеже вы мне доносили, что оных дано будет из адмиралтейства и сколько вы каких калибров взяли, о том ко мне известия еще нет и вам о сем ко мне прислать...»¹⁴.

Вообще взаимоотношения между руководителями разных ведомств по-прежнему были не гладкими. В частности, в июне 1719 г. из Приказа артиллерии В. И. Порошину было прислано доношение: «Понеже на Котлине острове и в Кронштадте обретаются артиллерийских служителей полевых и Санкт-Петербургского гварнизона канониров и фузелеров толко с полтора человека, из них, пишет оттуда артиллерийской секунд-майор Брунс, что из оных служителей многие впали в болезни, а пользоваться их некому, понеже тако и здесь во артиллерии лекаря нет. И о том его светлости подано доношение, и его светлость изволил мне приказать писать к вашему благородию, дабы оных артиллерийских служителей лечить там тамошним полковым лекарям без платы, понеже солдатские полки там не в полном комплекте, а они получают жалование полное»¹⁵. Как видно из документа (помимо сообщения, что котлинские гарнизонные полки не были полностью укомплектованы), заболевших артиллерийских служителей не лечили без специального на то распоряжения.

После завершения Северной войны необходимость в столь громоздком управлении отпала, да и Котлин все больше становился морским портом. Поэтому в 1723 г. была учреждена должность Главного командира Кронштадтского порта¹⁶. Заметим, что это была уникальная должность — в ведении командира оказались и гарнизонные части, и морские служители.

В то же время отметим, что те или иные постройки и ремонтные работы (включая восстановление после пожаров) продолжали оставаться в ведении генерал-фельдцейхмейстера¹⁷. Особенно ярко это проявилось в годы Семилетней войны — из сохранившихся документов видно, что вся переписка о фортификационных работах (а также связанная с возведением бань) шла между генерал-фельдцейхмейстером П. И. Шуваловым и А. П. Ганнибалом¹⁸.

Первым командиром Кронштадтского порта стал вице-адмирал П. И. Сиверс, занимавший эту должность с 1724 по 1727 г., а затем его сменил адмирал Т. Гордон. В 1733 г. Д. Дешвуд отмечал, что адмирал Гордон «начальствует и над островом, и над крепостью»¹⁹. Он пробыл в этой должности дольше всех — вплоть до вступления на престол императрицы Елизаветы Петровны. В дальнейшем этот пост также занимали моряки.

ФИО	Даты
Вице-адмирал Пётр Иванович Сиверс	1724–1727
Адмирал Томас Гордон	1727–1729, 1733–1741
Вице-адмирал Христофор Обрейан	1741
Контр-адмирал Никита Петрович Вильбоа	1741–1742
Адмирал Захарий Данилович Мишуков	1742–1745
Контр-адмирал Денис Спиридонович Калмыков	1745–1746
Адмирал Вилим Фомич Люис	1746–1750
Адмирал Андрей Иванович Полянский	1750–1757

Подводя итоги, следует сказать, что военное управление Кронштадта (остров Котлин) в годы Северной войны было довольно сложным и во многом зависело от взаимоотношений между сподвижниками Петра I. Громоздкость управления являлась, по нашему

мнению, объективным фактором — на Котлине появилась одна из первых в России приморских крепостей. Метод проб и ошибок в данном случае был неизбежен (необходимо также иметь в виду, что на Северо-Западе страны вообще проходили «проверку» новые принципы военного управления). Что в этой ситуации многое зависело от взаимоотношений руководителей различных ведомств и тех, кто оказывался задействован в Кронштадте, наверное, было неизбежным. В итоге их деятельности в конце концов была найдена наиболее оптимальная форма военного управления городом-крепостью.

¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. № 97. С. 65–66; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. III. СПб., 1893. С. 55–57.

² Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 66–67.

³ Там же. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

⁴ Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 51–52.

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 364–368.

⁶ Крепость Кронштадт при Петре Великом. Кронштадт, 1904. С. 22–23.

⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4224. Л. 1–2.

⁸ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. I. С. 290.

⁹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 149.

¹⁰ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. Приложения. № 7. С. 10–11.

¹¹ Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. Вып. 10. М., 2004. С. 175–176.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 116–117.

¹³ Там же. Л. 132, 176.

¹⁴ Там же. Л. 154–155.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 117 об.

¹⁶ Орловский К. И. Краткий исторический очерк Кронштадтской городской полиции по случаю 100-летия ее существования. Кронштадт, 1912. С. 23.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1253. Л. 9.

¹⁸ Там же. Д. 1252. Л. 4, 23, 44–45.

¹⁹ Дэшвуд Д. Дневник пребывания в Петербурге в 1733 г. // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 53.

Т. А. Шрадер

**БАЛТИЙСКИЙ ПОХОД ФРЕГАТА «АРХИПЕЛАГ» В 1800 г.
(ПО ПИСЬМАМ ГАРДЕМАРИНА
ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛОВНИНА)**

Летом 1800 г. в Балтийском море состоялся поход русского фрегата «Архипелаг» с заходом в порты Швеции, Дании, ряда немецких княжеств и России. Автор статьи не затрагивает политические взаимоотношения государств, расположенных на берегах Балтики. В основу работы положен рукописный документ, хранящийся в фондах Библиотеки Академии наук (далее — БАН)¹. Составлен документ гардемаринном Дмитрием Михайловичем Головинным², участником упомянутого похода.

Эта рукопись поступила в БАН в 1992 г. Документ представляет собой небольшую книжечку в коричневом кожаном переплете. На лицевой стороне обложки выгравировано «Д. Головин». На листе 3 читаем: «Писма, или описание компании 1800 г. на фрегате Архипелаг». В документе представлены 15 писем, адресованные «Милостивому государю», в каждом письме указано место и дата отправления. Расположены письма в хронологическом порядке, написаны без поправок, что наводит на мысль о том, что они были переписаны с оригинала и переплетены как памятная рукописная книжечка об этом походе.

Для определения достоверности описанного в письмах автор ознакомилась с документами Российского государственного архива Военно-Морского флота (далее — РГАВМФ). Прежде всего, надо упомянуть высочайшее повеление императора Павла I от 21 мая 1800 г. об отправке в практическое плавание воспитанников Морского корпуса. По повелению императора предназначалось

отправить в море для практического обучения молодых моряков на одном линейном фрегате и удобных судах гребного флота под начальством корпусных офицеров. На фрегате предполагалось посещение Карлсруны, Копенгагена и прочих датских портов, а «прошед Зундом» возвратиться, зайти в Киль, Любек, на рейд в Росток, Гданьск, и оттуда в Кронштадт. В том же документе император в удовлетворение шведского двора повелевал «о выпуске и дружественном приеме в российские порты, отправленные в нынешнюю кампанию на одном брике и одном катере шведских морских кадетов для обучения оных в мореходстве»³.

Российское морское руководство выбрало для похода в южную часть Балтийского моря линейный фрегат «Архипелаг»⁴. На фрегате команда состояла из двух лейтенантов, трех мичманов, 25 матросов и боцмана, на борту находилось 40 гардемарин. Морское командование отпустило на фрегат провизии на 4 месяца и на чрезвычайные расходы 500 ефимков. Командовал фрегатом капитан и кавалер Ефимович. Из вахтенного журнала фрегата узнаём, что фрегат в назначенный путь отправился 14 июня 1800 г. В журнале подробно отмечены условия похода, температура воздуха, скорость ветра, течения, как проходили проливы и пр. Что же касается заходов в зарубежные порты, то пребывание там описывалось чрезвычайно скуп. К примеру: «21 июля в 8 часов приезжал к нам на фрегат из Копенгагена дацкий командир Фишер и капитан Кароль. Больных 3 человека»⁵.

Иной характер носили донесения находящегося в Копенгагене при российской миссии коллежского советника Убри на имя директора Шляхетного кадетского корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова. Вот как он писал: «“Архипелаг” прибыл 15 июля. 16 июля моряки были приглашены к обер-гофмаршалскому обеденному столу, где были представлены всей королевской семье. В среду им было показано Адмиралтейство и дан завтрак у господина Фишера. В четверок осмотрели достопримечательности города. В пятницу приглашены в королевский замок Фридензбург (Фредериксбург. — *Т. Ш.*), где обедали. В субботу посмотрели краны». Кроме того, автор послания отметил, что российские моряки были приняты дружественно, сопровождал их командир Фишер и лейтенант Билле, которые удовлетворяли все просьбы гостей. Российская команда была скромной и учливой, и это Убри просил отметить⁶. Вышеизложенное описание по содержанию

мало отличалось от более обстоятельного и подробного рассказа Д. М. Головнина. Можно отметить некоторое расхождение в датах. Однако даты Д. М. Головнина совпадают с записями в вахтенном журнале фрегата (который, очевидно, велся согласно морскому времени.— *Примеч. отв. ред. П. К.*).

Первое письмо⁷ от 3 июля с обращением «Милостивый государь» написано при переходе из Кронштадта до Карлсруны. Сильный западный ветер вынудил фрегат лечь на якорь. Затем при юго-западном двинулись далее. Проходя «в виду Готланда», встретились, «отдав должную честь», с возвращающейся из Англии русской эскадрой под командой вице-адмирала Макарова. Около берегов острова Готланд увидели множество рыбацких лодок. Надежда найти среди них достойного лоцмана для прохода на рейд Карлсруны увенчалась со второго раза. Входя в Карлсрунский рейд, прошли мимо четырех островов, на которых находились крепости с 100 и 40 пушками. Придя на Карлсрунский рейд, стали на якорь.

Письмо второе⁸ от 10 июля повествует о пребывании фрегата в Карлсруне.

На следующий день пребывания на рейде на фрегат прибыл капитан с дружественным письмом от Адмирала и один офицер, говоривший на французском. Д. М. Головнин воспользовался случаем поговорить с ним и узнать кое-что о Швеции. Вот что сообщил ему офицер: «Швеция весьма недостаточна хлебом, которой награждает изобилием железа, лесу и сельдей. Морские и сухопутные ея силы не те, которые за несколько пред сим лет были. Линейных кораблей считают до 26-ти, из коих 100-пушечных нет ни одного, а сухопутные силы состоят из 48000. Правление монархическое, простирающееся только на флот и армию. Не исповедующим лотеранского закона не могут достигнуть до первых чинов в государстве, впрочем, все веры терпимы». Вероятно, для «милостивого государя» это была интересная информация.

В Карлсруне гости увидели высеченные из камня доки, которые автор подробно описал, литейный двор, в котором находились разного рода пушки, в том числе и взятые у русских. В Арсенале находилось разного рода вооружение, способное вооружить войско до 15000 чел. Показали гостям и взятые с русских кораблей различные предметы. После посещения Адмиралтейства состоялась встреча русских гостей с знаменитым в то время в Европе

вице-адмиралом сарваером Чатманом, который принял их в своей усадьбе «весьма ласково», показал свой орден Вазы, свои покои, украшенные редкими морскими картинами, в том числе и картину сожжения турецкого флота при Чесме графом Орловым и многое другое. В Карлскруне адмирал Вахмейстер пригласил всех гостей на званый обед, на который прибыло большое количество шведских офицеров, «из коих многие любопытствовали о нашем флоте и о великом Суворове, коего слава гремела во всех странах Европы». За столом, как писал Д. М. Головнин, пили за здоровье российского императора, шведского короля и соединение флагов обеих наций. Из присутствовавших на обеде большая часть, да и сам адмирал, были участниками недавней войны России со Швецией. Автор отметил, что в военную гавань их не впустили, но всё же ему удалось «приметить 10 размещенных там кораблей». Далее он писал, что в городе повсюду видна бедность народа. И что они имели случай узнать, сколь шведы не доверяют нам, хотя и стараются эту недоверчивость прикрывать видом дружества.

В кратком третьем письме⁹ от 24 июля Головнин описывал переход фрегата от шведских берегов до Копенгагена. Он упомянул, что, выходя из крепости Карлскруна, они салютовали шведскому флагу и шведскому бригу «Дион». При прохождении мимо острова Борнхольм к фрегату подошло несколько лодок со съестными припасами, и через несколько часов они пришли на Копенгагенский рейд и стали на якорь.

Следующие же три письма¹⁰ от 27, 30 и 31 июля были довольно пространными и подробно описывали пребывание всей команды фрегата в столице Дании.

На второй день «стояния на Копенгагенском рейде» офицер датского корпуса Его Высочества кронпринца пригласил офицеров и гардемарин на встречу с королем. На набережной их встретило огромное количество приветствующей публики из города, и затем кавалькада из 16 карет двинулась на прием. Проезжая по улицам и площадям Копенгагена, Д. М. Головин отметил, что монументы, воздвигнутые датским королем Христиану V и Фридрику V, с величественными монументами Екатерине Второй и Петру Великому «сравнены быть не могут». Дорога, ведущая к загородному дворцу, устлана камнем, вокруг которой «находились сельские дома с красивыми садами». Во дворце гости были представлены Его Величеству¹¹, кронпринцу¹² и ко-

ролевской семье. После встречи «пошли в зал, где присутствовал великолепный стол. Тут мы и отобедали, в продолжении стола играла огромная королевская музыка, а по окончании оного повели нас в придворный сад и его гульбища, потом пошли вторично во дворец, в коем наливкой, кофию подчиваны были, разными фруктами». В городе за русскими гостями ходило множество народу, некоторые вступали в разговор. Автор письма отмечает, что датчане уделяли большое внимание гостям, на фрегат ежедневно присылали зелень и всякие овощи.

Большое впечатление на Д. М. Головнина произвело посещение разного рода морских учреждений и строений. Он подробно описал посещение Адмиралтейства, где показали им модель 84-пушечного корабля и другие корабли, затем морской арсенал, в котором находились разного рода орудия «в наилучшем порядке», в том числе меч Петра Великого, оставленный им во время посещения Копенгагена, сараи для хранения и строения гребных судов. Находясь на Литейном дворе, наблюдали литье пушек и мортир, посетили сухопутный арсенал и морскую типографию, где изготавливали морские карты и различные морские измерительные инструменты. Будущие морские офицеры, следовательно, получили довольно обширную информацию о состоянии морского флота в Датском королевстве.

На следующий день гостей пригласили во дворец Христиана Великого Шарлоттенбург. Описанию достопримечательностей этого дворца Д. М. Головнин посвятил довольно значительное место в своем дневнике. Он писал о гобеленах, представляющих морские и сухопутные сражения Христиана V (вероятно, Христиана I) со шведским королем Карлом VIII, различного рода бюсты королей, «разные золотые утвари», принадлежавшие королевской семье. По особому распоряжению датского короля из заветного шкафа им были показаны короны, скипетры, ордена и пр. Для читателя нашего времени очень интересно узнать, что же хранила датская Кунсткамера в 1800 г., которую Д. М. Головнин также подробно описал. Вечером гардемарины были приглашены на обед в трактир, во время которого их слух услаждала итальянская музыка.

29 июля по распоряжению кронпринца гости отправились во дворец Фредериксборг, который располагался в 5 немецких милях (35 верстах) от столицы. Приведем слова автора о виденном

им во время этой поездки: «Какие пленительные места с нами встречались! Везде видны изобильные пашни, приятные рощи, пруды, увеселительные сельские дома; четыре часа наслаждались мы восхитительным местоположением, в течении коих приехали мы во дворец, позавтракав, пошли его смотреть. Много бы стоило описать красоты сего великолепного, хотя старого, замка...»

На следующий день гостям показали в Копенгагенской гавани постановку мачт на корабль с помощью машины-крана. Процесс этого действия также описан автором. Затем последовало посещение городского лазарета, «в котором находилось разного состояния и пола множество больных; чистота и порядок тщательно сохраняется в сем убоище страждущаго человечества...». Больные были разделены по болезням. Показали им Анатомическую залу, содержание которой вызвало у гостей дурноту.

В седьмом письме¹³ от 1 августа читаем о переходе фрегата из Копенгагена в Киль, во время которого, проходя мимо острова Борнхольм, они встретили датский фрегат «Фридрихсберг» с датскими гардемаринами. По распоряжению кронпринца оба фрегата пошли в Киль и достигли, как было указано, Кильской губы, «которой карта здесь прилагается». И далее Д. М. Головнин писал: «Долго мы шли по сей уской губе по сторонам, которой находились плодородные пашни, прекрасные холмики с приятными рощицами, сквоз кои видны были увеселительные сельские домики. Разсматривая столь удивительные красоты натуры, и не приметили, как вдруг из-за мыса открылся город, находящийся уже от нас в весьма близком разстоянии. Тут мы положили якорь». Здесь русские гардемарины встретились с датскими кадетами, и автор сравнил академию в Копенгагене с Санкт-Петербургской. Он писал, что при посещении датского Корпуса-академии они нашли три класса, в которых находилось 12 человек за рисунками, прочие науки не в хорошем состоянии. Кадеты живут у отцов. «Какое же сравнение может иметь наш Корпус!» — восклицает Д. М. Головнин, при этом он прославил монарха, при котором 600 человек содержится на счет государства и обучаются всем нужным наукам.

В городе гардемарины встретили «множество народа», прогулялись в публичный сад, где играла «полевая музыка», наблюдали «страсть у сего народа к табаку». Кроме того, им показали замок, принадлежавший русскому императорскому двору, где видны надписи Екатерины Великой. В замке была и российская церковь.

В старинном городском замке вместе с датскими гардемаринами видели библиотеку с 40000 книг, среди которых были и российские, а также портреты русских императоров, царей и «великих мужей». И снова Анатомический зал вызвал у автора чувство неприязни. Довольно пространно Д. М. Головин описал Кильский канал, который представлял собой шлюзы, соединяющие Киль с Северным морем, и вместе с датчанами гардемаринами их «обозревали на шлюпках». И далее читаем: «...остановившись, угощаемы были в трактире порядочным завтраком, после чего прогулялись по весьма приятным местам, ибо вдоль канала простираются загородные дома и сады».

Письмо восьмое посвящено исключительно городу Килью¹⁴, в который они вернулись после прогулки и увидели яхту под мекленбургским флагом, приветствующую выстрелами из пушек шлюпки с гардемаринами. На яхте «Елена Павловна»¹⁵ находился мекленбургский герцог, посетивший «Архипелаг» инкогнито. Команда же русского фрегата и герцог были приглашены на датский фрегат на бал. Последний начался в 8-м часу вечера и закончился около 5 часов утра. «Его Высочество был к нам ласков, ужин великолепен и в знак присутствия его на фрегате выпалено из 17 пушек». На следующий день утром правление города Килия пригласило от имени города всех «на обеденный стол» и с датскими товарищами все съехали на берег. На берегу было множество народа с городской музыкой, «пришедши в трактир, угощены были всем городовым обеденным столом, за столом играла итальянская музыка, а затем роговая. Огромное количество народа посетило русский фрегат, и гости шли до 2-х часов ночи». В городе находился архимандрит из Киева, который вместе с двумя церковнослужителями пребывал там еще с того времени, как город был во владении российского императорского дома. Далее автор замечает: «Вообще кильские жители имеют некоторую дружескую привязанность к россиянам, хотя и не было их здесь чрез 27 лет до нас»¹⁶.

В письме девятом от 10 августа описывался путь от Килия до Любека. Рассказ велся о крепости Травемюнде, которую кадеты осмотрели и измерили ее ширину и длину шагами. Встретил их пожилой комендант крепости, и в письме было отмечено, что гарнизон крепости состоял из 60 стариков в красных мундирах. Российский консул из Любека Волконский посетил фрегат и при-

гласил кадетов на обед в крепость. Во время обеда «при питии за здоровье нашего императора загрела в крепости пальба из 21 пушки». При отходе фрегат ответил 11 выстрелами и криком: «Ура». Все кадеты и Д. М. Головнин были разочарованы, что, находясь в 14 верстах от «наибогатейшего города Германии», они его не посетили. Письмо заканчивается словами: «Скоро оставим мы сей рейд, которого карту при сём увидите».

В десятом письме¹⁷ от 14 августа автор знакомит с городом Росток, где встали на якорь около деревни Варнемюнде. В гавани при поездке по городу увидели множество купеческих судов, а у пристани знакомую герцогскую яхту «Елена Павловна». В городе их пригласили в «дом господ городских офицеров», которые готовились к вахтпараду. Далее они отправились смотреть развод, на котором «деланные экзерциции сходны были с нашими, только деланы не с такою живостью». Город по словам Д. М. Головнина был красив, улицы узкие, дома, как все немецкие одинаковые — узкие и высокие, некоторые до 10 этажей. В письме отмечены достопримечательности: городская ратуша и герцогский дворец; жителей не более 3000 человек. Заканчивается повествование словами: «Карта сего рейда сочинить было невозможно по множеству находящихся тут озер и островов, на что немало требовалось времени. А особливо для промеру глубин». Далее: «Здесь нас приняли противу прочих городов отлучнее... (вероятно, не так любезно. — *Т. III.*), возвращаясь на фрегат, заехали в деревню (Варнемунде), в коей трудолюбие повсюду было видно. ...Скоро надеемся оставить Мекленбургсию и возвратиться в свое любезное отечество».

В одиннадцатом письме¹⁸ от 30 августа под названием «Остров Борнхольм» описывается прохождение фрегата мимо указанного острова. И поскольку на море был совершенный штиль, команде удалось рассмотреть расположенные на острове тюрьмы, в которых содержались государственные преступники. Фрегат шел в этих водах неделю, поэтому им не удалось зайти в запланированный Данциг. По пути им встретились три военных русских фрегата с гардемарнами на борту, которые шли под командою капитана Моллера. После этой встречи, корабль взял курс на Ревель.

Краткое двенадцатое письмо¹⁹ от 2 сентября относится к пребыванию в Ревеле, где Д. М. Головнин встретился со своим знаменитым братом Василием Михайловичем. Последний участвовал в походе русской эскадры в Англию под командой адмирала

Макарова. У младшего брата М. В. Головнина вызвали удивление военные приготовления в Ревеле и озабоченность окружающих людей. Что это были за события, автор не сообщает.

В письме XIII²⁰ от 5 сентября Д. М. Головнин представляет «Милостивому государю» краткий исторический обзор города Копенгаген с VIII в., когда на месте города было «сборище нескольких хижин, обитаемых рыбаками», до 1728 г., когда «великий пожар опустошил половину города, уничтожив 1650 домов, университет, 4 коллегии, 5 церквей, В 1661 г. город был провозглашен королем Фридрихом III²¹ вольным, получил право дворянства за храбрость граждан. Далее автор уведомляет, что в городе «считается 100000 жителей, 186 улиц, 4040 домов и 9 всенародных церквей». Кроме того, Д. М. Головнин познакомил корреспондента с подробным описанием датских орденов Слона и Даненборга со ссылкой на датского историка Голберга.

Что же касается письма XIV²² от 8 сентября, то оно было посвящено шведскому городу Карлскуна. В нем указано, что город основан в 1680 г. по распоряжению шведского короля Карла XI²³ в месте, удобном для расположения там морского порта. Большая часть города находилась на островах, соединенных с материковой частью мостом. Население его составляло 18000 жителей. Кроме того, Д. М. Головнин дал подробное описание трех шведских орденов: Бригитты, Серафимов и Амаранты.

Последнее пятнадцатое письмо²⁴, от 10 сентября, направленное «Милостивому государю» из Кронштадта, очень краткое. В нем только сообщается о строительстве в Ревеле нового адмиралтейства. О Кронштадте он ничего не пишет в надежде на скорую встречу.

В заключение можно сказать, что рукопись Д. М. Головнина представляет собой не только документ эпохи Павла I и свидетельство состояния морского флота прибалтийских держав, но носит и этнокультурный характер. Здесь представлены обычаи, нравы, культура народов, подмеченные молодым морским офицером. При этом заметим и определенную направленность сообщений Д. М. Головнина «Милостивому государю», личность которого нам не известна. Это касается, прежде всего, подробного описания всех сооружений военного назначения. В ряде писем упоминаются посланные карты, которые составлялись во время похода, и были отправлены вместе с письмами. Как

сказано, хранящийся в Библиотеке академии наук документ является памятным чистовым вариантом писем гардемарина, переписанным для памяти.

Полный текст этого документа с сохранением подлинной орфографией того времени опубликован автором статьи в издании «Вспомогательные исторические дисциплины»²⁵.

¹ Библиотека Академии наук. Рукописный отдел (далее — ОР БАН). Собрание текущих поступлений. № 1386.

² Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства). Оп. 1. Д. 91. Л. 703–704. Послужной список Морского кадетского корпуса поручика флота лейтенанта Д. М. Головнина от 15 октября 1810 г.: «1797, 15 июня — в кадеты Морского кадетского корпуса; 1799 — в гардемарины; 1801. 14.04 — в унтер-офицеры; 1801. 17.05 — в мичмана; 1806 — на вакансию подпоручика Морского корпуса; 1810.1.03 — лейтенант; 1810.7.03 — в поручики по Корпусу. На 1810 г. 27 лет. Из дворян, российской нации, греческого вероисповедания, холост. Имеет 80 крестьян муж. пола в Рязанской губернии».

³ РГАВМФ. Ф. 227 (Высочайшие повеления, рескрипты и указы). Оп. 1. Д. 73. Л. 39, 39 об.

⁴ Там же. Ф. 870 (Вахтенные и шканечные журналы). Оп. 1 Д. 2482 а. Л. 99. «Фрегат “Архипелаг”, 44-пушечный, построенный на Соломбальской верфи в Архангельске в 1789 г., корабельным мастером Порковым. Длина 141 футов по гондеку, по кил. 128 футов, ширина 38 футов, глубина посадки 19 футов 9 дюймов».

⁵ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 2482 а. Л. 8, 43 об.

⁶ Там же. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Отд. II. Д. 245. Л. 94, 95.

⁷ ОР БАН. Письма, или Описание кампании, 1800 г. на фрегате «Архипелаг». Л. 4, 5.

⁸ Там же. Л. 5 об.–9.

⁹ Там же. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 18–22.

¹¹ Король Дании Христиан VII (на троне в 1766–1808 гг.). Дом Ольденбургов.

¹² Кронпринц Фридрих, король Дании Фридрих VI (1808–1839).

¹³ ОР БАН. Письма, или Описание кампании, 1800 г. на фрегате «Архипелаг». Л. 18–22.

¹⁴ Город Киль, провинция Шлезвиг-Гольштейн, права города получил в 1242 г., член Ганзейского союза. В 1728 г. в Киле родился сын Гольштейн-Готторпского герцога Карла Фридриха и цесаревны Анны Петровны, старшей дочери Петра Великого, Карл Петер. В 1742 г. его тетка императрица Елизавета Петровна объявила его своим преемником — великим князем Петром Федоровичем. В 1745 г. Петр Федорович стал правящим герцогом Гольштейна, но управлял герцогством

его наместник. Петр Федорович вступил на российский престол в 1761 г. В 1762 г. отрекся от власти и был убит.

¹⁵ ОР БАН. Письма, или Описание кампании, 1800 г. на фрегате «Архипелаг». Л. 22 об.–24.

¹⁶ Елена Павловна (1784–1803), дочь Павла I, супруга Фридриха-Людовика, наследного герцога Мекленбург-Шверинского.

¹⁷ ОР БАН. Письма, или Описание кампании, 1800 г. на фрегате «Архипелаг». Л. 26–27.

¹⁸ Там же. Л. 28–28 об.

¹⁹ Там же. Л. 29 об.–30.

²⁰ Там же. Л. 30 об.–33 об.

²¹ Фридрих III — король Дании, на престоле в 1648–1670. Дом Ольденбургов.

²² ОР БАН. Письма, или Описание кампании, 1800 г. на фрегате «Архипелаг». Л. 34–34 об.

²³ Карлскруна, город в Швеции, основан королем Карлом I (на престоле в 1660–1697 гг.) как военно-морской порт. По величине занимал в Швеции третье место. После пожара 1790 г. был восстановлен.

²⁴ ОР БАН. Письма, или Описание кампании, 1800 г. на фрегате «Архипелаг». Л. 35.

²⁵ Письма гардемарина Д. М. Головнина // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2005. Вып. XXIX. С. 427–444.

В. В. Горелов

**ВЗГЛЯДЫ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ
НА ПРОБЛЕМУ УКРЕПЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
НА РУССКОМ ФЛОТЕ В 1907–1914 гг.**

После революционных событий 1905–1907 гг. в самом флоте возникло течение среди моряков, которые понимали необходимость и значимость преобразований на флоте. По мысли этих лиц, основой реформ должно было служить изменение отношения к нижним чинам со стороны офицеров. Проблемы духовно-нравственного характера они предлагали решать через систему образования и воспитания. Безусловно, каждый из представителей этого неформального движения видел решение этих проблем различными способами, но все они в целом сходились в одном: преобразования необходимы и их нужно проводить срочно, иначе последует взрыв.

Одним из таких представителей был вице-адмирал А. А. Ливен, участник русско-японской войны и свидетель полного разгрома армии и флота в 1905 г. Впоследствии он занимал должность начальника Морского Генерального штаба.

Первостепенное значение в усилении боеспособности флота А. А. Ливен отводил людям. Он высоко оценивал моральные качества русского человека, заложенные, по его мнению, уже самой природой, и приводил в пример события в Порт-Артуре. Не обходил стороной адмирал и личность начальника как главного фактора в поддержании боевого духа среди нижних чинов.

А. А. Ливен проводил мысль о необходимости воспитания всех военных от главнокомандующего до матроса: «...военное воспитание есть основа деятельности всякого военного от главнокомандующего до нижнего чина. Все остальные вопросы, как

образование, вооружение и снабжение, — второстепенные. Они сами собой образуются, как только воспитание станет на должную высоту. Одного взгляда на нашу организацию достаточно, чтобы убедиться, что дело воспитания в нашем флоте должно быть обставлено крайне печально»¹.

Ключевую роль, по мнению адмирала, в вопросе воспитания должна была играть история экипажа или корабля. Однако он откровенно признавал, что в российском флоте нет никаких традиций, на которых можно было бы воспитывать личный состав. Примеры героизма «столетней давности» он отвергает, так как не сохранилось ни самих кораблей, ни тех живых участников событий. Автор не без иронии описывал пример современной воспитательной работы на флоте: «На одном из судов уже во время военных действий праздновался Храмовый Праздник. За обедом адмирал, бывший командир этого корабля, произнес речь, в которой напомнил служащим, как славно они возили Его Высокопревосходительство Наместника и Его Высокопревосходительство Военного министра и заслужили благодарность. Вот чем приходится подбадривать личный состав на боевые подвиги»².

Адмирал не только описал столь неприглядное положение российского флота, но и предлагал свое мнение о том, какие должны проводиться реформы. Он выступал за увеличение числа сверхсрочных нижних чинов, особенно бывших участников русско-японской войны. Эти люди, носители истинной храбрости и героизма, и должны являть собой действенный пример в воспитании молодых матросов, а не быть «рассеянными по всей России, как дуновение ветра» после окончания войны.

Однако главным тормозом в воспитательной работе вице-адмирал считал систему частых переводов и назначений с одного корабля на другой. Из-за этого на кораблях возникала ситуация, когда офицеры не знали своих матросов, а матросы офицеров. Очень часто они относились друг к другу враждебно. Для этого автор предложил уже при спуске корабля на воду подбирать команду из нижних чинов и офицеров, которая была бы постоянной, а не переводилась потом частично на другой, новый корабль. Схожими по сути были идеи капитана 2-го ранга, преподавателя Морского кадетского корпуса И. Г. Энгельмана, который проходил службу на различных кораблях военно-морского флота. Основная мысль заключалась в том, что офицер должен быть

уважаем нижними чинами не по закону, а по своим нравственным качествам и авторитету. Именно поэтому отношение офицеров к служебному долгу должно быть безупречным.

Базой нравственного воспитания, по мнению И. Г. Энгельмана, должна служить религия, которая способствует укреплению боевого духа и товарищества между нижними чинами и офицерами на основании общей религии. Одновременно автор проводил мысль о равенстве в наказаниях между офицерами и матросами и ставил в пример проблему пьянства на флоте: «...если какой-либо Иванов или Сидоров из нижних чинов, будучи в кои веки раз уволен со двора, явится пьяным или наскандалит, то он наказывался по всей строгости законов...», в то время как «компании офицеров предавались кутежам, которые считались чуть ли не доблестью и необходимой привилегией офицерского звания»³. Более того, И. Г. Энгельман утверждал идею не только о равенстве в наказаниях, но и считал необходимым усилить наказание за проступок для чинов старших по званию. Так же как и А. А. Ливен, И. Г. Энгельман писал о бесполезности воспитания нижних чинов примерами подвигов давнего прошлого: «Былая слава и честь не воспламеняют воображения современных нижних чинов, и очень часто в них заметно или недоверчивое или критическое отношение к былому»⁴.

Главным тормозом в развитии системы воспитания он видел сложившуюся структуру в отношении к нижним чинам. Автор доказывал абсурдность существующего положения. В то время как матросам рассказывается о почетности их звания, на деле они ограничиваются в самых элементарных правах, как-то: запреты на посещение театров, общественных садов, курение на улице и многое другое. Автор предлагал создавать так называемые «солдатские» и «матросские дома», в которых и будут проводиться различные мероприятия духовно-нравственного и просветительского значения. Кроме того, он считал необходимым начать издание журналов специально для солдат и матросов.

Другой морской офицер, лейтенант, а в дальнейшем адмирал и морской министр Временного правительства Д. Н. Вердеревский в своей работе «Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению» проанализировал историю развития взаимоотношений со времени парусного флота до его современного состояния. Автор изначально констатировал факт, что

«теперь нет и помина, намек на какую-либо связь офицеров с командами; это факт — матросы — одно неведомое царство; офицеры — другое, и эти два царства разделены между собой высокой стеной духовного непонимания и неуважения, чтобы не сказать хуже»⁵.

Основной причиной этого состояния он видит развитие техники с конца 80-х гг. XIX в., когда «устройства первых броненосцев... были бесконечно сложнее и разнообразнее, чем деревянные корабли и фрегаты... а главное, способы управления этими новыми судами совершенно не походили на прежние»⁶. Вследствие этого «нижние чины скоро поняли свою важность для дела на судах и... смотрели на офицеров с высоты положительного знания, с оттенком легкой насмешки, покровительственно, т. е. произошло как раз обратное тому, что было в эпоху парусного флота, где офицер всегда являлся носителем высшего знания»⁷.

В то же время процесс обучения совершенно не изменился в Морском корпусе, и офицеры, которых там готовили, выходили с уже устаревшими и не пригодными для дальнейшей службы знаниями. Также он считал неприемлемым и нерациональным обучение матросов на берегу по совершенно одинаковому плану с солдатами. В итоге матросы являются на корабль «совершенно не подготовленными к предстоящей им деятельности, и уяснение основ собственно военно-морской дисциплины происходит уже чисто практически, основываясь более на репрессиях за нарушения требований службы, чем на сознательном понимании разумности этих требований»⁸. В этом автор видел первый виток появляющегося недовольства между матросами и офицерами и их взаимной отчужденности. Основным средством к укреплению дисциплины во флоте автор считал не репрессивные меры, а сознательное усвоение матросом основ воинской дисциплины. Для этого в первую очередь должны быть созданы условия к постоянству команды. При этом «обучение молодых матросов и их основное воинское воспитание отнюдь не должно происходить на берегу, по планам, выработанным в армии, — они должны поступать прямо на корабль, в ту обстановку, сущность и значение которой им предстоит понять»⁹.

По мнению автора, именно таким образом можно добиться цели укрепления воспитания и дисциплинированности нижних чинов. В дальнейшем, с 1908 г., эти рекомендации были учтены и матросы стали сразу распределяться на корабли флота.

Схожие проблемы в области поддержания дисциплины на флоте описывал в своих воспоминаниях и другой офицер императорского флота Владимир Белли. Одной из главных причин этого он, как и Д. Н. Вердеревский, считал сохранение старой системы взаимоотношений между офицерами и матросами при изменившихся условиях службы на кораблях, вызванных техническим прогрессом.

Эта тема получила широкое распространение и в морской периодике того времени. Каждый год в «Морском сборнике» появлялось несколько статей, затрагивающих воспитательную деятельность среди нижних чинов. Постоянно поднимались вопросы укрепления дисциплины на флоте и влияния духовенства на этот процесс. Авторы предлагали самые разнообразные решения этих проблем. Одни — изменить систему комплектования флота, другие — реформировать процесс обучения нижних чинов, третьи — преобразовать систему обучения в Морском корпусе, уничтожить его сословный, закрытый характер и самим офицерам непосредственно заниматься воспитательной работой с матросами.

Порой эти мысли высказывались не по отдельности, а в комплексе предлагались проекты реформирования системы обучения и воспитания нижних чинов. В основном все эти проекты сводились к одному: для нормального существования и дальнейшего развития отечественных военно-морских сил необходимы комплексные изменения в области воспитания, обучения и укрепления дисциплины, так как таковая система как целый комплекс мероприятий отсутствовала. Кроме того, указывалось на необходимость пересмотра взаимоотношений между нижними чинами и офицерами. Многие офицеры одним из основных факторов такой бессистемной работы в области подготовки нижних чинов и их слабого воспитания считали как раз деятельность своих коллег-офицеров, а точнее, всякое отсутствие желания заниматься своей работой: «...никакой такой особой энергии личный состав не прилагал, до войны, к изучению военно-морского искусства, а напротив, в целом совершенно им не интересовался, живя жизнью, помыслами и идеалами весьма далекими от специфической военной окраски»¹⁰.

Подобного рода тезисы появлялись и в публикациях «Военного сборника». Большой отклик проблема сложившейся системы воспитания и дисциплины получила в журнале «Разведчик». Многие офицеры стабильное падение дисциплины на флоте

видели и в системе отдыха нижних чинов. Вот что пишет один из офицеров по этому поводу: «Каждый спуск команды на берег изобилует немалым количеством случаев, определенно указывающих на то, что наши нижние чины ведут себя (в массе) далеко не удовлетворительно. Обилие пьяных, небрежное отдание чести, распущенный вид, драки и бесчинства становятся теперь явлениями заурядными и как будто перестают кого бы то ни было удивлять и возмущать»¹¹. Главным виновником такого положения дел автор видел саму систему организации отдыха матросов в городах, где базировались основные силы военного флота.

Одним из залогов хорошей дисциплины служат законы и уважение к ним. Таково было общее мнение дореволюционных моряков. Однако на практике уважение к законам проявлялось лишь с чисто внешней стороны. Показательно отношение к Морскому уставу самих военно-морских офицеров: «Судьба Морского устава у нас какая-то незадачливая — в 80-х годах его не исполняли потому, что он уже окончательно устарел... в 90-х годах переделали... но переделка эта почти не затронула того, что переделывалось... а потому Морской устав вообще мирно покоился на соответствующих полках, появляясь на свет Божий обыкновенно тогда, когда по воскресеньям, после обедни, он читался начальством команде, стоящей с обнаженными головами, читался как будто для того, чтобы команда ясно могла понять, до какой степени просто и легко устава не исполнять»¹².

Анализируя эти факты, можно утверждать, что в российском военно-морском флоте в это время по-прежнему преобладала формальная сторона поддержания дисциплины, существовала лишь ее внешняя видимость, а внутренние противоречия между нижними чинами и офицерами были по-прежнему очень острыми.

Некоторые офицеры открыто утверждали, что роль Церкви в поддержании дисциплины и воспитании нижних чинов незначительна. Многие из них считали, что ко времени прихода на военную службу новобранцы уже имеют свой характер, стереотипы мышления и взгляды на жизнь и изменить их в период службы практически не возможно.

Изучая проблему воспитания нижних чинов на флоте в 1907–1914 гг. можно сделать следующие выводы. В исследуемый период не сложилось системы воспитания нижних чинов, как целого комплекса мер, охватывавшего все стороны жизни

и службы матроса. Попытки по-прежнему использовать церковь как основной институт в деле воспитания нижних чинов оказались недостаточными. Система поддержания «внешней дисциплины», которая культивировалась до 1905 г., также обанкротилась и дала сбой во время революции 1905–1907 гг. Итог такой внешней дисциплины был печальным — полный антагонизм между офицерами и матросами.

В исследуемый период так и не было создано какого-либо централизованного органа, координирующего воспитательную работу с нижними чинами флота. Многочисленные публикации говорят о том, что офицеры в основном только констатировали разного рода проблемы, возникшие на флоте. Однако у самих офицеров не было единого мнения на то, как преодолеть эти проблемы, так как сам офицерский корпус был болен «болезнью воли и отсутствием импульсов»¹³. Во многом эта болезнь была следствием той же «внешней стороны» дисциплины, которая требовалась и от офицеров.

Отрицательную роль в процессе воспитания играли многочисленные запреты для нижних чинов в обычной, повседневной жизни, например посещать общественные сады и парки, обязательно ходить по определенной стороне улицы и ряд других.

Бедственное положение ветеранов прошедшей русско-японской войны также не способствовало развитию «патриотического воспитания и сознания», о котором так часто упоминают некоторые современные исследователи. «Наше драгоценное достояние этой войны, люди, сражавшиеся в Порт-Артуре и под Цусимой, испытанные и показавшие себя, рассеяны по всей России как дуновением ветра. Наши Георгиевские кресты в лучшем случае подают пальто в швейцарской, а в худшем христарадничают на улицах...»¹⁴

Отсутствие традиций на флоте окончательно сводило на нет любые попытки активной воспитательной работы с нижними чинами из-за постоянной смены офицерами и нижними чинами кораблей и экипажей.

Сохранявшаяся старая система взаимоотношений между офицерами и нижними чинами гарантировала только лишь внешние признаки воинской дисциплины, которые таили в себе один из источников будущего недовольства. А. А. Ливен пророчески заметил: «В случае крупных беспорядков флот не представляет опоры для правительства, а добавочную опасность»¹⁵.

После революционных потрясений 1905–1907 гг. стало очевидным, что старые методы поддержания дисциплины и воспитания нижних чинов дали сбой и демонстрировали лишь внешнее сохранение порядка. Перед руководством флота встала задача обновить не только материальную часть флота, но и активизировать воспитательную деятельность. Однако никаких серьезных шагов в этом отношении сделано не было. Инициатива изменения воспитательных процессов на флоте исходила снизу, от самих офицеров. Характерной особенностью деятельности офицеров в области воспитания нижних чинов было разнообразие взглядов и абсолютная хаотичность в действиях. В это время зарождались лишь основы воспитательной деятельности на флоте, формировались различные взгляды на ее роль и место в общей системе военной службы. Однако до 1914 г. никаких существенных изменений в этой области сделано не было, так как сама проблема усложнившегося процесса воспитания нижних чинов не была должным образом понята и оценена на высшем уровне, а отдельные попытки некоторых офицеров не могли привести к серьезным, значимым результатам на всем флоте в целом.

¹ Ливен А. А. Дух и дисциплина нашего флота. СПб., 1908. С. 61–62.

² Там же. С. 64.

³ Энгельман И. Г. Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908. С. 183.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Вердеревский Д. Н. Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению. СПб., 1907. С. 3.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 174.

⁹ Там же.

¹⁰ Вердеревский Д. Н. О воинском воспитании // Морской сборник. 1909. № 1. С. 48–49.

¹¹ А. С-ъ. К вопросу об упорядочении командной гулянки на берегу // Морской сборник. 1914. № 3. С. 43.

¹² Вердеревский Д. Н. Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению. СПб., 1907. С. 76.

¹³ Вердеревский Д. Н. О воинском воспитании // Морской сборник. 1909. № 1. С. 49.

¹⁴ Ливен А. А. Дух и дисциплина нашего флота. СПб., 1908. С. 74.

¹⁵ Там же. С. 123.

П. В. Петров

**СОСТОЯНИЕ КОМАНДНЫХ КАДРОВ
НА КРАСНОЗНАМЕННОМ БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ
В 1935 — НАЧАЛЕ 1941 г.**

Период с середины 1930-х годов до 1941 г. стал временем необычайно бурного роста Военно-Морских Сил РККА (с декабря 1937 г. — Рабоче-Крестьянского Красного флота), которые получали на вооружение новейшие крейсера, лидеры, эсминцы, сторожевые корабли, тральщики, подводные лодки. Значительно усилились военно-воздушные силы флота, получившие большое количество новых типов боевых самолетов. Активно строились новые и расширялись уже имевшиеся военно-морские базы, совершенствовалась система береговой и противовоздушной обороны флота. В составе флота впервые за советское время появилась морская пехота. Всё это требовало огромного количества командных кадров, потребности в которых и так носили завышенный характер.

Поэтому неудивительно, что в период с середины 1930-х гг. по 1941 г. численность командного состава РККФ выросла весьма значительно. Если на 1 января 1937 г. штатная численность командиров и начальников в военно-морских сил РККА составляла 13,5 тыс. человек, на 1 января 1938 г. — 19,5 тыс. человек, то на 1 октября 1939 г. — 28753 человека, на 1 декабря 1940 г. — уже 35977 человек. На 1 февраля 1941 г. она достигла 40662 чел.¹ Иными словами, всего за четыре года количество командиров, начальников и политработников на флоте увеличилось в 3 раза! Естественно, что такие потребности быстро растущего флота в командном составе крайне трудно было покрывать, несмотря на все усилия высшего военно-политического руководства.

Уже в 1935 г. на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР была поднята проблема сильного омоложения командных

кадров флота. Начальник Военно-Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов в своем докладе неоднократно отмечал, что командные кадры на флотах достаточно молодые и неопытные и нуждаются в серьезной морской тренировке². Командующий Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер посетовал на то обстоятельство, что «в связи с ростом флота продвижение по службе наших командиров является чрезвычайно быстрым»³. Он особо отмечал, что большинство командиров подлодок типа «Малютка» на Балтийском море еще очень молодые и окончили военно-морские училища в 1931–1933 гг.⁴

На протяжении всего 1936 г. КБФ испытывал хронический недостаток командиров для формируемых соединений и частей флота, и в первую очередь морской авиации и подводных лодок. (Это и неудивительно, ибо в течение года количество подлодок на Балтике увеличилось сразу в 3 раза!⁵) В частности, командующий военно-воздушными силами КБФ флагман 2-го ранга Г. П. Галкин в своем докладе командованию флота от 3 июня 1936 г. отмечал, что «части ВВС на 50 % не укомплектованы летчиками-наблюдателями, что мешает возможности отрабатывать экипажи», и просил 3-й отдел Управления Морских Сил РККА срочно покрыть данный некомплект⁶. Командующий КБФ флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер в своем докладе начальнику Военно-Морских Сил РККА флагману флота 1-го ранга В. М. Орлову от 4 июля 1936 г. сообщал об острой нехватке командиров дивизионов подлодок на Балтике: «...на Балтийском флоте в настоящее время никто командиром дивизиона назначен быть не может. На 2 дивизионах “Щук” уже и так не хватает командиров дивизионов»⁷. При оценке действий флота в ходе учебно-боевой операции № 1, проходившей в конце сентября — начале октября 1936 г., командующий КБФ А. К. Сивков в своем письме наркому обороны К. Е. Ворошилову посетовал на молодость командных кадров и на «сильное разворачивание сил и средств КБФ»⁸.

В следующем 1937 г. ситуация с командными кадрами на Балтике продолжала оставаться крайне напряженной. Флот интенсивно рос, а командиров для него не хватало, что вынуждало руководство КБФ выдвигать на вышестоящие должности в большом количестве молодых командиров, еще не успевших получить соответствующий опыт. В связи с этим тревожным явлением в «Отчете по боевой подготовке КБФ с 1.01 по 20.10.37» Военным советом Балтийского флота указывалось, что, «руководствуясь указаниями наркома о вы-

движении достойных молодых командиров на высшие должности, за последнее время назначено с продвижением около 700 человек и подготовлено в ближайшее время более 200 человек»⁹.

С целью повышения квалификации этих командиров были посланы на учебу в военные академии и различные курсы усовершенствования командно-начальствующего состава более 200 человек. Тем не менее в отчете пришлось констатировать, что «к настоящему времени по флоту и ВВС имеется некомплект комначсостава 2230 человек»¹⁰. В частности, в надводном флоте некомплект достигал 40 %, в подводном флоте — 24 %, в укрепленных районах — 40 %, в портах — 30 %¹¹. Поскольку пополнение из военных училищ и академий не покрывало имевшегося некомплекта, с целью быстрейшего его преодоления Военный Совет КБФ предпринял дополнительные меры: организовал курсы младших лейтенантов и воентехников на 300 человек, а также краткосрочные курсы подготовки начсостава административно-хозяйственной службы на 60 человек. Кроме того, на курсах политруков обучалось еще 60 человек¹².

Выражая общую тревогу по поводу сложившейся ситуации с кадрами, член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин вполне откровенно заявил на Военном Совете РККА в ноябре 1937 г.: «...я прямо говорю, что не вижу тех мероприятий, которые бы в полной мере обеспечили ликвидацию этого некомплекта, по крайней мере на ближайшие 2–3 года. А мы знаем, что у нас в перспективе огромный рост флота. Те мероприятия, которые намечаются, не могут нас устраивать. В частности, указания УВМС об организации двухгодичных курсов по подготовке младших лейтенантов не могут нас удовлетворить. Мы такими темпами подготовки младших лейтенантов просто не сумеем ликвидировать некомплект, у нас он сегодня уже выражается в 2300 человек, а в перспективе бурный рост флота»¹³.

Впрочем, начальник Военно-Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга М. В. Викторов не разделял тревоги члена Военного Совета КБФ А. А. Булышкина, считая, что «выход у нас намечен». Он сообщил присутствующим, что на Балтике уже получили новые назначения 309 новых командиров¹⁴. Более того, по словам Викторова, в дальнейшем не предвиделось серьезных проблем с командными кадрами: «...Вскоре будет выпущено еще, а в июне месяце 1938 г. будет сделан ускоренный выпуск. В июне месяце 1938 г. мы некомплект по комсоставу почти полностью сведем на нет. У нас останется

большой некомплект по административно-хозяйственному составу и отчасти по техническому составу...»¹⁵. Однако нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов не столь оптимистично смотрел на реальное положение дел и признавал, что «дело с кадрами на флотах обстоит очень плохо». Поэтому он призывал немедленно предпринять большие и серьезные меры к тому, чтобы «рост кадров не отставал от роста материальных сил морского флота»¹⁶.

В 1938 г. ситуация с командными кадрами на КБФ продолжала оставаться крайне напряженной. Согласно «Отчету по боевой подготовке Краснознаменного Балтийского флота 1.01–1.10.1938 г.», на Балтийском флоте наблюдалось «почти полное обновление командно-политического состава (на КБФ 93 командира соединений и кораблей и 47 командиров частей БО командуют по первому году)»¹⁷. Некомплект командно-начальствующего состава на флоте осенью 1938 г. составил: по плавсоставу — 531 человек, по укрепленным районам — 225 человек, штабных работников — 49 человек (в том числе 12 начальников штабов). Кроме того, Краснознаменному Балтийскому флоту пришлось выделить 206 командиров для других флотов, а также в наркомат ВМФ¹⁸.

В 1939 г. продолжалось интенсивное формирование новых соединений Краснознаменного Балтийского флота (Эскадра, 1-я и 2-я бригады эсминцев, Отряд легких сил, Охрана водного района, Отдельная специальная стрелковая бригада, Дивизион канонерских лодок, Ладожская военная флотилия, 8-я и 9-я авиационные бригады ВВС КБФ и другие части), что соответственно потребовало большого количества командиров и краснофлотцев. В итоге в июне 1939 г. общий некомплект по соединениям флота, военно-воздушным силам и отдельной специальной стрелковой бригаде КБФ выразился в 9700 человек¹⁹.

Перед началом советско-финляндской войны Краснознаменный Балтийский флот все еще продолжал испытывать ощутимый некомплект в командном составе. В период мобилизации на КБФ в сентябре 1939 г. все соединения флота были укомплектованы по нормам военного времени. Было призвано из запаса сразу 1742 человека. С началом советско-финляндской войны на Балтике были вновь сформированы 117 частей береговой обороны и боевых кораблей, а также развернуто до штатов военного времени еще 137 частей и кораблей. В начале войны с Финляндией на КБФ было призвано еще 16929 человек²⁰. Списочная численность личного состава Балтийского флота в октябре 1939 г. достигла 61105 человек²¹. Все

это серьезно обострило и без того непростую проблему обеспечения командными кадрами соединений и частей Балтийского флота.

Неудивительно, что к 8 октября 1939 г. нехватка командного состава на КБФ составляла 573 человека (20 %), а начальствующего состава — 857 человек (30 %) ²². В первую очередь не хватало командиров в подводном флоте — 95 человек (26,6 %), а также в надводном флоте — 307 человек (20 %) ²³. По категориям командного состава, в надводных силах недоставало следующих: командиров крейсеров и их помощников 9 человек (64 %), командиров лидеров, эсминцев и их помощников 15 человек (24 %), командиров тральщиков и их помощников 29 человек (56 %), командиров сторожевых кораблей и их помощников 7 человек (41 %). Подводные силы также испытывали ощутимый недостаток в командных кадрах: требовалось 10 командиров больших подлодок (36 %) и 23 командира средних лодок (30 %). Ощущалась также острая нехватка значительного количества специалистов — 22 артиллеристов для штабов и соединений надводных кораблей (20 %), 23 минеров для кораблей и судов охраны водного района (31 %), 26 штурманов (32 %) и 22 минеров (38 %) для подводных лодок ²⁴. Наибольшую нужду КБФ испытывал в инженерно-техническом составе (некомплект — 401 человек, что составляло 28 %) и в административно-хозяйственном составе (некомплект 333 человека, что составило 40 %) ²⁵.

Надо заметить, что аналогичная ситуация с обеспечением кадрами наблюдалась и в следующем, 1940 г., когда Краснознаменный Балтийский флот интенсивно рос и развивался, осваивая новые для себя плацдармы в Эстонии и Латвии. Всего в период с 1 января по 1 декабря 1940 г. на Балтике было сформировано 245 новых частей и кораблей с общей численностью 42294 человека. Причем формирования шли ежемесячно, в среднем по 20–25 частей. Наибольшее количество новых формирований пришлось на наиболее напряженный летний период боевой подготовки флота (май — июль 1940 г.), когда ежемесячно формировалось по 28–30 (!) частей. В частности, было построено и находилось в стадии строительства 50 береговых батарей всех калибров. Наконец, формирование сразу четырех штабов новых военноморских баз вызвало, по словам командующего КБФ В. Ф. Трибуца, «уже сильное разжижение штабных командиров» ²⁶.

В итоге в декабре 1940 г. Краснознаменный Балтийский флот вновь продолжал ощущать значительный некомплект командно-начальствующего состава всех специальностей, который выражался

в 2240 человек по флоту, береговой обороне и тылам. Это составляло 25,5 % к штатной численности начсостава КБФ. В надводном флоте не хватало 470 человек (21,3 %), в подводном — 140 человек (20,8 %). В надводных силах некомплект в первую очередь был за счет штурманов, минеров и механиков-дизелистов²⁷. Довольно серьезной была нехватка кадров в Береговой обороне, где не хватало 550 человек, что составляло 27 % от штатов, и в зенитно-артиллерийских частях (43 %) ²⁸. Кроме того, КБФ в 1940 году был вынужден обеспечивать формирования по отправке кораблей на другие флоты, что потребовало от него выделения еще 66 командиров и начальников²⁹.

Несмотря на предпринятые командованием флота значительные усилия, проблема нехватки командных кадров плавно перешла и на следующий 1941 г. На 21 января на Краснознаменном Балтийском флоте общий некомплект по частям флота, береговой обороны и тыла выражался в сумме 2421 человек, что составляло 30,6 % от всей штатной численности командсостава³⁰. Иными словами, положение с кадрами по сравнению с концом 1940 г. еще ухудшилось. Надводный флот нуждался в 364 командирах и начальниках (26 %), подводный флот — в 182 командирах и начальниках (31 %). В надводном и подводном флоте некомплект командно-начальствующего состава (КНС) происходил в первую очередь за счет минеров — 100 человек, механиков — 136 человек, артиллеристов — 79 человек и штурманов — 50 человек³¹. В каждом втором экипаже подводных лодок отсутствовали штурманы, в каждом третьем — командиры боевых минно-торпедных частей (БЧ-3)³². Довольно крупный некомплект КНС имелся в Береговой обороне, составлявший 1100 человек, или 39,3 %.

Не только соединения, части и различные службы КБФ испытывали хронический некомплект командиров; даже высшие штабы не были полностью укомплектованы личным составом. Например, штаб флота имел по штату 97 человек, а по списку 84, то есть некомплект составлял 13,4 %. Остальные штабы на флоте также были не полностью укомплектованы: штаб эскадры — на 9 %, штаб 1-й бригады подлодок — на 6 %, штаб 2-й БПЛ — на 17,6 %, штаб Кронштадтской военно-морской базы — на 12,5 %, штаб Либавской военно-морской базы — на 13,6 %³³.

Объясняя столь тяжелое положение с командными кадрами, начальник 2-го отдела Организационно-строевого управления КБФ капитан-лейтенант Недодаев указывал на принципиально важный

момент: «...Штатная численность начальствующего состава к концу 1940 г. увеличилась на 550 единиц, тогда как начальствующего состава получено на флот (имея в виду все источники пополнения) только 580 человек, таким образом, поступление начальствующего состава на флот покрывает только прирост, не говоря уже о покрытии некомплекта, имеющегося на флоте, это обстоятельство объясняется большим ростом надводных и подводных кораблей, береговых батарей и стрелковых частей нашего флота»³⁴. Итак, указано на принципиально важный момент: имевшийся некомплект командиров и начальников не покрывался и сохранялся к концу текущего года, а затем переходил на следующий год по причине того, что текущее производство командных кадров просто не поспевало за резким ростом флота.

Столь огромная потребность флота в командирах объяснялась также характерными особенностями Вооруженных Сил СССР. А именно, в Рабоче-Крестьянском Красном флоте (как, впрочем, и в Красной Армии) на протяжении 1920–1930-х гг. острейшим образом не хватало прослойки опытных, хорошо подготовленных младших командиров (старшин и отделенных командиров). Дело в том, что практически все старые специалисты (кондукторы и унтер-офицеры), служившие в российском императорском флоте, после гражданской войны покинули флот по разным причинам. Образовавшаяся пустота так и не была заполнена соответствующими по подготовке и опыту службы специалистами уже нового Рабоче-Крестьянского Красного флота. Пришедшие на смену старым специалистам российского императорского флота младшие командиры так и не смогли заменить их в полной мере. Как правило, младшие командиры флота были сравнительно неплохими техническими специалистами, но откровенно слабыми строевыми командирами. Необходимо отметить, что учебе краснофлотцев в школах младшего комсостава уделялось недостаточно внимания, поэтому данная насущная проблема не решалась долгие годы.

Ситуация с подготовкой младшего комсостава в ВМС РККА не являлась секретом для зарубежных армий, которые были хорошо осведомлены о состоянии обучения личного состава флота. В разведывательном обзоре 2-го отдела главного штаба польской армии, составленном в начале 1930-х гг. и посвященном состоянию береговой обороны Кронштадтской крепости, говорилось о том, что «младший комсостав (начальники отделений, орудийные начальники) не вполне соответствуют своему назначению; многие из них были еще недавно

простые красноармейцы»³⁵. По поводу подготовки большинства артиллерийских специалистов было отмечено, что «многие имеют слабую подготовку», которые, будучи мастерами с заводов, лишь недавно были выдвинуты на ответственные посты³⁶.

В ходе заседания Военного Совета РККА при наркомате обороны СССР 22 ноября 1937 г. данную проблему затронул член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин, заявивший, что «самым слабым звеном являются младшие командиры»³⁷. Основным их недостатком, как считал Булышкин, было неумение командовать небольшими подразделениями. Выход из положения виделся члену Военного совета флота в проведении в зимнее время сборов строевого характера, на которых предполагалось тренировать младших командиров. При этом А. А. Булышкин привел в качестве примера российский императорский флот, располагавший хорошими кадрами унтер-офицеров, которых, по его словам, «готовили неплохо»³⁸. Впрочем, это выступление не имело каких-либо серьезных оргвыводов, ибо скоро Булышкин был арестован как «враг народа» и исключен из рядов РККФ.

В своем докладе на сборе командующих флотами в декабре 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов поведал присутствующим, каким же образом решалась эта проблема на флотах: «О роли младшего командира, о его значении в системе наших Вооруженных Сил, говорилось и писалось много. Все признают исключительную роль такой фигуры, как младшего командира, в деле боевой подготовки и в руководстве личным составом, а делается в этом отношении очень мало. Можно сказать даже больше, почти ничего не делалось в том отношении, чтобы подготовить младшего командира, чтобы иметь настоящего младшего командира во флоте...»³⁹ Этому способствовало также и несерьезное отношение большинства командиров соединений и кораблей к посылке на учебу краснофлотцев для подготовки из них младших командиров. Чаще всего посылались в школы малограмотные и недисциплинированные матросы, от которых командиры хотели избавиться. Причиной тому было нежелание расставаться с грамотными специалистами, которые оставались на прежних местах. Кроме того, командование флотов даже не знало реальной потребности флота в младших командирах, и всячески занижало ее. В результате такого безалаберного отношения к делу на 1 октября 1940 г. некомплект младших командиров в РККФ

составлял 20 тыс. человек (!). В том числе на Балтике не хватало 719 старшин и 1217 командиров отделений⁴⁰.

В итоге функции младших командиров был вынужден брать на себя средний командно-начальствующий состав флота, который и сам толком не был обучен всему необходимому. Следовательно, основная нагрузка приходилась на командиров среднего звена, причем даже на тех должностях, где вполне могли бы справиться и младшие командиры. Отсюда и возникали столь огромные, раздутые потребности флота в командно-начальствующем составе, которого тем не менее все время не хватало.

Еще одним фактором, оказывавшим большое влияние на подготовку командиров КБФ, был уровень образования подавляющей части командиров. Здесь ситуация была просто неудовлетворительной. Количество командиров с академическим образованием (Военно-Морская академия или Военно-транспортная академия) исчислялось единицами, которых не хватало даже для крупных штабов, не говоря уже об основных соединениях надводных кораблей и подлодок Краснознаменного Балтийского флота. Основная масса командиров и начальников КБФ закончила лишь курс военно-морских училищ или Высшие специальные курсы комсостава РККФ (ВСК). Впрочем, были и такие командиры, которые имели за плечами лишь командирские курсы (по сути, первичное образование) или вообще не имели военного образования. В штабе КБФ по состоянию на начало марта 1941 г. из 84 командиров закончили курс обучения в ВМА и ВТА 9 человек (11 %), Высшие специальные курсы ВМФ — 39 человек (46 %), различные военно-морские училища и училища РККА — 17 человек (20 %), командирские курсы — 6 человек (7 %) и совсем не имели образования (!) — 13 человек (15 %)⁴¹. Нельзя не заметить, что 19 человек (то есть 22 %) вообще не должны были работать в штабе такого уровня, так как не обладали достаточным для этого образованием.

Довольно показательная картина вырисовывается, если рассмотреть образовательный уровень командно-начальствующего состава РККФ в начале 1941 г. В категории среднего командно-начальствующего состава флота (звания от младшего лейтенанта до капитан-лейтенанта) было лиц с высшим образованием 3345 человек (21 %), со средним образованием 6519 человек (40,5 %), с неполным средним 3893 человек (24 %) и с начальным 2326 человек (14,5 %)⁴².

Таким образом, около 40 % командиров явно не соответствовали по своему образовательному уровню занимаемым должностям.

В категории старшего командно-начальствующего начсостава (звания от капитана 3-го ранга до капитана 1-го ранга) ситуация выглядела значительно лучше: 4386 человек с высшим образованием (49 %), 2685 человек (30,5 %) — со средним, 1123 человека (12,5 %) — с неполным средним и 687 человек (8 %) — с начальным⁴³. Итак, здесь уже только 20 % командиров имели недостаточное образование.

Наконец, в самой высокой категории — высшего командного состава ВМФ (звания от флагмана 2-го ранга до флагмана флота 1-го ранга) — положение выглядело следующим образом: 69 человек с высшим образованием (71 %) и 28 человек со средним образованием (29 %)⁴⁴. И здесь положение выглядит не вполне удовлетворительно — лица с такими высокими воинскими званиями должны были все иметь высшее образование.

Основная масса флагманов и командиров имела достаточно небольшой опыт службы: в штабах и управлениях КБФ половина специалистов находились в должностях не более 1 года⁴⁵. Большим отрицательным моментом было отсутствие фактора преемственности службы командиров в российском императорском флоте и Рабоче-Крестьянском Красном флоте. Из всего старшего и высшего командно-начальствующего состава КБФ перед войной лишь 4 адмирала и офицера имели командный опыт периода Первой мировой войны в офицерских чинах⁴⁶. Практически все лица командного состава Краснознаменного Балтийского флота были новыми людьми, пришедшими на флот в 1920–1930-х гг.

В результате можно сказать, что стремительный рост Краснознаменного Балтийского флота во второй половине 1930-х гг. носил во многом количественный, нежели качественный, характер. Иными словами, серьезный технический рост флота не подкреплялся ростом квалификации и уровня боевой подготовки его личного состава. В первую очередь это касалось командно-начальствующего состава флота всех уровней. Напротив, на протяжении всей второй половины 1930-х гг. на всех флотах и флотилиях явно наблюдалось весьма неутешительное положение с оперативной и тактической подготовкой командного состава флота. На должности командиров и начальников КБФ, численность которых резко увеличилась в середине 1930-х — начале 1941 г., в основном при-

ходили недостаточно подготовленные люди. Причина подобного положения дел крылась отнюдь не в политических репрессиях, как это часто утверждается, а в откровенно плохой подготовке командиров в системе военно-морских учебных заведений страны и непродуманной кадровой политике.

Так, создатели авторитетного труда о командных кадрах Балтийского флота совершенно справедливо написали, что «репрессии носили выборочный характер», а на стабильность военных кадров «оказывала сильное влияние практика частых служебных перемещений и организационно-штатных изменений частей и соединений»⁴⁷. С этим тезисом нельзя не согласиться, ибо кадровая политика в вооруженных силах СССР действительно носила непродуманный характер, в результате чего на многие ответственные должности зачастую назначались неподготовленные командиры. Причина подобного явления крылась в том, что высшее военное руководство подходило к проблеме назначения командиров флота не с сугубо профессиональной, а скорее с партийно-политической стороны, ориентируясь на анкетные данные людей.

¹ Русский архив: Великая Отечественная: накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1–2). М., 1997. С. 375; Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 372.

² Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 70–71.

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же.

⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. М., 2009. С. 290.

⁶ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 3. Д. 212. Л. 66.

⁷ Там же. Л. 84.

⁸ Там же. Ф. Р-307. Оп. 4. Д. 24. Л. 9 об.

⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 4; Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 141.

¹² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 5. Д. 72. Л. 4. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

¹³ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 141.

- ¹⁴ Там же. С. 197.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 322.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 254. Л. 3.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Д. 14. Л. 419.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 2. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 69.
- ²¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 95. Л. 243–244, 247–250.
- ²² Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 118. Л. 3.
- ²³ Там же. Л. 3, 7–8.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 118. Л. 5–6, 8.
- ²⁵ Там же. Л. 13–14.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 136; Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. М., 1973. С. 6.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 137.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 139, 140.
- ³⁰ Центральный Военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 161. Оп. 6. Д. 140. Л. 23.
- ³¹ Там же. Л. 23.
- ³² *Масягин В. П., Якимов С. А.* Офицеры Балтийского флота. СПб., 2003. С. 65.
- ³³ Там же. С. 73.
- ³⁴ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д. 140. Л. 24.
- ³⁵ Centralne Archiwum Wojskowe (CAW), Oddzial II Sztabu Głownego. Sygn. I.303.4.2048.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. С. 142.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Русский архив: Великая Отечественная: накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1–2). С. 379.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Офицеры Балтийского флота. С. 73. По другим данным, из 72 командиров штаба КБФ лишь 6 человек закончили Военно-морскую академию (см.: *Доценко В. Д.* История военно-морского искусства. В 4 т. Т. III. СПб., 2002. С. 199).
- ⁴² Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 341–342.
- ⁴³ Там же. С. 341.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Масягин В. П., Якимов С. А.* Офицеры Балтийского флота. С. 65.
- ⁴⁶ Там же. С. 65–66.
- ⁴⁷ Там же. С. 65.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ,
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ**

В. Е. Возгрин

**БАЛТИЙСКИЙ МИР —
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

Термин «Балтийский мир» отражает реальность существования некой общности стран и народов огромного региона. Эта общность, сложившаяся исторически, осознается на различных уровнях — от индивидуального сознания до закрепления ее в форме международных организаций, создание которых в Новейшее время стало необходимым для дальнейшего культурного, политического и экономического сосуществования стран региона. Прежде всего, это относится к деятельности таких организаций, как Совет государств Балтийского моря (11 стран-сочленов), Союз балтийских городов, международную Комиссию по охране морской среды Балтийского моря (ХЕЛКОМ), Совет министров северных стран и т. д. Эти и иные организации, а также правительства северных стран добились значительных успехов. Существуют общие паспортная (визовая) зона, рабочий рынок и система высшего образования, работает Северный инвестиционный банк и балтийский Закон по охране окружающей среды, широко разветвилось культурное сотрудничество и система литературных, музыкальных, многих других премий и т. п. Можно уже также не говорить о международных научных и литературных изданиях, коллективных монографиях и сборниках, периодических публикациях, одной из которых являются Материалы ежегодной

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время» (Темплан НИР, Мероприятие 2. Шифр ИАС 5.38.62.2011).

международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Все эти реалии давно известны, они уже настолько привычны, что мы, жители Балтийского побережья, воспринимаем их как нечто абсолютно естественное. На самом деле сложившуюся в регионе ситуацию, отражающую факт многоплановой интеграции стран региона, следует признать редкой, чуть ли не уникальной. И если мы обратимся к геополитически схожему положению стран, скажем Черного моря, то не увидим там ничего, хотя бы отдаленно напоминающего общность такого уровня. Более того, по словам М. Челикпала, профессора стамбульского университета Кадир Хас, в наше время, в 2012 г., даже «в определениях понятия черноморского региона как единицы анализа царит неопределенность. До сих пор Черноморский регион трактуется в терминах “пассивной географии” и анализируется как периферия более важных географических единиц»¹. В других европейских морях перспективы к созданию хоть скромного подобия балтийской интеграции полностью отсутствуют. В Средиземном море — по понятной арабо-израильской причине, но даже в Азовском море два братских народа снова и снова поднимают вопрос о государственной принадлежности Тузлинской косы, и конца этой соседской «сваре», увы, не видно.

Таким образом, перед мировой наукой стоит вопрос о началах, о корнях необычной ситуации, исторически сложившейся на Балтике. Поскольку же эта исследовательская проблема чрезвычайно многопланова, то и решать ее придется на междисциплинарном уровне. И здесь начало ее раскрытию должны положить историки.

Вначале предельно кратко определим место Балтийского региона в мировой истории.

Древний мир достиг своего высшего развития на берегах Средиземного моря, история Новейшего времени разыгрывается в Атлантическом суперрегионе. Что же касается истории европейских Средневековья и Нового времени, то в центре общего внимания находилось балтийское пространство, игравшее ключевую роль в политике и экономике континента. Это внутреннее море принадлежало многим — вначале Дании, потом Швеции, еще позже — Пруссии, вплоть до XVIII–XX вв., когда Россия/СССР попыталась, включив в свой состав Прибалтику и Кёнигсберг, обрести господствующее положение на Балтике. Ни у одного государства это так и не получилось. Балтийское море осталось свободным, общим достоянием всех стран

региона, благоприятной средой для развития аккультурационных процессов, начавшихся здесь в глубокой древности.

Уже в X в. западные славяне (ободриты или бодричи) проникали далеко на Север, а потомки современных прибалтов бывали частыми гостями в шведской Бирке. О культурных взаимодействиях той эпохи письменных источников немного, гораздо перспективнее (и доказательнее) археологические исследования. Согласно их результатам, гораздо раньше X в. на Север оказывала сильное влияние культура Средиземноморья, причем влияние общее для всех балтийских этнических групп. Наиболее известные артефакты такого рода — руны альпийского происхождения, чаши южного типа, ряд обычаев, ранее на Севере неизвестных, появление в северных орнаментах типично южной «плетенки»². Эта связь прервалась только в 565 г., что обычно связывают с нашествием аваров, двинувшихся на север от среднего Подунавья. Но уже в археологических слоях, относящихся к VII–VIII вв., обнаруживаются свидетельства возобновления культурных связей Севера с Югом: это не только материальные, но и духовные ценности. Черты франкской культуры прослеживаются в восточно-скандинавском субрегионе — от германских саг до градостроительных принципов (Хайтабу, Бирка) — очевидно благодаря торговым связям скандинавов с восточно-франкскими Гамбургом, Бременом и Дорестадом.

Явны и другие культурные импульсы южного происхождения: знаменитый Большой камень в Еллингe (X в.) имеет горизонтальное, а не вертикальное, как на Малом, расположение строк; о том же говорит разработка нижней части с фигуративными изображениями, на которую «опирается» текст петроглифа³. Наконец, христианизация Севера, в свою очередь, внесла неповторимые и неистребимые черты в его культуру. Они были также южного происхождения и отложились — раньше или позже — одинаково глубоко во всех этнических культурах региона, сыграв роль мощного интегратора. А позже наступит общеизвестный культурный расцвет Скандинавии в XII в., когда резко возросло значение политических и экономических центров, монетного дела, миссионерской деятельности, дальних торговых связей и т. д. Таким образом, признавая, что предпосылки к этому всестороннему и хорошо изученному взлету сложились в IX–X вв., очевидно, остается привлечь внимание историков именно к указанному предшествующему периоду, своего рода культурной стартовой площадки.

К числу таких же, общих для всего Севера ценностей можно отнести дошедшие до нас исландские саги и песни о богах и героях, объединенные в цикл «Старшей Эдды», создание которых относят еще к бесписьменной эпохе истории страны (вторая половина первого тысячелетия н. э.) и отчасти в «Круг земной» Снорри Стурлусона. Известно, что не все эддические произведения возникли в Исландии, часть их восходит к германским (континентальным) прототипам, памятникам других Скандинавских стран и англосаксонскому эпосу. То же самое можно сказать и о таких шедеврах средневекового устного народного творчества, как баллады и висы, а также о прикладном искусстве (рунические надписи и фигуративные изображения на камне), другие памятники древних народов Балтийской культурной платформы. Так часть норвежских вис о воинах (*kjempeviser*) основана на исландских сагах (Сага о Сигурде), а часть перекликается с более древним нижненемецким циклом Дитриха, в то время как датские рыцарские баллады (*ridderviser*), возможно имевшие исландские корни, еще более тесно связаны с континентальной культурой, причем не только германской. Так же как и последние, шведские *allmogeviser* практически утратили связь со скальдической культурой викингов⁴.

Общая история этих стран начала создаваться еще современниками крупнейших событий, имевших место в Северной Европе начиная со Средневековья (Адам Бременский, Саксон Грамматик, Эрик Олаи). Позднее в балтийском культурном пространстве появляются все более многочисленные хроники, летописи, собрания преданий (Хроника Эрика, Хроника Карла, Хроника Стуре)⁵. Делаются первые попытки авторской оценки некоторых явлений и политических метаморфоз, имевших значение и для держав, не входящих в Балтийский регион, но расположенных по соседству (Олаус Петри, 1493–1552 гг.). При этом имел место расширенный поиск источников (Арни Магнуссон (1663–1730), Т. Бартолин (1659–1690) и др.), дававших более твердую основу для исследований, чем предания и легенды. И лишь благодаря этому крепкому фундаменту появляются первые критические исследования, имевшие целью уточнение сведений, содержащихся в старинных хрониках, а также создание новой историографии, более объективной и располагающей источниковым обеспечением (Т. Торфэус, середина XVII в.).

Для трудов этого периода характерны две черты, общие для научного мира всего региона. Во-первых, они проникнуты ультра-

патриотическим духом восхваления национальных героев (чаще всего — шведских и, соответственно, датских королей). Наиболее характерно в этом смысле огромное сочинение шведского гуманиста-католика Олауса Магнуса (ум. в 1544 г.), имевшего многочисленных последователей не только на родине. Во-вторых, эти авторы посвящали свои исследования истории исключительно *своих* стран. И если в их книгах появлялись сведения о соседних или далеких державах (нередко весьма ценные), то их привлечение имело все ту же цель — наиболее полное освещение истории своей страны, а чаще — прочное фактографическое обоснование собственных, авторских выводов и геополитических идей.

Такую задачу ставили себе — нередко не отдавая себе отчета в этом — и более поздние ученые Скандинавских и близлежащих стран Нового и Новейшего времени. Лишь отдельные историки поднимались над узкопатриотической позицией. Опираясь на обширную источниковую базу⁶, они нередко критиковали бывших политических лидеров своих держав (В. Муберг, Э. Лёнрот, С. У. Пальме, Х. Виллиус, К. Ф. Аллен, К. Эрслев и мн. др., все — XX в.). Однако никто из них не ставил себе задачей более обширное исследование, посвященное комплексной, цельной истории всего Балтийского региона. И едва ли не первым ученым, наметившим в начале 1920-х гг. подходы к теме Балтийского мира, стал Генрих Кирххоф⁷. Однако и он ограничился лишь военно-морским аспектом политической истории региона. Таким образом, до последних двух-трех десятилетий XX в. не было сделано попыток осветить общую картину истории Северной Европы с точек зрения ее культуры, экономики, взаимосвязи политических, научных и этнокультурных процессов. Этот пробел в международной историографии Северной Европы тем более заметен, что такого рода работа по иному, Средиземноморскому региону была опубликована во Франции еще в 1949 г.⁸

При этом нельзя сказать, что для такого рода работы (но охватывающей хронологически более значительный период) не имелось научной или источниковой базы — к концу XX в. сложился огромный многоязычный корпус публикаций и оригинальных трудов, посвященных различным аспектам истории Северных стран. Возможно, именно поэтому в 1990-х гг. появляются первые работы на общебалтийскую тему (они будут названы ниже). Показательно, что это по большей части статьи в различных сборниках или печатные курсы лекций. Монографий крайне мало, они невелики по объему и далеко не охва-

тывают всего многообразия межчеловеческих и межгосударственных отношений в Балтийском регионе на протяжении Средневековья, Нового и Новейшего времени. Что легко объяснимо: такой труд требует не только значительного времени и высочайшей квалификации историка, но при его создании необходимо выбрать верную и перспективную концепцию будущего исследования. Последняя задача — величайшей важности, и именно здесь на сегодняшний день не сложилось единого мнения. Поэтому необходимо рассмотреть все имеющиеся варианты такой концепции и по возможности отыскать среди них (возможно, выработать новый) вариант, плодотворный в дальнейшей разработке названной темы.

Финский ученый Матти Клинге⁹ подчеркивает *общее* для всех племен и народов Севера влияние, которое оказывало на них еще в античную и классическую эпохи Средиземноморье, эта «центральная область [городского типа] поселения, власти, религии и культуры»¹⁰. Дополнительным средством скандинавской интеграции ученый называет общую водную систему Балтики, «объединяющей грузовыми и пассажирскими перевозками свои берега»¹¹. И если после VII в. начинается процесс раскола праскандинавского языка на диалекты, позднее ставшие самостоятельными языками (датским, шведским, исландским и норвежским), то параллельно шло их частичное сближение путем распространения общей лексики религиозного и духовно-абстрактного поля (библия Ульфилы), а также наиболее современных понятий из областей экономики, торговли, административной и военной, которые сообщая заимствовались всеми народами Севера из нижненемецкого языкового запаса. Позднее такую же культуртрегерскую роль сыграло распространение христианства, а в XII в. активизировавшегося градостроительства, также по преобладающе германским канонам — и с теми же интегрирующими результатами.

Очередной подъем сближения культур Балтийских стран связан со становлением Ганзы. Это касается прежде всего техники торговли и системы денежных расчетов, а также интеллектуального и мировоззренческого подъема — также общего для всего Севера: «Это очень скоро проявилось в структуре крупнейших городов Балтики, в искусстве и образе жизни... В каждом крупном ганзейском городе существовали свои скульптурные и живописные школы и мастерские». Одновременно шел и обратный процесс: нижненемецкий язык, и без того близкий голландскому и датско-

му, «легко впитывал местные (т. е. скандинавские. — В. В.) слова и выражения»¹². Наконец, с XIV в. некоторые германские и все страны Северной Европы — от Дании до Финляндии — начинают отмечать местные, общебалтийские праздники, как, например, день Святого Кнуда, покровителя купцов и промышленников.

М. Клинге делает вывод об огромном значении для взаимного сближения народов и стран Балтики призыва эпохи Просвещения к единению культур европейского типа. И этот призыв был органично воспринят на Севере континента, чему была своя причина. В XVIII в. пути студентов Балтийских стран пересекались самыми замысловатыми способами. Прибалтийцы отправлялись учиться в датский (позже немецкий) Киль, курляндцы — в Кёнигсберг, финны — в шведскую Упсалу, датчане, шведы и норвежцы — в университеты Галле, Йены, Лейпцига и Гёттингена. А возвращаясь на родину, магистры и бакалавры несли с собой сокровища духовной культуры и искусства, поэзии и науки, заимствованные за рубежом. Имел место и обмен преподавателями: немецкий философ и историк И. Г. Гердер работал в Риге, а его земляк и коллега А. Л. Шлёцер — в Стокгольме и Упсале, финский швед П. Форсскол учился в Упсале и Гёттингене, а преподавал в Дании и т. д.

Назовем еще одну работу, где представлена геополитическая ситуация на Балтике, начиная со Средневековья и кончая XVI в.¹³ Здесь широко показана история войн между странами Балтийского моря, личная политика датских и шведских королей, процесс угасания Ганзы и его причины. Дальнейшее содержание книги — история Ливонской войны и Смутного времени¹⁴, рассмотренная тематически в тех же ключах. И, несмотря на то что автор во вступительной части своего труда подчеркивает, что Скандинавские королевства Дания, Норвегия и Швеция сформировали в конце XIV в. Кальмарскую унию против ганзейского, немецкого господства¹⁵, то есть имела место общескандинавская политика, но на констатации этого факта он и останавливается. Им не сделана даже попытка отыскать такие же общие черты в других областях балтийской действительности — культурной, экономической, внутривосточной. Возможно, их не существовало. Но и этот феномен требует объяснения — почему не сложились эти связи, почему остановился процесс аккумуляции, хотя условия к нему были максимально благоприятными?

Еще один, немецкий историк счел себя вправе назвать свою монографию несколько необычно: «Всемирная история Балтики»¹⁶. Он

действительно сделал удавшуюся попытку раскрыть значение для окружающего мира событий, имевших место в Балтийском регионе конца XIV — первой четверти XVIII столетия. Юрген фон Альтен выгодно выделяется среди других историков 1990-х гг. тем, что рассматривает историю Скандинавских и других балтийских стран как *единый* процесс¹⁷. Более того, он подвергает критике сложившееся в историографии мнение об отсутствии в указанный период и позднее даже такого понятия, как «балтийское пространство». Это убеждение, говорит он, «проявляется не только в согласии с привычным членением Европы на широтные, географические ленты. Если для нас вполне осознаваемы такие понятия, как Юго-Восточная или Северо-Западная Европа, то Северо-Восточная Европа, приблизительно совпадающая с балтийским пространством, едва ли широко используется в научном или публицистическом лексиконе. Это пространство фигурирует в нем как нечто, ограниченное Центральной и Восточной Европой с юга и Скандинавским полуостровом с севера». Причем это убеждение сохраняет в науке свою значимость и по отношению к истории Новейшего времени: «...когда мы говорим о судьбоносных событиях последних двадцати лет (например, о завершении “холодной войны”), то балтийское пространство в этом смысле вспоминается далеко не в первую очередь»¹⁸.

Но такая точка зрения ошибочна, доказывает Ю. фон Альтен. «И в Новое время этому ареалу присуща драматическая и трагическая история. Трагическая не в плоском смысле лишь печали, но и как стечение обстоятельств, гораздо более глубоких и нестираемых, ведущих к упадку. Это пространство, связанное с Балтийским морем, стало, бесспорно, субсистемой по отношению к европейской системе, откуда оно получало существенные импульсы — но и излучало свои, такие же»¹⁹. И далее в монографии приводятся факты, подтверждающие общность истории Скандинавских стран — но лишь внешнеполитической. И напрасно мы стали бы искать в работе германского историка такие же доказательства более глубокой, органично-культурной и экономической общности стран Севера на протяжении периода, избранного им для исследования. Однако следует признать, что уже сделанные в книге выводы являются заметным шагом вперед в изучении Балтийского мира как единой общности.

Нужно лишь напомнить, что в устном народном творчестве более крупных жанров, чем песня (саги, баллады, целые эпосы), особенно наглядны такие межэтнические пересечения. Чаше всего они

отмечались в ситуации исторически близкого обитания двух или более народов (например, шведов и финнов)²⁰, но и в точках, где встречались практически все балтийские этнокультуры, — тоже²¹. Собственно, назвать этот процесс заимствованием можно лишь с оговоркой — это было возрождение существовавшей в глубокой древности общескандинавской²² и даже общегерманской²³ культурной платформы на Балтике. Эта традиция обмена, в частности, священными преданиями стала едва ли не более распространенной с приходом на Север христианства²⁴.

Из вышесказанного легко сделать вывод о глубоко различных подходах ученых, занятых нашей темой. В этой связи весьма значительна, при всей ее краткости (33 стр.) коллективная работа шведских ученых, более новая, чем большинство упомянутых²⁵. Авторы стоят на позиции, прямо противоположной выводам многонационального ученого братства, приведенным выше. Вместо того чтобы искать и находить явления, черты, феномены культуры, которые со времен Средневековья вели Балтийские страны по направлению к все более заметной интеграции, они заявляют: «...нам не нужна история, построенная на вымышленных связях, общем наследии и манифестации идеи общей судьбы»²⁶.

С этим утверждением можно согласиться — кто возьмется отрицать ненужность для науки вымысла?

Но речь идет не о вымышленных связях и процессах, а о реалиях уже открытых, но обнаруженных далеко не полностью и требующих дальнейшего поиска. Тем более что шведские авторы явно не обратили внимания на обоснованные уже в прошлом веке научные заключения по этому вопросу — иначе вряд ли они позволили себе говорить о наличии «в Балтийском регионе нескольких культурных границ»²⁷, ни словом не упоминая об их прозрачности, их ничтожности на пути куда более мощного культурно-интеграционного процесса, попросту «не замечавшего» государственных, таможенных и тому подобных искусственно воздвигнутых барьеров.

О факте игнорирования шведским авторским коллективом работ своих предшественников говорит более чем скромный список привлеченных в книге исследований. В то же время нельзя не отметить, что в последнее время эти ученые обрели немало единомышленников²⁸. Создается впечатление, что на пути дальнейшего изучения истории общепалтийского культурного, экономического, политического мира опустился некий шлагбаум. Ведь выдвинут тезис, заранее

обрекающий все поиски в этом направлении на провал, полностью их обесмысливающий. Выход из этого методологического тупика видится в более тщательном изучении литературы вопроса, а именно трудов, опубликованных как до выхода в свет упомянутых шведской коллективной статьи и английской монографии, так и к более поздним материалам. И конечно же, настало время обозначить возможные цели новых исследований и их перспективы.

Центральное место — смысловое и временное — занимает здесь, на наш взгляд, история скандинавизма. О нем написано немало, и это в большинстве случаев — добротные работы, крайне интересные в предлагаемом подходе к теме Балтийского мира. Чего нет — так это исследований о «скандинавизме» в широком понимании этого термина, то есть о стихийном движении, наблюдавшемся как до, так и после сравнительно недолгой поры исторического скандинавизма. Между тем, как представляется, это явление имело место ранее упомянутой эпохи, да и сейчас, в настоящее время нетрудно отыскать его буквально бросающиеся в глаза признаки, во-первых, весьма значительные, а во-вторых, родовые, длящиеся²⁹.

Для того чтобы проследить основные мотивы возникновения скандинавизма и его жизнеспособности имеет смысл в перспективе рассматривать это явление не как исключительно идейно-политическое, а более сложное, имевшее (и имеющее) по меньшей мере шесть составляющих. Это скандинавизм теоретический, практический, пангерманский, экономический, внешнеполитический и культурный (автор признает условность этих абсолютно разноплановых терминов, в ходе дальнейшей исследовательской работы их будет необходимо уточнить).

Теоретический скандинавизм в своей политической составляющей выразился в объединительных тенденциях, зародившихся в Скандинавии еще на закате Средневековья³⁰. Они были вызваны рядом политических и экономических задач, которые было невозможно решить в одиночку. Этого требовали интересы развития коммерции и экономики в целом, борьба с Ганзой, пиратством на Балтике, угрозой новых межскандинавских военных конфликтов и даже внутренние неурядицы (междоусобицы, сепаратистское движение и др.); все это легче было бы решать в рамках унии. Она же могла стать нейтрализатором угрозы экспансии со стороны усилившихся Ливонского ордена и Московии. Эти идеи осуществились лишь на исходе XIV в., когда была заключена уже упо-

минавшаяся Кальмарская уния. После ее распада новый заметный всплеск объединительных идей отмечен не скоро и лишь в области культуры, а именно в литературных и академических кругах первой трети XIX в. В 1829 г. швед Тегнер возложил на голову датчанина Эленшлегера лавровый венок, чем символически обозначил духовное и культурное единство Скандинавских стран. Затем уже в 1930-х гг. проповедниками идей нового скандинавизма стали датчане — писатель, поэт и экономист С. С. Блихер и историк Ф. Барфуд, а позже профессиональные политики А. Ф. Чернинг и О. Леман придали движению размах международного масштаба³¹.

Практический скандинавизм, имевший яркую политическую окраску, рано или поздно должен был прийти (и пришел) к противоречию с идеями родоначальников этого движения. У каждой балтийской державы имелся собственный государственный резон, требования которого было невозможно игнорировать. Конкретно же политические силовые линии сходились в Шлезвиг-Гольштейне, в XIX в. все еще находившемся в личной унии с Данией. Сепаратистские устремления политиков этой земли подстегивались, с одной стороны, германскими интеллектуалами вроде И. Г. Дройзена, с другой — великодержавными планами О. Бисмарка и его единомышленников. Несовместимость внешнеполитических проектов Дании и, с другой стороны, Швеции с Пруссией привели, как известно, к крушению самой идеи исторического скандинавизма.

Но приблизительно тогда же, в середине — второй половине XIX в. стало очевидным общее желание скандинавских политиков последовать успешному опыту объединения германских и итальянских земель. Однако столь же очевидной была и невозможность решить эту задачу без помощи какой-либо великой державы. Оптимальным в сложившихся обстоятельствах было бы сближение с Германией, отчего и стала актуальной мысль насчет того, что угасший скандинавизм являлся лишь первой ступенью к более обширному соглашению, включавшему в себя и Германию.

Это и был *пангерманский скандинавизм*, особенно популярный в Швеции, которая не без оснований опасалась русской угрозы своим интересам. Теоретиком нового движения стал Л. Ю. Йерта, основатель либеральной «Афтонбладет», но в своей газете он не мог предложить тем же датчанам (которых он считал германофобами) ничего иного, кроме русофобии. Тем не менее он нашел горячих сторонников не только в Германии (У. Й. Лорнсен, Я. Grimm,

Е. М. Арндт), но и в Норвегии, бывшей части Датского королевства (П. А. Мунде)³². Между тем обострившиеся в конце XIX в. российско-германские противоречия в борьбе за преобладание на Балтике, прямоком ведущие к большой войне, заставляли скандинавских политиков решать, к какой из сторон они в будущем примкнут. Победила старая концепция нейтралитета, что и положило конец балтийско-пангерманскому проекту. Теми не менее удалось достичь определенных успехов в датско-шведском сближении: было подписано валютное соглашение (1877) и договор о совместной политике нейтралитета (1914), избавивший Скандинавию от военных тягот и человеческих жертв в будущей войне. Имел место и культурный пангерманизм, немыслимый без своей скандинавской составляющей. Представляется, что наиболее зримых и жизнеспособных результатов это двуединое центростремительное движение достигло в области науки. Объединительные идеи здесь выплеснулись за рамки Германии или Скандинавии. Вначале была образована международная Лига профессоров (Дания), аналогичный Парламент ученых (Франкфурт), а Кёнигсбергский университет в последнюю, длительную пору расцвета своей деятельности стал играть, по сути, роль общепангерманской Академии наук.

Что же касается *экономического* скандинавизма, то он впервые расцвел в годы Первой мировой войны, и во многом благодаря упомянутому договору 1914 г. Начался настоящий экспортный бум, Скандинавские страны совместно торговали с обеими воюющими сторонами, в результате чего золотой запас последних в значительной своей части переместился на Север. Монопольно высокие доходы стран нейтральной зоны позволили развить датско-шведское сотрудничество и поднять обе главные отрасли национальных хозяйств — аграрную и промышленную. Достаточно сказать, что Швеция, получая аграрную продукцию из Дании, смогла обратить основное внимание на собственные машиностроительную и горно-металлургическую отрасли. Здесь во время войны выпуск продукции увеличился на 80 % — и это были не единственные плоды практического осуществления экономического скандинавизма³³. Принес он и внешнеполитический выигрыш — прежде всего Дании, которой по результатам плебисцита 1920 г. (проведенном при поддержке Антанты) возвращался Северный Шлезвиг.

Политический скандинавизм нес в свое время некоторые вынужденно реваншистские черты, что было вызвано для Дании —

насильственным отторжением он нее в 1860-х гг. Шлезвиг-Гольштейна, а для Швеции — утратой в 1809 г. Финляндии. Однако упомянутый плебисцит в герцогствах и возвращение финнов в скандинавскую семью сняли обе горящие задачи с повестки дня и послевоенный скандинавизм (его называют неоскандинавизмом) более никого из соседей не беспокоил, будучи исключительно мирным движением. Тем не менее целиком пацифистским он отнюдь не являлся уже потому, что идейная убежденность в необходимости сближения, подкрепленная опытом военных лет, была, как никогда раньше, высока. И если Дания во время битв за герцогства (Датско-пруссские войны 1848–1850 и 1864 гг.) помощи от Швеции не дождалась, то стоило вспыхнуть гражданской войне в Финляндии, в условиях крушения Российской империи и начала там революции, как на помощь финским сторонникам независимости и демократии двинулись многие сотни шведских и датских добровольцев, принявших активное участие в военных действиях³⁴.

Эта бескорыстная помощь не была оказана под влиянием момента, внезапной вспышки симпатии к старым соседям и почти родственникам. Когда началась неравная Освободительная война других балтийских стран — Эстонии и Латвии — от нового порабощения, теперь уже большевистского, то в Копенгагене стали формироваться добровольческие экспедиционные части. Следует подчеркнуть, что военную форму надели отнюдь не юные идеалисты, а зрелые мужчины (некоторые из них уже набрались военного опыта в Финляндии), по большей части с высшим образованием, отчего первый стрелковый корпус был назван несколько необычно: *Akademisk Skyttekorps*. Он насчитывал вначале всего 200 бойцов и офицеров (1800 чел. оставалось в резерве), но был снабжен отечественными пулеметами «Мадсена» — одной из лучших систем того времени. Прибыв в Таллинн в апреле 1919 г., когда в городе шли демократические выборы в Законодательное собрание, датчане патрулировали улицы столицы и реально помешали свершиться уже подготовленному большевистскому перевороту. А затем, приняв участие в начавшихся военных действиях, корпус после их победного завершения в Эстонии в июне 1919 г. взял латвийский Екабпилс, после чего на шпиле ратуши был поднят национальный флаг Дании³⁵.

Еще раньше в Эстонию прибыло 2000 финских добровольцев, которые 14 января 1919 г. с боем взяли стратегически важный Раквере, а немного спустя — и Нарву, захватив здесь в плен большевистский

штаб. Тем временем в Хельсинки готовилось новое формирование — финско-шведский полк Северных мальчиков (Pohjan Poikain Rykementti). Полк состоял из 2 пехотных батальонов, 6 артиллерийских батарей, кавалерийского эскадрона и санчасти — то есть мог действовать бок о бок с эстонской народной армией, ничем ее не обременяя. Несмотря на то, что личный состав полка и в самом деле был крайне молод, а сражаться его отправили на южный фронт, против элитных отрядов латышских стрелков, противник был разбит, а полк преследовал его на латвийской территории до Екабпилса. Всего в Эстонии весной 1919 г. воевало от 3000 до 4000 финнов³⁶. Пройдет двадцать лет, и по льду замерзшего Финского залива многие сотни добровольцев потянутся в обратном направлении — эстонцы двинутся на помощь финнам, против которых СССР начал свою бесславную «зимнюю войну»³⁷.

Откровенно говоря, трудно найти более бесспорного доказательства жизнеспособности вновь и вновь возрождавшегося чувства общности не только скандинавских, но и всех коренных балтийских народов. Скандинавские добровольцы цементировали балтийскую общность своей кровью, и их подвиг не забыт. Чтобы не возвращаться к этому сюжету, напомним, что в годы, наступившие после занятия в 1939 г. Советским Союзом стран Прибалтики, Швеция предоставила эстонским политическим лидерам-эмигрантам здание (Эстонский Дом), где они могли обосноваться и начать свою деятельность в форме дипломатического представительства в изгнании. Многие тысячи эстонцев, добравшихся в том году до Швеции на лодках, были обеспечены всем необходимым за счет государственного бюджета. Такую же помощь беглецам из Прибалтики предоставляла Дания и Германия — но там их было гораздо меньше.

Культурный скандинавизм имеет наиболее долгую историю, об этом говорилось в начальной части доклада. Поэтому обратимся к его новейшей фазе, разработка которой особо многообещающа — прежде всего в сфере балтийских литературных связей и взаимных влияний. Ее нельзя назвать обделенной вниманием историков, но имеющиеся исследования посвящены по большей части национальным литературам. В то же время труд, чьей темой стал бы общебалтийский литературный процесс, еще не создан. Между тем даже беглый обзор упомянутых национальных исследований приводит к выводу, что такое явление имело место. Это можно подтвердить рядом исторических фактов, взятых хотя бы

из двадцатипятилетнего периода после Первой и во время Второй мировой войн, и только на примере датской литературы. Так прозаик Кай Мунк, оказавшийся в конце 1930-х гг. в Германии, в своем романе «Он сидит у тигля» (1938) рисует удивительно живую и точную картину немецкого города, явно сочувствуя горожанам в период гитлеровского режима. Его анализ нравственных страданий немцев произвел глубокое впечатление не только на датского читателя — не случайно писатель стал одной из жертв нацизма в период гитлеровской оккупации Дании.

С такой же теплотой и пониманием относится к немецкому народу Мартин Лауесен в исторических романах «Еретик из Эйслебена» и «Немецкое восстание» (1934, 1936). В перспективе здесь был бы весьма интересен анализ такого явления, как освобождение датской литературной элиты от той неприязни, что не могла не возникнуть у основной массы датчан к немецким соседям, столь неуклонно угрожавшим маленькой Дании на протяжении столетий.

Это же можно повторить и в отношении Швеции, с которой датчане воевали в прошлом куда чаще, чем даже с немецкими странами. Но Отто Гельстед, эмигрировавший в Швецию с началом Второй мировой войны, откровенно любит ее природой и еще более — людьми соседней державы, оказавшей ему гостеприимство («Эмигрантские стихи», 1945; «Беженцы в Хусабу», 1945). Органично сплелись в творчестве фарерца В. Хайнесена две культуры — его родины и Дании. Этот крупный прозаик, долго живший в Копенгагене, писал свои шедевры о жизни фарерских земляков по-датски, причем не без влияния датского же классика Ханса Кирка. А датчанин Нис Петерсен специально изучил фарерский язык, после чего смог создать в 1930-х гг. прекрасную книгу очерков «Мои друзья фарерцы». В атмосферу размеренной жизни еще одной страны Балтийского региона, предвоенной Литвы, погружает читателя роман Оге Донса «Солдатский колодец» (1948). Впрочем, двадцатью пятью годами ранее имел место и обратный опыт — эстонец Эдуард Вильде, несколько лет проживший в датской эмиграции, создал роман «Избавление», действие которого разворачивается в копенгагенском районе Нёрребро, где все герои книги — датчане.

Нельзя не упомянуть, что в процессе многовековой интеграции — то ослабевающей, то вновь оживающей — важную роль играло само Балтийское море. Напомню давно известную истину:

море предоставляет почти идеальную возможность не только для транспортировки товаров и перевоза пассажиров, но и для культурного обмена, являясь к тому же ключевым ландшафтным звеном грандиозного географического региона. В портовых конторах и архивах балтийских городов веками копилась подробная и безусловно точная информация о приходах и уходах транспортных судов и военных кораблей, их грузах и пассажирах, целях рейсов и т. д. Это издавна помогает историкам разрабатывать отнюдь не только экономические темы, но и выстраивать все более обширную картину эволюции культурных центров, а также формирования территориальных государств с их национальными культурами.

Общевалтийской культуры не существовало. Но национальные культуры прибрежных стран приобрели массу схожих и даже общих черт благодаря рейсам торговых и военных судов, за прошедшее тысячелетие исчертивших акваторию Балтики вдоль и поперек, так что если бы мы могли восстановить их курсы на карте, то море оказалось бы полностью, без просветов заштрихованным. В этой связи стоит заметить, что главными разносчиками всего, что стоило этим культурам заимствовать друг у друга, были вездесущие немцы.

Поэтому весьма перспективным представляется такое направление будущих исследований, как развернутое, гораздо более широкое и глубокое, чем это сделал М. Клинге, выявление культуртрегерской миссии чрезвычайно динамичного населения немецких земель. Эта сторона его деятельности становится особенно плодотворной после 1358 г., когда окончательно оформилась ассоциация торговых городов, вошедшая в историю под именем Немецкой Ганзы. Менее известно, что и до того немцы проявляли такую бурную активность в экономической, культурной и политической жизни городов западного, северного и восточного побережий, что их приходилось вводить в какие-то рамки. Так, Магнус Эрикссон издал в 1350 г. указ, согласно которому в городских советах державы доля немецких советников не должна была превышать половины общего числа заседавших в ратушах³⁸.

Результаты этой чисто немецкой активности в области культуры и экономики были многозначны и значительны среди прочего в балтийском интеграционном процессе. Он имел множество аспектов, заслуживающих научного изучения; приведем здесь лишь один, градостроительный. Историю урбанизации побережий

(включая и глубокий хинтерланд) можно условно разделить на три качественно различных периода, в каждом из которых отмечен свой культурно-интеграционный прорыв. Первый относится к эпохе христианизации и колонизации прибрежных территорий, когда каждая миссия — конфессиональная или колониальная — сопровождалась на «новых землях» внедрением в местную культуру более современных, развитых строительных приемов и материалов, а также архитектурных стилей. Второй период (XVII–XVIII вв.) характерен новой культурной экспансией немецкого мира (прежде всего Мекленбурга, Померании, Пруссии и Шлезвиг-Гольштейна) в страны Скандинавии, Финляндии, Прибалтики и Россию. Немецкие зодчие и фортификаторы, некогда сами заимствовавшие это высокое искусство в странах Средиземноморья, теперь несли его своим северным соседям.

Причем дело было не только в том, что в северных городах стали появляться отдельные здания, затем целые кварталы, в которых безраздельно доминировал стиль барокко. Изменились сами эти старые кварталы и улицы, ставшие прямолинейными (сохранившаяся средневековая их вязь в исторических центрах некоторых городов — исключение из общего правила). И если в Средние века градостроительство подчинялось лишь меркантильным (торговому, ремесленному) или оборонительным интересам, то теперь все большую роль играет эстетика — впрочем, барочная фортификация вполне отвечала и своему прямому назначению.

Новые исследования в этой узкой области представляются весьма многообещающими в культурно-историческом отношении, но уже сейчас можно назвать некоторые общие для региона явления, бросающиеся в глаза даже без глубокого в них погружения. Так, все балтийские города, расположенные в устьях больших рек, заливов или фьордов — асимметричны, будучи расположенными в основной своей части лишь на одном берегу (на противоположном могут находиться мелкие форштадты, даже имена которых часто были иными). Таким «односторонним» городским центром на Висле был Данциг, на Даугаве — Рига, на Траве — Любек, в заливе Шляй — Шлезвиг, на Одере — Штеттин и т. д. Поскольку же в низовьях этих рек преобладал низменный ландшафт, то малопривлекательную картину плоской торговой береговой застройки оживляли четкие акценты взлетающих под низкое северное небо грандиозные шпили соборов и ратуш.

Впрочем, в некоторых городах оценить эту красоту были способны и потомки этих мастеров, бюргеры высокого Средневековья, их наследники Нового времени. Так Любек сохранил свои основные черты, сложившиеся в XIII–XIV вв., его силуэт не менялся, несмотря на все входившие в моду, а затем угасавшие архитектурно-стилевые направления. И после войн разрушенные балтийские города восстанавливали в прежнем, старинном виде (исключение — Нарва, да отдельные памятники общепалтийского значения, вроде собора Копенгагенской Богоматери). Причем сказанное можно отнести и к рядовой застройке — до сих пор в северных городах бережно сохраняются фахверковые дома, в принципе одинаковые на всем балтийском пространстве.

Выше уже говорилось о заимствованиях в балтийской архитектуре, сделанных на далеком Юге. Однако они не были слепыми подражаниями. Этому препятствовали несколько иные эстетические и этнопсихологические представления о прекрасном, а также в немалой степени более суровый, чем в Средиземноморье, климат. Все Балтийские побережья знакомы с мощными снегопадами и сильными морозами. Поэтому южные городские дома, плоские и ослепительно белые, не отмечены ни в одном городе региона. Напротив, балтийские дома были темными, хорошо поглощавшими скудные солнечные лучи, а крыши возводились островерхими с тем, чтобы на них не скапливались снежные массы. Однако сами формы северных архитектурных тел, как уже отмечено в литературе, создавались под разнообразными культурными влияниями. Так, рейнско-романские заимствования до сих пор явственны в Нижней Саксонии (Рипен) и Скандинавии (Лунд), саксонско-романские — в Любеке и Риге, французские готические — в роскильдском Кафедральном соборе, любекской Мариенкирхе и рижском соборе Св. Петра, голландские ренессансные — в Данциге и отчасти Копенгагене (ряд крупных зданий центра)³⁹.

Остается заметить, что создавали эти памятники не только приезд мастера. Со временем в балтийском пространстве появилась плеяда блестящих архитекторов, которые были способны, в свою очередь, оказывать влияние на зодчество всего региона. В Швеции это был Никодем Тесин-старший (1625–1681) и в особенности его сын Никодем Тесин-младший (1654–1724), автор Королевского дворца в Стокгольме, где, несмотря на «римский» фасад и массу барочных деталей, мощно звучит суровая поэзия Севера. Датские

мастера также сумели передать национальный дух и скандинавские культурные традиции в своих лучших произведениях: это дворец Фредериксборг (автор Ханс Стенвинкель-младший), Амалиенборг (Николай Эйгтвед) и др.⁴⁰

В заключение стоит сказать несколько слов о реальных перспективах процесса интеграции стран региона. В начале 1990-х гг. датскими аналитиками был сделан вывод, в этом смысле не слишком оптимистичный как для тогдашнего состояния проблемы, так и для ее будущего. Утверждалось, что идея совместного выживания на достигнутом уровне и дальнейшего развития сотрудничества стран Севера (неоскандинавизм или нордизм, как теперь ее называют) в противовес другим, более мощным европейским организациям — значительно ослабла по сравнению с былыми временами. Этот упадок объяснялся исчезновением конституирующих элементов движения, хотя некоторые из них, способные стать решающими в будущем, уцелели. Представление же о том, что Север рано или поздно сконцентрируется, не выходя за рамки европейского сообщества, и сможет образовать единый блок, выглядели нереалистичными. Идея единого Севера, находящегося на периферии Европы и способного бороться за частные интересы отдельных северных стран в составе блока, скорее всего, проиграет политике отдельных держав, пытающихся соблюсти собственные специфические национальные интересы по отношению к европейскому Центру. Поэтому такое сотрудничество будет, скорее всего, определяться новыми, актуальными национальными потребностями. Но упомянутые датские ученые признают, с другой стороны, что необходимость совместно решать ряд общих задач (проблемы беженцев, безопасности, возможных экологических катастроф и др.) близкими, хорошо знающими друг друга соседями, по-прежнему объективно содействует формированию новой сущности, а именно «балтийской идентичности»⁴¹.

В результате можно сделать вывод о весьма широком тематическом и предметном спектре внимания историков, специализирующихся на традиционных и современных проблемах изучения прошлого и настоящего стран региона. Тем не менее по-прежнему актуальной остается задача выработки новых стратегических направлений в исследовании «балтийского мира» в комплексе, как уникального геополитического, культурно-исторического и экономического пространства.

¹ См. в: www.blackseanews.net/read/33325. Только сейчас появился термин «wider Black Sea» — на русский язык его, наверное, можно перевести как «широкое Причерноморье» или «Причерноморье в широком смысле слова». Но это понятие, звучащее неким аналогом «Балтийскому миру», пока не наполнено реальным содержанием и создано оно разве что для будущего.

² *Jankuhn H.* Wikingenzüge und kulturelle Strömungen im Ostseegebiet während des 9. und 10. Jahrhunderts // *Der Ostseeraum im Blickfeld der Deutschen Geschichte.* Köln, Wien, 1970. S. 8–10. Далее — *Jankuhn*, 1970.

³ *Glob P. V.* Denmark. An Archaeological History from the Stone Age to the Vikings. Itaca, New York, 1971. P. 204–205.

⁴ *Ek S.* Nors kampavisa. Göteborg, 1921. S. 1–3, 109.

⁵ Последняя из них переведена со старосведского совсем недавно: *Возгрин В. Е.* Хроника Стуре (эксцерпт) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени СПбГУ. № 3. СПб., 2009. С. 274–303.

⁶ Среди них следует упомянуть российского ученого Г. В. Форстена, хотя его двухтомник далеко отстоит от нашей темы, так как был посвящен почти исключительно вооруженной борьбе ряда стран региона (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Том 1. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). Том 2. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (Тридцатилетняя война). СПб., 1984). По этой же причине нами опускаются упоминания огромного количества отечественных и зарубежных трудов, посвященных «Балтийскому вопросу», как однозначно имеющие отношение лишь к внешней (военной) политике стран региона.

⁷ *Kirchhoff H.* Seemacht in der Ostsee. I. Band. Ihre Einwirkung auf die Geschichte der Ostseeländer im 17. und 18. Jahrhundert. Kiel, 1907.

⁸ Перевод этого труда на русский яз.: Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: [В 3 ч.]/Фернан Бродель. М., 2002.

⁹ *Клинге М.* Мир Балтики. Хельсинки, 1994. (Далее — Клинге, 1994).

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 36.

¹³ *Oakley S. P.* War and Peace in the Baltic 1650–1790. L.; N. Y., 1992. P. 5–27. Далее — Oakley, 1992.

¹⁴ Ibid. P. 42 ff.

¹⁵ Ibid. P. 1.

¹⁶ *Alten J. von.* Weltgeschichte der Ostsee. Berlin: Siedler, 1996. (Далее — Alten, 1996).

¹⁷ Ibid. S. 8.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. S. 10.

²⁰ *Kattburga slot och andra finlandssvenska folksagor / I urval av Anne Bergman och Birgitta Karlsson.* Helsingfors, 1985; *Danielsson P.* Djävulsgestalten i Finlands svenska folketro. B. I–II. Helsingfors, 1930–1932.

²¹ *Nihlen J.* Gotländska sagor. Stockholm, 1975. S. 12–43.

²² *Мелетинский Е.* Скандинавская мифология как система. М., 1973; *Grönbeck V.* Nordiska myter. Stockholm, 1977; *Пуртов А. В.* Опыт возможной этимологии

и типологии некоторых образов скандинавской мифологии. М., 1995; Scandinavian folklore // Scandinavian Studies. Vol. 73. N 3. 2001.

²³ *Wolzogen H. v. Germanische Götter- und Heldensagen.* Berlin, 1922.

²⁴ *Hofmann D.* Die Legende von Sankt Clemens in den skandinavischen Ländern im Mittelalter // Beiträge zur Skandinavistik. Bd. 13. Frankfurt-am-Main, 1997.

²⁵ *Рунблом Х., Тиден М., Карлбэк-Изотало Х.* История Балтийского региона // Балтийское море и его окружающая среда. СПб., 1996. (Далее — Рунблом, Тиден, Карлбэк-Изотало, 1996).

²⁶ Там же. С. 6–7.

²⁷ Там же. С. 6.

²⁸ См., например: *Kirby D.* The Baltic World, 1772–1993. Europe's Northern Periphery in an Age of Change. London, 1995; *Dau M., Heurlin B.* Norden og Østersøregionen // Danmark efter den kolde krig. Udenrigs- og sikkerhedspolitikken under forandring. Det Sikkerheds- og Nedrustningspolitiske Udvalg. Publ. 94. København, 1993. S. 192. (Далее — Dau, Heurlin, 1993). Точку зрения авторов последней работы можно свести к одной цитате из нее: «Выражение “Балтийское море скорее объединяет, чем разделяет” апеллировало к фантазии множества людей» (S. 204).

²⁹ Об этом см. в: *Hubatsch W.* Skandinavien und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert // Der Ostseeraum im Blickfeld der Deutschen Geschichte. Köln, Wien, 1970. S. 182. (Далее — Hubatsch, 1970).

³⁰ *Carlsson G.* Medeltidens nordiska unionstanken // Det levande forflutna. Stockholm, 1945. Bd. 8.

³¹ Danmarks historiens blå bog. Udgivet af Krak under medvirken af Palle Birkelund, Finn Hilsted, Ib Koch-Olsen, Jørgen Paulsen. København, 1971. S. 40, 22, 243–244.

³² *Hubatsch*, 1970. S. 187.

³³ *Montgomery A.* Svensk och internationell ekonomi. Stockholm, 1954. S. 4–5.

³⁴ *Jensen N.* For Dannebrogssære: Danske frivillige i Estland og Letlands frihedskamp. Odense, 1998. S. 137. (Далее — Jensen, 1998).

³⁵ Ibid. S. 7–9.

³⁶ Ibid. S. 137.

³⁷ *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии. Таллинн, 2000. С. 205.

³⁸ *Kirby D., Hainkanen M.-L.* The Baltic and the North Seas. L.; NY., 2000. P. 115.

³⁹ *Grundmann G.* Die mittelalterliche Stadtbaukunst im Ostseegebiet // Der Ostseeraum im Blickfeld der Deutschen Geschichte. Köln; Wien, 1970. S. 77–78.

⁴⁰ *Cedergreen B.* S. Københavns historie gennem 800 år. København, 1967. S. 143, 279, 293, 297, 305–306.

⁴¹ *Dau, Heurlin.* 1993. S. 197, 198, 202–203.

А. Г. Шкваров

**МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ФИНЛЯНДИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКИХ ГАРНИЗОНОВ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА. 1809–1917.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
ФИНЛЯНДИИ) ***

Со времен царствования императора Петра Великого вся жизнь русского человека в обязательном порядке прописывалась в метрических церковных книгах, которые еще иногда называли «троечастные», ибо они состояли из трех частей — «о рождении», «о браке» и «о смерти». Подобные уникальные книги хранятся в значительном количестве в Национальном архиве Финляндии¹ и позволяют пролить свет на весьма малоизученные вопросы личной жизни русских солдат Финляндского корпуса и матросов Балтийского флота — на ком они женились, кто рождался от этих браков, как, кто, в каком количестве и по каким причинам умирал.

Вместе с тем изучение метрических книг позволяет рассмотреть еще одну важную проблему взаимоотношений населения Финляндии и русских гарнизонов, а именно, выражаясь современным языком, т. н. гендерную, т. е. насколько распространены были браки между русскими солдатами и местными «финляндскими уроженками», тем более что эта проблема мультидисциплинарная, объединяющая в себе сразу несколько аспектов: исторический, религиозный, психологический, социальный и культурный.

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8177 от 26 июля 2012 — «Проблемы идентичности в истории стран Европы и Америки в эпоху Нового и Новейшего времени».

Ныне подобные браки именуются «межкультурными»², изучением которых занимаются социологи и психологи, в том числе и в т. н. центрах гендерных исследований, созданных практически при каждом западном университете. Однако под «межкультурными» браками понимаются браки между представителями коренного населения и иммигрантами, и речь идет нимного нимало о глобализации этих браков. Но русский солдат, пришедший в Финляндию в 1808 г. окончательно и бесповоротно, не был иммигрантом. Это во-первых, а во-вторых, парадоксально, но, выражаясь языком современных социологов, т. н. глобализация браков коснулась только Финляндии. Это видно на примере 114-го Новоторжковского пехотного полка, до Финляндии квартировавшего в Митаве, Лифляндия (совр. Латвия). Браков между солдатами (офицеры не учитывались) на протяжении многих лет не зафиксировано. Перевод полка в Финляндию совпал с военными реформами, и законом 1874 г., когда срок службы сократился, и нижним чинам было запрещено жениться во время службы³.

Так какие все-таки существовали «pro et contra» в отношении «межкультурных» браков того времени? Во-первых, исторический и с ним же связанный напрямую психологический аспект.

В течение предыдущих ста лет четырежды Швеция воевала с Россией на территории Финляндии и трижды русская армия полностью оккупировала всю ее территорию. Последствия любой войны, любой оккупации — это, прежде всего, посттравматический синдром для мирного населения. В случае с Финляндией можно сказать, что нескольким поколениям подряд довелось перенести сильнейшие психологические травмы, проявлявшиеся позднее в разнообразии форм — от психических расстройств и нервных заболеваний, глубочайших депрессий и пьянства до непримиримой ненависти к русским. Формировалось то, что Юнг назвал «родовой памятью» или «коллективным бессознательным». Женщины не были исключением. Напротив, на их долю доставалось, возможно, даже больше всех.

Ибо, не говоря об имевших место случаях физического насилия или принуждения в том или ином виде к вступлению в связь с завоевателями, на них обрушивалась ненависть соотечественников после ухода русских. Вне зависимости, были ли женщины изнасилованы или добровольно завязывали отношения с солдатами. А таких случаев тоже было немало, ибо Финляндия несла значи-

тельные потери среди мужского населения в шведских войнах, при этом русские приходили, казалось, навсегда, тем не менее всех виновных и невинных подвергали остракизму, называли «русскими шлюхами», запрещали посещать церковь. Таким же преследованиям подвергались и их дети⁴.

Необходимо отметить, что лютеранская мораль и шведские законы в отношении внебрачных связей относили их к преступлению «прелюбодеяния», основывались исключительно на трактовках Ветхого Завета и карали очень сурово, вплоть до смертной казни. Позднее, после 1709 г. (т. е. после Полтавы), а также смерти короля Карла XII, наказания были смягчены⁵, но общественное мнение оставалось непреклонным, и женщин, вне зависимости от причин, по которым они имели отношения с русскими солдатами, ждала незавидная судьба. По свидетельствам, приводимым финским историком Кустаа Вилкуна, эти женщины опускались на дно общества, занимались торговлей спиртным, проституцией, бродяжничеством⁶.

Причем, если бы, скажем, присоединение Финляндии произошло в петровское время, т. н. «Iso Viha»⁷, когда шведская провинция потеряла огромное количество мужчин — до 50 тыс. из 400 тыс. населения⁸, то этим можно было бы объяснить массовость случаев вступления в отношения финляндских женщин с русскими солдатами. Но война 1808–1809 гг. не отличалась особым кровопролитием, и потери Финляндии были незначительны⁹.

Возникает другой, серьезный аспект или препятствие. Это различие веры. Во-первых, практически все население Финляндии относилось к лютеранской церкви. Это ясно видно из тех же метрических книг, где абсолютно все женщины — «финляндские уроженки», вступавшие в брак, были лютеранского вероисповедания.

Однако, судя по особому манифесту от 20 марта 1812 г., практически сразу после присоединения Финляндии, вопрос о смешанных браках стал чрезвычайно остро. В нем говорилось, что «в силу данного жителям Финляндии обещания свободного вероисповедания... постановлено, что дети, рожденные от брачной четы различного вероисповедания, должны быть воспитаны в той вере, к которой принадлежит отец, не допуская о сем особых договоров между брачными лицами, совершение же таковых браков должно быть по обрядам обеих церквей»¹⁰.

Манифест вступал в противоречие с традицией лютеранской церкви, считавшей, что согласие на брак с лицом лютеранского вероисповедания есть согласие на крещение и воспитание детей в лоне той же церкви. Сопротивление этому гражданской половиной в браке могло вызвать нежелательные для нее последствия. В то же время присоединение Финляндии к Российской империи абсолютно не означало появление на территории Великого княжества потенциальных православных русских «невест» или «жен», коих мы в настоящее время можем видеть в значительном количестве, отнюдь, пришла армия, состоявшая из мужчин; следовательно, речь шла о местных женщинах лютеранского вероисповедания. Насколько серьезны были опасения лютеранской церкви, мы сможем увидеть в метрических книгах.

Вступая в отношения с русскими солдатами, в том числе и вне брака, финляндские женщины искали защиты у православной церкви. С этим связано и крещение в православную веру внебрачных детей, и крещение самих женщин при вступлении в брак с русскими солдатами. Так, например, в церкви Иконы Божьей Матери всех скорбящих радостей при Гельсингфорском военном госпитале крещен 10 апреля 1812 г. «незаконнорожденный младенец Георгий» у «шведской вольной девки Федосии», восприемником которого стал «инвалидной подвижной № 18 роты солдат Нефед Трепов». А также «помазаны миром» (т. е. приняли православную веру): 23 февраля 1812 г. «швецкая (шведская. — А. Ш.) вольная девка Евдокия», восприемник — «Костромского полубатальона унтер-офицер Осип Сачковский»; 6 марта 1812 г. «швецкая вольная девка Татьяна», восприемник — «Литовского полка солдат Хрисинф Степанов»¹¹.

Есть и еще один момент, на котором следует остановиться. Мы все время воспринимали солдата времен Александра I, и особенно Николая I, как некую забитую «серую скотинку». Стоило ли в таком случае свободной женщине связывать судьбу с таким супругом? Поскольку солдат получал возможность проживать с семьей вне казармы, так как обеспечить жилыми помещениями от армии было весьма затруднительно, и Высочайшим повелением 1830 г. «платы от казны» на «вольнонаемные помещения» не полагалось, то многие полковые командиры разрешали жениться только при наличии у жениха и невесты средств к существованию. В качестве примера можно привести лейб-гвардии Волынский пехотный полк,

квартировавший на другом берегу Финского залива в Ораниенбауме и его окрестностях. Здесь, вместе с просьбой о разрешении вступить в брак, жених предоставлял и денежное обеспечение: унтер-офицер в размере 500 руб., а рядовой 300 руб. ассигнациями. При этом рядовой получал жалованье от 30,83 руб. (младшего оклада) до 38,54 руб. (старшего оклада), унтер-офицер — до 70,66 руб. ассигнациями в год¹². Соответственно, или они, или их избранницы должны были обладать необходимыми сбережениями.

Могли ли быть такие деньги у нижних чинов? Вполне вероятно. В Фонде «Канцелярия генерал-губернатора» Национального архива Финляндии хранится интересный документ, касающийся некой девицы Лены Софии Крюмблум из Або (Турку), взявшей в долг под проценты деньги — 250 руб. у казачьего урядника Антонова и 100 руб. у казака Якима Можаяева, оба из донского казачьего полка Денисова 6-го¹³.

Вместе с тем доход семейных и холостых солдат разнился. Семейным выдавались на руки следующие деньги: жалованье с именными (последние составляли 3 руб. в год); амунические (т. е. на пошив и содержание мундира); порционные (т. е. стоимость мясной и водочной порции); проценты с артельной суммы (деньги, получаемые на продовольствие роты, обычно отдавались в рост под проценты); за переноску мундирных вещей (т. е. бережное отношение к мундиру, что позволяло экономить казенные деньги, которые выдавались в таком случае на руки); различные пожалования; и т. н. заработные деньги, т. е. за какие-то выполненные на стороне и с разрешения начальства работы, причем без вычетов на нужды полка. Холостые же не получали порционные деньги, а также часть «зарабочих» отдавалась в полк, но зато им причиталась некая сумма от экономии продовольствия, шедшего в общий котел¹⁴.

Между тем браки заключались не только с солдатами и матросами, но даже с крепостными людьми офицеров и чиновников русской армии или их жен¹⁵.

Обратимся к метрическим книгам Свеаборгской Александроневской крепостной церкви, где численность гарнизона была величина относительно постоянная в сравнении с другими военными церквями, где воинские части постоянно менялись. Рассмотрим два года — 1847-й, — т. е. царствование Николая I, и 1863-й — царствование Александра II.

До 1854 г. церковь размещалась в «среднем этаже портового каменного флигеля, где в то время находились такелажные и парусные мастерские»¹⁶. В 1847 г. гарнизон крепости состоял из двух линейных батальонов, артиллерийской прислуги, ластовых экипажей¹⁷, иных различных команд, вплоть до арестантских рот. Общая численность не превышала 3000 чел., включая женщин и детей¹⁸.

За 1847 г. заключено 18 браков, из них половина смешанных¹⁹. Также в это время в крепости Свеаборг родилось 108 детей обоего пола, из них 45 в смешанных браках. Примечательны сроки крещения новорожденных — от 1 до 5 дней²⁰. Таким образом, мы можем предполагать, что число семей в гарнизоне Свеаборга составляло от ста до двухсот, что в общем-то соответствовало среднему показателю по всей армии. Для сравнения: в 3-й гвардейской пехотной дивизии, располагавшейся в Петербурге и окрестностях, количество семейных нижних чинов в те же годы насчитывало от 210 (в лейб-гвардии Волынского полку) до 250 чел. (в лейб-гвардии Литовском полку)²¹. В то же время мы можем говорить о том, что половина семей Свеаборгского гарнизона была смешенного вероисповедания. На севере Финляндии, вероятно, эти цифры даже несколько больше, что связано, прежде всего, с удаленностью от России и невозможностью выписать семью к себе или найти на месте православную невесту.

Рассмотрим вопрос смертности. В 1847 г. в крепости скончалось 188 человек, из них 32 ребенка обоих полов и 16 женщин. Каковы были здесь причины?

В сводной ведомости на первом месте стоит чахотка и сухотка — 62 солдата и матроса и 4 женщины. Не совсем понятно, отчего два столь разных заболевания сведены в одну графу. Чахотка — туберкулез, сухоткой называлось заболевание нервной системы с поражением спинного мозга и, как правило, связывалось с сифилисом. Попробуем разделить их. В месячных отчетах значится: умерших от чахотки — 47 мужчин и 3 женщины, от сухотки — 15 чел. мужчин, 1 женщина и 1 годовалый ребенок.

Следующими по массовости (37 случаев) стоят «водяная брюшная болезнь» — асцит, связанный в 75 % с циррозом печени (30 случаев) и «водяная грудная болезнь» — гидроторакс, т. е. нахождение жидкости в плевральной полости (7 случаев). В сводном отчете также объединены «воспаление легких, брюшины, горла и кишок» —

27 случаев. К массовым заболеваниям относится и «нервная горячка» — тиф — 22 случая. Имели место «апоплексические удары» (12 случаев), воспаление мозга, понос, лихорадка и др.²²

Много это или мало? Сравним, опять же, с лейб-гвардии Волыньским полком. В том же 1847 г. в Ораниенбауме умерло 61 чел., в 1848-м — 91 чел.²³ Отсюда, можно сделать предположение, что смертность в Свеаборге была значительно выше при одинаковых климатических условиях и сложностях с расквартированием. Причинами, возможно, служили худшее, по сравнению с гвардией, питание, а также размещение в холодных каменных казематах, скученность проживания.

Смерти от сухотки, связанной с сифилисом и от водяной болезни — цирроза печени, безусловно, свидетельствуют о проблемах с нравственным состоянием войск. Это объясняется «застарелостью» заболеваний, полученных еще в 20–30-е годы XIX в., и продолжительностью службы. Хотя в гвардии от сухотки, т. е. сифилиса, практически избавились, данные об этом заболевании по 40-м годам отсутствуют. В целом из 100 солдат, дослужившихся до отставки, было 52 чел., умирали же 24 чел., и столько же списывалось по болезням²⁴. Но проблема иных венерических заболеваний по-прежнему оставалась. В «Военном вестнике» за 1884 г. опубликованы данные по подобным болезням в армии: на 1000 служивших в 1879 г. — 44,25 % заболевших, в 1882 г. — 37,8 %²⁵.

Отдельно рассмотрим вопрос детской смертности. Как уже упоминалось, в 1847 г. в крепости скончалось 32 ребенка, из них 24 в возрасте до одного года (19 — до месяца). Возможно, из-за столь высокой смертности — около 20 % родившихся, — так скоро осуществлялось и их крещение. Основные причины — воспаление легких, коклюш, желудочно-кишечные заболевания, оспа и «общая слабость». Такая проблема существовала повсеместно. Например, в те же годы специально созданная медицинская комиссия гвардейского корпуса во главе со штаб-лекарем действительным статским советником Л. Я. Нагумовичем изучала причины высокой детской смертности. В ее заключении говорилось следующее: «Дети нижних чинов не пользуются обыкновенными и вместе с тем необходимыми для здоровья условиями: хорошим воздухом, надлежащим уходом и здоровой пищей... Причина же смертности должна заключаться: в суровости климата, в роде жизни и нуждах матерей, которые, занимаясь различными промыслами для снискания себе

и детям пропитания, большей частью не кормят их своей грудью, оставляют без нужного попечения, но главной и господствующей причиной должна почтаться теснота помещений и неизбежный при том спертый воздух, который имеет губительное влияние на слабость и нежность детского возраста»²⁶.

Что изменилось в царствование Александра II? Обратимся к метрическим книгам церкви Александра Невского за 1863 г. Кстати, именно в этом году император посещал Свеаборг и лично инспектировал модернизацию и перевооружение крепости. Гарнизон состоял из 3215 чел., в том числе 416 женщин и детей²⁷.

В 1863 г. было заключено 25 браков, из них 15 смешанных. Родилось 112 детей, из них 26 от смешанных браков²⁸. Можно предположить, исходя из числа родившихся, что процентное соотношение стало меняться в сторону уменьшения численности семей, где жены являлись «финляндскими уроженками». Очевидно, это связано с возможностью более свободного перемещения для русских православных женщин, а также увеличением русского населения Финляндии и, в частности, Гельсингфорса. Однако в браках, заключаемых непосредственно в крепости, финляндские женщины по-прежнему преобладали.

Что касается смертности, то налицо явное улучшение санитарного и медицинского состояния. Умерло всего 58 человек, т. е. практически в два раза меньше, нежели за 16 лет до этого. О причинах смерти говорить сложно, ибо на этот раз священник, заполнявший метрическую книгу, чаще всего ограничивался формулировкой — «от обыкновенной болезни». Что скрывалось под таким диагнозом, неизвестно²⁹.

В целом можно отметить, что тенденция связывать свою жизнь с русскими солдатами и матросами у финляндских женщин сохранялась на протяжении всего XIX века, вплоть до 1874 г.

¹ Большая часть метрических книг хранится в филиале Национального архива в городе Миккели — Mikkelin maakunta-arkisto.

² “Intercultural marriages”.

³ См.: Mikkelin maakunta-arkisto. Метрические книги церкви 114 Новоторжковского пехотного полка 1873–1884 гг. — 114 Novotorzhskin jalkavärykmentin ortodoksinen sotilasseurakunta. Metrikka 1873–1873 (I C:1) — Metrikka 1884–1884 (I C:10).

⁴ *Vilkuna K. H. J. Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki, 2005. S. 568–571, 577.*

⁵ *Крунберг М. Л. Каролинские женщины // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 219–224.*

⁶ *Vilkuna K. H. J. Op. cit. S. 568–571.*

⁷ «Великое Лихолетье» (фин.) — так в финской историографии называется период завоевания Финляндии в 1710–1721 гг.

⁸ *Шкаров А. Г. По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008. С. 125–127.*

⁹ Там же. С. 242–243.

¹⁰ Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб., 1906. С. 114.

¹¹ *Mikkelin maakunta-arkisto. Метрическая книга церкви Гельсингфорского военного госпиталя за 1812 г. — Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Ca:1. Л. 2–3.*

¹² *Луганин А. Опыт истории Лейб-Гвардии Волынского полка. В 2-х ч. Ч. 1. 1817–1849. Варшава. 1884. С. 323–329.*

¹³ *Kansallisarkisto (Национальный архив, Хельсинки) (далее — КА). Ф. Канцелярия генерал-губернатора. ККК (Kenraalikuvernöörin Kanslian asiakirjaat) Fa 162 № 140.*

¹⁴ *Луганин А. Указ. соч. С. 354–355.*

¹⁵ Например, 1813 г. зафиксированы следующие браки — 23 апреля «Крепостной человек госпожи аудиторши Васильевой Андрей Михеев и шведская девица Варвара» и 27 апреля «Крепостной человек Низовского полка поручика С. (фамилия неразборчива) Алексей Петров с финской девицей Марией». См.: Метрическая книга церкви Гельсингфорского военного госпиталя за 1813 г. — *Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Ca:1. Л. 5.*

¹⁶ *КА. Ф. «Русские военные дела» (VSA) № 10254. Ведомость о церкви. Строительство каменной церкви по проекту К. А. Тона началось в 1850 г. и завершено в 1854 г.*

¹⁷ *Для вспомогательных судов — А. Ш.*

¹⁸ Всего на январь 1847 года в Финляндии находилось: 9599 чел. пехоты 22-й дивизии, 1327 чел. в крепостях, 819 казаков и 624 чел. в инженерных ротах. — *РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 400. «Войска финляндские». Численное состояние войск, в Финляндии расположенных. Январь 1847. С. 4.*

¹⁹ В том числе: рядовой 3-й военно-рабочей роты инженерного корпуса Стефан Зоробнов (45 лет) сочетался браком с девицей Анной-Гретой (32 года) (фамилия не указана); лабораторный унтер-офицер 2-го класса арсенальной № 4 роты корпуса морской артиллерии Иван Климентьев (36 лет) с девицей Ловизой Каролиной Талкелот (22 года); батальонный горнист Финляндского линейного № 11 батальона Павел Горев (32 года) с девицей Анной Стиной Михельсдоттер (24 года, уроженка Тавастгустской губернии); унтер-офицер того же батальона Константин Антипов (32 года) с девицей Леной Ловизой Линдквист (21 год, уроженка Ньюландской губернии, киршпиль Сиббо); рядовой

6-го ластового экипажа Константин Баусов (вдовец, 41 год) с девицей Фридрикой Вильгельминой Кюберг (23 года); рядовой Финляндского линейного № 11 батальона Василий Матвеев (38 лет) с девицей Гедвигой Адамовой (20 лет, уроженка Тавастгусской губернии, киришил Янакала, деревня Вескелей); рядовой 1-го класса Морской арсенальной роты № 4 Федор Рябчиков (33 года) с девицей Густиной Вильгельминой Асандер (26 лет); чиновник 12-го класса, содержатель лесных хранилищ Афанасий Сергеев Рылков (вдовец, 56 лет) с девицей Вендлой Софией Андерсен (26 лет, уроженка Гельсингфорса, дочь умершего студента); бомбардир 6-й роты артиллерийского гарнизона Федот Семенов (30 лет) с девицей Екатериной Еленой Линд (30 лет). См.: Метрические книги Свеаборгской Александры Невской церкви 1846–1850 гг. См.: Mikkelin maakunta-arkisto. Suomenlinnan Aleksanteri Nevskin ortodoksinen sotilasseurakunta. Metrikka 1846–1850. I Ca:6. Л. 45–55.

²⁰ Там же. Л. 2–42.

²¹ Численность Л.-Гв. Волынского пехотного полка около 2683 чел. (1847 г.), что соизмеримо с гарнизоном Свеаборга. Несмотря на то что это гвардия, условия размещения семейных нижних чинов весьма схожи с финляндскими. См.: *Луганин А.* Указ. соч. С. 352–354. Приложение II.

²² Mikkelin maakunta-arkisto. Метрические книги Свеаборгской Александры Невской церкви 1846–1850 гг. Suomenlinnan Aleksanteri Nevskin ortodoksinen sotilasseurakunta. Metrikka 1846–1850. I Ca:6. Л. 90–91.

²³ Причины смерти не указаны, но, судя по приведенной статистике заболеваний, на первом месте также стоят чахотка и различные простуды. См. *Луганин А.* Указ. соч. Приложение VII.

²⁴ *Луганин А.* Указ. соч. С. 382–386.

²⁵ *Лоссовский (штабс-капитан).* Забава и дело в казарме // Военный сборник. Т. VII. СПб., 1884. С. 72–112.

²⁶ *Луганин А.* Указ. соч. С. 354–355.

²⁷ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. SHS. Helsinki, 1997. P. 113–115.

²⁸ Mikkelin maakunta-arkisto. Метрические книги Свеаборгской Александры Невской церкви 1846–1850 гг. Suomenlinnan Aleksanteri Nevskin ortodoksinen sotilasseurakunta. Metrikka 1846–1850. I Ca:15. Л. 2–32.

²⁹ Там же. Л. 69.

Д. В. Малануха

**ФОНДЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В ВЫБОРГЕ
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОЙ
СЛУЖБЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО**

На сегодняшний день наименее разработанной темой в истории российско-финляндских отношений остается комплексное исследование становления и развития таможенного законодательства Великого княжества Финляндского (системы таможенных органов, правового и тарифного регулирования) с учетом особого государственно-правового статуса Финляндской автономии в составе Российской империи.

В опубликованных в 60–70-е гг. прошлого века и ставших уже классическими монографиях Л. В. Суни, И. М. Бобовича и Г. Д. Корнилова¹ финляндское таможенное законодательство первой половины XIX столетия фактически не рассматривалось.

В середине 1990-х гг. эта тема привлекла внимание Е. Е. Тетериной (в то время — аспирантки С.-Петербургского государственного университета), опубликовавшей ряд статей, посвященных проблемным вопросам исторического развития таможенно-тарифной составляющей внешнеэкономических связей Великого княжества Финляндского², и Е. Е. Райконен, чья диссертация, выполненная на кафедре теории и истории права и государства, истории политических и правовых учений Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор К. Е. Ливанцев) явилась первым (и, кажется, до сих пор единственным) в историко-правовой науке комплексным монографическим исследованием таможенного законодательства Великого княжества³.

Важное место среди источников, использованных в исследованиях Е. Е. Тетериной и Е. Е. Райконен, занимают архивные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива. Авторы работ широко использовали журналы заседаний и решения Совета Министров и Государственного Совета империи, представления Финляндского Сената, материалы департаментов Государственного Совета, документы, подготовленные Государственной канцелярией и Государственной думой, различными министерствами Российской империи.

К сожалению, пока исследователями не изучались и не использовались в работах документы таможен и таможенных застав, действовавших на территории Выборгской губернии Великого княжества Финляндского. Однако это достаточно объемный документный комплекс — 483 ед. хр. за 1794–1917 гг. из 12 архивных фондов, хранящихся в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге (ГКУ ЛОГАВ)⁴.

Тематически весь комплекс хранящихся здесь архивных документов можно систематизировать по следующим шести разделам: 1) распорядительные документы, поступившие в таможенные учреждения из вышестоящих инстанций; 2) отчетные и статистические документы (как годовые, так и за отдельные месяцы), а именно: финансовые отчеты, в том числе отчеты о сборе пошлины и отчеты о портовых сборах; статистические сведения о работе таможенных застав, в том числе статистические сведения по таможенным стражам за периоды навигации; сведения об импорте и экспорте товаров через заставы за отдельные годы; 3) служебная переписка, в том числе переписка между начальниками таможенных подразделений и пограничными фискалами Выборгской губернии об организации передвижных таможенных застав для устранения контрабандной перевозки товаров, а также сопутствующие переписке материалы: наряды и журналы регистрации входящих документов; конспекты исходящих документов; 4) документы, отражающие повседневную деятельность таможенной службы: таможенные журналы; кассовые книги; книги мерительных свидетельств морских судов; списки кораблей, относящихся к районам таможенных застав; черновые книги фискалов; 5) документы по личному составу: распоряжения Генеральной таможенной дирекции по личному составу; годовые отчеты по личному составу пограничных застав, таможенных страж и таможенного судна

на Ладожском озере; статистические сведения о работниках застав; списки служащих таможен; послужные списки, врачебные и другие свидетельства на таможенных служащих; ведомости на выплату жалования личному составу таможенных страж, таможенного судна на Ладожском озере и отдельным таможенным инспекторам; 6) документы, освещающие финансово-хозяйственное обеспечение таможенной службы Великого княжества Финляндского, в том числе: годовые бюджеты Экспедиции и Министерства финансов, а также относящихся к ним ведомств; сметы расходов на содержание сторожевого судна на Ладожском озере; акты осмотра и оценки казенных зданий; протоколы приемосдаточных осмотров таможенных застав; планы застройки застав и чертежи зданий; описания помещений таможенных станций; ведомости учета недвижимого имущества застав и инвентарные описи имущества пограничных таможенных застав.

Однако документы сохранились далеко не в полном объеме, часть их была выделена к уничтожению в ходе экспертиз в середине 1950-х гг.⁵ Тем не менее оставшийся корпус источников дает достаточное представление об устройстве и деятельности таможенной службы на территории Выборгской губернии.

Тем не менее на примере Хаминской таможенной конторы⁶, где документы сохранились наиболее полно, имеющим 126 ед. хр., и за наиболее протяженный отрезок времени (1812–1884 гг.) можно все же представить общий комплекс хранящейся в архиве документации по таможенным вопросам.

Хаминская (Фридрихсгамская) портовая таможня была создана не позднее 1744 г.⁷ в городе Фридрихсгаме (Fredrikshamn, фин. *Näminä*), который перешел к России по Абоскому мирному договору 1743 г. В реестре состоящих в Российской империи портов, портовых и пограничных таможен и застав⁸, прилагавшемся к утвержденному императрицей Елизаветой 1 декабря 1755 г. Таможенному уставу, Фридрихсгамская таможня указывается как самостоятельное таможенное подразделение.

По завершении Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Фридрихсгамская портовая таможня вошла в состав таможенных учреждений Великого княжества Финляндского, а после провозглашения 23 ноября (6 декабря) 1917 г. независимости Финляндии таможня продолжила свою деятельность уже как Хаминская на территории Финляндской Республики⁹.

Документы Хаминской таможни можно классифицировать по нескольким группам.

Первая — организационно-распорядительные документы вышестоящих инстанций, в том числе императорские указы, а также циркуляры, объявления и формуляры Генеральной таможенной дирекции Великого княжества Финляндского.

Отметим, что вначале таможня подчинялась, с одной стороны, Экспедиции финансов Хозяйственного департамента Сената Великого княжества Финляндского¹⁰, а с другой — местному ландсгевдингу (губернатору). Однако уже 6 февраля 1812 г. была образована Главная таможенная дирекция (с 28 мая 1839 г. — Генеральная таможенная дирекция), подчинявшаяся через Хозяйственный департамент Финляндскому Сенату¹¹.

В фонде, в частности, сохранился ряд важных распорядительных документов этих органов¹². Интересен Императорский указ от 28 ноября 1812 г., направленный во Фридрихсгамскую таможню из Временного департамента Коммерц-коллегии, в отношении ненадлежащего исполнения предписания Департамента внешней торговли от 22 ноября 1811 г. таможням и заставам об обязательном докладе «по делам судным и тяжбыным вновь начинающимся и получившим уже производство, но неоконченным...». Как следует из текста Указа, данное предписание на практике не выполнялось, своевременные доклады в 1812 г. поступали только из Петербургской, Кронштадтской и Семипалатинской таможен. В Указе 1812 г. строго регламентировалось:

«...По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Временный Департамент Коммерц-Коллегии *Приказали*: всем Таможням и Заставам недоставляющим ведомостей о делах тяжбыных и судных, предписать Указами, дабы они на основании вышепомянутого предписания Департамента Внешней торговли, непременно доставляли в сей Департамент по истечении каждого месяца ведомости о нерешенных делах тяжбыных и судных, буде же... таковых дел не имеется, то бы и об оном для сведения доносили Департаменту особыми рапортами также по прошествии каждого месяца»¹³.

Во исполнение Императорского указа во Фридрихсгамской таможне была заведена «Ведомость о нерешенных делах», в которой ежемесячно детально записывались как существо самого судебного дела, так и причина его приостановки¹⁴.

Среди распорядительных документов выделяются те, которые разъясняют действующие нормативные акты и устанавливают механизм их реализации. В частности, в фонде хранится копия циркулярного письма генерал-губернатора Великого княжества Финляндского графа Фаддея Фаддеевича Штейнгейля от 21 декабря 1815 г., сообщающего Выборгскому земскому правлению о полученном от управляющего Коллегией иностранных дел тайного советника Ивана Андреевича Вейдемейера уведомлении о продлении российско-шведского договора о мореплавании и торговле от 24 марта (5 апреля) 1812 г. до конца 1816 г. Циркуляр предписывает: «...Как помянутый договор до получения Высочайшего обнародованию онаго повелению не может быть установленным порядком доведен до общего сведения... то... впредь до получения надлежащего разрешения руководствоваться существующими по сему предмету постановлениями»¹⁵.

Вторую группу составляет отчетная документация. Сохранились годовые отчеты за 1812–1821 гг., 1823–1841 гг., 1843–1849 гг., 1851–1876 гг., 1879 г.¹⁶ В них содержатся сведения о финансировании и канцелярских расходах таможи, оформленных грузах, выявленных фактах контрабандной деятельности и иных таможенных нарушениях¹⁷. Только на основе этого, отдельно взятого документа можно представить полную картину экспортного товарооборота через морскую таможню за определенный навигационный период, совокупность же всех статистических таможенных отчетов, хранящихся в фондах ЛОГАВ, позволяет с достаточной степенью точности прояснить все стороны российско-финляндских внешнеторговых отношений на протяжении XIX столетия.

Кроме того, изучение отчетной документации помогает отслеживать и историю реорганизации самой Фридрихсгамской таможи, что не всегда возможно проследить по организационно-распорядительным документам. В частности, известно, что по состоянию на декабрь 1811 г. Фридрихсгамская таможня не являлась самостоятельным подразделением, а, в соответствии с Манифестом от 24 июня 1811 г. об учреждении Таможенного управления по Европейской торговле¹⁸, представляла собой таможенную заставу Выборгской таможи.

Еще одна группа документов — служебная переписка. Прежде всего, сюда относят документы, касающиеся вопросов организации взаимодействия с другими таможенными учреждениями

Российской империи и воинскими частями, расквартированными в зоне ответственности таможенного учреждения¹⁹. Далее здесь есть документы, связанные с перепиской по различного рода финансовым вопросам: в отношении денежных выплат таможенным чиновникам и лицам, прикомандированным к таможенному учреждению²⁰, а также в отношении прочих финансовых расходов таможенного учреждения, в том числе по оплате различного рода поставок и услуг²¹. Наконец, в фонде присутствуют сопроводительные письма к судовым и грузовым паспортам, таможенным декларациям и другие подобные документы, освещающие вопросы таможенного оформления лиц и грузов, пересекающих российско-финляндскую границу²². Причем важно, что сохранились не только наряды и журналы регистрации входящих документов за 1812–1884 гг., отражающие повседневную деятельность таможенного учреждения, но и конспекты исходящих документов, которые показывают общеисторическую обстановку того времени²³, дают представление о распорядительных документах, отсутствующих в соответствующем фонде²⁴, освещают отдельные нюансы повседневной деятельности таможни²⁵. Взятые в совокупности, источники данной группы как нельзя лучше представляют все стороны служебной и финансовой деятельности таможенного учреждения, раскрывая детали бюрократического механизма исполнения различных законодательных актов и ведомственных распоряжений.

Еще одну группу документов составляют материалы, отражающие основную деятельность таможни по охране российско-финляндской границы и пресечению контрабандной деятельности. В их числе документы, проливающие свет на организацию охраны границы и проведение мероприятий по пресечению таможенных правонарушений²⁶, материалы, отражающие процедуру административных и судебных разбирательств по фактам совершенных правонарушений²⁷, а также документы, извещающие о санкциях, примененных к нарушителям таможенных правил²⁸.

Отдельная группа — документы в отношении различного рода грузов и товаров, перемещаемых через таможню²⁹. Сюда же относятся запросы в отношении поставленных и недопоставленных товаров, доверенности на получение грузовых и почтовых отправок³⁰, а также товарные знаки организаций, ведущих внешнюю торговлю³¹.

Заключительная группа — документы по личному составу: ежегодные бюджеты для таможенных учреждений Великого княжества Финляндского, содержащие сведения о штатной численности таможен и таможенных застав и должностных окладах таможенных чиновников; послужные списки таможенных служащих, отчеты по личному составу за отдельные годы и др.

«Списки о службе чинов и служителей» содержат в себе сведения о занимаемой должности, имени и фамилии, годе и месте рождения, социальном происхождении («из какого звания производит»), карьерном росте («когда в службу вступил, и во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил»), служебную характеристику («какого поведения и о исправности в делах»), давая тем самым бесценную информацию о конкретных людях, охранявших таможенную границу Великого княжества Финляндского³². Документы этой группы дают представление и о форме таможенных чиновников того времени; например, имеется описание униформы таможенных служащих Великого княжества Финляндского, введенной Императорским постановлением от 22 июня 1839 г.³³

Все вышеперечисленные архивные материалы являются документами на бумажной основе, содержащими рукописные и печатные тексты на шведском и частично на русском языке.

Исторически использование шведского (точнее — старошведского) языка в имеющихся текстах объясняется тем, что он являлся государственным языком Великого княжества Финляндского, и делопроизводство таможенных учреждений велось на шведском и изредка на русском языках.

Преобладание шведских текстов (как рукописных, так и печатных) и служит косвенной причиной того, что, к сожалению, документы вышеуказанных фондов на сегодняшний день практически не исследованы, хотя представляют значительную историческую ценность, являясь важным свидетельством организации и развития института таможенной службы в Великом княжестве Финляндском, как составляющей части целого комплекса мероприятий военно-политического, экономического и социального характера, проводимых российской императорской властью на всем протяжении XIX в., в целях достижения политической стабильности на приобретенной территории.

¹ Суни Л. В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX века. (1858–1885). Тарту, 1968; Бобовиг И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; Корнилов Г. Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX века. Л., 1971.

² Тетерина Е. Е. Таможенное законодательство Великого княжества Финляндского в первой половине XIX века // Правоведение. 1995. № 1. С. 108–114; Она же. Проблема русско-финляндского таможенного объединения. 80–90-е годы XIX века // Там же. № 3. С. 113–117.

³ Райконен Е. Е. Таможенное законодательство Великого княжества Финляндского: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

⁴ Ленинградский областной государственный архив в Выборге (далее — ГКУ ЛОГАВ). Ф. 144 (Выборгской таможенной заставы); Ф. 145 (Коткаской таможенной камеры); Ф. 146 (Хаминской таможенной конторы); Ф. 147 (Канцелярии пограничного инспектора восточной границы); Ф. 148 (Ваммельсууской таможенной заставы); Ф. 151 (Раяйокской таможенной заставы); Ф. 154 (Куоккальской таможенной заставы); Ф. 157 (Липольской таможенной заставы); Ф. 159 (Питкяпаасинской таможенной заставы); Ф. 160 (Раасульской таможенной заставы); Ф. 162 (Юккольской таможенной заставы); Ф. 164 (пограничного фискала Муола-Кивеннапского округа).

⁵ Это декларации-объявления капитанов кораблей с перечнем товаров, рапорты владельцев товаров об их прибытии и отправке, таможенные журналы, журналы сбора таможенной пошлины, сопроводительные отношения, квитанции, счета, фрагменты различных документов.

⁶ ГКУ ЛОГАВ. Ф. 146.

⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое (далее — ПСЗРИ-1). Т. XII. Ст. 8856.

⁸ Там же. Т. XIV. Ст. 10486.

⁹ Suomen Valtiokaleri. 1918. Jonka on julkaissut. Helsinki, 1917. S. 243.

¹⁰ Собрание постановлений Финляндских. СПб., 1902. Т. I. Узаконения, обнародованные на русском языке. 1808–1839. Ст. 3.

¹¹ Собрание постановлений Финляндских. Т. I. Ст. 160; Samling af Placater. Т. I. С. 236–244; Алфавитный указатель к постановлениям, относящимся до Великого княжества Финляндского. СПб., 1909. Т. III. С. 1365.

¹² См., например: Инструкция адвокат — фискалам при Главной таможенной дирекции от 17 декабря 1821 г. (ГКУ ЛОГАВ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 11–13, 17–18) или Циркуляр Главной таможенной дирекции от 4 февраля 1829 г., разъясняющий порядок использования таможенными чиновниками при проведении конфискационных мероприятий воинских подразделений, в том числе артиллеристов (Там же. Д. 34. Л. 16–17) и циркуляры Генеральной дирекции, извещающие об изменениях в таможенно-тарифном законодательстве (Там же. Д. 54. Л. 7–8), а так же распорядительные документы иных вышестоящих гражданских и военных инстанций, например Распоряжение Фридрихсгамского коменданта от 13 мая 1835 г. об организации безостановочного пропуска в период навигации из Петербурга во Фридрихсгам продовольствия (Там же. Д. 46. Л. 49–50).

¹³ Там же. Д. 2. Л. 59.

¹⁴ Например: «О задержании при оной станции (т. е. Фридрихсгамской портовой таможне. — Д. М.) у российского крестьянина Гиндрих Симмонсона 4-х кулей муки ржаной, 12-ти фунтов сахару, 10-ти фунтов чаю, сомневаясь, что все сие умышлено было в Швецию...» и далее: «По елику хозяин утверждал, что прописанные припасы не намерены были за границу, то сие дело предано к рассмотрению герадского суда, в коем оное сколько таможне известно уже решено, [но по сие вр] (начатая фраза зачеркнута писавшим. — Д. М.) и освобождено от конфискации, но о том от реченного суда еще уведомления не имеется» (Там же. Д. 1. Л. 47 об.).

¹⁵ Там же. Д. 10. Л. 8.

¹⁶ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 18, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 60, 62, 64, 66, 68, 70, 73, 76, 78, 80, 82, 84, 86, 88, 90, 91, 93, 95, 97, 99, 100, 102, 104, 106, 107, 109, 110, 112, 114, 116, 118, 120, 123.

¹⁷ Информативны отчеты о сборе пошлины и отчеты о портовых сборах; статистические сведения о работе таможни за периоды навигации; сведения об импорте и экспорте товаров через Фридрихсгамскую таможню за отдельные годы.

Например, реестр об отходящих кораблях и судах по Фридрихсгамской портовой таможне за 1812 г. содержит следующие сведения относительно каждого оформленного на отход из порта судна: число и месяц отправления, название корабля, его флаг («какой нации» — как указано в реестре), класс корабля, где построен, грузоподъемность («скольких ластов»), порт назначения, имя шкипера, количество экипажа, число пассажиров, наличие паспортов и патентов (где и кем выданы), владелец судна, порт погрузки, владелец груза («имя нагрузателя»), грузополучатель (имя купца и название места выгрузки), наличие балласта, сведения о грузе (наименование товара, его количество, вес и мера), «количество фрахтовых денег», объявленная цена товара (каждого товара в отдельности и всего груза в целом), сумма собранной пошлины (как с самого судна, так и с перевозимого на нем груза) (Там же. Д. 1. Л. 55–58).

¹⁸ ПСЗРИ-1. Т. XXXI. Ст. 24684. Однако уже на первом листе (за январь) годового отчета за 1812 г. (ГКУ ЛОГАВ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1) данное таможенное представительство именуется «таможенным учреждением» или «таможей» («Tullkammare» — шведск.) (Там же. Д. 1. Л. 1 об.–2), а не «Tullbevakning» (дословно — «таможенный надзор» — шведск., — термин, которым обозначались таможенные заставы), что косвенно указывает на реорганизацию Фридрихсгамской таможенной заставы в период с 12 по 31 декабря 1811 г., выразившуюся в изъятии ее из структуры Выборгской таможни и придании ей статуса самостоятельной таможни (11 декабря 1811 г. последовали манифесты «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» (ПСЗРИ-1. Т. XXXI. Ст. 24907) и «О присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндии» (Прибавление к Уложению Финляндии. СПб., 1827. С. 261), законодательно утвердившие передачу Великому княжеству Финляндскому Выборгской губернии; а Манифест «Об устройстве Выборгской губернии» от 31 декабря 1811 г. (ПСЗРИ-1. Т. XXXI. Ст. 24934) распространил на присоединенную к Великому Княжеству территорию действие финляндского законодательства).

¹⁹ См., например: запросы из Нарвской и С.-Петербургской таможен о предоставлении необходимых сведений (ГКУ ЛОГАВ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 56. Л. 69–70;

Д. 96. Л. 12–12 об.; Д. 96. Л. 16–16 об.) или запросы от командиров Выборгского внутреннего гарнизонного батальона (1818 г.) и Финляндского линейного батальона (1839 и 1840 гг.) об организации караульной службы (Там же. Д. 14. Л. 74–74 об.; Д. 54. Л. 85–85 об.; Д. 56. Л. 68).

²⁰ См., например: Письмо от 30 августа 1823 г. о выплате денежного содержания новому военному начальнику таможенной вахты (Там же. Д. 22. Л. 87) или Сопроводительная Округного интендантского управления Финляндского военного округа от 7 сентября 1871 г. к денежной премии, выписанной смотрителю Питкяпаясинской таможенной станции за спасение казенного груза с потерпевшего крушение судна (Там же. Д. 111. Л. 102–102 об.).

²¹ Например: прошение смотрителя Гогландского маяка о выплате ему денежного вознаграждения за поставленное в 1843 году во Фридрихсгамскую таможенную гавань сало (Там же. Д. 61. Л. 238).

²² Там же. Д. 24. Л. 66–67 об.; Д. 34. Л. 97; Д. 121. Л. 152.

²³ См., например: «В Выборгское Губернское Правление. Е. И. В. Указ из онаго Правления прошлого декабря месяца от 28-го под № 6527-м и при том один экземпляр Манифеста о именовании Старой и Новой Финляндии совокупно Финляндиею и о бытии прежней Финляндской губернии на равнее с губерниями, в Финляндии существующими в Главном управлении для сей Страны учрежденном, в таможенную генваря 9-го получен» (Там же. Д. 1. Л. 59).

²⁴ См.: «В Департамент Внешней Торговли. Предписание онаго Департамента ... под № 2597-м о пропуске в Россию прусской серебряной монеты в $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{2}$ талера, и как с оною поступать, и о прочем, в таможенную марта 15-го получено. По которому онаго Департамента Предписанию чинено быть имеет» (конспект от 16 марта 1812 г. (Там же. Л. 70 об.).

²⁵ См.: «Г-ну Начальнику Санктпетербургского таможенного округа. На содержание при сей таможне шлюбки в нынешнее летнее время, без коей обойтись нельзя, нужно с 1-го числа мая до окончания навигации по 1-е число ноября всего в 6 месяцев, иметь необходимо 3 человека гребцов, с платою каждому по 8-ми рублей, ниже которой цены здесь никакого способа не имеется на то людей нанять, и на починку оной шлюбки потребно 6 рублей, о чем Вашему высочородию таможенная сим донести честь имеет...» (конспект от 23 мая 1812 г.) (Там же. Л. 81 об.).

²⁶ Например, рапорт командира яхты «Голубка» о задержании у Соммерского маяка обывательской лодки, принадлежащей барону Роззе (Там же. Д. 58. Л. 52).

²⁷ Среди них — запрос Эстляндского гражданского губернатора действительного статского советника Ивана Христофоровича фон Гринвальда в отношении лиц, задержанных в 1843 г. в Выборгской губернии за контрабандную деятельность (Там же. Д. 61. Л. 98–99), или рапорт командира Донского казачьего 4-го полка, расквартированного в Выборге, от 25 февраля/9 марта 1847 г., направленный во Фридрихсгамский таможенный суд (Там же. Д. 67. Л. 38–38 об.).

²⁸ См.: уведомление Перновской портовой таможни от 5 сентября 1867 г. о взыскании штрафа в размере 100 рублей серебром со шкипера российской палубной лодки «Такерарт» Андреаса Вейде за отход из порта без таможенного вида (паспорта) (Там же. Д. 105. Л. 82–82 об.).

²⁹ В их числе: свидетельства о поставках и расписки грузополучателей (Там же. Д. 46. Л. 15–17; Д. 96. Л. 177), документы (свидетельства и паспорта)

на право провоза товара через российско-финляндскую границу (например, свидетельство, выданное купцу 3-й гильдии Николаю Сергееву, на право получения во Фридрихсгамской таможене и беспрепятственный вывоз в С.-Петербург двух тысяч бутылок водки, поступивших из Риги (Там же. Д. 61. Л. 21–21 об.) или паспорт, выданный 23 августа 1878 г. Выборгским губернским правлением шкиперу Томасу Таллаи, для следования в Петербург на судне «Тойво» с грузом камня и т. п.).

³⁰ См., например: доверенность от 18 февраля 1863 г., выписанная хорунжим Донского казачьего полка № 16, расквартированного в Куопио, для получения посылки (Там же. Д. 98. Л. 23–23 об.).

³¹ См. Товарный знак Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры (1878 г.) и т. д. (Там же. Д. 122. Л. 200).

³² Интересно сравнение послужных списков самого юного и самого пожилого из служителей Фридрихсгамской таможни (по состоянию на май 1812 г.): «Писец Даниел Линд, от роду 16 лет, пономарской сын, уроженец финляндской. Вступил писцом в сию таможню 1812 февраля 1-го. Поведения доброго и прилежен» и «Досмотрщик канцелярист Иван Колк, от (роду. — Д. М.) 70 лет, из мещанских детей, уроженец ревельской. Вступил: Мушкатером в голстинской Зеймера полк 1758 июня 20-го. За реформою онаго полка в 1761-м году уволен от службы. Паки гусаром в гусарской венгерской полк 1764 генваря 1-го. Переведен в Острагорской гусарской полк мая 15-го. Капралом: 1774 (мая. — Д. М.) 15-го, вахтмейстером — 1775 генваря 25. По прошению за болезнью тем же чином в 1787-м году отставлен. Вступил паки: пограничным объездщиком в Финляндскую губернию 1792 мая 1-го и досмотрщиком в сию таможню 1801 генваря 28. Поведения доброго и в должностях исправен» (Там же. Д. 1. Л. 59–59 об.).

³³ Там же. Д. 119. Л. 34–35.

Е. Ю. Дубровская

**«ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ» В КАРЕЛИИ:
ВРЕМЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АВТОРОВ
ПРАВОСЛАВНЫХ ИЗДАНИЙ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ***

Изучение фактора времени и исторических представлений жителей Карелии в начале XX в., накануне и в годы Первой мировой войны позволяет лучше понять феномен региональной памяти и особенности формирования национальных образов прошлого в картине мира представителей этносов-соседей, населяющих приграничье. Вступление России в Первую мировую войну не только повлияло на активизацию памяти об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада. Актуализировались представления о «священных местах» родного края, веками сохранявшиеся в коллективной памяти жителей западных уездов Олонецкой и Архангельской губерний¹.

Толерантные и конфликтные мифы, конструирувавшиеся накануне войны православными периодическими изданиями, и воспринимавшиеся читателями как достоверные «воспоминания», привлекли внимание высшей духовной и русской административной власти в Финляндии к судьбе издававшегося в Выборге епархиального журнала «Карельские известия». На его страницах публиковались путевые заметки православных миссионеров, чье понимание пространства как времени способствовало формированию как имперского дискурса, так и заметно отличающихся друг от друга образов Карелии и Финляндии в исторической памяти населения приграничья.

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

С середины XIX столетия Финляндия переживала период национального становления и формирования нации, который был неизбежно связан с поисками корней и построением национального мифа². Это привело финских национальных активистов к «открытию» древней Карелии и ее идеологической маркировке как «Золотого века» финской истории³. Как пишет историк национального движения карельского народа М. А. Витухновская, интерес финского образованного общества к карелам был обусловлен идеей, что «воображаемое Отечество» у карел и финнов общее. Основная часть рун «Калевалы» была собрана на территории Российской Карелии, «их напели Элиасу Леннроту карельские сказители», и «карельский по происхождению эпос дал основу для создания мифической истории финнов и карел». Именно мифическая страна обитания героев эпоса — Калевала — была трактована как общая прародина обоих народов⁴.

Северное Приладожье, как и Беломорская Карелия, казалось финским путешественникам своеобразным заповедником финской национальной культуры, который пытался устоять перед беспощадным натиском русской экспансии и давлением Русской Православной церкви⁵. Подобно их русским современникам, финны воспринимали пространство Карелии как минувшее время, однако это минувшее виделось им с противоположным знаком⁶.

Идеализированное отношение финских студентов к традиционной культуре карел — к своеобразному «окну в прошлое» — проявилось, в частности, во время церемонии похорон известнейшего рунопевца из Суйстамо Петри Шемейкка 11 апреля 1915 г.⁷ Проводить рунопевца в последний путь и возложить цветы на его могилу на кладбище в селение Олея приехали студенты Гельсингфорсского университета, куратор Карельского землячества магистр Л. Ханникайнен вместе с секретарем землячества И. Реландером и представителем от землячества Саво Н. Рийхикаллио. В прощальной речи на кладбище Ристиваара он говорил о чувствах студенческой молодежи Финляндии, вызванных смертью «замечательного карела», дожившего до 90 (95) лет, о значении «Калевалы» для финского народа, а также о том, что «старое поколение талантливых людей разъясняло жизненные вопросы в тиши глухи глухих лесов и своими песнями и рунами прививало народу дух «Калевалы».

Сообщив об этой церемонии, гельсингфорсская газета “*Hel-singin sanomat*” привела слова, написанные на ленте траурного венка и обращенные к покойному: «Петри Шемейкка, уважая

тебя, студенческая молодежь Финляндии желает оказать глубокое уважение всему тому поколению, ныне находящемуся в могиле, которое воспевало “Калевалу”»⁸.

По меткому наблюдению исследователя Ю. Шикалова, если для финнов «пограничная полоса» карельской земли, лежащая в мифологическом пространстве между Востоком и Западом, была исчезающим «патриархальным раем», то для их российских коллег это были «задворки России»⁹. О последнем свидетельствует дневниковая запись иеромонаха Исаакия (Трофимова)¹⁰, который в конце 1914 г. в составе православной миссии участвовал в поездке Выборгского духовенства по приходам Приладожской Карелии.

Оказавшись в ожидании подвод в расположенном на берегу Ладоги селении Питкяранта, путешественник с сожалением отмечает: «Это когда-то оживленное место носило на себе печать упадка. Всюду развалина и порча. Одна лишь заводская труба, вытянувшись ввысь, стоит величаво и победоносно. Когда-то здесь возобновится прежняя кипучая деятельность и опять будут извлекать богатства из недр земли? — Один Господь весть»¹¹.

Примечательны «места памяти», которые обратили на себя внимание миссионера в близлежащих населенных пунктах Великого княжества и были связаны не с «финляндской», а с «имперской» историей края. Так, из его рассказа о посещении лютеранского села Импилахти читатель узнавал о «красующемся рядом с киркой» памятнике, который был сооружен «по случаю посещения данного места Императором Александром II». Антиподом этому памятнику виделся автору действующий в селе Импилахтинский народный университет, саркастически названный в дневнике «известным» детищем «доктора Хейнари», много поработавшего «по вытравлению в карелах русского, а вместе с тем и православного облика»¹².

В раскинувшемся на живописных горах с. Кидель (Кителя) внимание путешественника привлекли старая и новая православные церкви. О старой Исаакий сообщил, что она «представляет собою археологическую редкость и оберегается как храм-памятник», посоветовав на то, что документы о времени постройки старого храма затеряны или сгорели при строительстве нового.

Мифология XX в. убеждает в том, что мифы вообще «ни в коем случае не есть прерогатива только религии и дорелигиозных верований»¹³. Ю. М. Антонян, исследовавший истоки современного мифологического сознания, заметил, что легенды, сказания и т. д.

могут создаваться для различных целей, обладают поэтому разными функциями и обслуживают разные социальные силы и интересы. Среди особенно значимых и сильных он считает архетип разрушения и смерти как залог новой жизни и нового порядка¹⁴, выделяя его наряду с архетипом справедливости, добрым, хотя и суровым олицетворением которого в годы Первой мировой войны представляла сражающаяся мать-Россия¹⁵.

Важной особенностью традиционного крестьянского мышления, сохранившего в себе ряд архаических черт, является то обстоятельство, что время и неотделимое от него пространство не наделены чертами прогресса. Поэтому «время и пространство для такого сознания обрывается (должно оборваться), в результате чего возникает (должно возникнуть) новое, качественно иное состояние бытия»¹⁶. Представления людей о таком переходе человека из одного состояния в другое, качественно отличающееся от первого, можно обозначить как архетип «рубежа». По наблюдению исследователя, «рубеж» становится разрывом в пространстве и во времени, которые «в архаическом сознании воспринимаются не как абстрактные понятия, а как материально осязаемая ткань событий». Этот разрыв достигается через «порчу» времени и пространства, через испытания и страдания. Причем в роли признака такого «испорченного пространства-времени» могли выступать не только войны, но и любые другие экстремальные для архаического сознания ситуации, вплоть до смены династий на престоле или природных аномалий¹⁷.

«Места седой старины», которые посещали миссионеры, противопоставлялись и самому наблюдателю, видевшему эту старину как будто из другого времени, и пространству «святой матушки-Руси», которой Карелия, в соответствии с представлениями об «отсталости» целых регионов мира, виделась «приемной дочерью», убогой «падчерицей»¹⁸. Публикация Б. Тинского, появившаяся в осенью 1915 г., демонстрирует представления автора и людей его круга о разных временных координатах и смыслах времени.

Прежде всего, о времени линейном, что выражалось в стремлении «подтягивать так называемые отсталые народы к современности»¹⁹. Однако в статье усматривается еще один смысл времени. Это вечный беспорядок, который неистребим и противостоит волевому усилию миссионерской деятельности. Если это волевое усилие можно считать вектором «развития» — линейным временем исто-

рических изменений, то время возвращения к традиции, в прошлое, становится вектором, обратным модернизации.

«И в теперешнее время, — сокрушался автор статьи “Запросы духа”, — насаждая в Карелии православие и народность, совершив свое исконно традиционное *regretum mobile*, мы дошли до той грани, что хоть снова крести и обращай в православие “мало не все карелы”! Хоть снова зови на просветительские нивы начального образования новых варягов из-за неопределенных морей той же Руси-матушки!»²⁰

Актуализируя существовавшие у читателей журнала исторические представления о призвании варягов на Русь и о крещении карел в 1227 г. князем Ярославом Всеволодовичем, Б. Тинский подводит своих читателей к заключению, что истинная вера в этих местах требует постоянных волевых усилий миссионеров не столько по ее распространению, сколько по поддержанию ее. Цитируемый текст содержит свидетельство в пользу того, что в одной темпоральности, представленной линейным временем миссионерской деятельности, присутствует и другая — скрытый хаос, некая временная констатнта, в которой сложно что-либо изменить.

Неприязненное отношение к представителям «чужой культуры» характерно для описаний миссионерских поездок русского духовенства по приходам с православным карельским населением как в Российской, так и в Финляндской Карелии. Этим отличаются, в частности, предназначавшиеся для публикации в «Карельских известиях» записи «Дневника карельского миссионера» иеромонаха Исаакия, помощника Выборгского синодального миссионера²¹.

В его дневниковых записях также различимо постоянное время хаоса, скрытно присутствующее в линейном времени развития. Перу Исаакия принадлежат путевые заметки «о жизни наших братьев — православных карел, которые судьбою заброшены на далекий север и отделены от взаимообщения с нами пространством, непроходимыми природными дебрями и другими препятствиями». Автор подчеркивает трудные условия, в которых находится «Кемская Карелия» из-за своего бездорожья, сурового климата и «отдаленности от того развития, коим дышит двадцатый век». По его словам, жизнь на севере «еще суровее потому, что люди там чувствуют, что они забыты своими собратьями»²².

Однако иеромонаху Исаакию, как и многим другим авторам «Карельских известий», именно прошлое видится стабильной, упорядоченной порой в жизни карельского края, временем,

предшествовавшим распространению т. н. панфинского влияния на населенные православными карелами территории приграничных уездов Олонецкой и Архангельской губерний²³.

Заметка некоего Выборгского старожила на страницах «Карельских известий» содержит ностальгические воспоминания о городской старине тридцати—сорокалетней давности, «когда все выборгские торговцы были русские, православные, не только по фамилии, но и по внешности, по складу жизни, духу и традициям, сохранявшими свои патриархальные обычаи в семье и в жизни»²⁴.

Неудивительно, что и появление в конце XIX столетия первых лютеранских школ в карельском приграничье стало своеобразным временным маркером для населения края, впоследствии крайне негативно воспринятым православным духовенством и авторами епархиальных изданий. Так, описывая в 1915 г. обстановку в д. Кайдаярви Суоярвского прихода Выборгской епархии, один из них подчеркнул, что «лет 20 назад, до открытия здесь финской народной школы, народ в этой деревне был самый религиозный, обходительный и вежливый из всего обширного прихода». В настоящее же время деревня стала одним «из самых ярых финнофильствующих гнезд прихода», где «молодежь уже перелицована окончательно на финский образец и ужасно отличается от своих отцов»²⁵.

Иеромонах Исаакий, который в конце 1913 г. путешествовал в составе противолутеранской миссии по приходам Беломорской Карелии, в 1915 г. опубликовал и дневниковые записи, относящиеся к предвоенному периоду. Накануне войны он отмечал, что здесь «до сего времени оплотом православия были остатки старообрядчества», и с сожалением констатирует: «...теперь финское влияние и школы вытесняют и их»²⁶.

В приведенном им описании «быта и нравов» карел противопоставление «старого» «новому» также сделано не в пользу последнего. По свидетельству автора дневниковых записей, «до сего времени во всех селениях встречается смешанный тип построек: старые дома — нечто оригинальное, собственно карельское, и новые дома — если не совсем на финский лад, то больше чем наполовину».

В журнальных публикациях 1916 г. неоднократно встречается образ «незапамятных времен», призванный удревнить общую историю карел и русских, воссоздавая совместное сакральное прошлое. По наблюдению московского культуролога А. Г. Васильева, который занимается изучением проблемы памяти и идентичности в истории

memory studies (мемориальных исследований), в центре того, что данное сообщество считает сакральным, располагается коллективно воображаемое прошлое, а среди событий этого прошлого особенно выделяются те, что связаны с мифом о происхождении²⁷.

Борьба российских властей за идентичность карел против попыток «других» соседей присвоить и воспроизводить элементы карельской культурной традиции стала характерной чертой периода, предшествовавшего началу Первой мировой войны и особенно военному времени. Продолжался конфликт между финскими националистическими мыслителями, которые воспринимали населенную карелами территорию, в том числе и Российскую Карелию, как часть общекантонского «идеального Отечества»²⁸, с одной стороны, и имперской светской и духовной властью на пограничных территориях — с другой. Источником конфликта оставалось не различие своей и карельской культуры, но стремление каждой из противоборствующих групп смягчить эти различия, унифицировать культурное пространство.

Разумеется, к идеологическим приемам, включавшим в себя выступления в прессе против усилий империи по «перетягиванию» карел на свою сторону и создание концепции единства карельского и финского этносов, прибегала и финляндская сторона. Востребованной становилась память об исторических событиях, служившая обоснованием представлений об общем происхождении соплеменников, что должно было поддерживать ощущение их кровного единства на протяжении длительного времени, несмотря на более или менее радикальные перемены минувших эпох.

Отразившиеся в «Карельских известиях» представления жителей приграничья о символическом освоении пространства позволяют увидеть, как освоенное пространство-время начинало функционировать в новом качестве²⁹. С началом военных действий на фронте возникла необходимость внести коррективы в историческую память населения. Одним из способов ее актуализации стало обращение авторов журнала к теме всенародного отпора общему врагу, поднимавшейся в каждом номере. В частности, о проводах на фронт добровольцев — одиннадцати воспитанников Выборгской учительской семинарии — журнал писал осенью 1914 г., а чуть позже — об отъезде в армию Александра Вешкельского, священника Александро-Невской церкви прихода Маншила вблизи Салми.

Обстановка военного времени давала широкие возможности применения репрессивных мер против действий, враждебных центральной правительственной власти, под которыми подразумевались и публикации в печати. К таким действиям оказалась причислена и деятельность директора Сердобольской семинарии К. А. О. Реландера. Публикации в журнале дают понять, какие личности и события из имперской истории удостоивались коммеморации, кто из учителей русских школ в северном Приладожье заслуживали, в отличие от преподавателей Сердобольской семинарии, упоминаний на страницах официальных православных изданий накануне и во время Первой мировой войны.

Попытки российских официальных периодических изданий воздействовать на историческую память подчинялись задаче представить имперскую историю как общее прошлое жителей многонационального государства, а национально-историческое мифотворчество подкреплялось созданием имперских «мест памяти». Несмотря на то что христианское вероисповедание предполагает, что золотой век человечества остался в прошлом, что вектор общественного развития оказывается направленным назад и что «раньше было лучше», в культуре жителей приграничья присутствовал как негативный, так и позитивный образ прошлого.

¹ Подробнее см.: Дубровская Е. Ю. Карельско-финляндское приграничье в исторической памяти населения Карелии (по материалам периодики начала XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Матер. Десятой ежегод. междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2008). СПб., 2009. С. 17–27.

² См. также: Карху Э. Г. История литературы Финляндии, Л., 1979; Он же. Элиас Леннрот — жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996; «Калевала» — памятник мировой культуры: Матер. науч. конф. Петрозаводск, 1986; «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Матер. междунар. науч. конф., посв. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010; Сойни Е. Г. Русско-финские литературные связи начала XX века. Петрозаводск, 1998. С. 73–86 и др.

³ Витухновская-Кауппала М. «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Шикалов Ю. Г. Стереотипы Беломорской Карелии: взгляд с Востока и с Запада // Сортавальский исторический сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 2003. С. 123.

⁶ К. Н. Lönnrötin runokeräysmatkoja // Karjalan kävijä. 1908. Elokuun numero. S. 6–9.

⁷ Колесникова С. М. Приладожье — родина рунопевцев // Сортавальский исторический сборник. Вып. II. С. 150.

⁸ Цит. по: Похороны карельского певца рун Петра Шемейки // Карельские известия. 1915. № 7. С. 5.

⁹ Шикалов Ю. Г. Стереотипы Беломорской Карелии: взгляд с Востока и с Запада // Сортавальский исторический сборник. Вып. II. Петрозаводск, 2003. С. 123.

¹⁰ Приношу благодарность Т. И. Шевченко за биографические сведения о Синодальном миссионере Выборгской епархии иеромонахе Исаакии.

¹¹ Путевые впечатления (поездка по Карелии) // Карельские известия. 1916. № 14. С. 4.

¹² Там же.

¹³ Антоян Ю. М. Миф и вечность. М., 2001. С. 192.

¹⁴ Там же. С. 192–193.

¹⁵ См. также: Дубровская Е. Ю. Русские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны: к проблеме автостереотипа // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. (История, теория, педагогическая практика): Матер. науч. конф. Петрозаводск, 2001. С. 166–172.

¹⁶ Егоров А. К. Пространство и время в восприятии войны русским крестьянством XIX века // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 164.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Тинский Б. Запросы духа // Карельские известия. 1915. № 16. С. 4.

¹⁹ О разработке этого аспекта на материалах миссионерской деятельности православных священников в Сибири см.: Скорин-Чайков Н. Множественная темпоральность: перевод, обмен и антропология времени // Пути России. Будущее как культура. С. 16–20.

²⁰ Тинский Б. Указ. соч. С. 3.

²¹ Подробнее об этом: Дубровская Е. Ю. Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. // Христианство в регионах мира / Ред. Т. А. Бернштам. СПб., 2002. С. 58–70.

²² Из дневника карельского миссионера // Карельские известия. 1915. № 13. С. 4.

²³ Историография проблемы рассмотрена, в частности, в монографическом исследовании: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 31–53.

²⁴ Выборгский старожил // Карельские известия. 1915. № 11. С. 7–8.

²⁵ С. П. Щ. Деревня Кайдаярви Суоярвского прихода // Карельские известия. 1915. № 9. С. 8.

²⁶ Из дневника карельского миссионера // Карельские известия. 1915. № 13. С. 5.

²⁷ Васильев А. Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. VI. С. 57.

²⁸ Витухновская М. А. Российская Карелия... С. 336.

²⁹ Разработка проблемы проводилась в ряде исследований: Рабинович Е. Г. Незримая граница // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003. С. 64–83; Терехин Н. М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993; Тхагапсоев Х. Г. К проблеме предметного пространства и научного статуса культурологии // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. I: Теория культуры. СПб., 2008. С. 5–15 и др.

Д. А. Журавлёв

**СОБЫТИЯ И ОБРАЗЫ
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ
В ФОНДАХ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ**

Фонды Военно-медицинского музея включают богатую коллекцию предметов, затрагивающих тему советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Их общее число превышает 700 единиц хранения¹. Лишь малая часть из них представлена на ныне действующей экспозиции, в разделе, посвященном медицинскому обеспечению войск Красной армии в 1938–1940 гг., при этом редкий посетитель, а также специалист знакомы с предметами из этого ряда. Вместе с тем обращение к данным материалам показывает их важность и несомненный интерес для исследователей, не только организаторов медицинской службы, но и историков.

Формирование коллекции материалов советско-финляндской войны относится к первым годам существования Военно-медицинского музея, на период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда шел сбор материалов на фронтах и в различных частях. В то же время данное направление не было главным, и предметы собирались скорее по периоду шедшей войны и связаны были с вопросами медицинского обеспечения Ленинградского и Карельского фронтов, особенностями оказания медицинской помощи в особых климато-географических условиях. Вместе с тем стоит отметить, что в ходе незначительного межвоенного периода 1940–1941 гг. удалось провести сбор и обобщение материалов за время войны с Финляндией. Масштабы этой работы были ограничены и локализованы, а собранные предметы носили скорее иллюстративный характер.

Следующий период, наиболее плодотворный, первые послевоенные годы, когда Военно-медицинский музей был передислоцирован в Ленинград. Кроме того, в 1951 г. была открыта экспозиция музея, в которой были затронуты отдельные вопросы, связанные с периодом 1939–1940 гг., но скорее это носило случайный характер. В основной массе материалы, связанные с советско-финляндской войной, находились в фондах. Данный период важен вследствие того, что в то время участники войны либо по собственной инициативе, либо после обращения со стороны командования музея стали передавать личные материалы на хранение в фонды музея. Кроме того, существовала возможность получить либо сделать копии с фотографий, отображавших особенности жизнедеятельности Красной армии и медицинского обеспечения войск. Так, в 1949 г. большое число фотографий было передано из Артиллерийского музея.

Наконец, в последние два десятилетия, когда к теме боевых действий 1939–1940 гг. было приковано значительное внимание со стороны специалистов и широкой зрительской аудитории, в фонды музея поступило немало предметов, отображающих в том числе активность исследователей по данному вопросу.

Материалы поступали в фонды из различных музеев, клиник Военно-медицинской академии, иных лечебных учреждений, от известных деятелей отечественной медицины и военно-медицинской службы, частных лиц.

Коллекция советско-финляндской войны, существующая в Военно-медицинском музее, довольно разнообразна по составу и включает в себя различные материалы. В состав коллекции входят: документы (оттиски приказов Народного комиссара обороны СССР, начальника Санитарного управления Красной армии и санитарных отделов), письменные источники, фотоматериалы, книги, предметы медицинского снабжения, модели, живопись и пр. Наибольший интерес для исследователя представляют воспоминания непосредственных участников событий, а также фотоматериалы². В особый раздел выделены материалы, посвященные «Надежде Степановне Глебовой-Корнеевой», участнице Гражданской войны, прошедшей и советско-финляндскую. В данном разделе представлены ее фото, почетные грамоты, выписки из писем больных с благодарностью, удостоверение, поздравительный адрес в связи с награждением, выписка из приказа войскам ЛВО о награждении, статьи, личные вещи и пр.³

Самый большой раздел посвящен участникам войны-врачам. Это в подавляющем большинстве фотографии, групповые и одиночные, а также личные материалы представителей медицинского состава. Немало среди фотографий и панорам отдельных участков местности, где проходили наиболее ожесточенные бои. Панорамы в основном представлены в разделах, посвященных укреплению противника.

Значительная часть фотографий поступила из архива музея, а также архива военно-медицинских документов, который на протяжении многих десятилетий был составной частью Военно-медицинского музея⁴. Фотографии, стоящие в разделителях за конкретными учреждениями, как правило, фиксируют отдельные моменты их жизнедеятельности — расположение, личный состав, повседневная работа и пр.

Объем материалов по той или иной теме определялся характером деятельности учреждения, а также его возможностями фиксировать свою работу в период боевых действий. В частности, весьма обширный материал представлен по деятельности полевого подвижного госпиталя (ППГ) Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, в первую очередь фотографиями, что объясняется, вероятнее всего, наличием фотографа в составе госпиталя, а также заинтересованностью командования академии. В данном случае представлена детально повседневная жизнь госпиталя, основные его подразделения и службы, личный состав, а также зафиксированы различные аспекты оказания медицинской помощи.

В фондах музея находятся негативы и позитивы отдельных случаев ранений, которые представляли значительный интерес с точки зрения медицинской науки и практики. При этом они снабжены необходимыми аннотациями, включающими в себя подробности получения того или иного ранения военнослужащим. Необходимо отметить, что значительное число подобных фото поступило из клиники нервных болезней Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

В разделе «Снабжение» представлены как образцы медицинского имущества, находившегося в распоряжении санитарной службы Красной армии, так и трофейные предметы, в том числе санитарная сумка, а также металлический финский кастет.

Значительную ценность представляют также рукописи, в основном выполненные непосредственными участниками событий

1939–1940 гг.⁵ В состав коллекции входят оттиски статей, напечатанных в военно-медицинских периодических изданиях в предвоенный период⁶. Представлены также книги и брошюры⁷. Есть издания и на финском языке, выпущенные уже в современный период, в частности «Военно-медицинское обеспечение в Финской войне 1939–1945 гг. в фотографиях».

В фонде Военно-медицинского музея представлены диаграммы, изготовленные в начале 1950-х гг., вероятно, незадолго до открытия первой экспозиции в Ленинграде в 1951 г. На них зафиксированы основные показатели работы военно-медицинской службы в 1939–1940 гг., распределение ранений и заболеваемости в войсках. В частности, «Ранения по роду ранящего оружия», «Процентное отношение ранений по областям к общему числу ранений».

В состав коллекции входит также немало медицинских документов, которые не вошли в состав архивных подразделений музея⁸.

Особый интерес представляют листы учета больных и раненых одного из полевых пунктов медицинской помощи в составе 8-й армии за январь 1940 г. В 2007 г. они были приобретены музеем у частного лица. Наравне с перечнем лиц, прошедших через указанный пункт, с указанием звания конкретного лица, важным является и материал, на котором выполнены данные записи — листы Священного Писания с гравюрами Г. Доре.

Богатый визуальный ряд содержат альбомы, которые раскрывают особенности деятельности и повседневной работы различных подразделений военно-медицинской службы, отдельных учреждений — чертежи оборудования подвижного состава постоянных и временных военно-санитарных поездов⁹. Эти экспонаты затем были представлены на различных временных выставках, развернутых как в стенах Военно-медицинского музея, так и за его пределами, в частности в Национальном музее Республики Карелия (Петрозаводск), Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда (Санкт-Петербург) и пр.

Таким образом, материалы Военно-медицинского музея могут иметь не только прикладное значение, и использоваться для создания выставочных проектов, иллюстрированных изданий и сопровождения научных работ, в образовательных целях. Наравне с этим предметы из фондов Военно-медицинского музея

представляют значительный интерес и для исследователей, так как содержат информацию не только по вопросам медицинского обеспечения войск в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг., но и связанным с повседневной деятельностью войск, особенностями ведения боевых действий и климато-географическими условиями театра военных действий, восприятия войны ее участниками.

¹ См.: Фонды Военно-медицинского музея (далее — ФВММ).

² Предметы и фото распределены в фондах Военно-медицинского музея по следующим разделам: ФВММ. «Боевые действия и быт Красной армии во время советско-финской войны»; «Обед на фронте»; «Утренний туалет»; «Во время ночного привала»; «Завтрак на аэродроме перед вылетом в бой»; «Танкисты за бритьем»; «Долговременные укрепления противника»; «Первая медицинская экспозиция после боевых действий против белофиннов в мае 1940 г. (Институт акушерства и гинекологии имени Д. А. Отта)»; «Оказание первой медицинской помощи раненым — ППП в лесу»; «БМП в блиндаже»; «первая помощь раненому»; «оказание самопомощи индивидуальным перевязочным пакетом»; «Вывос раненых с поля боя»; «Переносной домик для санитарных учреждений»; «Эвакуация раненых самолетом»; «Хирургическая помощь»; «Ранения»; «Неприятельские укрепления», «Полевые госпитали»; «Эвакогоспитали»; «ДМП 32»; «ФЭП 50»; «МСБ 70 стрелковой дивизии»; «Авто-хирургический отряд № 461»; «ЭГ 2305»; «ППП ВМА имени С. М. Кирова», «Больница имени Нечаева в Ленинграде»; «Участники войны — врачи»; «Участники войны — медсестры, военные фельдшера»; «Санитары. Санинструкторы и сандружинницы»; «Участники войны, награжденные орденами и медалями»; «Участники Советско-финляндской войны-немедики»; «Раненые и советская общественность»; «Могилы советских бойцов, погибших в Советско-финляндскую войну»; «Убитые финны».

³ Там же. Фонд Н. С. Глебовой-Корнеевой.

⁴ Архив Военно-медицинского музея (Архив ВММ).

⁵ См.: Там же. «Краткое описание белофинского пулевого оружия», «Благодарность раненых бойцов персоналу военно-санитарного поезда № 35», «Наркозная карточка эвакуационного госпиталя», «Статистические материалы о хирургической работе по отдельным МСБ и 83 дивизионному госпиталю 51 стрелковой дивизии», «Отчет о работе патологоанатомической группы 9-й армии за время войны» и пр.

⁶ См.: Там же. «Организационно-методические указания по физкультурной работе в госпиталях, санаториях, домах отдыха и батальонах выздоравливающих» (1939), «Уроки из опыта применения переливания крови на фронте войны с белофиннами» (1940).

⁷ См., в частности: Там же. «Инструкция № 1. Распределение ранений по степени срочности», «Первая помощь раненому в бою», «Организация питания и приготовления пищи в Красной армии», «Инструкции по лечению ранений

в тыловых госпиталях», «Боевые дни (Из опыта работы Ленинградского института переливания крови во время войны с белофиннами)», А. Н. Львов «Хирургическая работа медико-санитарного батальона (из опыта боев с белофиннами)».

⁸ Там же. операционная книга 148-го медико-санитарного батальона периода войны; журнал регистрации раненых 140-го отдельного медико-санитарного батальона; конверты-эвакуационные карточки; госпитальные карты; карточки передового района образца 1940 г.; бланки, отчеты о работе отдельных лечебных учреждений и др.; Книга отзывов и пожеланий больных и раненых эвакуационного госпиталя 2305 за 1940 г. (передано от частного лица, который, вероятно, имел отношение к данному лечебному учреждению).

⁹ См.: Там же. Иллюстрации к отчету Сестрорецкого эвакуационного госпиталя Северо-Западного фронта; иллюстрации к работе сортировочно-эвакуационного госпиталя № 1270; фотографии лечения случаев газовой инфекции на «оперативных койках», в отделении, развернутом на базе больницы имени Нечаева; альбом участника войны бригаврача Н. Н. Еланского; ранения периферической нервной системы военного времени.

Й. Бекман

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ

Одной из наиболее интересных современных национальных историографических школ — это изучение финскими исследователями участия Финляндии во Второй мировой войне. Особенностью данного историографического направления является его весьма своеобразный и даже виртуозный характер. Он выражается в фактологических искажениях исторических событий и в контекстуальном фальсифицировании, направленном на постоянную лжеадвокатскую спекуляцию вокруг практически всех фактов и событий участия Финляндии в войне. Причины данного феномена кроются не в стремлении к научному исследованию происходивших в период Второй мировой войны в Финляндии процессов, а в реализации крайне интересной психологической функции, направленной на современное формирование собственной исторической психологии населения страны. В результате во второй пол. XX — нач. XXI в. финские исследования об участии Финляндии в войне представляют, прежде всего, большой научный интерес и значение, но лишь для изучения политической психологии. В научно-историческом же значении об этой историографии можно лишь говорить о том, что в ней; ее достижения носят ярко выраженный *псевдонаузный* характер.

Возникает вопрос о мотивах, вызывающих стремление к искажению современными финскими исследователями истории Второй мировой войны. Очевидно, что они кроются в желании особо не волновать население Финляндии поисками правдивого

ответа, объективно объясняющего, почему их страна участвовала в войне как союзник нацистской Германии и какую цену она за это заплатила. Здесь главная задача — заставить финский народ продолжать верить, что Россия и русские — «вечные враги» Финляндии, которые всегда пытались «оккупировать» и уничтожить их страну. С другой стороны, важным для финской национальной историографической школы является доказательство того, что в ходе войны у Финляндии не было никаких особых отношений с нацистской Германией (немцы только ей немного «помогали»), что никакого национализма, фашистских движений и организаций в Финляндии не было. Такая искаженная мифология действует до сих пор, в том числе в современных финских школьных учебниках истории.

В результате в уже сформированную единую систему исторических представлений об участии Финляндии в войне абсолютно не укладывается существовавшее в этой стране в годы войны весьма широкомасштабное *антифашистское движение противостояния*. Факт его существования достаточно хитроумно пытаются скрывать, поскольку если в Финляндии «нет фашизма», если финны «не союзники нацистов», а русские только «оккупанты», то тогда никакого движения Сопротивления «не должно быть». Весь финский народ является якобы единым в борьбе против «русса»*.

Таким образом, здесь речь идет о практическом предотвращении возможности проведения любой денацификации Финляндии. Эта одна из главных функций финской фальсификации истории Второй мировой войны, поскольку для данного историографического направления важно, прежде всего, исказить историю, осуществляя это путем обмана и доказывая, что в Финляндии «нет и не было» никаких нацистских или фашистских движений, Финляндия «не была» союзником нацистской Германии — поэтому в Финляндии *никакой денацификации не нужно*.

Построения, на базе которых активно сейчас фальсифицируется военная история Финляндии, осуществляются по одной и той же традиционной схеме: Сталин или русские планировали «оккупировать» Финляндию и «уничтожить» финскую нацию, Финляндия всегда «была одна» в борьбе с «русской угрозой»,

* Оскорбительное слово в финской националистической и фашистской пропаганде, даваемое русскому населению.

финны принимали только «правильные решения», русские всегда были «не правы», «аморальны» и т. д. Для подтверждения этой схемы известный финский военный псевдоисторик Охто Маннинен даже опубликовал в 2008 г. «книгу-исследование», под названием «Как оккупировать Финляндию: оперативные планы Красной армии 1939–1944», в которой якобы содержались доказательства «сталинских планов» уничтожения финского народа и нации¹.

Таким образом, фальсификацию истории Второй мировой войны в Финляндии можно, прежде всего, определить как *информационную и психологическую войну против собственного народа*. Как результат, весь финский народ практически все время живет и продолжает жить в состоянии *военного психоза*. Эту паранойю легко заметить в финских органах массовой информации, которые регулярно передают крайне искаженные материалы по поводу военной истории Финляндии, финляндско-российских отношений и внутренней ситуации в России.

Главный же миф финской историографии Второй мировой войны — это *миф об оккупации*, о том, что изначальная цель Сталина была якобы «завоевать» всю Финляндию, «оккупировать» страну, уничтожить весь финский народ. Такой миф дает много возможностей финским псевдоисторикам оправдать решения и действия финских властей в военные годы.

Миф об оккупации, конечно, во многом был связан с историей, произошедшей с Прибалтийскими государствами, которые якобы были оккупированы летом 1940 г. В Финляндии часто говорят о том, что воевать, даже вместе с А. Гитлером, против СССР «было правильно», поскольку иначе Финляндию «ждала бы судьба» Прибалтийских государств. С этим также связана грубая фальшивка псевдоисторика Киммо Рентола (профессор университета г. Турку, а также сотрудник полиции безопасности Финляндии) о том, что И. Сталин планировал в 1940 г. расстрелять в Катынском лесу 30000 финнов². Это говорится даже, несмотря на то что ни один документ не поддерживает данное утверждение, но хорошо коррелируется с общей судьбой, уготовленной якобы для всех народов западных государств, соседних с СССР. Поэтому неслучайно в пропаганде об «оккупации» самое главное — это версия того, что «пакт Молотова — Риббентропа» якобы определял всю европейскую историю. Поэтому Прибалтику и Финляндию якобы ждала одна общая судьба: советская оккупация!

С другой стороны, финские псевдоисторики могли, используя положение о т. н. советской оккупации, отчасти признать факт «союзнчества» Финляндии с нацистской Германией, подчеркивая то, что оно являлось «вынужденной мерой», проявившись только летом 1944 г. в «личном решении» президента Р. Рюти. союзнчество, по их мнению, выразилось лишь в поддержке финской армии немецкими ВВС летом 1944 г., когда на Карельском перешейке началось мощное наступление советских войск, стремившихся, естественно, «оккупировать» страну. О широкомасштабном сотрудничестве немецкого и финского флота, пехоты, разведки, авиации, о наличии на территории Финляндии десятков аэродромов немецких воздушных сил для операций против Ленинграда и Карелии часто просто умалчивают, потому что эти факты не поддерживают мифа об «оккупации».

Примечательно, что в финской историографии регулярно говорят о «масштабном наступлении летом 1944 г. », для того чтобы доказать финнам, что в войне виноват Советский Союз, который напал на Финляндию. Но в финской историографии, конечно, не замечают то, что Финляндия с 1920-х до 1940-х гг. была крайне агрессивным для СССР соседом, которая сама несколько раз устраивала нападения на территорию Советской России и Карелии.

В этом отношении весьма примечательным является то, что когда в сентябре 2012 г. ведущая газета Финляндии «Хельсингин Саномат» организовала опрос своих читателей, выясняя их мнение: «Когда Финляндия имела больше всего независимости?», то один из ответов, опубликованных в газете, был крайне любопытным. Некий Матти Пюстюннен из города Эспоо ответил кратко: «Исторически мы были больше всего независимыми, и одновременно наиболее одинокими, в военные годы 1939–1944»³. Мнение Матти Пюстюннена, конечно, грубая фальсификация фактов — Финляндия на самом деле не была «одна», участвуя во Второй мировой войне, наоборот — она, возможно, была самым важным союзником нацистской Германии (и не только Германии, но и Италии), так же как, возможно, самым верным союзником нацистов и фашистов, поскольку цели в войне были у них общие: уничтожение Ленинграда и СССР, массовое уничтожение «низших рас» — русских, евреев и т. д.

Во многом финская историография Второй мировой войны — это буквальное повторение выступления защиты президента

Ристо Рюти на процессе против финских военных преступников в Хельсинки в 1945–1946 гг. Именно тогда Рюти настойчиво повторял клише, что Финляндия «была одна», что Сталин намеревался «оккупировать Финляндию», что союз с Гитлером был «вынужденным как единственный выход для финнов» и т. д.

Особенность исторической финской фальсификации состоит таким образом в том, что сама история участия Финляндии во Второй мировой войне уже начала искажаться и фальсифицироваться уже в ходе самой войны. Так, 25–26 июня 1941 г. широкомасштабная операция советской авиации против немецких (!!!) аэродромов и других военных объектов на территории Финляндии было представлено финнами как неожиданное и «неоправданное нападение против мирных жителей, женщин и детей». Именно так говорил президент Ристо Рюти в известном радиовыступлении 26 июня, прекрасно зная, что Финляндия была в реальном союзе с Гитлером. В том же самом радиовыступлении Рюти назвал Гитлера «гениальным вождем»⁴.

Во многом историография Второй мировой войны в Финляндии — это всего лишь повторение военной пропаганды военного периода. Финляндия, конечно, уже тогда пыталась подчеркнуть свою «независимую» роль в военной кампании рядом с Гитлером. Это было необходимо, прежде всего, для финских фронтовиков, чтобы те не поняли и не осознали того, что они воюют за нацизм и проливают свою кровь за интересы Германии (именно такими словами оценивал ситуацию сам бывший президент Рюти после войны).

Есть и другие примеры того, как финны подтасовывали историю в момент, когда сами исторические события еще происходили. Наиболее показательными являются т. н. выстрелы Майнила (Майнилан лаукаусет), о которых радио Москвы проинформировало накануне начала «зимней войны» — 26 ноября 1939 г. Согласно данным советской радиопередачи, советские пограничники зафиксировали со стороны финнов семь выстрелов, снаряды от которых затем попали на территорию СССР. Финские власти моментально решили сфабриковать дело против советского руководства, доказывая то, что советская артиллерия около границы с Финляндией якобы «стреляла в собственных пограничников», чтобы затем уже СССР появился бы повод для нападения на Финляндию. Для этих целей в финском Генштабе

в ночь на 27 ноября собрали «показания» финских пограничников, которые заявили, что они якобы видели с территории Финляндии, как советская артиллерия стреляла по своим. Показания были противоречивыми. Хотя на самом деле никаких «выстрелов Майнила» не было⁵. Но до сих пор придуманная история «выстрелов Майнила» является главным событием придуманной и фальсифицированной истории начала т. н. «зимней войны».

Но это не все, упоминавшийся уже финский псевдоисторик Охто Маннинен в начале 1990-х гг. заявил, что он якобы нашел доказательство «выстрелов Майнила» в российских архивах. Результаты данных «исследований» были опубликованы в 1994 г. По материалам Маннинена, есть документы о начале «зимней войны», где написано слово «расстрел». Это, по мнению Маннинена, является доказательством «планов» советского руководства относительно «выстрелов Майнила». Других доказательств, кроме слова «расстрел» в одном из документов российских архивов, известный финский профессор Маннинен (пока) не нашел⁶.

В вопросе о «зимней войне» также популярно среди финских псевдоисториков распространение мнения о том, что Лига Наций якобы законно лишила СССР членства в этой организации, после нападения Советского Союза на Финляндию в ноябре 1939 г. Эта версия для финских псевдоисториков является как бы доказательством того, что Финляндия ни в чем не виновата. Хотя на самом деле, как известно, решение Лиги Наций об исключении СССР было сделано с нарушением ее Устава и не имело законную силу.

Также в Финляндии популярно среди псевдоисториков говорить о том, что существование в 1939–1940 гг. т. н. терийоского правительства* было доказательством того, что СССР намеревался «оккупировать Финляндию». Однако это «доказательство» с таким же успехом можно применить тогда и к самой Финляндии, поскольку известно, что финны сами планировали уже во время «зимней войны» создать на территории советской Карелии (в районе Реболы) «русское народное правительство» под руководством Л. Д. Троцкого или А. Ф. Керенского. В финском руководстве даже приступили к формированию особой «русской народной армии» (типа предшественника «власовской армии»).

* «Финское народное правительство» на Карельском перешейке во время «зимней войны».

Но об этом в Финляндии говорить не принято, и опять здесь финские псевдоисторики хотят скрыть этот весьма «неудобный» для них исторический факт.

Таким образом, любой выбор тематики финских псевдоисториков всегда надо оценивать как попытку фальсифицировать историю или скрыть особо важные факты и события военного времени.

В этом отношении, в фальсификации истории путем концептуальной манипуляции, в Финляндии работают просто великие мастера. Есть, например, понятие официальной финской историографии — «война-продолжение» (по-фински «яткосота»). Это название периода трех с половиной лет 1941–1944 гг., т. е. времени начиная с участия Финляндии в операциях плана «Барбаросса» в качестве союзника Третьего рейха и до выхода страны из Второй мировой войны на стороне нацистской Германии. Однако столь обширный военный период для определенных финских «исследователей» является лишь временем «продолжения» чего-то, хотя только один сам план «Барбаросса» и его реализация были абсолютно уникальным явлением в военной истории, не говоря еще о блокаде Ленинграда и последующих затем событиях. К тому же не совсем понятно, «продолжением» чего может быть эта война, начавшаяся вместе с Гитлером против СССР. Некоторые финские псевдоисторики считают, что это является только продолжением «зимней войны» 1939–1940 гг., т. е. двустороннего военного конфликта, длившегося всего лишь 105 дней.

Использование термина «война-продолжение» («яткосота») является, конечно, самым хорошим доказательством того, что автор, возможно, фальсифицирует историю. К сожалению, по данным национальной библиографии Финляндии, в стране опубликовано 2143 работы о «войне-продолжении», а о «зимней войне» (по-фински «талвисота») только 1761 работа⁷.

Надо сказать, что использование термина «война-продолжение», к сожалению, также свидетельствует о том, что автор может еще поддерживать нацизм — ведь сам термин «война-продолжение» существует для того, чтобы оправдать и поддержать операцию «Барбаросса». Таким образом, читатель должен быть внимателен, поскольку все труды, использующие этот термин («война-продолжение»), отражают крайне враждебную русофобскую идеологию, неонацизма и экстремизма. Фраза «война-

продолжение» — это информационное оружие, военная угроза против России.

Но «война-продолжение» — это далеко не все. У финнов есть еще другие ложные термины для того, чтобы путать причины и сущность этой войны. Есть термин «отдельная война» (по-фински «эриллссота»), для того чтобы рассказать людям, что Финляндия якобы за период 1941–1944 гг. никакого отношения с немцами не имела, а воевала одна. Смысл терминов «война-продолжение» и «отдельная война» — это, конечно, оправдание военной агрессии Финляндии вместе с Германией против СССР, а также оправдание самого плана «Барбаросса». Таким образом, эти термины можно и в настоящее время классифицировать как своего рода военную угрозу против России.

Печально известный пример — выступление президента Финляндии Тарьи Халонен в Институте внешней политики в Париже в 2005 г. Т. Халонен заявила, что для финнов Вторая мировая война была «отдельной войной» против СССР, и после войны Финляндия якобы сохранила независимость и демократию. Российский МИД отреагировал четко и решительно, напомнив о Парижском мирном договоре 1947 г., где ясно определено преступное союзничество Финляндии с нацистской Германией, а также роль Финляндии в войне⁸.

Финны в принципе готовы к тому, чтобы признать тот факт, что Финляндия вместе с Германией действительно напали на СССР летом 1941 г. Но для этой ситуации у них существует специальная сложная концептуальная манипуляция, разделение «войны-продолжение» на три части. Поэтому они говорят о фазе «наступления» летом 1941 г., но затем очень скоро появилась уже якобы оборонительная фаза «позиционной войны», и летом 1944 г. начинается фаза «отступления», которая уже якобы свидетельствует о «сталинской агрессии», намерении «оккупировать» Финляндию (по Маннинену) и т. д. Кстати, в печально известном финском «романе» о войне Вяйне Линна «Неизвестный солдат» эти три фазы якобы очень хорошо отражены. Поэтому книгу даже рекомендуют школьникам.

Характерно для исследований «зимней войны» 1939–1940 гг. то, что ее исследование практически запрещено. Главное, что причины и фон этой войны являются для финнов закрытой информацией. Основной фигурант в этом деле, естественно, министр иностранных дел Финляндии в 1938–1939 гг. Эльяс Эркко, архивы

которого закрыты*. Есть мнение о том, что на переговорах между СССР и Финляндией накануне начала «зимней войны» личная позиция и поведение Э. Эркко немало повлияли на ситуацию. Он, например, отказался от всех конструктивных предложений советского руководства (для него все это, разумеется, было якобы всего лишь попыткой «оккупировать» Финляндию). Логично, что после «зимней войны» архивы Э. Эркко были закрыты и никто не мог получить разрешения на их исследование. В обиходе, правда, появился весьма интересный термин для «зимней войны», «война Эркко» (по-фински «Эркон сота»), как будто он каким-то образом лично был инициатором этой войны. Не секрет, что Эльяс Эркко и его сын Аатос были также главными акционерами русофобской газеты «Хельсингин Саномат», которая как раз распространяет агрессивную антироссийскую пропаганду, в том числе и грубейшую фальсификацию истории, особенно что касается «войны Эркко».

Понятно, что для псевдоисториков Финляндии «надо было» все-таки сделать какое-то исследование о жизни Эльяса Эркко, в стиле биографии. Для этого в начале XXI в. его архивы были частично открыты. Причем, что крайне характерно для финской историографии Второй мировой войны, с архивами Эльяса Эркко смог работать, получая финансирование, естественно, от самой семьи Эркко, не кто иной, как тот же самый Охто Маннинен, которого мы, к сожалению, неоднократно уже упоминали. В результате появилась работа о жизни Э. Эркко, где, разумеется, было написано, что «зимняя война» стала «необходимостью», потому что русские пытались «оккупировать» Финляндию⁹.

Тем не менее главная цель финской фальсификации военной истории — это отрицание союза Финляндии с А. Гитлером и, таким образом, отрицание ответственности Финляндии за войну, зафиксированную Парижским мирным договором 1947 г. Достаточно интересным выглядит, например, т. н. исследовательский проект министра юстиции Туйи Бракса, касающийся вопроса реабилитации финских военных преступников, осужденных хельсинкским

* Интересно, что финны всегда протестуют по поводу закрытых московских архивов, но никогда — по поводу архивов Эркко, хотя на самом деле говорить о закрытых московских архивах очень выгодно ленивым финским псевдоисторикам.

процессом 1945–1946 гг. Рабочая группа министра Т. Бракса в 2010 г., в принципе, признала союз Финляндии с нацистской Германией, но уточнила, что «Финляндия была “*de facto*” союзником Германии», значит, «*de jure*» она им не была. Это означает, что финский министр посчитал, что никакую ответственность Финляндия в войне не несет, потому что «нет» доказательств. Поэтому также легитимно, по версии финского министра, заявить, что «никакого союза не было»¹⁰.

Важно заметить, что вся эта лжеадвокатская спекуляция вокруг союза Финляндии с нацистской Германией — это туманная завеса, которая покрывает *настоящие юридические проблемы и преступления финского руководства во время Второй мировой войны*. Несомненно, требуется ясно дать ответ относительно явных провокаций и отказа от конструктивных переговоров накануне «войны Эркко», массовых депортаций евреев, военнопленных, финских политических заключенных в концлагеря (в т. ч. и в печально знаменитом концентрационном лагере Освенцим), геноцида мирного населения в финских концлагерях на территории советской Карелии, массового уничтожения советских военнопленных, участия в блокаде Ленинграда, политического преследования представителей демократического и антифашистского движения Соппротивления, принудительного труда узников концлагерей (в том числе при строительстве дорог в Лапландии граждан Польши) и т. д. Как это связано со словами финского президента Т. Халонен о том, что Финляндия якобы защитила демократию, когда СССР пытался дважды ее оккупировать?

Существует еще одна интересная сторона фальсификации истории союза Финляндии с нацистской Германией. Известно также утверждение, что Финляндия как бы сама отказалась от союза с нацистами, поскольку Германия якобы предлагала финнам вступить в союз, но «финские демократы» эту идею «отвергли». Главным экспертом в этих искажениях сейчас становится относительно молодой исследователь из университета Турку Маркку Йокисипиля. Он в 1990-х гг. опубликовал статью «Противодействия Финляндии немецким предложениям договора о союзе в 1943 г.»¹¹, в которой постарался доказать, что Финляндия не только вела отдельную, «независимую» от Германии войну, но даже противостояла попыткам немцев заключить с ней союз. В результате получалось так, что, по мнению

М. Йокисипиля, Финляндия воевала одновременно против СССР и нацистской Германии (?!). Более того, в 2004 г. с весьма типичным для финнов названием «Братья по оружию или союзники?» М. Йокисипиля защитил докторскую диссертацию, в которой этот молодой «ученый» поставил под сомнение статус союза Финляндии с нацистской Германией¹².

Также у М. Йокисипиля и у многих других финских псевдоисториков часто появляется лживая версия о том, что союз Финляндии с Германией, если это вообще он был, является «личным делом» президента Р. Рюти, который отправил летом 1944 г. А. Гитлеру письмо с просьбой военной помощи в боевых действиях против СССР на Карельском перешейке. Это письмо является якобы единственным «договором» о союзе. Таким образом, финские псевдоисторики готовы предать даже своего президента, известного фаната А. Гитлера, оккультиста Ристо Рюти, который достаточно откровенно выразил свое подобострастное отношение к Гитлеру в своем радиовыступлении еще в конце июня 1941 г.

В этой ситуации для финских псевдоисториков весьма проблематичным является интерпретация радиовыступления 22 июня 1941 г. А. Гитлера. В нем фюрер сказал, что финские войска наступают в одном ряду с гитлеровскими и в союзе с нацистской Германией. Финские псевдоисторики считают, что объяснить эти слова крайне «сложно», и даже пытались их не замечать или даже скрыть. Хотя весьма интересно, что текст радиовыступления Гитлера был размещен уже в тот же самый день в финском переводе, когда он его произнес на страницах газеты «Хельсингин Саномат»¹³, что означало, что его перевели заранее. При этом весьма удивительно то, что теперь финны даже отрицают слова Гитлера, которые они 22 июня 1941 г. сами опубликовали.

В целом идеологические предрассудки псевдоисторика М. Йокисипиля крайне интересны. Они отражают мышление молодого финского поколения. М. Йокисипиля считает, что «зимняя война» и «война-продолжение» всего лишь «обоснованные оборонительные боевые действия против агрессии СССР». Для М. Йокисипиля «зимняя война» — «патриотическая священная война», и, несмотря даже на то, что ее продолжением стало нападение на Советский Союз, в котором, тоже естественно, виноват только сам СССР. Он также пишет, что, несмотря на то что Финляндия проиграла обе войны, она оказалась «политической победительницей», потому

что «не была оккупирована». Что же касается масштабного наступления СССР летом 1944, то для М. Йокисипиля, оно являлось, конечно, лишь «доказательством попытки советской оккупации Финляндии».

Однако тезисы от т. н. политической победе и беззаветной стойкости финских солдат, которые не допустили в 1944 г. «оккупации» Финляндии, наталкиваются на широко известные исторические факты массового дезертирства из финской армии в момент советского наступления летом 1944 г. Поэтому сейчас, в течение последних лет, разгорелась самая острая дискуссия между финскими историками по поводу расстрелов финских солдат летом 1944 г. на Карельском перешейке. На эту тему было опубликовано несколько книг, где либо признают факт осуществления финским командованием массовых тайных расстрелов дезертиров летом 1944 г., либо их отрицают¹⁴. Тем не менее само дезертирство и расстрелы в армии никак не могут укладываться в общие концептуальные построения идеологических конструкций финских псевдоисториков.

С другой стороны, интересны также требования, выдвигаемые сейчас в Финляндии, — отменить судимость финских политических руководителей и обвинительный приговор, вынесенный им послевоенным хельсинкским трибуналом 1945–1946 гг., когда восемь финских политических руководителей были осуждены именно за планирование военной агрессии вместе с немцами. Часто принято отвечать на такие требования, что судимости якобы антиконституционные и не выражают мнения народа, поэтому их отменять не надо. Более того, по мнению псевдоисторика М. Йокисипиля, Финляндия и финское военное руководство выполнили даже весьма «благородную миссию», поскольку могли еще даже «завоевать» Ленинград и «помочь» Гитлеру победить, в том числе и в его противоборстве с Великобританией, но «не сделали» этого!

Причем, как характерно для подобных М. Йокисипиля другим финским псевдоисторикам, для них любой факт может служить доказательством противоположного. Даже относительно мягкие приговоры финским военным преступникам на хельсинкском процессе для Маркку Йокисипиля являются тоже лишь доказательством того, что Москва «признала» независимый («отдельный») от Германии характер финской войны¹⁵. Все это лишь указывает

на то, что подобные «исследователи» в своих мечтах, видимо, себя уже явно считают большими экспертами как по истории СССР, так и Третьего рейха. Тем не менее всем понятно, что псевдоисторики типа Йокисипиля являются только ярко выраженными национал-социалистами по политическим убеждениям¹⁶.

Это особенно ясно можно почувствовать, когда сталкиваешься еще с одной крайне трагичной и мало исследованной в финской историографии проблемой. Она связана с судьбой большого количества финских детей, которых во время войны власти депортировали из Финляндии. Около 80 000 маленьких финских граждан перевезли без их родителей за границу, в основном в Швецию. Эта проблема до сих пор слабо изучена, но есть основания полагать, что колоссальное количество детей было депортировано из страны в целях экономии ее ресурсов — чтобы легче было обеспечивать и прокормить 200 000 немецких солдат, которые находились на финской территории.

Вначале предполагалось, что эта депортация будет временной — ведь «блицкриг» должен был закончиться уже летом и дети должны были вернуться уже в «великую Финляндию». Но потенциальные «великофинские дети» остались за рубежом. Некоторым из них даже удавалось ненадолго перебраться опять на родину, но их снова депортировали из страны. С другой стороны, было много трагических случаев, когда финские матери отказывались от своих вывезенных детей, поскольку, например, у них появлялся перспективный жених-«фриц». До наших дней, вопрос о «военных детях» (по-фински «соталапсет») — мало изучен и является крайне трагическим эпизодом финской военной истории. Многие дети были тяжело травмированы за время их насильственной депортации. Финские псевдоисторики, естественно, считают, что в страданиях детей в годы войны опять виноват только Сталин. Ведь из-за него немецкие войска не смогли устроить для финских детей «великофинское» будущее¹⁷.

Действительно, планы создания т. н. великой Финляндии очень устойчиво прививались в финском обществе в то время. Самой влиятельной финской общественно-политической организацией, проповедовавшей эти идеи, считалось «Академическое карельское общество» (АКС). Ее целью было добиться создания «великой Финляндии», причем посредством войны, уничтожением Ленинграда, массовой депортацией и уничтожением русского

населения на Северо-Западе СССР. Членами этой организации являлись многие представители финской культурной, военной, политической и академической элиты. Члены АКС обычно даже подписывали свою корреспонденцию лозунгом «Твой брат по ненависти к русским». Несмотря на откровенно фашистский характер этой организации, финские псевдоисторики характеризуют ее всего лишь как «националистическую», отчасти «маргинальную», таким образом, также всеми силами оправдывают деятельность это специфическое общественное учреждение.

Характерно, что совсем недавно, в 2011 г., вышло большое сочинение об истории «Академического карельского общества» — сборник нескольких финских авторов, которые не пишут ничего критического или отрицательного об этой организации¹⁸. С другой стороны, в этом сборнике известный финский псевдоисторик, журналист и издатель Яркко Весиканса («Весиканса-младший») пишет об этой организации не иначе, как о том, что «духовная “война-продолжение”, проводимая АКС», сохранилась и после ее роспуска в 1944 г. и даже оказывала свое «влияние на антикоммунистическую деятельность в Финляндии в период “холодной войны”»¹⁹. Особо любопытным при этом было то, что в работе опять явно возрождался пропагандистский термин «война-продолжение» («яткосота»), который теперь имел новое звучание — борьба против СССР уже после окончания Второй мировой войны, через активную деятельность бывших членов профашистской организации АКС.

Но особо важно для финских псевдоисториков является сама фальсификация планов создания «великой Финляндии». Здесь они действуют крайне замысловато, поскольку признают сам факт того, что Финляндия оккупировала «восточную Карелию», оправдывая это «военной необходимостью». Но тут опять происходят искажения, поскольку финские псевдоисторики признают лишь только факт «финской оккупации» «восточной Карелии» и сознательно скрывают, что оккупация была комплексной — немецко-финской. Это еще раз является явным доказательством определенных ухищрений финской псевдоисториографии Второй мировой войны, поскольку в свое время стала широко известна, первая «критическая» работа об оккупации «восточной Карелии». Она называлась — «Финляндия как оккупант»²⁰. Эта книга явно открыла современную тенденцию — сохранить мифологию

о том, что Финляндия воевала в Карелии без помощи нацистской Германии.

Планы «великой Финляндии», конечно, были другими: объединить обширные территории Северо-Запада СССР, а также северные районы Норвегии и Швеции, плюс территорию Эстонии, частично Латвии в состав единого «великофинского» государства. На территории СССР цель была — захватить Кольский полуостров, Карелию, Ленинград (с его последующим уничтожением), Эстонскую ССР, часть Латвийской ССР и т. д. В журнале АКС в 1923 г. опубликовали карту «великой Финляндии», где была показана планируемая территория Советского Союза, которая должна была войти в состав Финляндии вплоть до Екатеринбурга и Урала²¹. Только с помощью нацистской Германии финны могли надеяться на возможную реализацию этих планов. Конечно, на фоне всего этого говорить только о «финской оккупации Карелии» несерьезно.

Но особенно рельефно видны искажения в оценках исторического процесса в финской историографии, когда псевдоисторики стремятся к полному отрицанию участия армии Финляндии в блокаде Ленинграда. Это фактически главная тема финских искажений истории Второй мировой войны. Основная мотивация здесь, конечно, остается прежней — обвинить советское руководство в необоснованности требований в связи с заявлением, что Финляндия может угрожать военной безопасности Ленинграда. Финские псевдоисторики, несмотря на участие Финляндии в блокаде Ленинграда вместе с нацистской Германией, уверены в том, что в военные годы Финляндия никакой угрозы Ленинграду не представляла. Даже тот факт, что в Финляндии было подготовлено радиовыступление «в честь захвата города» (как на финском, так и на шведском языках), не влияет на позицию финских псевдоисториков.

В последнее время, в 2000-х гг., появилась новая версия того, что Финляндия якобы защитила Ленинград или даже спасла его. Здесь особо хотят обратить внимание на особую «роль» маршала Финляндии Маннергейма как некого «спасителя Ленинграда», когда тот якобы отказался наступать на Ленинград. Авторы этих грубых фальсификаций и лживых утверждений — псевдоисторики Охто Маннинен, Тимо Вихавайнен, а также реваншистская организация «ПроКарелия», которая начала требовать

от России каких-то компенсаций за то, что Финляндия «спасла» Ленинград. Напомним также о мнении псевдоисторика Марку Йокисипиля, который пишет, что только Финляндия могла привести Германию к полной победе, в том числе и к оккупации Ленинграда, но Финляндия якобы решила отказаться. Хотя известно, что Финляндия в случае необходимости была готова направить в оккупированный Ленинград около 30000 военных полицейских для организации «чисток» в этом городе, после его захвата.

Издание в 2003 г. в Финляндии первой книги об участии Финляндии в блокаде Ленинграда известного автора и историка Николая Барышникова²² привело к громким скандалам, резким выпадам и оскорблениям со стороны финских псевдоисториков. Газета «Хельсингин Саномат» даже фальсифицировала письменный ответ Барышникова, что привело к взысканию к этой газете от Совета по гласности Финляндии²³.

Не менее болезненно в Финляндии относятся к существовавшему в стране в годы войны антифашистскому движению Сопротивления. Этот факт финским псевдоисторикам крайне тяжело признать, так как они концептуально утверждают, что в Финляндии никакого фашизма, нацизма, союзнических отношений с Гитлером «никогда не было». Наоборот, псевдоисторики пытаются исказить факты, объясняя, что финны якобы даже с презрением или с подозрительностью относились к немцам во время войны. Если в стране нет фашизма, никакое антифашистское движение Сопротивления, конечно, не может иметь место, особенно когда якобы весь финский народ объединился в войне против СССР уже во время «зимней кампании» (т. н. миф о «единстве в зимней войне», один из главных мифов псевдоисториков). Логично, что если в «зимней войне» было «единство», то, естественно, оно тогда было и в «войне-продолжении».

В искаженной историографии Второй мировой войны Финляндии существует тенденция отрицания самого существования движения Сопротивления, также отрицание всех конкретных акций этого движения, отрицание героизма ее борцов и, наконец, отрицание существования в Финляндии политических репрессий и террора против его сторонников. На самом деле, несмотря на то что представителей складывающихся демократических движений регулярно репрессировали уже в 1920-х и 1930-х гг.,

антифашистское движение Сопротивления имело в Финляндии весьма широкие масштабы. Известно, что в картотеке государственной полиции Финляндии в 1930-х гг. было около 400000 людей, считавшихся сторонниками этого движения. Десятки тысяч дезертиров из армии в годы войны жили в лесах, по стране распространялась антифашистская пропаганда, в том числе уставы по логанизации партизанских и диверсионных бригад, и везде совершались их акции, диверсии, активно распространялась и их антивоенная пропаганда. Финские псевдоисторики пытаются объяснить эту ситуацию тем, что «трусливые дезертиры» всего лишь «спрятались» в лесах — из-за этого появилось даже уничижительное газетно-пропагандистское их наименование «гвардия шишек» («кяпюкаарти»). Многие финские бойцы Сопротивления сражались храбро, фашистские отряды, полиция и армия безжалостно преследовали их, убивая на месте любых представителей этого движения²⁴.

Ярким примером этому стала смерть, вероятно одного из самых известных финских героев антифашистского Сопротивления, Вейкко Пэысти. Он в декабре 1942 г. в Хельсинки вынужден был принять бой с крупным отрядом полиции. В. Пэысти целый день, несмотря на непрерывный огонь, сражался до последнего патрона, так и не сдавшись, застрелив двух полицейских и смертельно ранив еще несколько человек. В конце концов он погиб²⁵.

Одной из мучеников финского антифашистского движения Сопротивления стала также Мартта Коскинен, которую расстреляли в Хельсинки в октябре 1943 г. (всего лишь за год до подписания соглашения о перемирии между Финляндией и СССР). М. Коскинен не входила в состав активных боевых отрядов. Она отвечала только за организацию нелегальной переписки подпольного Сопротивления в Хельсинки. Именно за это после ее ареста М. Коскинен приговорили к смертной казни. Последние ее слова перед расстрелом были — «Долой Рюти и Таннера!» Спустя пару лет те же самые Рюти и Таннер были сами осуждены и сидели в той же самой тюрьме, где находилась до этого Мартта Коскинен²⁶.

Примечательно, что о финском антифашистском и демократическом движении Сопротивления писали достаточно много лишь в 1970-х гг. Так, например, в 1973 г. был опубликован даже сборник стихов, посвященный финскому движению Сопротивления²⁷.

Но затем, в последние десятилетия, финские псевдоисторики постарались все это «забыть». Темы, связанные с раскрытием сложных вопросов организации движения Сопротивления и анти-военной борьбы в годы войны, стали считаться «не актуальными», да и факты, связанные с ее историей, начали переводить лишь в плоскость однобоких примитивных суждений.

Также достаточно поверхностно в современной финской историографии подходят к изучению вопросов, связанных с проявлением партизанского движения в Карелии в годы Второй мировой войны. В Финляндии сейчас принята ярко выраженная агрессивная пропаганда финских псевдоисториков против всякой истории советского партизанского движения на Северо-Западе. В течение последних двух десятилетий финские псевдоисторики и финская пресса весьма настойчиво распространяют версию о том, что официальной целью советского партизанского движения являлась «массовое уничтожение» финских женщин и детей, и осуществлялось все это якобы по приказу Сталина. Такая грубая фальсификация, к сожалению, стала «официальной правдой» для финских органов массовой информации и некоторых изданий в области финской псевдоистории. Главный пропагандист на этом направлении является финский журналист Вейкко Эрккиля, которому уже недавно даже удалось опубликовать две книги по этой теме²⁸.

Понятно, что тенденция искажений, откровенная ложь опять связаны с общей тенденцией фальсификации и отрицания союзнических отношений Финляндии с нацистской Германией. Если Финляндия действительно воевала «одна», если она была «жертвой сталинского нападения» и угрозы «оккупации», если было «единство народа» против СССР, тогда боевые действия и разведывательные операции направленных против немецких гарнизонов и на других военных объектов около линии фронта легче фальсифицировать, используя версию преднамеренного нападения на мирное население. Хотя и здесь опять то, что пишет, например, псевдоисторик В. Эрккиля, очень похоже на нацистскую пропаганду военного периода. Именно нацисты создавали мифологию о том, что цель советских партизан — это массовое уничтожение «мирного населения, женщин и детей». Хотя в указанных случаях, которые спустя 60 лет изучает псевдоисторик Эрккиля, уже невозможно доказать, кого убил кто и почему.

В финском реваншизме 1990-х и 2000-х гг. также есть еще одна интересная тенденция к фальсифицированию истории Второй мировой войны. Главный лозунг современных финских реваншистов — «Вернуть Карелию» (по-фински «Карьяла та-кайсин»). Но он не может иметь никакого реального отношения к действительности, поскольку собственно Карелия никогда не была в составе Финляндии. Часть ее была оккупирована немецкими и финскими войсками, но это, конечно, не дает никакого права на ее возвращение. Если смотреть на официальную пропаганду организации «ПроКарелия», то на фоне лозунга «Вернуть Карелию» они требуют от России на самом деле регионы от Баренцева моря до островов Финского залива, в соответствии с Юрьевским мирным договором 1920 г., что не имеет никакого отношения к собственно Карелии. Таким образом, лозунг «Вернуть Карелию» для финских реваншистов — это всего лишь туманный занавес требований создания «великой Финляндии» с разнообразными территориальными претензиями.

Интересно, что лозунг «ПроКарелии» — это был боевой клич финских фашистов движения АКС в 1920-х гг., когда они тоже под этим лозунгом требовали создания «великой Финляндии». После ликвидации этой профашистской организации (АКС), она все же негласно продолжала работу вплоть до 1980-х гг. под названием «Клуб 22» («Керхо 22»), затем в начале 1990-х гг. была создана новая организация-наследница АКС, «ПроКарелия» («Pro Carelia»), а в начале 2000-х гг. в Финляндии появилась еще одна организация — «ПроКарелия» («ProKarelia»). В 2000-х гг. также было осуществлено важное структурное преобразование, когда активисты «Pro Carelia» присоединились к «ProKarelia» и передали им все свои архивы. Таким образом, реваншистская организация «ПроКарелия» — это главная наследница в Финляндии профашистской организации 1920-х — начала 1940-х гг. АКС.

Весьма проблематично то, что активисты АКС, так же как и авторы-архитекторы «великой Финляндии», никогда не были осуждены и наказаны. Наоборот, они продолжали свою работу, занимая ключевые позиции в финском обществе. Характерно, что дети видных деятелей АКС, например дети известного фашиста Мартти Хаавио, никогда не приносили никаких извинений за деятельность своих родителей по геноциду русских

в немецко-финских концлагерях на оккупированной территории советской Карелии.

В итоге можно сказать, что финская научная историография Второй мировой войны практически отсутствует и очень тесно связана с политикой. Есть мифы, легенды, военная пропаганда, психологическая агитация. Самое главное — это антисоветская пропаганда о том, что главное намерение Сталина якобы изначально было «оккупировать» Финляндию, «уничтожить» ее народ, и поэтому финское нападение с Гитлером было «справедливым». Во многом финская историография Второй мировой войны напоминает профашистский реваншизм немецкого историка Эрнста Нолте, главного фигуранта т. н. историкерстрейта в 1980-х гг. Изменений в финской т. н. историографии практически не было — ее оценки остались такими же, какими были идеологически разработки, возникшие еще в годы войны. Главный смысл финской военной пропаганды — попытки скрыть настоящий характер немецко-финских отношений.

Также в финской национальной историографии есть элементы нацистской пропаганды. Многие факты и события были искажены уже сразу, в момент, когда они еще только произошли («выстрелы Майнила», бомбардировка 25–26 июня 1941 г. советской авиацией финской территории, деятельность советских партизан на территории Финляндии). К тому же финская историография Второй мировой войны имеет крайне русофобский характер. Цель использования таких терминов, как «война-продолжение» («яткосота»), — это в конечном счете оправдание политики Третьего рейха и нападения Гитлера на СССР, признание плана «Барбаросса» легитимным. Таким образом, термин «война-продолжение» («яткосота») является нацистским, крайне опасным информационным оружием. Те люди, которые употребляют термин «война-продолжение» («яткосота»), оправдывают нацизм, его преступления, признают операцию «Барбаросса» легитимной и готовы повторить прежние преступления.

Финская историография Второй мировой войны имеет крайне антидемократический характер. Настоящей денацификации в Финляндии не было, поэтому финские псевдоисторики могут спокойно повторять фашистские лозунги «великой Финляндии». Финскую историографию Второй мировой войны надо написать с точки зрения антифашистского движения Сопротивления. Эта

точка зрения уже существовала во время войны в листовках и подпольных газетах представителей этого движения. Герои финского антифашистского движения Соппротивления и их подвиги бессмертны. Придет время, когда их точка зрения будет в Финляндии легитимной. Только тогда финский народ может жить полноценной духовной жизнью.

¹ Manninen O. Miten Suomi valloitetaan. Puna-armeijan operaatiosuunnitelmat 1939–1944. Helsinki, 2008.

² См.: Rentola K. Katyn: pieni suomalainen jälkikirjoitus // Ajankohta. Poliittisen historian vuosikirja. 2003. Toim. Klaus Lindgren. Poliittinen historia. Helsingin yliopisto ja Turun yliopisto. 2003. Однако никаких доказательств своим утверждениям относительно планов расстрелять 30000 финнов в Катэны Рентола не привел. Причем в своем изыскании он занялся не только патологическим искажением истории, но и грубым издевательством над чувствами польских семей, которые в этой трагедии потеряли своих родственников. Аргументация Киммо Рентола при этом выглядит весьма своеобразно. Он, «разбираясь» в причинах, почему польские офицеры были расстреляны в Катэньском лесу, дал крайне сомнительное объяснение — у Л. П. Берии и И. В. Сталина якобы было намерение расстрелять весной 1940 г. в Катэнь поляков, потому, что «нужно» было «освободить места» для 30000 пленных финских офицеров. Но когда финны неожиданно «победили» в «зимней войне» (так именно пишет псевдоисторик Рентола), оказалось, что польских офицеров убивать уже было «необязательно». Хотя, как отмечает К. Рентола, Сталин настолько «разозлился» из-за «победы финнов», что все равно «решил» убить польских военнопленных. Таким образом, по интерпретации Рентола, причина катэньской трагедии — это «победа» финнов в «зимней войне»! Любопытно, что сам псевдоисторик являлся сотрудником полиции безопасности Финляндии, работающий по проектам фальсифицирования финской истории в интересах спецслужб. Тем не менее нам, конечно, неизвестно, используется ли или нет эта грубая фальсифицирование катэньской трагедии в интересах финских правоохранительных органов Финляндии.

³ Lukijat vastaavat kysymykseen: Milloin Suomi on ollut kaikkein itsenäisin? // Helsingin Sanomat. 2012. 23.9.

⁴ Suomen sinivalkoinen kirja. II. Hels., 1941. S. 137. См. также: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 59.

⁵ Baryšnikov V. Ammuttiinko Mainilassa ollenkaan? // Ulkopoliitikka Vol. 1. No. 1. 2004; “Venälaistutkija epäilee: Mainilan laukauksia ei koskaan ammuttu” // Helsingin Sanomat. 2004.14.2.

⁶ См.: Manninen O. Molotov cocktail — Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. Painatuskeskus. Helsinki, 1994.

⁷ См.: Fennica (Suomen kansallisbibliografia).

⁸ Venäjä arvostelee Halosta // Yleisradio. 2005.4.3.

⁹ Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko: vaikenematon valtiomahti. Helsinki, 2009.

¹⁰ Sosatyyllisyyssoikeudenkäynti. Selvityksiä ja ohjeita. 22/2010. Helsinki, 2010.

¹¹ Jokisipilä M. Saksan liittosopimusvaatimusten torjuminen vuonna 1943 // L. Pylvänäinen, T. Soikkanen. Toim. Ajankohta. Poliittisen historian vuosikirja 1996. Poliittinen historia. Helsingin ja Turun yliopistot. Tutkijakoulu. Historia ja politiikka uudessa maailmassa (HISPO). Julkaisuja 2. Helsinki, 1996.

¹² Jokisipilä M. Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004.

¹³ Hitlerin julistus Saksan kansalle. Helsingin Sanomat. Ylimääräinen numero. Helsingissä, sunnuntaina kesäk. 22. p:nä 1941. S. 140.

¹⁴ Teloitettu totuus: kesä 1944. Kulomaa J., Nieminen J. Toim. Helsinki, 2008; Arponen A. O. Teloitetut: viimeinen jatkosodan kesä 1944: kadonneet rintamakarkurit: Huhtiniemen mysteeri. Tampere. 2006; Jaakkonen P. Huhtiniemi: 400 kadonneen miehen mysteeri. Minerva. Helsinki, 2007; Ylikangas H. Romahtaako rintama? Suomi puna-armeijan puristuksessa kesällä 1944. Helsinki, 2007.

¹⁵ Hitlerin julistus Saksan kansalle. Helsingin Sanomat. Ylimääräinen numero. Helsingissä, sunnuntaina kesäk. 22. p:nä 1941.

¹⁶ Jokisipilä M. Suur-Suomesta sosialistiseksi neuvostotasavallaksi 1939–1944 // Niemi Mari K., Ville Pernaa. Toim. Entäs jos... Vaihtoehtoinen Suomen historia. Ajatus Kirjat. Helsinki, 2005.

¹⁷ См. например: Kaven P. Sotalapset: toiveet ja todellisuus. Helsinki, 2011.

¹⁸ AKS: n tie. Akateeminen Karjala-Seura isänmaan ja heimoaatteen asialla. (Uola Mikko toim.). Helsinki, 2011.

¹⁹ Vesikansa J. AKS: n henkinen jatkosota. Seuran vaikutus kommunisminvastaiseen toimintaan kylmän sodan Suomessa // AKS: n tie.

²⁰ Seppälä H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989.

²¹ Suomen Heimo. 1923. N 1.

²² Baryšnikov N. I. Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944. Hels.-Pietari, 2003.

²³ Julkisen Sanan Neuvoston langettava päätös // Helsingin Sanomat 2003.25.9.

²⁴ Timonen A. Fasistien hirmuteoista Suomessa sotavuosina 1941–44 // Demokraattisen kansan kalenteri. Suomen kansan demokraattinen liitto. Helsinki, 1951.

²⁵ Rislakki J. Maan alla: vakoilua, vastarintaa ja urkintaa Suomessa 1941–1944. Helsinki, 1986.

²⁶ См.: O. Martta Koskisen tapaus. Helsinki, 1976.

²⁷ Vastarintataistelija. Suomalaisen vastarintaliikkeen runoja. Toim. Eija Autero et al. Sodan ja Fasismin vastainen Työ ry. Tampere. 1973.

²⁸ Erkkilä V. Vaiettu sota: Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisiin kyliin. Helsinki, 1998; Erkkilä V. Viimeinen aamu: neuvostopartisaanien vaietut jäljet. Helsinki, 2011.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Б. С. Жаров

**НОРВЕЖСКИЙ РОМАН
ОБ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ IX ВЕКА**

Норвежский писатель Хокон Станг в своем романе «Колдовской бубен»¹ рассказал о событиях, которые произошли в истории Северо-Западной Руси IX в., причем сделал это со скандинавской точки зрения. Сведения об авторе, приведенные в книге, скупы: родился в Осло в 1948 г., историк культуры, в 1970 г. опубликовал книгу «Всё. Онтологическое эссе»², в 1984 г. первый роман «Свидание под красными звездами»³. Обычные в таких случаях данные об образовании, нынешних или предыдущих занятиях автора отсутствуют. В справочниках по норвежской литературе сведений о нем обнаружить не удалось.

С другой стороны, Хокон Станг хорошо известен в Санкт-Петербурге. В частности, он бывал в Санкт-Петербургском государственном университете, многократно встречался с профессором Г. С. Лебедевым, которого глубоко уважал и которому посвятил свой роман. В послесловии к роману «Колдовской бубен» говорится: «Их рассказы никогда не были записаны. Да они вовсе не были *их* рассказами, ни один из них. Они появились благодаря моей дружбе с профессором Глебом Сергеевичем Лебедевым, который успел пройти вместе со мной весь их путь до того, как умер. Так распорядилась с ними Судьба. Они никогда больше не встречались. И все же это произошло — в помутневшем измученном разуме бывшего солдата — через двенадцать столетий. Он, к счастью, совершенно случайно оказался на пути Глеба Лебедева и, как и я, стал его другом»⁴.

«Они» — это герои книги, о которых речь пойдет дальше. Х. Станг и Г. С. Лебедев не просто были знакомы, они стали друзьями, подолгу обсуждали вопросы истории Руси. Г. С. Лебедев помог Х. Стангу и как издатель, и редактор, выпустив на русском языке его книгу «Наименование Руси (герульская версия)»⁵, в которой содержится предложенная автором оригинальная гипотеза о происхождении названия Русь. Кстати говоря, гипотеза включена в повествование. Стоит добавить, что Х. Станг владеет русским языком; правда, желание блеснуть колоссальным запасом русских слов иногда играет с ним злую шутку, он меньше внимания обращает на грамматику, и в результате слушатели не всегда правильно понимают, что он хотел сказать.

Если характеризовать роман «Колдовской бубен» кратко, то это роман любовный, так как страстная любовь мужчины и женщины — главная движущая сила действия. Любители подобных романов, несомненно, в полном восторге от обилия любовных порывов, то вспыхивающих, то исчезающих. С другой стороны, роман, безусловно, принадлежит к мистическим. Уже в названии упоминается шаманский бубен, который герой случайно обнаруживает во время одной из своих многочисленных поездок. Тем самым начинается цепочка событий, которая приводит его к героине и оказывается в конечном счете для обоих роковой.

И наконец, это классический приключенческий роман. Следует множество порой совершенно невероятных событий, так что можно подумать, что он рассчитан на юных любителей экшен. Однако это опровергают сексуальные подробности, которые присутствуют с самого начала, но в особенности умножаются в сценах, происходящих в багдадском гареме. Невозможно не упомянуть также об обильных упоминаниях результатов жизнедеятельности человеческого организма, и вряд ли разумно рекомендовать эту книгу подросткам.

Все увлекательные события происходят в IX в. на огромной территории. В основном это Северо-Западная Русь, но во время поездок главные герои передвигаются на восток вплоть до Урала, на север до Кольского полуострова и берегов Северного Ледовитого океана. Примерно треть романа рассказывает о поразительном путешествии героев на варяжских кораблях по Волге, потом по Каспийскому морю. Затем через горы и пустыни на верблюдах герои передвигаются в Багдад — столицу Арабского халифата.

В нескольких главах, посвященных более раннему периоду, отражены путешествия других персонажей по Волге, Дону, Черному морю в Византию, оттуда по Средиземному морю, рекам через земли франков на север до территории Дании и далее на Русь. В книге обилие этнографических и исторических сведений о Руси, Скандинавии, Византии, Западной Европе, Арабском халифате. Есть подробнейшее описание Багдада IX в.— «Дьявольского города».

На наших глазах проходит вся жизнь главного героя, которого зовут Валит. Показано его рождение, детство, юность. Он становится молодым воином и, наконец, вождем. Он принадлежит к племени, которое автор называет «чудь» (tjud). Х. Станг под словом «чудь» подразумевает, видимо, представителя любого финно-угорского племени, так как герой путешествует по огромной территории на восток до Урала и на север до Ледовитого океана и всех считает родичами, и его понимают. Русское слово «чудь», безусловно, имеет право на существование, отсюда топонимы: Чудское озеро, Чудово. Но сейчас оно является и устаревшим, и более узким: обозначением финнов, эстонцев, т. е. представителей только западно-финских племен. К тому же слово для книги очень неудобное. Как сказать: один чудь? два чуда? десять чудей? Женщина — чудейка? чудка? Чудский (чудской) язык? В норвежском тексте слово встречается сотни раз, такое же русское не подойдет. Поскольку названия «финно-угр, угро-финн» в этом смысле вообще не используются, по-русски лучше всего употреблять «вепс, вепсы, вепсский язык», что нормально звучит во всех формах. Минус тот, что сюда не входят финно-угорские племена, например, на Урале.

Так же вепсом является двойник главного героя, который фигурирует только в прологе. Двойника зовут Валит, или Володя, Лонин. В 1990-е гг. в Чечне в результате контузии, полученной во время боевых действий, он волшебным образом приобретает способность «вспоминать» то, что было когда-то более тысячи лет назад, об этом дальше рассказывает роман. Правда, есть маленькая неувязка. В первой половине романа повествование идет от первого лица, рассказ ведет Валит. Но вторая идет уже от лица героини, а вспоминать подробности того, что пережито героиней, Валит XX в. никак не мог. Кстати сказать, и написана вторая часть стилистически совершенно по-другому.

Захватывает начало романа, которое показывает великолепное знание реалий жизни, быта, религии вепсов. Встречаются замечательные описания охоты в зимнем лесу, посвящения мальчика богу Подземного царства и т. д. Видно, как идиллически, несмотря на суровые климатические условия, протекает жизнь в вепсских деревнях Курба и Немзя на реке Оять недалеко от Онежского озера. Единственный несимпатичный человек здесь славянский торговец Вьюница, который скупает меха и продает вепсам то, что он называет «маленькой водой», то есть водку.

Жизнь мальчика резко меняется, когда в возрасте восьми лет ему приходит пора стать взрослым. Вместе с отцом он совершает невероятный 18-дневный пеший переход по весенним болотам в город Алодейоги.

Только в самом конце книги этот город называется по-славянски Ладога. До этого герой, а позже героиня называют его по-вепски Алодейоги (Alodejogi) или же так, как его называли варяги: Альдейгьюборг (Aldeigjuborg). Как известно, происхождение названия Ладога вызывает у современных лингвистов споры. Большинство считает, что название Алодейоги финно-угорское слово со значением «Нижняя (низменная) река». Эта река впадает в Волхов и сейчас называется Ладожка. Вепское название реки было перенесено на поселение подобно тому, как название Терийоки (нынешнего Зеленогорска) произошло от финского Тери-йоки «Смоляная река». Скандинавские исследователи предпочитают говорить, что исходным является Альдейгьюборг, что значит «крепость на Ладоге».

В этот момент в повествовании появляются исторические персонажи, и упоминаются варяги. Норвежский автор называет скандинавского воина словом *nordboer*, что буквально означает «северный житель, северянин». Но у этих русских слов совершенно другие ассоциации. С другой стороны, «скандинав» чересчур современно, «викинг» — скандинавское обозначение, «норманн» — так обычно говорят применительно к Западной Европе. Лучше всего подходит славянское обозначение «варяг».

В романе много исторических и вымышленных варягов, и отношение к ним автора самое позитивное. Присутствует на многих страницах Рюрик — легендарный основатель династии древнерусских князей. Автор придерживается трактовки, что Рюрик (Хрорек) происходит из датской династии, имел ранее лен

в Фрисландии и потом перебрался в Ладогу. Среди героев есть также его «летописный брат» Трувор, который погибает во время плавания по Волге. Описание его похорон по варяжской традиции принадлежит к числу самых ярких сцен книги.

В Ладоге, где господствуют варяги, Валит становится помощником кузнеца Вёлунда, знакомится с их языком, обычаями, мифами. Он слушает многочисленные рассказы о варягах, которые совершали путешествия. Среди героев есть вымышленный персонаж — варяг по прозвищу Рыжебородый (Rødskjegg). Прозвище требует пояснения. Вообще говоря, рыжая борода — обычное явление для скандинавов, но в норвежском языке первая часть слова значит также «красный», можно понять как «краснобородый». Автор увлекается этим сходством и пишет, что скандинавы часто красили свои волосы и бороды в красный цвет. И в некоторых сценах персонажи в целях устрашения или красоты усиленно красят бороды в красный цвет.

Рыжебородый «со товарищами» отправляется в Византию. Идет подробнейшее описание путешествия по Волге, того, как корабли волоком перетаскивали от Волги к Дону, дано полное опасностей пребывание у хазар, затем в Византии, где герои опять красят бороды в красный цвет и благодаря этому остаются в памяти греков. Автор говорит, что по-гречески «красный» звучит «рос/рус». Именно эта группа варягов через всю Европу принесла с собой название «рос/рус» в Ладогу, и город тоже стал называться Рос/Рус, а позже это перешло в название всей страны — Русь. Именно Рыжебородый, познакомившись с князем Рюриком во время пребывания во Фрисландии, пригласил его приехать в Ладогу.

Валит вырастает и становится хорошим кузнецом. В определенный момент появляется угроза господству варягов в Ладоге. Ильменские словене, которые в небольшом количестве живут в Ладоге, причем находятся в большом угнетении, устраивают бунт, и Валит участвует в его подавлении. Если говорить о симпатиях Хокона Станга, то они, несомненно, на стороне вепсов и варягов, но никак не на стороне славян.

Затем в жизнь Валита приходит любовь. Он совершает вместе с другими вепсами длительный переход на собачьих упряжках к Северному морю. Задача чисто меркантильная: полученные с юга товары обменять на меха, которые необыкновенно высоко ценятся на рынках арабов.

На берегу Северного моря живет племя саамов (same). Это корректное русское название, но слово для романа неудобное. Странно было бы писать, что героиня — «саамка». «Лапп, лапландец» — так по-русски не принято, хотя Лапландия как страна Йоула Пукки — финского Деда Мороза — хорошо известна. Поэтому лучше всего подходит русское слово «лопась», по происхождению связанное с «лапп» (видимо, от множественного числа). Кстати говоря, язык саамов, хотя и входит в группу финно-угорских, существенно отличается от веппского.

Валит оказывается свидетелем одной сцены. Его спутник покупает девушку-лопаську необыкновенной красоты, делает ее своей любовницей, а потом хочет продать в рабство к арабам. Валит и девушка смотрят друг другу в глаза в течение нескольких секунд. Она производит неизгладимое впечатление на Валита и отвечает ему взаимностью. Он пытается помочь ей освободиться, но тщетно. Хотя девушка немного позже станет вторым главным героем книги и так или иначе присутствует в повествовании почти всегда, она так и не обретет имени.

Когда несколько лет спустя в Ладогe словене опять попытались устроить бунт, решительные действия Валита привели к тому, что варяги и Рюрик одержали победу. В благодарность за содействие Рюрик назначает Валита главным, а сам отбывает в Новгород. Казалось бы, Валит должен думать о том, как ему наладить дело в Ладогe. Отнюдь нет. Получив власть, он тут же собирает экспедицию и на нескольких кораблях плывет в Багдад, так как шаман сказал ему, что его любимая именно там.

Почти треть книги занимает описание путешествия из Ладоги в Багдад. Если можно сказать, что автор знаком с Северо-Западной Русью, то его знания о Багдаде и в целом об Арабском халифате воистину безграничны, об этом говорят многочисленные сочные описания природы, быта и нравов.

В миллионном городе Багдаде Валиту очень легко удастся установить местопребывание любимой, которая попала в гарем начальника полиции Багдада Ахмеда Базурджи. Надо ее спасать, и через систему багдадских городских клоак, которые описываются весьма детально, Валит попадает в сад вельможи. На этом рассказ от имени Валита кончается. Дальше повествование ведется от лица его возлюбленной.

После многочисленных приключений им двоим вместе со спутниками удастся вернуться на Русь в Ладогу, где они становятся

уважаемыми и любимыми всеми князем и княгиней. Князь Валит усиленно расширяет свои владения и в определенный момент вступает в конфликт не только с соседями, но и с княгиней Ольгой в Киеве. Он уделяет все меньше внимания своей супруге. Из-за ряда недоразумений княгиня решает покинуть мужа. Великолепно описано ее бегство, в особенности одиночное путешествие по льду Белого моря на собачьей упряжке. Вернувшись на родину, она проклинает своего мужа, и он гибнет. Когда она осознает ошибку, уже поздно. Оказывается, что, поскольку она происходит из рода лопарских шаманов, ее проклятие нельзя отменить, отчего она очень страдает. Позже волей судеб она становится первой — и притом единственной — в истории лопарей женщиной-шаманом, о которой впоследствии веками будут ходить легенды.

«Колдовской бубен» Хокона Станга — увлекательный приключенческий роман, построенный на исторической основе.

¹ *Stang H. Trolltrommen: Roman.* Oslo, 2009.

² *Stang H. Alt. Omtologisk essay.* Oslo, 1970.

³ *Stang H. Gjensynn under røde stjerner.* Oslo, 1984.

⁴ *Stang H. Trolltrommen.* S. 315. Перевод автора статьи.

⁵ *Станг Х.* Наименование Руси. Герульская версия. СПб., 2000. Х. Станг, свободно владеющий русским языком, свое имя *Nåkon* предпочитает по-русски писать Хокун. Более привычным представляется русский способ передачи Хокон, который используется в исторической литературе, например в именах норвежских королей.

В. Г. Бурков

ГЕРБ КАРЕЛИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛАХ ФИНЛЯНДИИ

Среди основных эмблем в финляндской государственной символике особое место занимает герб Карелии. Использование его в государственных символах Финляндии отражает общность истории, языка и культуры двух народов. Истоки зарождения их государственной эмблематики связаны со шведской геральдической традицией и относятся к середине XVI в., ко времени правления шведского короля Густава I Вазы. Появление в 1562 г. герба Карелии, так же как и первых государственных символов Финляндии в 1556 г., определялось, с одной стороны, процессом закрепления за Швецией обширных территорий юго-западных прибалтийских и приладожских земель, населенных финно-угорскими племенами, а с другой стороны, отражало длительную, многовековую борьбу за территорию этого региона между Россией и Швецией. Неслучайно, что основными элементами герба Карелии были две герцогские золотые короны (одна — в верхней части красного поля геральдического щита, а другая над ним) — символ Финляндского герцогства в составе Шведского королевства, и изображение направленных друг против друга в ударе двух рук (одна в панцире сжимает меч, а другая в кольчуге сжимает обнаженную кривую саблю) — символ российско-шведского противостояния на северо-западе Европы¹.

После окончания Северной войны 1700–1721 гг. и подписания Ништадтского мира 30 августа 1721 г. часть карело-финских земель отошла к России. Центром Выборгской губернии стал город Кексгольм (древняя Карела, ныне Приозерск). В основу его герба (верхняя часть пересеченного щита) лег старый карельский герб 1562 г. — на красном поле две руки в латах, держащие шпаги.

В 1729 г. генерал-губернатор Санкт-Петербургской губернии, Карелии и Финляндии граф Б. Х. Миних утвердил эту эмблему для знамени Кексгольмского полка русской армии, а 4 октября 1788 г. Екатерина II подтвердила рисунок герба Кексгольма с небольшими изменениями (в том числе шпаги были заменены на мечи)².

В 1809–1917 гг., когда Финляндия входила в состав Российской империи, герб Карелии украшал гербы Куопиосской и Санкт-Михельской губерний Великого княжества Финляндского³. Его изображение было также введено в рисунок Большого государственного герба Российской империи, утвержденного Александром III 3 ноября 1882 г.⁴

Став в декабре 1917 г. независимой, Финляндия сохранила древний герб Карелии в эмблематике своих государственных символов. Так, он есть на действующем гербе губернии Южная Финляндия и полностью, что вполне естественно, повторен в качестве официального герба финской исторической губернии Kaŕjala (Карелия)⁵.

На многих финляндских наградах также есть основные элементы карельского герба 1562 г. Например, орденовые кресты 1–4-й степеней и Большой крест ордена «Креста Свободы» военного класса, учрежденные по предложению Карла Густава Маннергейма 4 марта 1918 г. и изготовленные по рисунку известного финского художника Аксель Галлен-Каллела, имеют крепления в виде венка с изображением двух рук с занесенными прямым и изогнутым клинками. Этим орденом награждались солдаты и офицеры, отличившиеся в ходе гражданской войны в Финляндии против «красных финнов». Упраздненный 28 января 1919 г. в связи с окончанием гражданской войны в Финляндии, орден «Крест Свободы» был возрожден 8 декабря 1939 г., в начале «зимней» (советско-финляндской) войны 1939–1940 гг., и 16 декабря 1940 г. стал постоянным наградным знаком отличия страны Суоми⁶. Главный элемент герба Карелии — изображение рук с занесенными клинками присутствует и на других финских наградах. Например, на креплении Креста Маннергейма 1-й степени, учрежденного в 1941 г. и предназначенного для награждения «за выдающиеся заслуги, проявленные при командовании крупными воинскими соединениями (на уровне армейского корпуса)»⁷. Такое же крепление есть и на так называемом «Кресте Скорби» (воинский знак «Ордена Креста Свободы» четвертой степени на черной ленте), который выдавался ближайшим родственникам погибших офицеров в ходе боевых действий (без права ношения)⁸. Две руки с обнаженными

клинками были помещены (вместе с изображением Креста Свободы) на аверсе медали Войны за независимость 1918 г.⁹

Несколько наградных финских медалей, связанных с событиями «зимней» войны 1939–1940 гг., тоже имеют изображение древнего карельского герба. Так, на памятной медали, учрежденной 2 августа 1940 г. для награждения ее участников, с барельефным изображением на лицевой стороне финского солдата, одетого в зимнюю форму, держащего в руках винтовку, сверху помещен традиционный герб Карелии 1562 г.¹⁰ К медали полагались специальные планки с названием мест сражения и родов войск¹¹. Маршал К. Г. Маннергейм был награжден этой медалью с планкой, где был выгравирован латинский девиз: «CANDIDO PRO CAUSA ENSE CANDIDO» («С чистым мечом за правое дело»). Президенту Финляндии Кюэсти Каллио и премьер-министру Ристо Хейкки Рюти были вручены медали с планкой, на которой было начертано: «ISÄNMAA» («Отчизна»)¹². Всего было выдано около 700 тысяч таких медалей¹³.

Изображение карельского герба есть и на финских наградных крестах, также связанных с событиями «зимней войны» 1939–1940 гг. Так, для награждения за мужество и храбрость, проявленные солдатами и офицерами 12-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса генерал-майора Хеглунда в районе Коллаа, в мае 1940 г. был учрежден «Крест Коллаа». На лицевой стороне этого фалеронима, выполненного по эскизу финского архитектора Мауно Ситонена, поверх зеленых еловых ветвей дано изображение гербового щита с двумя характерными друг против друга руками с прямым и изогнутым клинками¹⁴. Герб Карелии изображен и на «Западно-Карельском кресте», предназначенном для награждения военнослужащих 4-й дивизии финской армии, проявивших доблесть и мужество в сражениях на Карельском перешейке до 7 февраля 1940 г. (то есть до прорыва «линии Маннергейма» советскими войсками). Автором рисунка этого наградного креста был капитан Р. Г. Таучер¹⁵. Герб Карелии украшает и центральный медальон лицевой стороны «Креста Койвисто», выполненного по эскизу майора А. Каримо. Этого наградного знака отличия удостоивались наиболее отличившиеся участники боев около поселка Койвисто под Выборгом в ходе «зимней войны» 1939–1940 гг.¹⁶

Таким образом, древний герб Карелии середины XVI в. был закреплен в государственных символах Финляндии и дошел до наших дней в качестве неотъемлемого элемента финской эмблематики.

¹ Подробнее см.: *Laurila K. Ita-Karjalan Tunnuksia*. Helsinki, 1997; *Пашков А. М. Гербы и флаги Карелии*. Петрозаводск, 1994.

² См.: *Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в «Полное собрание законов. 1649–1900 гг.». СПб., 1900. С. 65. (Подобный герб имел в 1730–1784 гг. и Карельский полк. — См.: *Звегинцов В. В. Знамена и штандарты русской армии*. М., 2008. С. 192.)*

³ *Винклер П. П. Гербы городов...* С. 202.

⁴ Карельский герб изображен в четвертой части гербового щита соединенных гербов Прибалтийских областей. — См.: *Полное собрание законов Российской империи*. Собр. третье. Т. 2. № 1159.

⁵ *Геральдика мира*. Минск, 2007. С. 198.

⁶ *Потрашков С. В. Ордена и медали стран мира*. М., 2008. С. 143–144.

⁷ *Царёва Т. Б. Полная энциклопедия орденов и медалей Второй мировой войны*. Ростов-на-Дону, 2010. С. 290–291. (Подробнее см.: *Aromäki J. Mannerheimin Ritarit. Hämeenlinna, 1985; Hurmerinta L., Viitanen J. Suomen Puolesta Mannerheim-ritarit. 1941–1945. Saarijärvi, 1994*).

⁸ *Потрашков С. В. Ордена и медали стран мира*. С. 145.

⁹ Там же. С. 144.

¹⁰ *Потрашков С. В., Лившиц И. И. Награды Второй мировой войны. 1939–1945*. М., 2009. С. 227–228.

¹¹ Существовало 15 видов планок: 11 — с названиями мест сражений, где воевал награжденный: «KARJALAN KANNAS» (Карельский перешеек), «SUMMA» (Сумма — поселок, расположенный в 35 км от Выборга), «TAIPALE» (Тайпале — поселок на севере Карельского перешейка, недалеко от Ладожского озера), «LAATOKAN KARJALA» (северное Приладожье в Карелии), «TOLVAJARVI» (озеро Толва, расположенное к северу от Ладоги), «POHJOIS-KARJALA» (Северная Карелия), «KAINUU» (Кайнуу — область около поселка Кухмо и города Суомуссалми), «SUOMUSSALMI» (город Суомуссалми), «LAPPI» (Лапландия), «MANTSINSAARI» (остров Мантсинсаари на севере Ладожского озера к востоку от Валаама), «KOIVISTO» (Койвисто — прибрежный поселок, расположенный к югу от Выборга); 4 — с названиями родов войск: «KENTTAARMEJA» — полевая армия, «KOTIJOUKOT» — отряды самообороны (ополченцы), «ILMAPUOLUSTUS» — войска ПВО, «RANNIKKOPUOLUSTUS» — береговая оборона.

¹² *Царёва Т. Б. Полная энциклопедия орденов и медалей Второй мировой войны*. С. 296.

¹³ *Потрашков С. В., Лившиц И. И. Награды Второй мировой войны. 1939–1945*. С. 228.

¹⁴ *Царёва Т. Б. Полная энциклопедия орденов и медалей Второй мировой войны*. С. 299.

¹⁵ Там же. С. 302.

¹⁶ Там же. С. 305.

Л. В. Суворова

**БАТАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ
В ЖИВОПИСИ Г. БАКМАНСОНА (1860–1953)**

Гуго Карлович Бакмансон (1860–1953) родился в Пайнио, близ Або, в семье уездного чиновника — «коронного фохта». По окончании в 1881 г. Финляндского кадетского корпуса в Фридрихсгаме служил прапорщиком в л.-гв. Измайловском полку. Известно, что кадетов обучали гражданской архитектуре и изобразительному искусству. В программу входили рисование, живопись, гравирование. Обучение велось поэтапно — ландшафты красками, фигуры пером. В результате воспитанники владели рисунком, живописью и даже лепкой достаточно хорошо. Инспектор «над рисунком» кадетского корпуса был из членов Императорской академии художеств. Прививалось умение ненавязчиво показать блеск императорской армии.

Ранняя работа Г. Бакмансона маслом — небольшой пейзаж — выполнена в 1876 г. Известна серия акварелей, где он воспроизводит атмосферу кадетского учебного заведения. Военная подготовка полностью отвечала требованиям воинской службы в России, поскольку обучение финских кадетов было подчинено русскому Генеральному штабу¹. Мечты стать художником не оставляли, но он смог осуществить их только после окончания военной карьеры. Бакмансон посещает Академию художеств сначала в качестве вольноприходящего в 1884–1886 гг. Получив в 1886 г. звание неклассного художника, с 1887 по 1891 г. обучал рисованию в трех младших классах Финляндского кадетского корпуса, куда возвратился в должности ротного офицера². В 1891 г.

Бакмансон отправлен служить в Екатеринослав, через год был командирован в Николаевскую академию Генерального штаба, которую закончил в 1894 г. После завершения военного образования Г. Бакмансон получает распределение в Санкт-Петербург и начинает посещать Академию художеств с целью обучения батальной живописи. С 1895 по 1899 г. состоял в отставке — это годы занятий в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств.

Для продолжения художественного образования Бакмансон обращается к вице-президенту Академии графу И. И. Толстому с просьбой о поддержке. Толстой дважды просит начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Н. И. Бобрикова о переводе художника в Петербург, в резервный полк, объясняя, что перерыв в занятиях может неблагоприятно отразиться на его «дальнейшей художественной деятельности». Тогда же Бакмансону поручают выполнить картину на тему балканских военных событий «Усиленная рекогносцировка 12 октября 1877 года на реке Кара-Ломе» (1896, х. м., 169,5 × 242,5, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)³, и он отправляется в Болгарию для сбора материалов. Подобное масштабное полотно требовало обширных военно-инженерных знаний, множества подготовительных работ. Например, известны его многочисленные этюды к картине разбитой колесами проселочной дороги. Художник получает право работать в батальной мастерской, «так как приходится вводить лошадь».

Но прежде с 1894 г. Бакмансон учится в мастерской батальной живописи у А. Д. Кившенко и П. О. Ковалевского. Творчество мастеров наравне с работами крупнейших русских живописцев представлено в Музее коневодства в Москве. Именно художник-баталист Ковалевский, очевидец русско-турецкой войны, находился при штабе XII корпуса русской армии в Болгарии, и в своих произведениях оставил художественное свидетельство боевого опыта русских солдат. Во время войны им было сделано множество эскизов, этюдов и карандашных набросков⁴. Здесь, у переправы через реку Кара-Лома, турки отступали, неся большие потери. Наброски Ковалевского легли в основу его картин «Сражение при реке Ломе», «Бой у Иванова-Чифлика 12 октября 1877 года» (1887) и других. Они упоминаются в Указателях выставок Академии художеств. Эти картины подчинены правилам академической школы в создании

официальных батальных полотен, где военные действия должны были отображаться довольно условно.

Несомненно, Бакмансон опирался в своей работе на эти свидетельства. Однако его картина 1896 г. являет осязаемый контраст трактовке сражения в работах Ковалевского по своему размаху, масштабным передвижениям войск, достоверности пейзажа необъятной равнинной местности, которую на горизонте пересекает река. На переднем плане в правой части полотна видна идущая по разбитой дороге женщина в крестьянской одежде, несущая ребенка. За ней деревенская повозка со скабром, запряженная двумя белыми волами. Их ведет крестьянин с сыном. Они явно торопятся покинуть место боевых действий. На нежатом пшеничном поле дальнего плана выстроились в ожидании пехотинцы со стоящим рядом санитарным обозом. В обоз грузят раненых. За ними на обрывистом берегу реки видны облачка разрывов идущего боя.

В центре картины, на небольшом холме у высокого дерева, куда спешат два посильных кавалериста с донесениями, художник расположил группу военных в темно-синих мундирах, сопровождающих членов Совета, среди которых узнаются великие князья Сергей Александрович и Александр Александрович, будущий император Александр III (1881–1894). Он слушает доклад стоя, опираясь на саблю. В исторической литературе часто встречается мнение, что великие князья участвовали в сражениях, в лучшем случае находясь где-нибудь в тылу, в лагере. Здесь, у подножия холма изображены стоящие наготове ординарцы с верховыми лошадьми. Одна из них, белой масти, эффектно оживляет левую часть полотна с ровными рядами легкой кавалерии с пиками, — вероятно, это полк улан. Контраст будничным рыжеватым краскам произведения Ковалевского, где герои — простые рядовые солдаты, представляла и бросакая колористическая гамма изумрудно-зеленых и охристых оттенков картины финского живописца. Некоторое время спустя Совет профессоров Академии художеств разрешает сдачу научных курсов, и Бакмансон получает звание художника батального класса.

Финские историки искусства выделяют мастерство Бакмансона-рисовальщика и его особую компетентность документалиста⁵, эти черты свойственны таким работам на военную тематику, как «Верховой» (1886, ч. к.), с вниманием художника не только к изображению снаряжения и одежды нижнего чина

казачьих войск, рядового кавалерии, но и «конского портрета». Лошадь, постоянный спутник казака, стала для художника объектом наблюдения и изучения. Как талантливый анималист, Бакмансон с легкостью воспроизводит сложные композиции на конную тему, — в полной движения и жизни работе «Кавалерист» (1890-е гг., ч. к.) или в картине «Подготовка к параду» (1901, Военный музей, Хельсинки), где предстают всадники гвардейских частей. Офицерами в гвардии служили выходцы из дворянских семей, на военных и придворных церемониях гвардии принадлежало первое место.

Одно из лучших произведений «Резервисты Измайловского полка» (1899, х. м., 67 × 79,5, Фонд Северного военного округа, Хельсинки) говорит о художнике как о тонком психологе. В картине горизонтального формата представлена непарадная повседневная сторона военной жизни: изображена колонна солдат в амуниции пехотинцев, в дальнем походе, на фоне леса. Первый план взят очень близко, и зритель видит измученные долгим маршем лица людей. Среди солдат выделяется образ умудренного опытом пожилого военного. Знание русской батальной живописи безусловно играло важную роль в формировании Бакмансона как мастера этого жанра. На XI выставке Петербургского Общества художников была представлена картина, посвященная л.-гв. Измайловскому полку и названная «Измайловский Досуг» (1903, х. м., ч. к.). Досуг был литературно-музыкально-театральным объединением офицеров полка, организованным великим князем Константином Константиновичем, известным поэтом и просветителем. На полотне изображено полковое собрание, среди группы военных и гостей свои стихи читает сам князь: «Служа искусству, мы свои произведения на суд товарищей смиренно отдаем»⁶. Впоследствии в Финляндии Бакмансон часто обращается к изображению памятных групповых состязаний отставных финских военных, занятых декламацией или хоровым пением.

В ноябре 1899 г. за дипломную работу «Провожатый»⁷ Бакмансон получил звание художника. Ф. Булгаков, сообщая об академических выставках того времени, упоминает картину «Трубач» 1889 г.⁸, выполненную для очередной выставки под руководством П. П. Чистякова (1832–1919). С Чистяковым художника связало длительное знакомство, об этом свидетельствуют и копии двух писем, хранящихся в Отделе рукописей Русского музея. Первое

письмо Чистякову было отослано в Царское Село в мае 1887 г. Художник обращается с просьбой к Чистякову уделить ему летом месяц для ежедневных занятий: «...я желал бы поучиться писать портрет с натуры»⁹. Второе письмо отправлено из Фридрихсгама год спустя: «В прошлом году имел счастье заниматься у моего дорогого учителя, теперь же сижу один без руководителя и путаюсь направо и налево». В Царском Селе Бакмансон снимал мастерскую, а Чистяков, там живший постоянно, заходил к ученику наблюдать за работой. Фамилия Бакмансона упоминается в «парадном» списке воспитанников Чистякова, составивших цвет русского изобразительного искусства¹⁰. Далее в Отделе рукописей, в фонде газетных вырезок, есть также сведения об участии Бакмансона, начиная с 1891 г., в многочисленных выставках как Академии художеств, так и Петербургского общества художников, членом которого он состоял¹¹. Участвовал Бакмансон на выставках Общества русских акварелистов 1899 и 1903 гг., на патриотической выставке «Война» в 1915 г. в Петрограде и других¹².

В 1904 г. короткая заметка в журнале «Нива» известила, что офицер-художник Гуго Бакмансон отбывает на Дальний Восток как военный корреспондент, состоящий при 2-й Маньчжурской армии¹³. В качестве военных корреспондентов там трудился Н. С. Самокиш и другие русские баталлисты. Маньчжурские этюды Бакмансона были показаны в Петербурге в 1907 г. на выставке «Воспоминание русско-японской войны». В основном это произведения жанрового характера — акварели или рисунки пером — достоверные зарисовки фронтового быта армии, а также портреты участников военных действий: «Доставка раненого на перевязочный пункт» (1905, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург); «Чайный стол в фанзе» (1904, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург); «Ординарец» (1905, Художественный музей, Турку); близкая антивоенным сюжетам В. Верещагина зарисовка «Днем ты, а утром я (Павшие японцы в русско-японской войне)» (1905, Художественный музей Атенеум, Хельсинки). На листе тушью изображен длинный ряд погибших японских воинов, которых сторожит русский солдат. Несколько жанровых сценок посвящены жизни и обычаям местного населения — «Китаец» (1904, х. м., 66×44, ч. к.), где размытую дождями деревенскую дорогу пересекает босой мальчик в характерной конусообразной шапке, из-под которой спускается на его спину

длинная заплетенная косичка. Непролазная уличная грязь, низкое облачное небо, серая вереница хижин, торопливые прохожие составляют безрадостный мир картины.

Недорогие работы Бакмансона хорошо покупались коллекционерами и любителями. В 1906 г. Академия приобрела с выставки сразу пять акварелей. Как участник войны, после событий 1905 г. Бакмансон остро воспринимал окружающую действительность. Г. Стернин отмечает, что в число картин, конфискованных на XIV выставке в 1906 г., попала и картина Бакмансона, а именно «Обыск» («Портрет писателя Карла Гренхагена», 1906, ч. к.). Здесь «единственно не понравился цензуре рукав полицейского мундира и рука, роющаяся в бумагах на письменном столе»¹⁴. Этот «рукав» будто списан с персонажа картины И. Репина «Арест пропагандиста» (1880, Государственная Третьяковская галерея). На полотне изображен сам Гренхаген, его лицо бледно, глаза за стеклами очков опущены, а руки безразлично засунуты в карманы брюк. Над столом склонился полицейский, он показан со спины, но видно, что оба участника сцены ровесники, и от этого момент еще тягостнее. Гренхаген учился в кадетской школе вместе с Бакмансоном, жил в Петербурге в 1900-х гг. и был известен рядом критических публикаций антимонархической направленности. Ему принадлежат многочисленные издания путеводителя по Финляндии. Запреты, естественно, усиливали интерес общественности к авторам недозволённых сюжетов, заметил Стернин.

В 1909 г. на выставке Петербургского общества художников была представлена новая серия этюдов по материалам поездки Бакмансона в Северную Африку, откуда он привез целую коллекцию зарисовок арабского быта и национальных обычаев. Первое знакомство с Северной Африкой произошло в 1898 г. во время поездки в Тунис. В 1907 г. Бакмансон едет в Марокко, где проводит более продолжительное время. Работам свойственна эскизность, интерес к местному колориту и броской детали: «Городские ворота Танжера» (1907, Художественный музей, Риихимяки), «Берег Танжера» (1908, ч. к.), «Рынок в Танжере» (1908, Художественный музей, Турку). В начале 1910-х гг. следуют три выставки в Москве с пейзажами Танжера, портретными набросками арабов — «Мужчина за шитьем» (1898, ч. к.), «Тунисский мальчик» (1898, ч. к.), «Мужчина на ослике» (1907, ч. к.). Эти годы застают Бакмансона опять в путешествии: проездом из Парижа он шлет

художнику П. В. Безродному, знакомому по Царскому Селу, восторженные отзывы о русском балете, декорациях и костюмах¹⁵.

Как член уже Петроградского общества художников Бакмансон принимает участие еще в трех выставках в Петрограде, последняя — в 1917 г. с картиной «Операция в полевом госпитале Красного Креста» (1916, ч. к.). Он подмечает отлаженный механизм военного времени в сверкающей чистотой операционной с группой занятых с раненым членов медицинского персонала. Армейскому быту посвящены произведения, выполненные тушью и акварелью, хранящиеся в Отделе рисунка Русского музея. Это «Маймакай, обед в штабе» (1904–05, бум., акв., гуашь) и другие сцены постоя русских войск во время русско-японской войны. Две работы из семи — зарисовки в Танжере — «Портрет негра» (1908, бум., акв., гуашь). Что касается произведений из фондов живописи Научно-исследовательского музея Академии художеств, то есть данные об их передаче, включая дипломную работу, этюды и эскизы в ведение различных иногородних музеев — Москвы, Одессы, Казани, Екатеринослава, Нижнего Новгорода, Владикавказа и других¹⁶. В Кабинете графики Научно-исследовательского музея числится только учебная работа «Этюд драпировки» (декабрь 1884, 33 × 24,8, бум., кар.), за которую Бакмансон получил высшую оценку I категории. Две работы художника из собрания Музея лейб-гвардии Измайловского полка — «Ефрейтор л.-гв. Измайловского полка периода 80-х годов XIX века» (1889, х. м., 52 × 36,5) и Михайловского фонда — «Верховой конвой Его Величества со значком вел. князя Михаила Николаевича — главного посредника на Курских маневрах» (1902, бум., акв., 31,6 × 24,9) поступили соответственно в 1918 и 1937 гг. в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи¹⁷. В Музее коневодства в Москве хранятся три анималистических полотна — портреты английских скаковых жеребцов «Галтибой», «Гаммураби» и «Флюор». Упомянутая «Рекогносцировка» вместе с «Портретом члена городской управы Эйлерса» (1912) — собственность Государственного Эрмитажа.

Почти тридцать лет художник прожил в России. В конце 1917 г., при отъезде из страны, художник и царский офицер Бакмансон встретился на вокзале с генералом русской армии в отставке К. Г. Маннергеймом. Попутчики сели в поезд и уехали в Гельсингфорс — «прямоком в историю Финляндии»¹⁸. Последние годы провел в Лалукке, доме для художников в Хельсинки. Выставка

Х. Бакмансона, организованная в 2010–2011 гг. в Музее Амоса Андерсона в центре Хельсинки, содержала 140 картин маслом и акварелей, включая североафриканские мотивы и сцены русской и финской армейской жизни¹⁹. За объективность видения, свободную манеру живописи Бакмансон признан единственным в финском искусстве значительным мастером батального жанра.

¹ Клинге М. На чужбине и дома. СПб., 2005. С. 11.

² РГИА. Ф. 789, Оп. 11–1884. Д. 119. Л. 1–30. Л. 9. Бакмансон Г. К.

³ Булгаков Ф. И. Альбом Академической выставки 1896 года. Ил. картины Г. Бакмансона. СПб., 1896.

⁴ Крылов-Толстикович А., Барковец О. Великий князь Владимир Александрович. Страницы биографии. СПб., 2010. С. 99.

⁵ *Konsten i Finland*. Helsingfors, 1978. S. 176.

⁶ К. Р. Измайловский Досуг 9 января 1885 г. // *Времена года*. Избранное. СПб., 1994. С. 156.

⁷ Кондаков С. Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской академии художеств. 1764–1914. СПб., С. 11.

⁸ Булгаков Ф. И. Наши художники на академических выставках последнего 25-летия. СПб., 1890. Т. I. С. 25.

⁹ Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 112. Ед. хр. 330. Л. 5.

¹⁰ Чурилова Е. Б. «Прочесть, припоминая». П. П. Чистяков в Царском Селе. СПб., 2007. С. 80.

¹¹ Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 191. Ед. хр. 2.

¹² Бакмансон Гуго Карлович // *Художники народов СССР*. Библиографический словарь. Т. I. М., 1970. С. 264.

¹³ Нива. СПб., 1904. С. 939.

¹⁴ Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х гг. М., 1988. С. 59.

¹⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 124. № 271. Л. 1.

¹⁶ Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств. Фонд живописи. Список картин и рисунков, принадлежавших Музею Академии художеств и переданных в разное время в другие музеи СССР.

¹⁷ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Каталоги произведений изобразительного искусства. Л., 1959. Кн. 1: Живопись. С. 118, 241; Л., 1973. Кн. 2: Рисунок. С. 204.

¹⁸ Мери В. Карл Г. Маннергейм. М., 1997. С. 96.

¹⁹ Hugo Backmansson. *Konstnar, officer och aventyrare*. Helsingfors: Otava, 2010.

В. И. Мусаев

КОНЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ — ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕНТР В ФИНЛЯНДСКОЙ КАРЕЛИИ

Православный мужской монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы на ладожском острове Коневец (фин. Konevitsa или Nevossaari) в нескольких километрах от побережья Карельского перешейка не пользуется столь же широкой известностью, как другой монастырь на Ладоге, Валаамский Спасо-Преображенский — одна из крупнейших и богатейших русских православных обителей. Однако и Коневский монастырь сыграл в истории Северо-Запада России и Финляндии свою роль (пусть и не такую значительную, как Валаамский) как центр православного влияния в Приладожье.

Если датировка начала иноческой жизни на Валаамских островах остается дискуссионной (называются даты от IX до XIV в.), время основания Коневского монастыря известно довольно точно и сомнений не вызывает. Начало истории православной обители на Коневце связано с именем преподобного Арсения. Уроженец Новгорода, Арсений, приняв монашеский постриг в 1379 г., провел три года на Афоне. Вернувшись на Русь, он жил некоторое время на Валааме, затем получил в 1393 г. от новгородского архиепископа благословение на основание нового монастыря. Вскоре он отправился на Коневец, где занялся устройством новой обители. В Новгородской 3-й летописи упоминается о постройке каменной церкви на Коневце и строительстве монастыря под 6908 годом со дня сотворения мира (т. е. 1400 г.). Арсений был настоятелем монастыря до своей смерти в 1444 г. В 1421 г.

на острове была построена каменная церковь во имя Рождества Богоматери, давшая название всему монастырю¹.

Во время войн и конфликтов между Россией и Швецией православные обитатели на Ладогe неоднократно подвергались нападениям шведов. В 1577 г. шведские войска заняли остров Коневец, который был возвращен России только в 1594 г. Однако во время Смуты, в 1610 г., шведы снова захватили ладожские острова. Оба монастыря были преданы огню и мечу. На Коневце деревянные постройки были сожжены, а каменная церковь разрушена до основания. Иноки и игумен Леонтий были вынуждены перебраться в Россию².

Возрождение монашеской жизни на Ладогe началось только после того, как окрестные земли в ходе Северной войны были отвоеваны русскими. В 1718 г. Петр I своим указом повелел приписать остров Коневец к Деревяницкому монастырю и принять меры по возрождению здесь обители. На остров прибыл командированный новгородским митрополитом Иовом иеромонах Тихон, и в конце следующего года здесь была освящена небольшая деревянная Николаевская церковь, с которой и началось восстановление Коневского монастыря. До 1760 г. монастырь оставался в ведении деревяницких настоятелей, а в указанном году по ходатайству новгородского митрополита Димитрия указом Елизаветы Петровны он был отделен от Деревяницкого монастыря и объявлен самостоятельным³. В 1766 г. на средства императрицы на острове был возведен каменный собор Пресвятой Богородицы. В нем покоились мощи преподобного Арсения Коневецкого. Здесь же хранилась главная реликвия монастыря — чудотворная икона Коневецкой Богоматери, принесенная преподобным Арсением с Афона. Эта икона была в 1799 г. перенесена на Коневец из Деревяницкого монастыря, где она оставалась с 1610 года⁴. В последующие годы в монастыре продолжалось строительство. В 1792–1796 гг. на Святой Горе, на месте часовни св. Арсения, была сооружена церковь во имя св. Арсения Коневского и келейные корпуса. В 1800–1809 гг. в монастыре, по проекту коневского монаха Сильвестра, был построен новый собор Рождества Богородицы, вместо построенного в 1766 г., который к тому времени стал тесным для посетителей. Это было большое двухэтажное здание, увенчанное восемью барабанами, которые поддерживали пять синих куполов. Рождественский собор

Коневецкого монастыря отличался необыкновенной пышностью. Храм был залит светом. Его стены и купол украшала великолепная роспись начала XIX столетия. В соборе находился белый резной иконостас. Украшением храма было огромное бронзовое паникадило. В 1810–1812 гг. была выстроена соборная колокольня высотой в 35 метров. В 1813 г. была построена третья монастырская церковь — во имя св. Николая Чудотворца. Тогда же было завершено строительство келейных корпусов, образовавших вокруг собора замкнутый четырехугольник. Помимо самого монастыря на острове существовали два скита — Святогорский Казанский, основанный на рубеже XVIII–XIX вв., с небольшой одноглавой церковью, и Коневский, сооруженный на берегу залива в 1870–1880-х гг.⁵

После того как в декабре 1811 г. Выборгская губерния, или Старая Финляндия, была передана в состав новообразованного (после Русско-шведской войны 1808–1809 гг.) Великого княжества Финляндского, Валаамский и Коневский монастыри также оказались на территории этого автономного образования. Для монастырской жизни это создало определенные сложности. В Финляндии господствующей религией оставалось лютеранство. В соответствии со старым шведским законодательством, формально сохранявшим силу, существование монастырей на территории Финляндии было лишено какой-либо правовой основы. Королевский указ от 21 января 1781 г., не отмененный после 1809 г., запрещал учреждать в шведских владениях монастыри, а равно допускать в них монахов какого бы то ни было исповедания. Российские государи, начиная с Александра I, издавали указы, направленные на расширение прав православия в княжестве. В полной мере православные в Финляндии все же так и не были уравнены с лютеранами. Несмотря на непростые условия, православные обитатели на Ладогe играли существенную роль как центры русско-православного идеологического и культурного влияния в Ладожской Карелии.

Вторая половина XIX в. была временем расцвета Валаамского монастыря, который по численности монастырской братии, размерам своих владений и материальных благ и степени своего духовного влияния занимал второе место среди всех монастырских обителей Русской Православной церкви (после Соловецкого монастыря). Коневский монастырь, причисленный

указом Духовной консистории от 24 марта 1825 г. к третьему классу, всегда оставался в тени своего более могущественного первоклассного соседа. Однако и его развитие в указанный период было достаточно успешным. Достижения в развитии монастыря и монастырской жизни были связаны главным образом с именами игуменов Георгия (1833–1839), Амфилохия (1839–1858) и Израила (1858–1884). По просьбе игумена Георгия император Николай I в 1835 г. передал в распоряжение монастыря участок земли в Сортанлахти, который сыграл важную роль в развитии монастырского хозяйства. Под руководством игумена Амфилохия был возведен ряд хозяйственных построек, расширены пашенные и сенокосные земли, увеличены размеры рыбной ловли. Монастырский капитал к концу XIX в. достигал 11614 рублей⁶.

Члены императорской фамилии и другие знатные особы неоднократно посещали православные финляндские монастыри, в первую очередь Валаамский. На Коневце посетителей, как простых паломников, так и высокопоставленных персон, было в целом меньше, однако и он пользовался вниманием. В мае 1844 г. на Коневце побывал один из сыновей императора Николая I, великий князь Константин Николаевич. В июне 1858 г. монастырь посетил император Александр II с семейством. Вместе с ними прибыли также наследный принц Вюртембергский Александр и его супруга, сестра царя великая княгиня Ольга Николаевна⁷. Из известных людей, посетивших в разное время обитель, заслуживают упоминания Александр Дюма, Ф. И. Тютчев, Н. С. Лесков, оставивший свои впечатления от посещения монастыря в очерке «Монашеские острова на Ладожском озере», И. С. Шмелев, В. И. Немирович-Данченко, Д. И. Менделеев (в 1861 г.), архитектор А. М. Горностаев (по проекту которого был возведен Успенский собор в Гельсингфорсе)⁸.

В октябре 1892 г. была образована самостоятельная Финляндская православная епархия. Соответственно все финляндские православные приходы и оба монастыря перешли в ведение новой архиепископской кафедры, с местопребыванием в Выборге. Над монастырями не было назначено надзора благочинных, и они подчинялись непосредственно епархиальному начальству. В Коневском монастыре в первый год существования Финляндской епархии числились архимандрит-настоятель (в 1884–1895 гг. эту должность занимал о. Пимен, в миру — Петр Гаврилов).

14 иеромонахов, 7 иеродьяконов, 23 монаха, 19 послушников и 136 богомольцев, проживавших в монастыре⁹. В начале XX в. в монастыре имелось пять храмов. Регулярно службы проводились только в соборной церкви, имевшей два престола: нижний храм Сретения Господня и верхний в честь Рождества Богородицы. В остальных церквях богослужение проводилось не чаще четырех раз в год¹⁰.

Согласно отчетам о состоянии Финляндской епархии, в Коневском монастыре имелись свои мастерские: сапожная, слесарная, экипажная, плотничная, столярная, швальня, кузница и бондарня. По данным за 1903 г., монастырю принадлежали 26 лошадей, 28 коров и девять племенных телят. Запаски у монастыря были небольшие: по сведениям на тот же год, было посеяно 20 кулей овса, четыре куля ржи и три куля ячменя. Монастырский сад занимал около десятины. В саду росло до 500 яблонь. Овощами монастырь снабжался с собственного огорода в количестве, достаточном для братии. По примеру Валаама на Коневце был устроен собственный свечной завод для выделки восковых свечей. Имелась небольшая фотографическая студия. Монастырь также содержал метеорологическую и спасательную станции. На острове имелись две гостиницы для приезжавших богомольцев: каменная на 80 мест, построенная в 1861 г., и более старая деревянная. Последняя, впрочем, находилась в довольно запущенном состоянии¹¹. В качестве критического замечания по деятельности монастыря указывалось на хищнические порубки леса на острове для заготовки топлива, хотя, как отмечалось, достаточно было вычищать лес от валежника и высохших деревьев, которых вполне хватало бы для этой цели. К тому же у монастыря имелись свои угодья на материке. Другим серьезным недостатком монастырской жизни называлось распространенное употребление спиртных напитков среди обитателей монастыря и его подворий в С.-Петербурге¹².

Архиерей П. Забелин, приезжавший в 1905 г. с ревизией на Валаам и Коневец, высказал немало критических замечаний по поводу организации монастырской жизни на Коневце. Он отмечал: «Жизнь монастыря Коневского совершенно иные дает впечатления, нежели Валаам. Порядка меньше. Нет той дисциплины, которая всюду видна на Валааме. Внешность даже и та другая. Монастырь беднее. Храмы скромных размеров и менее

украшены, хотя содержатся относительно чисто. Устав церковный соблюдается менее строго, пожалуй, применительно более к мирским церквям». В качестве причины такого неудовлетворительного состояния он называл в первую очередь разрешение употребления спиртных напитков¹³. Коневский монастырь имел два подворья в С.-Петербурге: одно на Загородном проспекте и другое на Большой Охте. В 1906–1907 гг. для Охтинского подворья был построен каменный пятикупольный храм в византийском стиле по проекту архитектора Н. Н. Никонова¹⁴. Организация жизни в монастырских подворьях также вызывала нарекания при их ревизиях¹⁵.

С 1908 г. должность игумена Коневского монастыря занимал о. Никандр (Никита Сапрыкин, до 1919 г.). С его деятельностью было связано улучшение многих сторон монастырской жизни. Как отмечалось в отчетах по епархии, дисциплина сделалась строже, монастырские помещения и территории стали чище. Стало строго преследоваться чрезмерное употребление спиртного. Новый игумен озаботился проблемой упадка хлебопашества и организовал распапку новых полей. Также начали приводить в порядок лесное дело. Было куплено судно, и дрова стали возить с материка¹⁶. В отчете о состоянии епархии за 1909 г. отмечались улучшения в хозяйственной жизни Коневского монастыря: «Приняты меры к увеличению производительности полей, под которые вновь распаханы некоторые участки леса, обращено особенное внимание на огородничество, садоводство и рыбные ловли. В монастырских зданиях произведены необходимые ремонтные работы, некоторые служебные постройки, восстановлен кирпичный небольших размеров завод с вновь выстроенными хозяйственными службами и пристройками»¹⁷. При Никандре в монастыре активно велись строительные и ремонтные работы. В 1912 г. началось сооружение водопровода, который был завершен в следующем году. В 1913–1916 гг. были построены лесопилка и деревянный дом для рыбаков на мысе Варгусы. В Сортанлахти была устроена лодочная пристань и выстроен лодочный док. Была приведена в порядок Николаевская церковь, на соборе отремонтированы церковные купола и поставлены новые кресты¹⁸. Численность монастырской братии и в целом жителей острова продолжала увеличиваться до начала Первой мировой войны. В 1914 г. на Коневце числились 25 иеромонахов, 11 иеродьяконов, четыре схимонаха, 34 монаха,

34 послушника и 211 богомольцев и монастырских рабочих, всего более 300 человек. С началом войны число насельников стало сокращаться, так как некоторые послушники и богомольцы были призваны в армию. В 1916 г. численность братии была равна 165 человек, в 1917-м — 139 человек¹⁹.

В первые годы XX в., в период усиления в Финляндии анти-русских и антиправославных настроений, Коневец, как и Валаам, неоднократно испытывал проблемы от поведения окрестного финского населения и приезжих финнов. Как сообщал настоятель монастыря, финские рыбаки в темное время суток приставали к берегам острова, бесконтрольно разводили костры, нередко становившиеся причиной лесных пожаров, разоряли монастырские огороды, воровали вещи из рыбацкого дома на мысе Варгусы. Не лучше вели себя и «экскурсанты», приезжавшие на остров в летние праздничные дни. Настоятель сообщал: «Не говоря уже о шуме и безобразиях при самой высадке на берег Коневца, производимых подобными посетителями, приезжающими по большей части в пьяном виде, они дерзают нарушать благочиние и в самом храме Божьем. Ежеминутно, в сопровождении своих дам, с топотом входят и выходят они из церкви, грубо толкают богомольцев и нарушают молитвенное настроение присутствующих, что особенно бывает прискорбно в более торжественные минуты богослужения. Неприличие их поведения на острове доходит до невозможного: драки пьяных между собой, торговля привозимой с материка водкой, картежная игра, песни, пляска, курение табаку у Св. ворот, вырывание с корнем молодых древесных насаждений и цветов, злые насмешки над братией и угрозы ножом на делаемые замечания о неблагопристойности их поступков — самые обычные явления, сопровождающие увеселительные поездки на Коневец культурных финляндских граждан. Наблюдались также случаи осквернения часовен и других мест благоговейного почитания верующих»²⁰. Настоятель монастыря Никандр в 1909 г. даже был вынужден обратиться через финляндского архиепископа Сергия к генерал-губернатору Ф. А. Зейну с просьбой командировать воинскую команду на близлежащую станцию Сортанлахти для охраны монастыря²¹. В марте 1912 г. Выборгский губернатор издал указ, запрещающий лицам неправославного исповедания поездки на Валаам и Коневец без особого разрешения монастырского начальства²².

После 1917 г. положение Православной церкви в Финляндии в целом и ладожских монастырей в частности осложнилось еще больше. В результате провозглашения независимости Финляндии и закрытия границы связь с Россией прервалась. Затрудненным стало общение с воссозданной Московской патриархией, возникли серьезные материальные трудности. Монастыри были втянуты в конфликт вокруг канонической подчиненности Финляндской церкви и проблемы перевода церковной жизни на новое летоисчисление (григорианский календарь). В 1923 г. Финляндская Православная церковь перешла под омофор Вселенского патриарха Константинопольского, а в конце того же года был отрешен от должности архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов), выступавший против изменения положения дел в епархии.

Борьба вокруг введения григорианского календаря приобрела особенно длительный и болезненный характер. Против реформаторских устремлений Церковного управления, образованного в г. Сортавала, и викарного карельского епископа Германа (Аава), ставшего с 1926 г. новым архиепископом, которые поддерживали принятие нового стиля, выступали некоторые приходы и значительная часть братии обоих ладожских монастырей. Конфликт был разрешен благодаря вмешательству светской власти, поддержавшей сторонников преобразований. На Валааме часть «старостильников» была привлечена к церковному суду, некоторых из них выселили из монастыря или даже выслали за пределы Финляндии, другие были сосланы в дальние скиты.

Календарный конфликт не обошел и Коневский монастырь. 10 января 1926 г., когда в монастырь поступило категорическое предписание Вселенского патриарха Василия о праздновании Пасхи по новому стилю, игумен Амфилохий заявил, что он не будет выполнять это незаконное распоряжение и что с Валаама якобы пришло известие о том, что епископ Герман разрешил праздновать Пасху по старому стилю. Члены монастырского правления солидаризировались с ним. Большинство братии, однако, не поддерживали игумена. Амфилохий объявил тогда, что передает главный собор монастыря в пользование «новостильникам», сам же со своими сторонниками переходит в церковь Св. Николая²³. События на Коневце также стали предметом разбирательства церковных властей. Церковное управление под

председательством епископа Германа 8 февраля 1926 г., рассмотрев дело, приняло решение отрешить от должности Амфилохия и четверых членов монастырского правления²⁴. Дело игумена Амфилохия и еще десяти человек (шестерых иеромонахов, троих иеродьяконов и одного монаха) рассматривалось 14 июля того же года в церковном суде под председательством протоиерея С. Солнцева. За отказ признать новый стиль и подчиниться указаниям епископа Германа суд вынес решение подвергнуть указанных лиц различным наказаниям²⁵.

После смещения Амфилохия с должности игумена этот пост в течение непродолжительного периода занимали иеромонахи Исаакий (1926–1927) и Варлаам (1927–1929). В июле 1930 г. игуменом был избран иеромонах Маврикий (Сережкин), ранее служивший в военном ведомстве (архиепископ Герман утвердил его в должности игумена в следующем году). Под руководством Маврикия Коневский монастырь в 1930-е гг. сумел стабилизировать свое хозяйственное положение. В обители в начале десятилетия насчитывалось 75 человек, из них 28 финских граждан и 47 лиц с иным гражданством или без гражданства. К монашескому званию, кроме игумена, принадлежали 19 человек (15 иеромонахов и четыре иеродьякона). Средства к существованию братия добывала главным образом за счет сельского хозяйства. Монастырю принадлежали 43 га пахотных земель и 54 га пастбищ. На монастырских полях выращивались рожь, овес, пшеница, картошка, капуста и сено. Монастырское стадо насчитывало 40 голов, в том числе 22 дойные коровы. Поскольку почти все монахи, остававшиеся в монастыре, находились в преклонном возрасте, приходилось прибегать к найму рабочей силы. В монастырских угодьях постоянно работали около 15 человек, а летом в страдную пору их число вырастало до 20–40 человек. Определенные доходы монастырь получал от продажи дров, молока и продуктов военным (на острове были размещены две артиллерийские батареи и штаб, занимавший каменную гостиницу). С 1931 г. монастырь начал издавать газету “Konevitsan luostarin tervehdys”. В первый год было издано четыре номера. Тираж газеты доходил до 5000 экземпляров. В 1933–1934 гг. выходило издание на русском языке «Коневский листок». Коневец также привлекал к себе внимание паломников и туристов, хотя и не такое значительное, как Валаам: в год на остров приезжали

2–3 тысячи человек — главным образом из Кексгольма, Выборга и с Карельского перешейка. Маршал К. Г. Маннергейм однажды приезжал повидаться с игуменом Маврикием, с которым он был знаком еще со времени своей учебы в Николаевском кавалерийском училище в С.-Петербурге²⁶.

Мирный ход жизни финляндского православия был нарушен событиями «зимней войны» 1939–1940 гг. Все финляндские монастыри, резиденция архиепископа в Сортавале и значительная часть приходов (на Карельском перешейке и в Ладужской Карелии) оказались на территориях, занятых в ходе войны советскими войсками или подлежащих передаче Советскому Союзу по условиям Московского мирного договора 1940 г. Население этих территорий, в том числе православное, почти поголовно эвакуировалось в глубь Финляндии. Братия Валаамской общины была эвакуирована при помощи военных в Папинниеме в Хейнявеси, где был основан Ново-Валаамский монастырь. Братия Коневского монастыря также была вынуждена эвакуироваться. 13 марта 1940 г., в день подписания мирного договора между СССР и Финляндией, монахи оставили Коневец, забрав с собой икону Коневской Божьей Матери, однако оставив иконостас и библиотеку. В 1941 г., когда приладужские земли были вновь заняты финнами, некоторые иноки вернулись на Коневец и пытались возродить монашескую жизнь. Однако в августе 1944 г. монахи были вынуждены окончательно покинуть остров. Для 32 коневских монахов игумен Маврикий поначалу нашел новое место в деревне Хамула в волости Кейтеле в Северном Саво. В 1956 г. из братии осталось всего девять человек, которые решили присоединиться к ново-валаамской общине²⁷.

Что касается самого острова Коневец, который в 1940 г., вместе с другими приладужскими землями, отошел к Советскому Союзу и в 1944 г. был возвращен в его состав, в послевоенное время на его территории размещалась военно-морская часть. Монастырские храмы, часовни, скиты были заброшены и постепенно приходили в ветхость. В 1990 г. монастырь был возвращен Санкт-Петербургской епархии. 28 мая 1991 г. на остров прибыл архимандрит Назарий (Лавриненко), назначенный митрополитом С.-Петербургским и Ладужским Иоанном (Снычевым), наместником монастыря (в настоящее время — наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, благочинный монастырей

С.-Петербургской епархии). В ноябре 1991 г. под полом нижнего храма были обретыены мощи преподобного Арсения, ныне главная святыня монастыря. Впоследствии для них была устроена резная рака. К монастырю приписан в качестве подворья и собор Рождества Богородицы в г. Приозерске (бывшем Кексгольме) (построен в 1836–1847 гг., архитектор Д. И. Висконти, был закрыт с 1940 г.)²⁸.

4 июля 2001 г. братию возглавил иеромонах Исидор (Минаев), бывший помощник игумена Валаамского монастыря. За полтора года число насельников возросло до 25 человек. Совершается дневной круг монашеских богослужений, в воскресные, субботние, другие праздничные дни — Божественная литургия. Действует Казанский скит, где проживает духовник монастыря иеросхимонах Варахиил. На престольный праздник освящена восстановленная часовня на Святой горе, месте явления Богоматери, будет возобновлен и монастырский сад. Коневский скит взят под опеку приходом Софийского Вознесенского собора (г. Царское Село). Приспособлена для служб и Арсеньевская церковь. На ферме содержат коров, лошадь, кур, гусей. Условия жизни в монастыре трудные (например, случаются перебои с электричеством, которое получают за счет дизельных генераторов). Много делают для возрождения обители финское общество «Коневец» и правительство города Куопио. Почти все часовни и кровли на острове восстановлены на пожертвования граждан Финляндии²⁹. 11 июля 2009 г. Коневский монастырь посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В храме, освященном во имя Сретения Господня, им была отслужена утренняя в празднование памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла³⁰.

¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГAB). Ф. 411. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2 об.; Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря (С.-Петербургской епархии). СПб., 1869. С. 1–3.

² ЛОГAB. Ф. 411. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.–3.

³ Там же. Л. 3–3 об.; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 661. Оп. 1. Д. 304. Л. 3.

⁴ Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря. С. 25–29.

⁵ Там же. С. 29–31; Konevitsan luostari. Keuruu, 1993. S. 38–40.

⁶ ЛОГAB. Ф. 411. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5; Konevitsan luostari. S. 82.

⁷ Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря. С. 66–68.

⁸ <http://historykeeper.ru/church/84-rozbogkonev>

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1483. Л. 7 об.

¹⁰ Там же. Д. 2006. Л. 11–11 об.

¹¹ Там же. Л. 16–18.

¹² Там же. Л. 14 об., 17.

¹³ Там же. Д. 2125. Л. 13, 15.

¹⁴ Konevitsan luostari. S. 86.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2309. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 11–13.

¹⁷ Там же. Д. 2365. Л. 9–9 об.

¹⁸ Там же. Д. 2617. Л. 13 об.; ЛОГАВ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 5. Л. 7; Konevitsan luostari. S. 86.

¹⁹ Konevitsan luostari. S. 87.

²⁰ Православная Карелия. Очерк. Пг., 1914. С. 50–52.

²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 250. Л. 3.

²² Православная Карелия. С. 55.

²³ ЕК/КД N: о 73/1231.2612.2.26 // Kansallisarkisto. EK-Valpo. Ryhmä XVII. Kansio 382.

²⁴ Iltalehti. 1926. 22. maaliskuuta.

²⁵ Lyhennys pöytäkirjasta, joka tehtiin kirkollisen alioikeuden istunnossa Sortavalassa heinäkuun 14 päivänä 1926 // ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1333. Л. 23–23 об.

²⁶ Konevitsan luostari. S. 94–101.

²⁷ Ibid. S. 117.

²⁸ http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=petersburg_area&page=14

²⁹ <http://www.spbreigion.ru/path2.php?page=6>

³⁰ <http://www.konevets.spb.ru/article.php?article=20090722233749>

М. В. Шкаровский

**СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
БАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1940-е годы**

На 1940-е гг. пришлось наиболее тяжелые испытания в многовековой истории Балаамского монастыря, вызванные бедствиями советско-финляндской и Великой Отечественной войн, эвакуацией с острова, скитаниями по Финляндии и другими тяжелыми обстоятельствами. Однако братия монастыря выдержала эти бедствия и сохранила обитель, хотя и на новой территории. К 1940 г. Балаамский монастырь относился к Финляндской Православной Церкви, которая после отделения Финляндии от России, 11 февраля 1921 г. получила автономию от Московского патриархата. Но 6 июня 1923 г. она была принята с правами широкой автономии в Константинопольский патриархат. В межвоенный период Финляндская Православная Церковь значительно окрепла и выросла численно — с 55 тыс. верующих в 1920 г. до 81 тыс., в том числе 65 тыс. финнов, в 1940 г. Она состояла из двух епархий — Карельской (16 приходов) и Выборгской (13 приходов), окормляемых 50 священниками, и имела четыре монастыря — Балаамский (около 200 насельников, в том числе 53 священноинока), Коневский (20), Печенгский (17) и женский в Линтуле (34 насельницы). Резиденция главы Церкви — архиепископа Германа (Аава, 1878–1961) находилась в Сортавале (Сердоболе), там же в 1918 г. была открыта Духовная семинария¹.

В ноябре 1939 г. СССР объявил войну Финляндии, продлившуюся 105 дней. 5 декабря советские самолеты начали бомбить остров Валаам, на котором располагалась финская военная часть.

20 декабря 1939 г. по предписанию полиции первые 70 валаамских монахов, не имевших финляндского гражданства, в основном старостильников (часть братии сохранила верность юлианскому календарю, после того как Финляндская Церковь в 1921 г. перешла на григорианский), переселились в глубь Финляндии в местечко Каннокоски. Там их временно разместили в зданиях пяти народных школ; в больших классных комнатах были сколочены нары, на 60 человек в каждом помещении, но некоторые спали прямо на партах. Крайние бытовые неудобства и лишения стали серьезным испытанием для престарелых иноков, привыкших к одиночным келиям, во время тяжелого пути и проживания в Каннокоски десятая часть братии погибла.

При этом настоятель с 1933 г. монастыря игумен Харитон (Дунаев, 1872–1947) старался как можно дольше оттянуть выселение, надеясь, что ситуация изменится. В конце 1939 — начале 1940 г. с острова вывезли 136 человек, насельников и богомольцев, в монастыре остались лишь 85 человек, имевших финляндское гражданство. Оставшиеся монахи тушили пожары после взрывов и укрывались в центральном соборе монастыря при налетах советской авиации, который остался невредимым, несмотря на ожесточенные бомбардировки (лишь одна бомба упала рядом с колокольной, поэтому в соборе вылетело большинство стекол)². Однако в результате бомбардировок сгорела большая часть монастырского каре, монахи даже хотели взорвать перемычку между двумя зданиями, чтобы остановить пожар, угрожавший библиотеке и архиву, но к счастью, пожар удалось потушить и без этой меры. Несколько насельников погибло от осколков бомб.

В феврале 1940 г. экстренно была эвакуирована с Валаама оставшаяся братия во главе с игуменом Харитоном, и в Каннокоски собрались все насельники в количестве 205 человек, для многих из них расставание с Валаамом было трагедией, не все смогли пережить переезд. Эвакуацией монастыря лично занимался маршал К. Г. Маннергейм; в частности, он приказал выделить несколько десятков грузовиков для перевозки монастырского имущества с острова на материк по льду Ладожского озера³.

Эвакуация была очень тяжелой, часть имущества утонуло в полыньях, покрывавших уже нетвердый мартовский лед, другая часть с машин и подвод упала на лед. По воспоминаниям местных

жителей, трасса была чуть ли не усыпана церковной утварью. Но большую часть монастырского имущества и главные святыни удалось вывезти, в том числе часть Гроба Господня, гробницу преподобных Сергия и Германа, чудотворную Валаамскую икону Божией Матери (середины XIX в.), старинную Новгородскую икону Знамения Божией Матери XVII в.), чудесным образом явленную Тихвинскую икону Божией Матери (XVIII в.), весившее более 800 килограммов бронзовое паникадило (центральную люстру) из Спасо-Преображенского собора, иконостас из нижнего храма собора, картины, часы, облачения, церковную утварь, огромную библиотеку (20 тыс. книг), архив и 40 колоколов. Небольшая часть монастырской библиотеки осталась на месте и в дальнейшем была передана в Государственную Публичную библиотеку Ленинграда. Самый тяжелый 1000-пудовый колокол святого апостола Андрея Первозванного (Валаамский благовестник) пришлось оставить, и позднее советские солдаты сбросили его на землю и разбили.

12 марта 1940 г. был подписан мирный договор между воюющими сторонами, по которому Финляндия передала СССР Карельский перешеек с городом Выборг, побережье Ладожского озера, ряд островов в Финском заливе, территорию в районе г. Куолаярви и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море. В результате 55 тыс. православных финнов и карел из 18 приходов были вынуждены эвакуироваться в глубь страны (всего с переданных Советскому Союзу территорий эвакуировали 430 тыс. человек — более 10 % населения страны). Три монастыря из четырех, в том числе Валаамский, оказались утрачены, их насельники также эвакуировались, две трети церковного имущества было утрачено⁴. Духовная семинария и Выборгский епископ переехали в Хельсинки, а архиепископ Герман в Куопио. «Православная Церковь лишилась почти всех своих земельных наделов. В Сердоболе осталась и вся общецерковная библиотека в 12000 томов. Только 6 % своего имущества приходы и монастыри имели возможность спасти»⁵.

В Финляндии было запрещено открывать новые монашеские обители и переселившаяся в глубь страны валаамская братия сохранила юридическое лицо старого, или «Ладожского», Валаамского монастыря, что впоследствии неоднократно подчеркивалось в различных обращениях и документах. Таким образом,

все имущество и средства прежней обители перешло к новой. В конце 1940 г. по совету президента Финляндии Рюти братия монастыря купила небольшое поместье Паппиниеми, основанное в начале XIX в. и расположенное в сельской местности (коммуне) Хяйнавеси. Оно ранее когда-то принадлежало министру сельского хозяйства Финляндии, а затем трем братьям, которые после длительных переговоров согласились его продать. Когда осматривали постройки, в одной из комнат неожиданно обнаружили икону преподобных валаамских чудотворцев Сергия и Германа. Хозяева поместья были лютеране, и никто не мог объяснить, как попала туда православная икона (видимо, привезенная с Валаама). Это так и осталось загадкой, но решило выбор, монахи усмотрели в этом событии чудесное указание самих валаамских святых.

28 июля 1941 г. правление монастыря разместились в главном усадебном доме, и игумен Харитон смог перевести в Паппиниеми первую партию из 13 иноков. Вскоре из старой конюшни были сооружены первые 36 келий для монахов, затем в братский корпус переделали людскую. Имение с многочисленными хозяйственными постройками и 350 гектарами земли, из которых 50 составляли пашни, обошлось монастырю в 2885 тыс. финских марок, а строительство и ремонт, продлившиеся до 1 января 1941 г., — еще в 831086 марок⁶. Соотношения новостильного и старостильного братства на тот момент было 110 на 70.

Между тем на бывшей родине валаамские монахи были объявлены изменниками и врагами советской власти, их считали белогвардейскими беженцами, которые распространяют враждебную пропаганду против Советского Союза. Финляндская пресса даже писала (несколько сгущая краски), «что, если кто из Валаамских монахов попадет в руки русских, их расстреляют»⁷. «Мы по национальности русские люди, и нам было очень прискорбно, что все так получилось. Теперь вопрос был поставлен ребром: куда мы бедные денемся?» — позднее вспоминал валаамский насельник игумен Нестор (Киселенков) о межвоенном периоде⁸.

Мирная передышка в советско-финляндских отношениях была недолгой. В первые месяцы Великой Отечественной войны финские войска заняли часть Карелии (с населением свыше 80 тыс. человек) и Ленинградской области. Архиепископ Герман вернулся в Сортавалу и приступил к осуществлению бывших у него миссионерских и националистических планов. В это

время Финляндское Церковное управление увлеклось идеей просвещения и финнизации восточных карел и обращения их от большевистского атеизма. Православные военные священники (в том числе призванные с Валаама) служили в Восточной Карелии под началом лютеранских войсковых епископов⁹. В сентябре 1941 г. миссионерская работа в Карелии уже велась 6 представителями православного военного духовенства и, кроме того, 30 священниками, монахами, диаконами и 6 обученными мирянами¹⁰.

В Сортавале архиепископ Герман летом 1943 г. освятил восстановленную городскую Никольскую церковь, в этот день на торжественное архиерейское богослужение прибыли богомольцы из различных районов Карелии. Кроме того, в Сортавале возобновились богослужения в Никольской церкви на Валаамском подворье и домовом храме Духовной семинарии. Открывались храмы и на оккупированных «старых» советских территориях. Так, в Петрозаводске вновь стали действовать две недавно закрытые церкви — Екатерининская и Крестовоздвиженская, в последней служил постриженник Валаамского монастыря иеромонах Павел (Олмари, до 1927 г. — Гусев, 1914–1988) — будущий преемник архиепископа Германа в качестве предстоятеля Финляндской Православной Церкви¹¹.

В целом к концу 1943–началу 1944 г. в Карелии открылось около 40 православных храмов. Однако богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили свое функционирование примерно 20 православных храмов. Служили в них, как и в карельских, в основном финские священники, в том числе военные, и иеромонахи Валаамского монастыря. На богослужениях они поминали архиепископа Германа и президента Финляндии Рюти¹².

По данным на 30 июня 1942 г., в оккупированной части Карелии насчитывалось 4069 человек, состоявших в православных общинах, и 665 — в лютеранских. К этому времени в финских частях здесь служили 11 лютеранских военных священников и 14 их помощников, а также 6 православных и 7 их помощников. Все они имели воинские звания и вне храма носили мундир. Восстановления приходской жизни в полном объеме

не произошло. «Восточная Карелия» не была окончательно включена в состав Финляндской Православной Церкви, руководство которой считало это неуместным до конца войны и заключения мирного договора. Поэтому архиепископ Герман не выезжал за границы 1940 г.¹³

Ни один из трех закрытых в 1940 г. монастырей Финляндской Православной Церкви полностью возрожден не был, хотя в отношении Валаамского и Коневского такие попытки предпринимались. После того как монахи ушли с Валаама, на нем были устроены школа юнг и военная база. Церковные здания использовались под хозяйственные нужды, многие оставшиеся иконы были испорчены, стены храмов покрыты антирелигиозными надписями, на монашеских могилах и церковных главках свернуты кресты. 19 сентября 1941 г. советский гарнизон оставил архипелаг, и 21 сентября финские войска заняли его без боя, что спасло монастырские храмы от разрушения. Через месяц несколько бывших насельников монастыря во главе с настоятелем игуменом Харитоном совершили поездку на острова. 20 октября они осмотрели почти неповрежденное монастырское подворье в г. Сортавала и 21 октября прибыли на Валаам, застав монастырь разоренным. На следующий день монахи отслужили молебен преподобным Сергию и Герману Валаамским и Божией Матери в Спасо-Преображенском соборе, использовавшемся ранее под клуб советской военной базы. 28 октября 1941 г. насельники покинули острова, вернувшись к остальной братии, проживавшей в местечке Папинниеми¹⁴.

Находившийся относительно недалеко от линии фронта Валаам занимали финские войска, и поэтому обитель не была возрождена во время войны. Правда, летом 1942 и 1943 гг. семеро монахов все же приезжали на архипелаг и периодически служили в монастырских храмах. Но возобновить монастырь на прежнем месте не удалось, слишком много было разрушений, мешали также занимавшая большую часть зданий финская воинская часть и близость линии фронта. Уезжая обратно на материк, монахи забрали некоторые оставленные в обители при эвакуации 1940 г. святыни, в том числе поврежденный штыком советского солдата список Валаамской иконы Божией Матери (сейчас он находится в церкви Всех Святых Валаамских). В своей статье 1941 г. о посещении острова игумен Харитон привел следующие строки:

О Валаам, многострадальный,
О страстотерпец, Валаам,
Опять удел судьбы печальный
Пришел к святым твоим местам.
 Опять ты, ранами покрытый,
 Стоишь безмолвный и пустой,
 Полуразрушенный, избитый,
 Но тот же дивный и святой.
Уж ты для нас необитаем,
И мы, насельники твои,
Осиротелые блуждаем,
Как без отца и без семьи...
 О Валаам, пример терпенья,
 Ты не угаснешь до конца,
 Невольной верою согреты
 Опустошенные сердца:
За безграничное смирение
Тебя, как Господа Христа,
Ждет также радость Воскресенья
За всю безропотность креста¹⁵.

Следует отметить также, что отец Харитон в годы войны вел дневник, а в 1943 г. написал и издал свою книгу «Аскетизм и монашество» (скончался он 27 октября 1947 г., приняв незадолго до смерти схиму с именем святителя Харитона Исповедника, и был похоронен на кладбище Нового Валаама).

В июне–июле 1944 г. Карелия и северная часть Ленинградской области были освобождены от оккупации. Почти все финские священники, избежав репрессий, ушли с отступающими войсками, и большинство приходов осталось без духовенства. Впрочем, некоторые финские священнослужители все-таки подверглись аресту. Показательна в этом плане судьба иеромонаха Иоанна (в миру Петра Матси, 1906–1960). Он состоял в братии Валаамского монастыря, учился в Сердобольской (Сортавальской) Духовной семинарии, в 1935 г. принял монашеский постриг в Сербии, но в начале советско-финляндской войны 1939–1940 гг. был призван в Финляндию в действующую армию в качестве полкового священника с приписанием к братии Коневского монастыря, затем с 20 декабря 1941 по 16 июня 1944 г. служил районным священником на полуострове Заонежье. С июня 1944 г. о. Иоанн некоторое

время был священником при лагере советских военнопленных в Финляндии, но в 1945 г. оказался арестован МГБ и осужден. До июля 1955 г. он отбывал срок в воркутинских и мордовских лагерях и только 7 августа 1955 г. был освобожден и выслан в Финляндию после вмешательства финляндского правительства (в дальнейшем о. Иоанн служил в русских храмах Франции, где и скончался)¹⁶.

Валаамский монастырь в военные годы пережил серьезный кризис, связанный с организацией жизни братства на новом месте. Трудности были очень большие, но игумен Харитон вспоминал в 1942 г. «заботливое отношение и помощь военных чинов... к которым обращались [монахи] со своими нуждами и всегда находили в них опору справедливости». «Центр Финляндии Каннонкоски, — писал в дневнике игумен, — нас встретил с христианской любовью: обогрели, накормили, разместили, старались во всех нуждах помочь нам... Эта теплота христианской любви еще более зажигала любовь к Финляндии, где мы прожили почти всю жизнь и сделались ее гражданами. Ввиду потери... для нас Валаама, нас приглашали тогда переселиться в Америку и в другие страны, я отвечал тем и другим: “Пока наша Финляндия свободна, мы никуда не поедем, будем разделять радости и горе вместе”». И, хотя не обошлось без конфликтов, — 6 февраля 1942 г. игумен описал проблемы, связанные с обвинением в незаконной продаже монастырского имущества за границу, оказавшемся подстроенным финскими чиновниками, в результате чего братию допрашивали, грубо осматривали вещи и одежду — у отца Харитона это не вызвало разочарования в общей справедливости законов Финляндии и добропорядочности ее граждан¹⁷.

Действительно, финское население радушно отнеслось к переселенцам, и братия решила остаться в местности Хяйнавеси, возникшая здесь обитель получила название Новый Валаам. Этот уголок Финляндии напоминал монахам Валаамский архипелаг: живописное озеро Юоярви (самое высокое и чистое в Финляндии) со старыми деревьями на берегу, заливы, леса, луга и скалы. Поначалу у монастыря не было храма, и первую церковь Преображения Господня летом 1941 г. устроили, соединив два деревянных сарая. По указанию духовника монастыря с 1925 г. схииеромонаха Ефрема (Хробостов, 1871–1947, бывший духовный отец великого князя Николая Николаевича) был сделан

иконостас, и начались богослужения на церковно-славянском языке, для которых использовали привезенные с собой с Валаама иконы и церковную утварь (часть утвари и колоколов раздали в другие православные храмы Финляндии). Уже в августе 1941 г., к празднику Преображения Господня в Новый Валаам по каналу из г. Куопио приплыла первая группа русских православных паломников. Позднее на третьем — верхнем этаже усадебного дома была устроена домовая церковь для православных финнов, где богослужения шли на финском языке. Для устройства хозяйства купили шесть лошадок, несколько коров, открылись мастерские. Жизнь монастыря стала постепенно налаживаться¹⁸.

Осенью 1943 г. к валаамской братии присоединились шестеро эвакуированных с Кольского полуострова насельников Трифоно-Печенгского монастыря во главе с бывшим настоятелем известным старцем и духовником схиигуменом Иоанном (Алексеевым, 1873–1958), а 31 августа 1956 г. — девять последних монахов Коневского монастыря, которые привезли с собой чудотворную Коневскую икону Божией Матери, написанную в конце XIV в. на Святой горе Афон.

Основывая в Финляндии Новый Валаам, игумен Харитон не хотел вносить в него раскол по календарному вопросу. Прежде чем возобновить монастырскую жизнь на новом месте, он предложил старостильникам восстановить евхаристическое и молитвенное общение. Для этого новостильники, по-прежнему считавшие «старый стиль священным» и принявшие «новый» только из послушания высшему священноначалию, собирались перейти на юлианский календарь. Игумен Харитон, зная о своем авторитете в Церковном управлении, рассчитывал получить на это неофициальное разрешение архиепископа Германа. В противном случае старостильникам предлагалось взять положенную им часть имущества и средств и самим устроить свою дальнейшую судьбу. Иеромонах Иоасаф (Александров, 1872–1947), возглавлявший старостильную братию, дал следующий ответ: «Вся братия не желает входить с Вами в молитвенное общение, хотя бы Вы перешли и на старый стиль, но не желают и материального раздела»¹⁹.

Игумена Харитона беспокоило, что «без религиозного послушания, которое есть основа монашеской жизни, община превратится в бездушную коммуну», и «лицам, наверху стоящим и настаивающим на ликвидации монастырей» можно противопоставить только

сплоченность: «...монастырями считаются не здания только и уго-
дья, которые нами утеряны... а общество или братство, связуемое
религиозным уставом... и не место его сплачивает, а идея служения
Богу, выраженная в монастырском уставе». Он полагал, что матери-
альное единение, при отсутствии духовного, приведет и на Новом
Валааме к той ненормальной жизни, которая сложилась на Старом
из-за «религиозного раскола», что будет вредить спасению братии
и существованию обители. В результате этой дискуссии, не желая
усложнять судьбу старостильников, валаамский игумен поселил
роптавших вместе с остальным братством²⁰.

Таким образом, в Валаамском монастыре на территории Фин-
ляндии русские иноки «обедать сходились вместе, а Богу молились
врозь на две группы, по старому стилю и по новому. Продолжали
молиться на два фронта до 1945 г.», — писал в своих воспоми-
наниях игумен Нестор (Киселенков)²¹. В 1945 г. Новый Валаам
посетил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий
(Чуков). Целью его визита в Финляндию было повторное при-
соединение Финляндской Православной Церкви к Московскому
патриархату. Митрополит убедил валаамских монахов, что
все должны ради мира и братской любви перейти на старый
стиль и за богослужениями поминать Патриарха Московского
и всея Руси Алексия. Братство снова объединилось и в таком
согласии дожило до 1957 г. Во второй половине 1940-х гг. шли
переговоры о возвращении Финляндской Православной Церкви
в юрисдикцию Московского патриархата, но в конце концов они
закончились неудачей, и Финляндская Церковь осталась под
окормлением Константинопольского Патриарха, что в 1957 г. при-
знали и в Москве. С этим была связана новая страница в истории
Валаамского монастыря.

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), R 901/62300. Bl. 36–40.

² Архив Финляндского Ново-Валамского монастыря (Valamon Luostarin Arkisto — VLA). Папка: Дневник игумена Харитона (Дунаева); *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М., 2012. С. 251–253.

³ *Нестор (Киселенков)*, игумен. В иных пределах / Вступ. и публ. Н. Корниловой // Север. 1991. № 9. С. 120; *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 261.

⁴ BA, R 901/62300. Bl. 40–42.

⁵ Православная Церковь в Финляндии // Хлеб Небесный. Харбин, 1941. № 4.

⁶ VLA. Папка: Дневник игумена Харитона (Дунаева); *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 262.

⁷ Валаамские монахи объявлены врагами Советского Союза // Уси суоми. 1940. № 82. 27 марта.

⁸ *Нестор (Киселенков)*, игумен. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 120.

⁹ Loima Jyrki. Nationalism and the Orthodox Church in Finland // Nationalism and Orthodoxy. Helsinki, 2004. P. 180–181.

¹⁰ BA, R 901/62291. Bl. 228–231, 234.

¹¹ *Бовкало А. А., Галкин А. К.* Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора» // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 267–268; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 209, 229.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 95, 115.

¹³ По обе стороны Карельского фронта. С. 228–229, 262; *Бовкало А. А., Галкин А. К.* Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора». С. 267–268.

¹⁴ Православная Русь. 1941. № 17–18. С. 7.

¹⁵ Там же. № 21–22, С. 6–7.

¹⁶ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 230–231.

¹⁷ VLA. Папка: Дневник игумена Харитона (Дунаева); *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 261–262.

¹⁸ VLA. Папка: Дневник игумена Харитона (Дунаева).

¹⁹ См.: Неопубликованные страницы дневника игумена Харитона / Публ. Т. И. Шевченко // Альфа и Омега. 2009. № 3. С. 279–288.

²⁰ Там же; *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 265.

²¹ VLA. Папка: Разные записи, воспоминания и стихотворения игумена Нестора (Киселенкова); *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 265.

Ю. Д. Балащенко

ИСТОРИЯ СТАРЕЙШЕГО СОВЕТСКОГО МУЗЕЯ НА БЫВШЕЙ ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ

Среди множества музеев, созданных в советское время на территориях Ленинградской области, которые ранее входили в состав Финляндии, мемориальная усадьба И. Е. Репина выделяется своей необычной судьбой. На Карельском перешейке это был первый музей, созданный по распоряжению Правительства СССР. За 82 года своего существования Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты» открывался дважды — в 1940 и 1962 гг. И оба раза это событие, являясь знаковым для культурной жизни страны, собирало множество самых разных людей, любящих и знающих творчество великого русского художника И. Е. Репина.

Но прежде чем рассказать о том, что происходило с музеем И. Е. Репина за прошедшие годы, следует, хотя бы кратко, остановиться на интереснейшей истории самой усадьбы и судьбах ее знаменитых обитателей.

15 (27 по н.ст.) мая 1899 г. Илья Ефимович Репин приобрел за 10 тысяч рублей небольшое имение в деревне Куоккала Кивеннапского прихода, волости Терийоки Выборгской губернии (ныне поселок Репино) на имя Натальи Борисовны Нордман (1863–1914). Усадьба, расположенная на берегу Финского залива примерно в 50 километрах от Санкт-Петербурга, получила название «Пенаты» в честь древнеримских богов — хранителей домашнего очага. Первые годы после покупки считалось, что Репин живет на даче Нордман, а то, что усадьба была куплена на деньги Репина, держалось в секрете. Позднее Илья Ефимович объяснил

свой поступок в письме от 14 сентября 1922 г., адресованном заведующему художественным отделом Русского музея Петра Ивановича Нерадовского: «...из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники, я перевел на ее имя “Пенаты”». Судьба судила иначе: я все еще живу»¹. В те годы эта местность принадлежала Великому княжеству Финляндскому, которое входило в состав Российской империи. Позднее, с 1918 по 1939 г., когда граница между Россией (СССР) и Финляндской республикой прошла по реке Сестре, Куоккала осталась на финской территории в 6 км от границы.

Наталья Борисовна Нордман (литературный псевдоним — Северова), на чье имя было куплено имение, была человеком чрезвычайно разносторонним, хотя и не получила никакого специального образования. Родилась она в Хельсинки в семье шведского дворянина Выборгской губернии, дослужившегося на русской службе до чина адмирала. Он умер, когда Нордман была еще девочкой. Мать была из семьи русских помещиков Смоленской губернии. В юности Наталья Борисовна, вопреки воле своей семьи, уехала в Америку, где работала на ферме. Ее приключения в Америке нашли свое отражение в автобиографической повести «Беглянка», впервые увидевшей свет в Журнале «Нива» за 1900 г. с иллюстрациями Репина. Отдельными изданиями книга выходила в 1901 г. под названием «Эта», и в 1912 г. под названием «К идеалам». Вернувшись через некоторое время в Россию, Наталья Борисовна, став прозаиком и публицистом, выступала в защиту прав женщин, проповедовала вегетарианский образ жизни и идеи эмансипации прислуги. На эти темы она написала немало брошюр, а ее «Поваренная книга для голодающих» выдержала четыре издания (под голодающими она имела в виду нищих и обездоленных людей). И это несмотря на то, что, как писала в своих воспоминаниях Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, рецепты, приведенные в «Книге», были весьма своеобразны. Она предлагала суп из сена как панацею от голода, но при этом в меню для голодающих значительную роль играли «бананы, фрукты и орехи, <...> причем Нордман не указывала, как голодающий может добыть себе бананов или мандаринов»². Наталья Борисовна некоторое время занималась лепкой и рисованием в училище барона Штиглица. Но, как писал старейший сотрудник музея Е. В. Кириллина в книге «Репин в Пенатах», «наибольший успех принесли Нордман за-

нения фотографией, которую она освоила на курсах при Русском техническом обществе»³. Благодаря этому увлечению Натальи Борисовны жизнь обитателей «Пенат», запечатленная на ее фотографиях, дошла до нас в мельчайших подробностях. Илья Ефимович познакомился с Натальей Борисовной в доме ее тетки княгини М. К. Тенишевой в конце 90-х гг. XIX в., когда он работал над картиной «Искушение Христа».

В момент покупки имения Репин находился на вершине славы. Им уже были созданы такие всемирно известные шедевры, как «Бурлаки на Волге» (1870–1873), «Крестный ход в Курской губернии» (1881–1883), «Запорожцы пишут письмо турецкому Султану» (1888–1891). Последняя была куплена за 35 тысяч рублей Императором Александром III для Русского музея в 1892 г. Как писал И. Э. Грабарь в своей монографии, посвященной Репину, это была «наивысшая сумма, выпадавшая до того на долю русского художника»⁴.

Отмечая мастерство И. Е. Репина в одной из первых монографий, посвященных художнику, написанной в 1930 г. вскоре после его смерти, Л. В. Розенталь писал: «Он умел быстро ответить на все, что интересовало общество. И потому был непостоянен, податлив на всевозможные воздействия и легко изменял, казалось бы, столь определенному «собственному стилю»⁵. Способность Ильи Ефимовича откликаться на все значимые события и веяния времени приводила к тому, что его картины пользовались неизменным успехом на выставках. Что, в свою очередь, способствовало их успешным продажам, и в итоге позволило художнику приобрести сначала в 1892 г. имение «Здравнево» под Витебском, а позже усадьбу на берегу Финского залива. «Репин — создатель галереи портретов выдающихся деятелей русской культуры, Репин — великий живописец и замечательный рисовальщик» — указывалось во вступительной статье к каталогу произведений И. Е. Репина, изданному Третьяковской галереей в 1944 г., в связи с празднованием столетнего юбилея художника⁶.

Купленное имение в поселке Куоккала представляло собой кусок заболоченного леса площадью около двух гектаров с небольшим финским домом. Сразу же после покупки в усадьбе начались работы по перестройке дома и благоустройству территории. Участок был расширен и достиг площади в 2,2 гектара. Владельцы «Пенат» умело использовали особенности суровой

северной природы. Большие валуны, которые в изобилии можно найти на берегу Финского залива и в лесу, стали украшением парка. Было вырыто несколько прудов, существенно преобразивших местный пейзаж. Они носили кроме декоративной еще и полезную, чисто утилитарную функцию — способствовали осушению территории. По всему имению были проложены аллеи, вымощенные морской галькой. Через протоки соединяющие пруды были перекинuty деревянные мостки с перилами, а несколько мостиков были сделаны из гранита. На лужайках парка были построены разнообразные беседки, носившие диковинные названия: «Храм Озириса и Изи́ды», «Башенка Шехерезады» и другие. Свои названия имели не только беседки, но и аллеи и даже разные уголки парка. Беседки, естественно, украшали парк, но они также еще использовались обитателями усадьбы с различными целями. Так, на верхней площадке «Башенки Шехерезады», имевшей высоту 12 метров, устраивались чаепития, а находящаяся на некотором возвышении беседка «Храм Озириса и Изи́ды» служила одновременно кафедрой и эстрадой во время проведения публичных мероприятий. Перед беседкой на лужайке, которую называли «Площадью Гомера», устанавливались скамейки для публики.

Сам дом в итоге превратился в сказочный терем из русских сказок. В первые годы, пока он строился, Репин жил там периодически, хотя все работы по переустройству как дома, так и всей усадьбы выполнялись под его наблюдением и по его рисункам и чертежам. Правда, как указывала Е. В. Кириллина: «За помощью в разработке конструкции стеклянного “фонаря” Репин обратился к своему соседу по Куоккале Вадиму Платоновичу Стаценко»⁷. Генерал В. П. Стаценко занимался теорией строительного дела и был профессором Николаевской инженерной академии. Его жена Александра Васильевна, вспоминая «Пенаты», писала: «На самой высокой крыше была устроена площадка, с которой открывался вид на обширные пространства. Там же профессором Л. В. Свенторжецким был поставлен громоотвод. Установленная на крыше “Эолова арфа”, которую Наталья Борисовна отыскивала с трудом, звучала в долгие осенние и зимние вечера красивыми аккордами»⁸. Подробное описание этого необычного устройства дала в своих воспоминаниях о жизни в «Пенатах» дочь писателя Леонида Андреева — Вера: «...приспособление... звучало очень

красивым и слаженным аккордом — то усиливающимся с порывами ветра, то ослабевающим — как будто где-то далеко играют на органе. Механизма никакого не было, было только множество трубочек неравномерной толщины и высоты, срезанных наверху, и ветер, проносясь над ними, производил разной тональности звуки — очень мелодичные и нежные»⁹. Правда, в начале 20-х гг. предыдущего столетия, когда Вера Леонидовна попала в «Пенаты», «Эолова арфа» на крыше дома Ильи Ефимовича издавала отнюдь не мелодичные звуки, а «странный вой», так как с течением времени «одни трубки полопались, другие закупорились, в третьих воробьи свили себе гнезда»¹⁰.

Необходимо отметить, что по чертежам Ильи Ефимовича был построен не только его сказочный терем, но и собачья будка, которая предстает перед зрителями на фотографиях Натальи Борисовны. Как сам Репин, так и Нордман любили собак, и если судить по многочисленным фотографиям и воспоминаниям о жизни в «Пенатах», то кошек в доме не было. Полноправными обитателями усадьбы были — одноглазый королевский пудель Мика и два пса, названные в честь хозяйки Натальи Нордман: миниатюрный Натик и огромный лохматый Норд, вошедшие в историю «Пенат» не только на фотографиях, но и на полотнах Ильи Ефимовича.

К 1906 г. все основные работы были завершены и усадьба предстала перед многочисленными гостями Репина и Нордман, приезжавшими к ним из Петербурга, Финляндии и других стран и городов, во всей своей необычной красоте. «Дом в его окончательном варианте, — писала Е. В. Кириллина, — выглядел неожиданно интересным, хотя стиль его архитектуры не поддается определению»¹¹. «Пенаты» стали местной достопримечательностью практически сразу, как там поселился Репин.

Как указывает «Путеводитель по Музею-усадьбе», «кабинет [Ильи Ефимовича] — самая поздняя пристройка к дому. Она была сделана в 1912 году»¹². Кабинет так же необычен, как и все в доме Ильи Ефимовича. А. П. Остроумова-Лебедева писала: «Он своей передней закругленной стеной напоминал корму большого парохода. Стена была вся стеклянная, и под ее подоконниками помещались полки с книгами»¹³. Последним же сооружением, построенным в «Пенатах», был артезианский колодец глубиной 72 метра, вырытый весной 1914 г. на берегу пруда и названный

Репиным «Посейдон». Скажина в то время давала, по свидетельству очевидцев, 400 ведер воды в час. Репин, считая воду колодца целебной, пил ее в течение всего дня по своей системе. Момент, когда Репин с гостями пьет воду из колодца, нашел свое отражение в кадрах кинохроники той поры, которую и сейчас показывают в музее экскурсантам.

Чтобы многочисленные почитатели таланта великого живописца, желавшие посетить «Пенаты», не отвлекали Илью Ефимовича от работы, для визитов был выделен один день в неделю — среда, когда любой желающий мог приехать в «Пенаты» и познакомиться с творчеством мастера и с ним самим. Как писала в своих воспоминаниях А. В. Стаценко: «всякий мог посетить его в “Пенатах” и встретить радушный прием»¹⁴. Практически любая «среда» или другое собрание гостей в «Пенатах» не проходили без домашнего концерта. Эта традиция сохраняется в музее и по сей день. По отзывам современников, Репин очень любил музыку и дружил со многими композиторами и музыкантами. «О, музыка! Она всегда проникала в меня до костей», — писал Репин в заметках «Мои восторги», которые вошли в его мемуары «Далекое близкое»¹⁵.

Гостями «Пенат» были виолончелисты А. Вержбилович, А. Пуни, скрипачки Маргарита Берсон, Цецилия Ганзен. В гостиной Репина звучали произведения композиторов А. Скрябина, С. Рахманинова в исполнении Бориса Асафьева, пел Ф. И. Шаляпин. Живя в «Пенатах», И. Е. Репин много и плодотворно работал, не откладывая кисти и мольберт, практически до самой смерти. К своей последней картине «Гопак» художник подходил и касался кистью незадолго до своей кончины.

По инициативе Нордман, зимой в «Пенатах» устраивались так называемые воскресные чтения. По воскресным дням в гостиной читались публичные лекции по самым разнообразным областям знаний: от астрономии и чтения произведений русских писателей до практических советов по шитью сапог. Иногда лекторами выступали сами слушатели и слушательницы лекций. Публика на «воскресных чтениях» была самая разнообразная: приказчики, дворники, кухарки, горничные, крестьяне. Возраст слушателей колебался от 10 до 60 лет.

После окончательного переселения Ильи Ефимовича в финскую Куоккалу и почти 30-летней творческой жизни в «Пенатах»

можно вполне согласиться с финнами, причисляющими Репина к великим финским художникам. Подтверждением тому служат многочисленные выставки творческого наследия И. Е. Репина в различных городах Финляндии, пользующиеся неизменным успехом у зрителей, и издание книг, посвященных жизни и творчеству художника.

В январе 1905 г. сын художника Юрий Ильич Репин женился на Прасковье Андреевне Андреевой, которая была племянницей прислуги Репиных. Отношения Юрия с отцом, писал В. Ф. Леви, «после того, как сын женился на “неровне” (с точки зрения Репина, стремившегося к продвижению вверх, в образованные слои общества)», стали натянутыми¹⁶. После женитьбы Юрию было выделено 0,37 гектара территории усадьбы, где был построен дом с мастерской. Названный Юрием «Вигвамом», он находился ближе к дороге и заливу. «Сын, слава Богу, купил себе дом и живет в соседстве со мною — шагов 30 от меня...»¹⁷ — писал Илья Ефимович Дмитрию Ивановичу Яворницкому.

В 1906 г. и в 1907 г. в семье у младшего Репина родились сыновья — Гай (Георгий) и Дий (Дмитрий). Н. Б. Нордман, номинальная хозяйка «Пенат», в 1908 г. оформила на имя Юрия купчую на «Вигвам», которая давала Юрию Ильичу полную самостоятельность во владении домом.

Многие гости художника, именитые и не очень, оставили свои описания не только дома, но и усадебного парка, который стал такой же достопримечательностью Куоккалы и в чьем облике отразились черты творческой индивидуальности Репина.

По завещанию Н. Б. Нордман, которое было составлено в 1910 г. (она была формальной владелицей усадьбы), «Пенаты» в случае ее смерти становились пожизненной собственностью Репина, а потом переходили к Академии художеств при условии, что там будет открыт мемориальный музей под названием «Домик Ильи Ефимовича Репина». Репин обнародовал это завещание после смерти Натальи Борисовны в 1914 г.

Позже сам И. Е. Репин в письме от 14/27.09.1922 на имя Петра Ивановича Нерадовского описывал это так: «...Здесь в “Пенатах”, по духовному завещанию Н. Б. Нордман, я — *пожизненный* владелец этого имения. Со дня моей смерти “Пенаты” поступают в собственность Академии художеств для устройства здесь санатория *художникам*, которых она, Академия х[удожеств], будет присылать

сюда для поправления здоровья и занятий. В свое время мною было доложено Совету Им[ператорской] Академии художеств со всеми документами и духовным завещанием жертвовальницы. Совет Академии тогда же потребовал 30 тысяч рублей для обеспечения этого дара. 30 тысяч были мною тогда же внесены в академическую кассу капиталов»¹⁸.

Октябрьская революция в России застала Репина в «Пенатах». 31 декабря 1917 г. Финляндия получила независимость. Граница между Советской Россией и Финляндией прошла по реке Сестре в 6 километрах южнее Куоккала. Так Репин, никуда не уезжая из своего дома, оказался в эмиграции. В 1922 г. старшая дочь Ильи Ефимовича Вера окончательно переехала к отцу из Петрограда, став с этого времени фактической хозяйкой «Пенат». Она стала помогать ему вести домашнее хозяйство, устраивать выставки-продажи картин, как в Финляндии, так и за ее пределами.

При жизни Репина советским правительством предпринимались неоднократные попытки склонить художника к переезду в СССР. Последняя такая попытка состоялась в 1926 г., когда уговаривать Репина приехала представительная делегация советских художников во главе с учеником Репина И. И. Бродским. Официально считалось, что делегация была послана «правительством с целью приобретения у художника работ для государственных музеев»¹⁹. Очень интересное и подробное описание этой поездки, а также самой усадьбы дал член делегации художник Е. А. Кацман²⁰. Но Илья Ефимович, прекрасно зная, что происходит по ту сторону границы, переезжать в СССР, вероятно, и не собирался, ссылаясь на старость и немощность, хотя и никогда не отказывался. Пикантность ситуации состояла в том, что, когда делегация художников уговаривала Репина переехать в СССР, в то же самое время в «Здравнево» под Витебском в первом имении Репина раскулачивали его младшую дочь Татьяну. Только весной 1930 г. она смогла приехать к отцу вместе со всем своим многочисленным семейством. И, прожив очень недолго в «Пенатах», перебралась во Францию, как можно дальше от советских рубежей.

После закрытия в 1918 г. границы между Россией и Финляндией все имущественные претензии бывших российских учреждений, имевших ту или иную собственность на территории Финляндии, не принимались. Таким образом, и Академия художеств лишилась

прав на усадьбу «Пенаты», которыми она обладала в соответствии с первоначальным завещанием И. Е. Репина. Но, несмотря на то что Илья Ефимович был жив и даже его «среды» продолжали существовать, Академией в 1920-е гг. не раз делались попытки заявить о своих правах на имение. В то же время русские, оставшиеся за рубежом и которых было немало, продолжали посещать гостеприимный дом Репина.

Илья Ефимович приложил много усилий к тому, чтобы ему дали разрешение быть похороненным не на кладбище, как того требовало законодательство Финляндии, а на территории самой усадьбы. Разрешение было получено только в 1927 г. Воля художника была исполнена, в 1930 г. его похоронили в парке, на небольшом холме, в заранее указанном им месте, поставив над его могилой деревянный православный крест.

После смерти И. Е. Репина Вера Ильинична, оставив нетронутой мастерскую отца, показывала ее за деньги заинтересованным людям, специально приезжавшим для этого в «Пенаты».

Юрий же, оставаясь жить в своем «Вигваме», пережил там все потрясения, выпавшие как на долю страны, так и на его долю.

Осенью 1939 г. Правительство Финляндии, в преддверии войны с СССР, стало эвакуировать жителей с Карельского перешейка. Юрий и Вера Репины вместе с другими жителями Куоккалы были эвакуированы в деревню Леванто близ местечка Мяньяля в Южной Финляндии²¹. После окончания Второй мировой войны дети Репина, Вера Ильинична и Юрий Ильич, переехав в Хельсинки, прожили там оставшуюся жизнь. В. И. Репина умерла в 1948 г., а Ю. И. Репин в 1954 г. Они похоронены на православном кладбище столицы Финляндии.

30 ноября 1939 г. началась война между СССР и Финляндией. Куоккала была занята передовыми частями Красной армии в первый же день войны. Усадьба И. Е. Репина в ходе боевых действий не пострадала. Советские пограничники, взяв ее под охрану, сообщили в Ленинград о том, что «Пенаты» остались без хозяев. Решением правительства СССР сохранение и забота об усадьбе были возложены на Всероссийскую академию художеств, что соответствовало первоначальному завещанию И. Е. Репина. В декабре 1939 г. И. А. Бродский и Ш. Н. Меламуд «как представители Всероссийской Академии художеств были командированы Ленинградским Областным Исполнительным

Комитетом и Политуправлением Ленинградского Военного округа» в «Пенаты» для ознакомления с состоянием усадьбы²². Приехавшие обнаружили в домах И. Е. Репина и Юрия Репина картины, рисунки, книги и архив, который впоследствии составил фонд И. Е. Репина в Научно-библиографическом архиве Академии художеств. В течение нескольких дней сотрудники музея сделали опись имущества, находившегося в домах отца и сына. Все найденные мемориальные вещи были помещены в доме старшего Репина, после чего дом был опечатан печатью И. Е. Репина, с монограммой художника, которая и сейчас хранится в фондах музея. В дальнейшем, вплоть до окончания «зимней войны», как ее называли финны, охрану усадьбы обеспечивала военная часть, которая располагалась в Куоккала.

После окончания войны между СССР и Финляндией весной 1940 г., в связи с перенесением государственной границы СССР за Выборг, поселок Куоккала, как и весь Карельский перешеек, перешел под юрисдикцию СССР. Сразу после завершения войны в усадьбе «Пенаты» начались работы по скорейшему открытию мемориального музея И. Е. Репина, в соответствии с завещанием художника, сделанным им до революции 1917 г. В парке были вырублены старые деревья, восстановлен артезианский колодец «Посейдон». «1 июня 1940 года, — как указано в «Путеводителе по Музею-усадьбе», — хранителем музея назначили Евгения Алексеевича Кириченко»²³. Впоследствии судьба первого хранителя музея сложилась трагично. 20 мая 1941 г. он был арестован, осужден и в августе того же года расстрелян. Посмертно он был реабилитирован лишь в 1958 г.²⁴

Торжественное открытие мемориального музея И. Е. Репина состоялось 18 июня 1940 г. после проведения небольших реставрационных работ в самом доме Ильи Ефимовича. В «Вигваме» Юрия Репина расположились фонды музея. На могиле Репина временно был установлен гипсовый бюст художника. На вопрос жителя Хельсинки И. М. Карпинского о памятнике художнику И. Э. Грабарь ответил, что на могиле установлен «бюст Н. Андреева, который лепил Репина с натуры»²⁵. Сразу же после открытия Музей-усадьба стал пользоваться огромной популярностью среди людей, интересующихся жизнью и творчеством великого русского художника. Интереснейшую зарисовку той поры оставила ученица И. Е. Репина Анна Петровна Остроумова-

Лебедева: «Я ездила туда в день открытия “Пенат”, вскоре после окончания войны с белофиннами в 1940 г. День был ясный и очень жаркий. Бесконечный людской поток двигался от железнодорожной станции по лугам, полям и перелескам к небольшому домику с остроконечными крышами, уютно прятавшемуся среди высоких сосен. Народу в тот день собралось так много и дом был так переполнен, что трудно было что-либо разглядеть»²⁶. Вспоминая открытие музея в «Пенатах» в 1940 г., Л. Пумпянский писал, что «тысячи трудящихся посетили этот уголок Репина, его дом и могилу»²⁷. Этот небывалый интерес к Илье Ефимовичу Репину был подтвержден статистическими данными. Новый мемориальный музей в первые же два месяца работы посетило более 40 тысяч человек²⁸. К открытию нового музея из печати вышла небольшая книга «Репин в Пенатах», авторами которой были И. А. Бродский и Ш. Н. Меламуд. Она была одной из первых в многочисленной череде последующих книг, посвященных художнику и его усадьбе.

Через год после открытия Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» началась Великая Отечественная война. После ее начала практически все мемориальные вещи из усадьбы, кроме самых крупных, не представлявших большой художественной и исторической ценности, были вывезены в Ленинград. Картины, рисунки, мебель, эвакуированные из обоих домов, хранились в подвалах здания Академии художеств, вплоть до нового открытия музея в 1962 г.

9 июня 1944 г. началось наступление советских войск на Карельском перешейке. В течение суток велась артиллерийская подготовка, обрушившая на прифронтовую полосу шквал огня. Передовая линия финской обороны на направлении главного удара советской армии в районе реки Сестры превратилась в сплошные руины на выжженной земле. Спустя сутки советские войска с боями прошли поселок Куоккала, почти полностью разрушенный артиллерийским огнем.

Сразу же после окончания боев на Карельском перешейке было установлено, что все постройки на территории усадьбы И. Е. Репина полностью разрушены и сожжены. Как отмечала Т. П. Бородина в статье об истории усадьбы: «Следы пожара, погубившего репинский дом, хранят и поныне старые деревья, на стволах которых можно видеть не заросшие корой шрамы»²⁹.

В 1944 г. праздновалось 100-летие со дня рождения великого русского художника, и, несмотря на продолжавшуюся кровопролитную войну, правительство СССР приняло беспрецедентное решение о полном воссоздании Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Постановление правительства, принятое в юбилейном году, определяло дальнейшую судьбу «Пенатов» как памятника не только Репину, но и русской культуре в целом. Усадьбу решено было восстановить полностью. Дом Юрия Репина было решено не восстанавливать, так как от дома сохранился только фундамент, да и то не полностью.

В 1946 г. гипсовый бюст И. Е. Репина, поставленный на его могиле в 1940 г., был заменен бронзовым, исполненным в 1908 г. скульптором Н. А. Андреевым.

Развалины дома были разобраны, был оставлен только фундамент. Так как точных обмеров дома не было, то восстановление велось по многочисленным фотографиям, сделанным как при жизни Ильи Ефимовича, так и после его смерти.

В 1948 г. деревня Куоккала была переименована в поселок Репино. После расчистки фундамента дома и уборки территории усадьбы вышло Постановление правительства СССР «О впуске в Пенаты посетителей и проведении там экскурсий». Рядом с фундаментом дома были установлены стационарные стенды с фотографиями, рассказывающими о жизни и творчестве И. Е. Репина. Каждую весну фотовыставка на стендах обновлялась.

В 1953 г. младший научный сотрудник музея Академии художеств Мария Александровна Карпенко была официально назначена экскурсоводом усадьбы. До открытия Музея в 1962 г. она провела 348 экскурсий. Став ответственным хранителем экспозиции в 1954 г., Мария Александровна проработала в «Пенатах» до 2005 г.

Воссоздание Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» велось Академией художеств СССР (теперь Российская академия художеств). Усадьба вошла в структуру Научно-исследовательского музея Академии художеств как научный отдел.

Работы по возведению дома начались только в 1955 г. по проекту архитектора В. Шерстнева. В том же году начался активный сбор новых материалов для экспозиции музея³⁰.

Как указано в Путеводителе по «Пенатам»: «Парк, дом, внутренний вид комнат воссозданы такими, какими они были в 1905–1912 гг., то есть в наиболее значительный и интересный

период жизни Репина в “Пенатах”. Всего в доме Репина восстановлено десять комнат (считая зимнюю веранду). Та часть дома, где была кухня, ванная и другие хозяйственные постройки, согласно завещанию не сохранялась, поэтому сейчас она занята гардеробом музея и кабинетами для научной работы»³¹.

Обеденный стол, оставленный при эвакуации музея в 1941 г., был восстановлен по найденному в архиве Русского музея чертежу и объяснениями к нему. Работу облегчило и то, что при эвакуации с вращающейся части стола сняли одну ручку, которая сохранилась и послужила образцом, по которому были изготовлены новые. Параллельно с воссозданием дома велись восстановительные работы на территории усадьбы, пруды и дорожки парка вновь приобрели свой первоначальный вид. Кроме дома И. Е. Репина, в Музее-усадьбе были восстановлены ворота, две беседки — «Храм Озириса и Изиды» и «Башенка Шехерезады», артезианский колодец «Посейдон». Работы по восстановлению усадьбы продолжались вплоть до июня 1962 г.

В 1959 г. был создан план экспозиции музея, одобренный ученым советом Академии художеств. В 1960 г. Музей-усадьба, имевший, как было указано выше, статус научного отдела, был преобразован в филиал Научно-исследовательского Музея Академии художеств. В августе 1960 г. директором филиала была назначена искусствовед Елена Григорьевна Левенфиш, имевшая большой опыт как организаторской работы, так и хранителя и исследователя.

24 июня 1962 г. в обновленном Музее-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты» вновь открылись двери для многочисленных посетителей. Как и 22 года назад, это событие стало заметным явлением в культурной жизни страны. Торжественное открытие музея, как и прежде, состоялось при огромном стечении публики.

В 1963 г. «Пенаты» стали одним из первых в стране музеев, где была введена новая форма обслуживания посетителей в связи с огромным их наплывом. По предложению Е. Г. Левенфиш, экскурсия по музею была записана на магнитофонную ленту. Это нововведение позволило пропускать до 900 человек в день. Записи были сделаны не только на русском, но и на других языках. Текст экскурсии был составлен и записан Е. В. Кириллиной в том же году. Описывая перипетии с новшеством в музее, Е. В. Кириллина писала, что в записанной на магнитофонной ленте экскурсии «зрители

должны быть ориентированы на вещи, т. е. вещи должны говорить со зрителями, и тогда рассказ будет им нужен и уместен»³². Голос Елены Владимировны, научного сотрудника «Пенат» с 1962 г., звучит и поныне.

В 1994 г., когда отмечалось 150-летие со дня рождения великого русского художника, его могиле был возвращен первоначальный вид. Вместо бюста скульптора Н. А. Андреева, изначально не предназначавшегося для надгробия, на могилу вернули дубовый православный крест.

В настоящее время Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты» обладает большой коллекцией мемориальных вещей, включающих в себя живопись, графику, произведения декоративно-прикладного искусства, а также книги, принадлежавшие Репину. Каждый, кто приходит в усадьбу, может прослушать экскурсию, записанную на 20 европейских и восточных языках, просмотреть документальный кинофильм, снятый в «Пенатах» при жизни Репина, и получить, если требуется, исчерпывающую консультацию научных сотрудников.

Коллекция мемориальных вещей музея постоянно пополнялась и пополняется. Одним из первых экспонатов, подаренных музеем летом 1962 г., стал деревянный сундук, имеющий весьма любопытную историю, приведенную в Путеводителе: «Сундук в 1920-е гг. Репин подарил своей прислуге Мине Лаутен, когда она выходила замуж. Муж Мины Мати Ханолы, узнав, что дом Ильи Ефимовича Репина восстанавливается, привез его и передал музею»³³. «Пенаты» и сегодня получают в подарок подлинные вещи, принадлежавшие некогда Репину. Так, в 2006 г. по случаю очередного дня рождения Ильи Ефимовича в дар музею почетным консулом республики Перу в Санкт-Петербурге юристом Игорем Александровичем Соболевским было преподнесено зеркало. В 1908 г. его дед по линии матери Василий Кипятов позировал Репину. В качестве оплаты за сеансы он попросил художника отдать ему большое напольное зеркало. Оно бережно хранилось в семье В. Кипятова, а позже И. А. Соболевского, и теперь заняло свое место в экспозиции музея.

Дом Ильи Ефимовича, несмотря на свой солидный возраст и бурную историю, продолжает и сегодня хранить память не только о самом Репине, но и о тех замечательных людях — художниках, писателях, ученых и музыкантах, которые бывали здесь

и составляют гордость отечественной культуры. Сотрудники музея заслуженно гордятся тем, что они работают в первом советско-российском музее, возникшем на бывшей территории Финляндии. Значение существования Репинской усадьбы для культурной жизни нашей страны и Санкт-Петербурга в частности трудно переоценить и в сегодняшнее непростое время.

Нескончаемый поток посетителей, желающих познакомиться с жизнью и творчеством знаменитого русского художника и великого труженика И. Е. Репина, не иссяк до сих пор. Люди из разных стран и со всех концов света стремятся попасть в мемориальный музей «Пенаты» в любое время года.

Как было отмечено в речи нынешнего заведующего Музеем-усадьбой Татьяны Петровны Бородиной по случаю 50-й годовщины воссоздания Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», «с момента повторного открытия музея 24 июня 1962 г., его посетило более пяти миллионов человек. Что же касается парка, то в нем побывало значительно больше людей, которые любовались причудливыми видами прудов, мостиков и старинных аллей усадьбы».

¹ Репин И. Избранные письма в двух томах 1867–1930. М., 1969. Т. 2. С. 335–336 (Письмо И. Е. Репина от 14.09.1922 П. И. Нерадовскому).

² Щепкина-Куперник Т. Л. Из воспоминаний. М., 1959. С. 372–373.

³ Кириллина Е. В. Репин в Пенатах. Л., 1977. С. 14.

⁴ Грабарь И. Э. Репин. М., 1937. С. 89.

⁵ Розенталь Л. В. И. Е. Репин (1844–1930). М., 1930. С. 57. Репин в Третьяковской галерее. Каталог. М., 1944. С. 3.

⁶ Репин в Третьяковской галерее. Каталог. М., 1944. С. 3.

⁷ Кириллина Е. В. Репин в Пенатах. С. 63.

⁸ Стаценко А. В. Новое о Репине. Л., 1969. С. 254.

⁹ Андреева В. Л. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 101.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кириллина Е. В. Репин в Пенатах. С. 63.

¹² Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г. Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. Путеводитель. СПб., 2012. С. 34.

¹³ Остроумова-Лебедева А. П. Годы учения у И. Е. Репина // Репин И. Е. Сборник докладов и материалов. М., 1952. С. 21.

¹⁴ Стаценко А. В. Новое о Репине. Л., 1969. С. 253.

¹⁵ Репин И. Е. Далекое близкое. М., 1964. С. 434.

¹⁶ Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы революции // Репин. Художественное наследство. М.; Л., Т. 1. С. 309.

¹⁷ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 229–230.

¹⁹ Бродский И. А., Меламуд Ш. Н. Репин в «Пенатах». М.; Л., 1940. С. 13.

²⁰ Кацман Е. А. Поездка к И. Е. Репину в 1926 году // Репин И. Е. Сборник докладов и материалов. С. 23–26.

²¹ Репин и его знаменитые ученики. Каталог выставки в Морском центре «Велламо». Котка, 2011. С. 56.

²² Бродский И. А., Меламуд Ш. Н. Репин в «Пенатах». М.; Л., 1940. С. 20.

²³ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г. Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. С. 34.

²⁴ Глезеров С. Огнеопасная история Пенат // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 26 июня.

²⁵ Карпинский И. М. Новое о Репине. Л., 1969. С. 341.

²⁶ Остроумова-Лебедева А. П. Годы учения у И. Е. Репина. С. 21.

²⁷ Пумпянский Л. И. Е. Репин. Л., 1943. С. 55.

²⁸ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г. Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. С. 17.

²⁹ Бородина Т. П. История музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» // Курортный район. Страницы истории. 2012. № 7. С. 9.

³⁰ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г. Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. С. 19.

³¹ Там же. С. 15.

³² Там же. С. 29.

³³ Там же. С. 53.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Людмила Борисовна, к. арх., Русская христианская гуманитарная академия

Базарова Татьяна Анатольевна, к. ист. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Балащенко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты»

Барышников Владимир Николаевич, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Бекман Йохан, д. н., доцент Хельсинкского университета

Бландов Алексей Александрович, Санкт-Петербургский государственный университет

Белозеров Борис Петрович, д. ист. н., к. юр. н., профессор Санкт-Петербургской Академии управления и экономики

Бурков Владимир Германович, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Васара Виена-Тули, Санкт-Петербургский государственный университет

Веригин Сергей Геннадьевич, к. ист. н., доцент Петрозаводского государственного университета

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Горелов Владимир Витальевич, Санкт-Петербургский университет экономики и финансов

Дубинко-Гуща Елизавета Олеговна, Белорусский государственный университет

Дубровская Елена Юрьевна, к. ист. н., Карельский научный центр РАН
Жаров Борис Сергеевич, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Журавлёв Дмитрий Александрович, к. ист. н., Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга
Катицова Мария Андреевна, Русская христианская гуманитарная академия
Кент Найл, д. н., профессор университета Кембридж
Кобзарева Елена Игоревна, д. ист. н. Институт Российской истории РАН
Коваленко Геннадий Михайлович, к. ист. н., доцент Новгородского университета им. Ярослава Мудрого
Лебедев Алексей Анатольевич, к. ист. н., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения
Макуров Василий Григорьевич, к. ист. н., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
Малануха Дмитрий Васильевич, Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге
Мельнов Алексей Витальевич, Санкт-Петербургский имени Б. В. Бобкова филиал Российской таможенной академии
Мусаев Вадим Ибрагимович, д. ист. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН
Петров Павел Владимирович, к. ист. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Славнитский Николай Равильевич, к. ист. н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Суворова Лариса Владимировна, Государственная академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина
Фокин Владимир Иванович, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Шкаровский Михаил Викторович, д. ист. н., Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Шкваров Алексей Геннадьевич, к. ист. н., д. филос. Университета Хельсинки
Шрадер Татьяна Алексеевна, к. ист. н., Музей антропологии и этнографии РАН

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aleksandrova Lyudmila Borisovna, candidate of archeology science, Russian Christian academy for humanities

Bazarova Tatiana Anatol'evna, candidate of historical science, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Balaenko Yury Dmitriyevich, I. E. Repin memorial estate "Penaty"

Baryshnikov Vladimi Nikolayevich, PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Bekman Johan, PhD in History, assistant professor of Helsinki University

Blandov Aleksey Aleksandrovich, Saint-Petersburg State University

Belozerov Boris Petrovich, PhD in History, Saint-Petersburg Academy of management and economics

Burkov Vladimir Germanovich, PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Vasara Viena-Tuli, Saint-Petersburg State University

Verigin Sergei Genadiyevich, candidate of historical science, assistant professor of Petrozavodsk State University

Vozgrin Valeriy Evgeniyevich, PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Gorelov Vladimir Vitaliyevich, Saint-Petersburg university of Economics and Finance

Dubinko-Guscha Elisaveta Olegovna, Belorussian State University

Dubrovskaya Elena Yurievna, candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Zharov Boris Sergeevich, professor of Saint-Petersburg State University

Zhuravlyov Dmitry Aleksandrovich, candidate of historical science, Saint-Petersburg Military-Medical museum

Katzova Maria Andreevna, Russian Christian academy for humanities

Kent N., PhD., the Cambridge University professor

Kobzareva Elena Igorevna, PhD in History, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Kovalenko Gennadiy Mikhailovich, candidate of historical science, assistant professor of Novgorod University named after Yaroslav I the Wise

Lebedev Aleksey Anatoliyevich, candidate of historical science, Saint-Petersburg State University of cinema and television

Makurov Vasily Grigoriyevich., candidate of historical science, Institute of language, literature and history of Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Malanukha Dmitriy Vasilyevich, Leningrad's region state Achieves in Vyborg

Mel'nov Aleksei Vitaliyevic, Saint-Petersburg named after B. V. Bobkov branch of Russian customs Academy

Musaev Vadim Ibragimovich, PhD in History, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Petrov Pavel Vladimirovich, candidate of historical science, State Reserve museum "Peterhof"

Slavnitskiy Nikolai Raviliyevich, candidate of historical science, State Historical museum

Suvorova Larisa Vladimirovna, State academy of painting, sculpture and architecture named after Repin I. E.

Fokin Vladimir Ivanovich, PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Shkarovskiy Mikhail Viktorovich, PhD in History, Saint-Petersburg Central State Archives

Shkvarov Aleksey Gennadiyevich, candidate of historical science, University of Helsinki

Shrader Tatiana Alekseevna, candidate of historical science, Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6	
Preface	9	
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ		
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ.....	11	
В. Н. Барышников		
Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений.....	12	
Г. М. Коваленко		
Война 1812 г. глазами финляндского студента.....	25	
Л. Б. Александрова		
Архитектор Теодор Хёйер (1843–1910).....	31	
В.-Т. Васара		
Похищение президента Финляндии К. Ю. Стольберга активистами лапуаского движения в октябре 1930 г.: причины и последствия.....	39	
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА.....		69
Е. И. Кобзарева, Г. М. Коваленко		
Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655–1656 гг.	70	
Н. Кент		
Крах абсолютизма и начало «эры свобод» в Швеции XVIII в.	79	
Т. А. Базарова		
Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703–1704 гг.	86	
А. В. Мельнов		
Шведские гарнизоны Выборгской и Кексгольмских крепостей в 1710 г.	97	

378

<i>М. А. Катцова</i>	
СССР в Лиге Наций: желанный гость или скрытая угроза? (К проблеме выработки позиции Скандинавских стран и Финляндии)	103
<i>Б. П. Белозеров</i>	
Советско-финляндская граница в межвоенный период (12.03.1940–22.06.1941 гг.): проблемы становления и обеспечения безопасности	118
<i>С. Г. Веригин</i>	
Финские разведывательные школы на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг.	128
<i>В. Г. Макуров</i>	
Этнодемографическая ситуация на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 гг.	142
<i>Е. О. Дубинко-Гуща</i>	
Вклад в решение глобальных проблем человечества как приоритетное направление внешней политики Дании во второй половине XX — начале XXI в.	148
<i>В. И. Фокин</i>	
Норвежско-российские общественные связи (середина XX — начало XXI в.)	165
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:	
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ	177
<i>А. А. Бландов</i>	
Служба духовенства на Балтийском флоте в годы Северной войны	178
<i>А. А. Лебедев</i>	
Балтийский парусный флот в русско-шведских войнах XVIII — начала XIX в.: достижения и проблемы	185
<i>Н. Р. Славенитский</i>	
Военное управление Кронштадта в первой половине XVIII в.	198
<i>Т. А. Шрадер</i>	
Балтийский поход фрегата «Архипелаг» в 1800 г. (по письмам гардемарина Дмитрия Михайловича Головнина)	204
<i>В. В. Горелов</i>	
Взгляды морских офицеров на проблему укрепления дисциплины на русском флоте в 1907–1914 гг.	215
<i>П. В. Петров</i>	
Состояние командных кадров на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 — начале 1941 г.	223

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.	235
<i>В. Е. Возгрин</i> Балтийский мир — результаты и перспективы научных исследований.	236
<i>А. Г. Шкваров</i> Метрические книги православных церквей Финляндии как источник по истории русских гарнизонов Великого княжества. 1809–1917. (По материалам Национального архива Финляндии) ...	257
<i>Д. В. Малануха</i> Фонды Ленинградского областного государственного архива в Выборге как источники по истории таможенной службы Великого княжества Финляндского.	267
<i>Е. Ю. Дубровская</i> «Военное лихолетье» в Карелии: время в представлениях авторов православных изданий периода Первой мировой войны.	278
<i>Д. А. Журавлёв</i> События и образы советско-финляндской войны в фондах Военно-медицинского музея.	287
<i>Й. Бекман</i> Фальсификация истории Второй мировой войны в Финляндии.	293
НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ.	315
<i>Б. С. Жаров</i> Норвежский роман об истории Северо-Запада Руси IX века	316
<i>В. Г. Бурков</i> Герб Карелии в государственных символах Финляндии.	323
<i>Л. В. Суворова</i> Батальные сюжеты в живописи Г. Бакмансона (1860–1953)	327
<i>В. И. Мусаев</i> Коневский монастырь — православный центр в финляндской Карелии.	335
<i>М. В. Шкаровский</i> Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в 1940-е годы.	347
<i>Ю. Д. Балащенко</i> История старейшего советского музея на бывшей территории Финляндии.	358
Краткие сведения об авторах.	374
Information about authors.	376

CONTENTS

Preface	9
 PEOPLE AND EVENTS	
THROUGH THE PRISM OF HISTORY	11
<i>V. N. Baryshnikov</i>	
Caesar Filippovitch Ordin — the first native investigator of Russian-Finnish relations	12
<i>G. M. Kovalenko</i>	
The war of 1812 through the eyes of the Finnish student	25
<i>L. B. Aleksandrova</i>	
Theodore Hoyer — the architect (1843–1910)	31
<i>V.-T. Vasara</i>	
The President of Finland K.Yu. Stolberg abduction by lapuaskoye movement activists in October 1930: causes and consequences	39
 ECONOMICS, WAR AND POLITICS	
69	
<i>E. I. Kobzareva, G. V. Kovalenko</i>	
Diplomatic etiquette, issue on dignity, and dialogue in preparing to war conditions and break of diplomatic relations: Sweden embassy in Moscow in 1655–1656.	70
<i>N. Kent</i>	
Collapse of absolutism and the beginning of «the era of freedom» in Sweden in XVIII century	79
<i>T. A. Bazarova</i>	
Visits of foreign embassies to Ingermanland in 1703–1704	86
<i>A. V. Mel'nov</i>	
Vyborg and Keksgolm fortresses Swedish guard in 1710.	97
	381

<i>M. A. Katzova</i>	
The USSR in League of Nations: welcome guest or implicit threat? (On issue of formulation case and standing by Scandinavian countries and Finland)	103
<i>B. P. Beloserev</i>	
Soviet-Finnish frontier in midwar period (12.03.1940–22.06.1941): problems of formation and enhancing security	118
<i>S. G. Verigin</i>	
Finnish security schools on Karelian occupied territory in 1941–1944	128
<i>V. G. Makurov</i>	
Ethnodemographic situation on Karelian territory occupied by Finns 1941–1944.	142
<i>E. O. Dubinko-Guschya</i>	
Contribution to mankind global problems solving as the priority orientations of Denmark foreign policy in the second half of XX – beginning of XXI centuries.	148
<i>V. I. Fokin</i>	
Norwegian- Russian intercourse (middle of XX – beginning of XXI centuries)	165
THE BALTIC SEA:	
COOPERATION AND CONFRONTATION.	177
<i>A. A. Blandov</i>	
Clergy service at Baltic Navy during the Northern war	178
<i>A. A. Lebedev</i>	
Baltic sailing fleet in Russian-Swedish wars in XVIII – beginning of XIX centuries: problems and achievements	185
<i>N. R. Slavnitskiy</i>	
Military and Naval administration of Kronshtadt in the first half of XVIII century	198
<i>T. A. Shrader</i>	
Baltic crusade of destroyer leader «Archipelago» in 1800 (based on the letters of naval-cadet Dmitry Mihaylovich Golovnin)....	204
<i>V. V. Gorelov</i>	
Naval officers' view on the problem of strengthening discipline at Russian Navy in 1907–1914.	215
<i>P. V. Petrov</i>	
Situation with Commanding at the decorated with the Order of the Red Banner Baltic Navy in 1935 – beginning of 1941.	223

HISTORICAL SOURCES,	
OPINIONS AND ESTIMATIONS.....	235
<i>V. E. Vozgrin</i>	
Baltic world — results and prospects of scientific research	236
<i>A. G. Shkvarov</i>	
Metric Orthodox churches books of Finland as a source on history	
of Russian permanent posts of Grand principedom. 1809–1917.	
(Based on materials of the National Archives of Finland).....	257
<i>D. V. Malanukha</i>	
Leningrad's region state Achieves funds in Vyborg	
as sources on history of customs service	
of Finnish Grand principedom	267
<i>E. Yu. Dubrovskaya</i>	
«Military iron age» in Karelia:	
this age in views of authors of Orthodox publishing	
in the First World War period	278
<i>D. A. Zhuravlev</i>	
Events and images of Soviet-Finnish war	
in Military-medicine museum's funds.	287
<i>Y. Bekman</i>	
Perversion of history of the Second World War in Finland	293
SCIENCE, CULTURE	
AND RELIGION.....	315
<i>B. S. Zharov</i>	
Norwegian novel about history	
of North-East of Russia of IX century	316
<i>V. G. Burkov</i>	
Karelian emblem in state symbols of Finland	323
<i>L. V. Suvorova</i>	
Battle scenes in painting of G. Bakmanson (1860–1953)	327
<i>V. I. Musaev</i>	
Konevskiy monastery —	
Orthodox center in Finnish Karelia.....	335
<i>M. V. Shkarovskiy</i>	
Savior-Preobrazhensky Valaam monastery in 1940 s.....	347
<i>Yu. D. Balazenko</i>	
History of the oldest soviet museum	
on former territory of Finland.	358
Information about authors.....	376

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
Материалы Четырнадцатой ежегодной
международной научной конференции

Корректор *А. А. Борисенкова*
Художник *О. Д. Курта*
Верстка *Т. О. Прокофьевой*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 04.03.2013.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бум. офсетная. Гарнитура Octava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,00. Тираж 1000 экз.
Заказ № 21

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311-30-75; тел.: (812) 310-79-29
email: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Супервэйв Групп»,
188681, Ленинградская обл., Всеволожский р-н, пос. Красная Заря, д.15